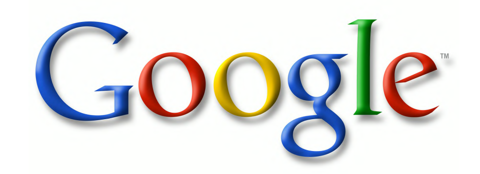
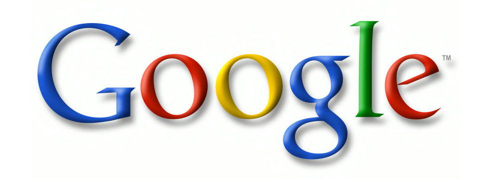
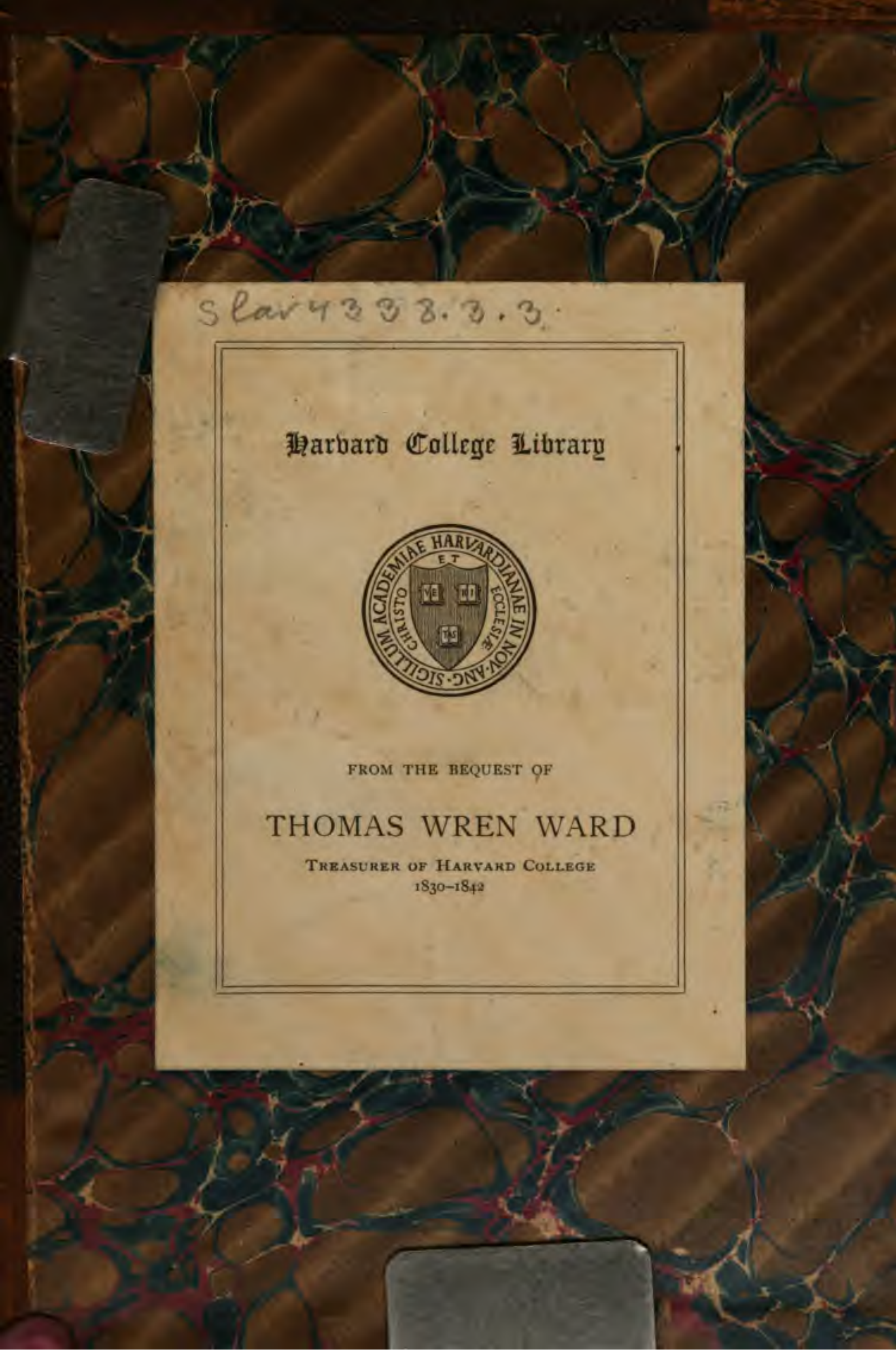

Slav 4338.3.3
Harvard College Library
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS
SIGILLUM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV·ANG·
FROM THE BEQUEST OF
THOMAS WREN WARD
TREASURER OF HARVARD COLLEGE
1830–1842

21

СОЧИНЕНІЯ

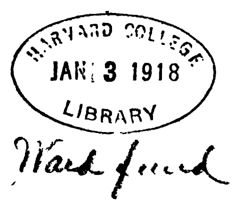
Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

ИЗДАНІЕ ВОСЬМОЕ, посмертное,
въ двадцати четырехъ томахъ,
СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1901.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

УКРАИНСКАЯ СТАРИНА.

I.

ХАРЬКОВСКІЯ НАРОДНЫЯ ШКОЛЫ.

(Съ 1732 по 1865 г.).

Школы временъ Петра I и Анны Іоанновны.—Завѣщаніе пращура.—Мандрованные, бродячіе дьяки.—Условіе помѣщика съ учителемъ.—Роммель.—Кантонисты.

Слободская Украйна, съ 1835 г. харьковская губернія, населилась въ XVII столѣтіи бѣглыми днѣпровскими казаками и другими жителями западной Малороссіи, въ новыхъ колоніяхъ искавшими спасенія отъ тогдашнихъ польскихъ смутъ.

Въ качествѣ казацкой колоніи, Слободская Украйна несла съ остальною Малороссіей общую судьбу и въ отношеніи первыхъ попытокъ народнаго образованія.

«За полтораста и болѣе лѣтъ назадъ,—какъ говорилъ въ XVIII вѣкѣ Шафонскій («Топографическое описаніе Черниговскаго намѣстничества 1786 года», изд. 1851 г.),—будучи Малая Россія подъ державою польскою, завела у себя въ монастыряхъ латинскія школы. Въ сихъ училищахъ прежде, кромѣ латинскаго и польскаго языка, да нѣсколько Аристотелевой древней философіи, краснорѣчія и богословія, никакихъ наукъ не обучали. Въ позднѣйшее время стали нѣсколько греческому, еврейскому, нѣмецкому и французскому языкамъ и новѣйшей Баумейстеровой философіи учить; но все сіе ученіе весьма слабое и недостаточное. Бѣдное

содержаніе учителей, а оттого и недостатокъ въ хорошихъ учителяхъ и въ книгахъ, причиною, что наука и просвѣщеніе по сіе время въ семъ краѣ весьма въ худомъ и бѣдномъ состояніи находится. Должно малороссіянамъ ту справедливость отдать, что они охотно въ науки вступаютъ, такъ что не только достаточныхъ, но и самыя бѣдныя мѣщанскія и казачьи дѣти съ доброй воли въ вышеписанныя училища идутъ и мірскимъ подаяніемъ ежедневной пищи, списываніемъ для собственнаго и другихъ обученія печатныхъ книгъ живутъ и, терпя холодъ и голодъ и всю скудость и нужду, охотно и прилежно учатся, и многіе изъ нихъ, какъ въ духовномъ, такъ и въ свѣтскомъ званіи, достойные выходили люди. Лѣтъ за сорокъ назадъ (именно въ 1746 г.), когда малороссіяне, кромѣ самой Малой Россіи, нигдѣ не искали службы, дворянскія и самыхъ почтеннѣйшихъ дѣти, обучась дома русской грамотѣ, вступали въ латинскія школы и, обучась тамъ лѣтъ десять и больше латинскаго языка, затруднительнаго и темнаго стихотворства, краснорѣчія и философіи, будучи уже въ возмужалыхъ лѣтахъ, вступали въ гражданскую службу канцеляристами, не поставляя то себѣ ни мало за стыдъ и подлость. Нынѣ достаточные дворяне содержатъ учителями иноземцевъ,—такъ что уже въ малороссійскихъ латинскихъ школахъ одни почти поповскія и другія церковническія дѣти учатся».

Эти-то польско-латинскія школы при монастыряхъ въ Малороссіи были разсадниками грамотности въ тѣхъ сельскихъ и приходскихъ школахъ, которыя оказываются во многихъ деревняхъ и нынѣшней харьковской губерніи, въ царствованіе Петра I и еще болѣе при Аннѣ Іоанновнѣ.

Авторъ «Историко-статистическаго описанія Харьковской епархіи», преосвященный Филаретъ, у котораго были подъ рукой документы мѣстныхъ церковныхъ архивовъ, говоритъ (изд. 1852 г., ст. 14—15): «При обозрѣніи церквей мы видимъ, что въ Слободской Украйнѣ при многихъ церквахъ—въ 1732 году — были приходскія школы. По ставленническимъ дѣламъ видимъ, что здѣсь учились почти всѣ тѣ, которые послѣ исправляли должность причетниковъ при церквахъ, а потомъ иные поступали и въ священники. Понятно, что въ этихъ школахъ учили немногому—читать и писать. Ставленники, согласно съ духовнымъ регламентомъ, обязывались подпискою выучить катехизисъ. Но каковы были

священники въ приходахъ? Получивъ священный санъ, болѣе уже не заботились они знать догматовъ вѣры, и многіе не видали и въ рукахъ своихъ книжки послѣ священія своего.— Въ 1749 г. вмѣнено въ обязанность, дабы въ каждой протопопіи были проповѣдники для обученія народа истинамъ вѣры и благочестія, въ воскресные и праздничные дни. Но оказалось, что учительныхъ священниковъ, которые могли бы говорить проповѣди своего сочиненія, было мало; многіе изъ священниковъ были изъ неучившихся ничему, кромѣ часослова и псалтири».—Священникамъ поэтому разослали книгу о тайнахъ, съ объясненіемъ ихъ званія и обязанностей. Но въ 1752 году преосвященный Іосафъ Горленко нашелъ въ одномъ изъ уѣздовъ своей епархіи 10 такихъ священниковъ, которые «были до того грубы и нерадивы, что даже не прочли этой книжки», какъ не читали ничего на свѣтѣ...

Въ «Историко-статистическомъ описаніи Харьковской епархіи» перечисляются народно-церковныя школы начала XVIII вѣка въ слободско-украинской губерніи.—По переписи 1732 года упоминается: близъ Харькова, въ г. Куражѣ, «при соборѣ шпиталь, гдѣ призрѣваются нищіе, и двѣ школы, изъ которыхъ въ одной три наставника, а въ другой одинъ дьячокъ»; въ г. Харьковѣ, при троицкомъ храмѣ, «кромѣ богадѣльни, школа съ 7-ю наставниками-дьячками»; въ 15 верстахъ отъ Харькова, въ селѣ Деркачахъ, «школа и шпиталь, богадѣльня»; въ 30 верстахъ отъ Харькова, «въ селѣ Должикѣ школа, а въ селѣ Рогозянкѣ школа и шпиталь»; въ городѣ Валкахъ «школа и шпиталь»; въ селѣ Новой-Водолагѣ, въ томъ же 1732 г., показаны двѣ школы, на иждивеніи тамошнихъ жителей, съ 4-мя наставниками въ одной и съ однимъ въ другой; въ томъ же селѣ позднѣе заведено училище, въ которомъ «священническія дѣти обучаются латинскому языку до риторическаго класса, также ариѳметикѣ, россійской грамматикѣ, правописанію и катехизису, по способности». Вотъ всѣ остальныя школы того времени: въ селѣ Водолажкѣ двѣ школы; въ г. Ахтыркѣ 1 школа (она же значится и по ахтырскимъ купчимъ № 911); въ городѣ Сумахъ 5 школъ, изъ коихъ при церкви Троицкой школа съ 2 учителями и богадѣльня для мѣщанъ; въ селѣ Нижней-Сыроваткѣ 1 школа, гдѣ учителей, т. е. «школярей 7-мъ»; въ селѣ Бабрикѣ 1 школа (на 328 душъ муж. пола); въ селѣ Стецковкѣ 1 школа и «2 школяри-учителя»

(на 1124 души муж. пола); въ селѣ Хотѣнь 1 школа; въ селѣ Кровномъ 1 школа съ 4-мя дьячками; въ Бѣлопольѣ 1 школа съ двумя учителями и *братерскій* дворъ при соборѣ, а при Ильинской церкви еще 1 школа и 2 учителя; въ селѣ Ворожбѣ (Сумской) 1 школа съ 4 наставниками; въ дѣлахъ правленія 1754 г. есть просьба Даніила Чепиринцова, который пишетъ: «1741 г. имѣлъ я учительство Лебединскаго уѣзда въ селѣ Михайловкѣ, при церковной школѣ»; въ помѣщичьемъ имѣніи «подданныхъ подпрапорнаго Павла Штепенка», въ селѣ Штеповкѣ, упоминается 1 школа съ 3 наставниками; въ селѣ Балаклеѣ 1 школа и проч.

Въ 1732 году въ Слободской Украйнѣ, нынѣшней харьковской губерніи, было 45 приходскихъ школъ, гдѣ учителями были дьячки и священники. Слѣдовательно, одна школа приходилась на 3000 человѣкъ жителей.

Называя древнюю школу въ селѣ Боромлѣ, пр. Филаретъ говоритъ: при Боромлянскомъ храмѣ соборномъ, ахтырскаго уѣзда, существуетъ школа съ древнихъ временъ. Одинъ изъ уроженцевъ Боромли, сумской іеродіаконъ, Маркъ Мушенко, передъ посвященіемъ своимъ въ іеромонахи 1744 г., давалъ такое показаніе о себѣ: «по смерти отца своего остался онъ 5-ти лѣтъ и въ 1709 г. пошелъ въ училище, въ городѣ Боромлѣ, церкви Рождество Богородицы въ школу, къ бывшему въ то время дьячку Ивану Ивченку, своею волею».— Другой черкашенинъ (казакъ изъ-за Днѣпра), уроженецъ села Криничнаго, монахъ Сумскаго монастыря Дорофей, въ 1749 г. показывалъ: «отъ роду ему 30 лѣтъ; книжному чтенію и пѣнію обученъ онъ ахтырскаго (слободско-украинскаго) полку села Тростинца дьячкомъ Петромъ; а по изученіи русской грамоты *бывалъ онъ при церковныхъ школахъ дьячкомъ*». Эти два показанія очень важны, говоритъ пр. Филаретъ: они доказываютъ, что при церквахъ значительныхъ черкасскихъ (харьковскихъ) мѣстечекъ уже около 1700 года были школы и учителями школъ были дьячки. Отселѣ несомнѣнно, что выраженіе, такъ часто встрѣчающееся въ дѣлахъ о посвященіи дьяконовъ и священниковъ черкасскихъ стараго времени — «обученъ дьячкомъ», означаетъ то же, что «обученъ въ церковной школѣ». По справкѣ съ документами оказывается, что заведеніе школъ при церквахъ Слободской Украйны современно самому ея населенію,

и что это учрежденіе принесено черкассами изъ-за Днѣпра, *гдѣ унія вынудила рано приняться за книги*, чтобъ быть въ состояніи бороться съ проповѣдниками уніи—іезуитами.

Въ тѣхъ же документахъ говорится: «обученъ чтенію и пѣнію по разнымъ школамъ дьячками, а по изученіи былъ въ маетности (имѣніи) г. полковника въ селѣ Жукахъ дьячкомъ *по черкасскому обыкновенію, въ школѣ, 9 лѣтъ.*»— «Въ селѣ Капустянцѣ былъ (другой) при Воздвиженской церкви, по черкасскому обыкновенію, дьячкомъ, а онъ, Алексѣй, жительство имѣетъ въ селѣ Грункѣ (полтавской губерніи), при церкви святаго Михаила въ школѣ», — и еще выраженіе: «онъ, Іоанникій, по изученіи славянской грамоты, ходилъ по разнымъ мѣстамъ лѣтъ съ 27 въ дьячковскомъ званіи; русскаго письма чтенію и пѣнію обученъ онъ *мандрованнымъ дьякомъ*, Павломъ.» — Приводя свѣдѣніе о школѣ въ селѣ Кровномъ, пр. Филаретъ говоритъ: «Въ 1742 г. дьячокъ Иванъ Григорьевъ въ селѣ Кровномъ, поставлявшійся въ священники на мѣсто отца своего, показывалъ: русскаго письма чтенію и пѣнію обученъ онъ, Иванъ, той же церкви дьячкомъ Василіемъ; а по изученіи русской грамоты отданъ былъ въ *харьковскія славено-латинскія школы* и трактовалъ до поэтики, подъ учителя Варлаама Тищинскаго, и изъ показанныхъ латинскихъ школъ опредѣленъ той же церкви дѣйствительнымъ дьячкомъ». — Упоминая школу въ селѣ Семеренкахъ, пр. Филаретъ говоритъ: «дьяконъ Яковъ Ивановъ, которому велѣно было непремѣнно выучить наизустъ катехизисъ и тогда черезъ годъ явиться къ посвященію въ священники, показывалъ о себѣ въ декабрѣ 1737 года: «родомъ онъ, Яковъ, малороссіянинъ; чтенію и пѣнію изученъ въ селѣ Семеренкахъ, въ школѣ, дьячкомъ: взятъ былъ по указу въ славено-латинскія школы и ученъ въ аналогіи и инфимѣ профессоромъ Петромъ Венсовичемъ, въ грамматикѣ Пелчинскимъ, въ синтаксисѣ и въ поэтикѣ Корабановичемъ, въ Харьковѣ, въ риторикѣ Тапольскимъ два года, и по окончаніи риторики данъ ему отпускной патентъ; въ ученіи былъ 7 лѣтъ».—Наконецъ, называя школу въ селѣ Балаклеѣ, зміевскаго уѣзда, пр. Филаретъ говоритъ: «послушникъ Святогорскаго монастыря, онъ Изюмскаго полка въ городѣ Балаклеѣ; отецъ его при школѣ Василій Жутовскій въ консисторіи показалъ о себѣ: родился Успенской церкви города Балаклеи, обучалъ *шко-*

ляровъ и крылосному пѣнію, и жилъ при отцѣ своемъ въ школахъ въ томъ городѣ *Балаклеѣ* до возрасту своего и училъ; а по смерти отца своего живалъ въ томъ же Изюмскомъ полку по разнымъ мѣстамъ—въ школахъ».

Такимъ образомъ, въ Слободскую Украйну наука перешла изъ-за Днѣпра, вмѣстѣ съ жителями, въ началѣ XVIII вѣка. Сперва она носила чисто латинско-польскій, схоластическій характеръ, какъ произведеніе религіозныхъ смутъ и уніи. Тогдашнія школы далеко еще не были школами для народа, т. е. для поселянъ-пахарей и мѣщанъ. Въ нихъ обучалось бѣдное и грубое сельское духовенство, изъ котораго вскорѣ вышли первые учители будущихъ народныхъ училищъ, возникшихъ при Екатеринѣ II, и даже учители помѣщичьихъ дѣтей, купцовъ и горожанъ. Украинскій дьякъ, такъ характерно обрисованный Квиткой-Основьяненкомъ въ его романѣ «Панъ - Халявскій», и бурсакъ, предокъ гоголевскаго Вія, были первыми сѣятелями науки на югѣ Россіи въ началѣ XVIII вѣка. Считаю полезнымъ, для обрисовки понятій того времени о наукѣ, привести въ точной копіи напечатанное въ газетѣ «Харьковъ» (1865 года № 1-й) *завѣщаніе моего пращура*, бывшаго Изюмскаго слободского полка андреевской сотни сотника, Данилы Данилевскаго. Это завѣщаніе писано послѣднимъ въ 1716 году, 24 декабря, засвидѣтельствовано въ бывшей тогда бѣлгородской конторѣ крѣпостныхъ дѣлъ въ 1719 г. и найдено мною, въ двухъ подлинныхъ копіяхъ, въ харьковскомъ архивѣ гражданской палаты, при одномъ тяжебномъ дѣлѣ прошлаго XVIII вѣка. Сотникъ Данило въ 1709 г. 31 іюля угощалъ у себя на хуторѣ, на Донцѣ, въ сотенной крѣпостцѣ *), царя Петра I, въ проѣздъ послѣдняго черезъ земли Изюмскаго полка къ полтавскому войску, передъ знаменитою баталіей съ Карломъ XII, а въ 1717 году былъ схваченъ, по ложному доносу Сербина-Чиркова, и увезенъ «въ-навечеріи Рождества Христова» въ Петербургъ, въ розыскную канцелярію кн. Юсупова, гдѣ и умеръ, оправданный, впрочемъ, за нѣсколько недѣль передъ своею смертью. Онъ тогда чуть не лишился всего своего громаднаго состоянія, пріобрѣтеннаго имъ по заимкѣ, по купчимъ и отъ царя Петра I въ подарокъ «за службу и за полонное его терпѣніе», — ложно обвиненный въ мнимой

*) До 1800 года Великое Село, а теперь лѣсная пустошь, купленная Д. Д. Кузнецовымъ, нынѣ принадлежащая Я. И. Гееру.

измѣнѣ.—Онъ былъ Подолянинъ, выходецъ изъ заднѣпровской Украйны, и, какъ православный, на берегахъ Донца явился въ числѣ первыхъ осадчихъ или населителей земель Слободской Украйны, вмѣстѣ съ Донцами-Захаржевскими, Квитками, Шидловскими, Савичами и другими. Объ этомъ сотникѣ Данилѣ Данилевскомъ и о его сынѣ Евстафіѣ, потомъ извѣстномъ полковникѣ Изюмскаго полка, во времена царицы Анны Іоанновны осталось въ фамильныхъ бумагахъ гг. Данилевскихъ множество сказаній и офиціальныхъ документовъ. Приводимое здѣсь завѣщаніе писано Данилою Данилевскимъ наскоро, передъ глазами присланнаго за нимъ грознаго «юсуповскаго посла», и обращено къ полковнику Михайлѣ Донецъ-Захаржевскому, который, какъ оказывается изъ этого завѣщанія и изъ другихъ бумагъ, теперь находящихся въ моихъ рукахъ, былъ зятемъ завѣщателя, будучи женатъ на его дочери, Варварѣ Даниловнѣ Данилевской. Данило Даниловичъ, всего за 25-ть лѣтъ передъ тѣмъ, съ своими вѣрными товарищами-казаками и подпомощниками бѣжалъ отъ «ляшской справы» изъ Подоліи, на берега новой своей родины, на Донцѣ, въ нынѣшній зміевскій уѣздъ, гдѣ его потомки до сихъ поръ владѣютъ его «купленнымъ, подареннымъ отъ царя и старозаимочнымъ, по его черкасской обыкности», наслѣдствомъ, селомъ Пришибомъ, съ хуторами, лѣсами, озерами, рыболовнями и степями. Вотъ это завѣщаніе, замѣчательное тѣмъ взглядомъ на науку, какой внесли на берега Донца тогдашніе украинскіе православные выходцы изъ Подоліи:

«Пане полковнику, милый мой зятю!

«Объявляю вашей милости, такожъ всему дому, кому о семъ надлежитъ, ѣдучи въ назначенный мой путь, въ Санктпетербургскій, жадая (1) по васъ не оставить моего куреня (2), въ случаяхъ, аки вся Богу возможно. То помнить надлежитъ всѣмъ моимъ дѣтямъ по Бозѣ и по Пресвятой Богородицѣ; и нынѣ сродниковъ и родниковъ въ упеку всѣхъ вручаю полковникови Михаилу Захаржевскому, абы, прозираючи по годности дѣтей моихъ, что-бъ кому вдѣлить, по реестру моей кровавой працы (3), что нынѣ остается, якъ въ домѣ моемъ, такожъ и въ разныхъ маетностяхъ (4) и хуторахъ, такожъ въ мельницахъ. Первое, что ни есть въ скрынѣ (5) моей въ погребѣ запечатанныхъ денегъ, то все полковникови и все въ его разсмотрѣніе, серебро, такожъ

иконы и сукманы (6). Нынѣ осталось по отъѣздѣ моемъ сто осьмдесятъ кухвъ (7) горѣлки; ту горѣлку попродавъ, роздать по монастырямъ и по церквамъ и убогихъ, за душу. Что нынѣшней зимы нароблятъ (8), то продавши, въ монастырѣ Зміевскомъ зробить каменную трапезу. Женѣ моей Аннѣ, зъ моей працы, строить обѣды, а въ домѣ моемъ жить ей до смерти и всѣмъ господарствовать, что ни есть на Андреевцѣ, мельницами, гутою (9), пасикою, винницею (10), маетностями и бидломъ (11). Что есть же на Балаклейкахъ (12) и въ Курбатовѣ, такожъ балаклейскими млинами; что надлежитъ Евстафію—по смерти моей, женѣ Аннѣ; да мельница купенская и левковская—два кола (13) Аннѣ; а въ возвратъ Евстафію купенская и левковская мельницы до смерти особо владѣть ей. А по смерти жены моей та купенская мельница внукови между Михайлови Захаржевскому (14); а левковскіе кола два Танкѣ внуци (15). Зміевской грунтъ, если суденъ (16) будетъ Максимъ, сильно есть ему; если-жъ такъ, какъ нынѣ не вчится (17), то только едну мельницу ему, которая отъ Лиману; такожъ тогда и ольшанскій грунтъ, что есть нашева и что въ городѣ заводовъ нашихъ; а мельница полковникови Зміевская.—Печенѣжскій грунтъ Иванови, со всѣмъ бидломъ, и оба Бурлучки (18). Грицькови мужикови, простому валянцѣ (19), тысяча рублей, что въ ярми бывшаго ралечнаго (20). А что остался Прокопъ триста рублей виноватъ съ давнихъ долговъ, тими церковную работу въ Андреевцѣ сдѣлать. А что есть гдѣ долговъ въ записной книгѣ, и то доправивши чинить по разсмотрѣнію. Дѣтямъ моимъ сынамъ зъ грошей ничего не дать. За нихъ много грошей страчено, а иные и сами не стоятъ, за то, что не вчились (21). Нехай нынѣ за то страждутъ, въ юности не хотяще труждатися. А когда пожените, то въ томъ по своему разсмотрѣнію зробите, кому что дасте, памятуючи на смерть. Затѣмъ, вамъ предложивши зичливо (22) всего добра и вручая Господеви моему и Пресвятой Богородицѣ и всѣмъ святымъ, вашъ родичъ, зичливый на послушаніе — Данило Данилевскій. — Зміевскаго хутора въ навечеріи Рождества 1717 г.»

---

(1) Желая.—(2) Домъ.—(3) Трудъ.—(4) Движимое имѣніе.—(5) Сундукъ.—(6) Суконныя платья.—(7) Бочка.

(8) Сдѣлаютъ.—(9) Стеклянный заводъ.—(10) Винокурня.—(11) Скотъ.—(12) Рѣки, впадающія и теперь въ Донецъ.—(13) Колеса.—(14) Сынъ

Найдя въ приведенномъ выше документѣ у пр. Филарета выраженіе «мандрованный дьякъ», я обратился въ 1865 г. къ старожилу г. Харькова, Т. И. Селиванову, съ просьбой объяснить, что это значитъ?

— Очень хорошо знаю и понимаю, что это такое было,— отвѣтилъ г. Селивановъ: — дьячки въ старину нанимались, по добровольнымъ сдѣлкамъ съ прихожанами, къ церквамъ для пѣнія, чтенія и для ученія въ церковныхъ школахъ. Учитель-дьякъ при школѣ, обучая будущаго такого же дьяка, обыкновенно говорилъ ему такую поговорку: «Какъ станешь самъ учителемъ, *учи такъ, чтобъ не отбилъ школы!*» т.-е. не открывай своему ученику *всего,* чтобъ ученикъ у тебя не отбилъ въ приходѣ школы и не сѣлъ бы на твое мѣсто. Вотъ этого-то *всего*, всей сути школьнаго познанія и добивались узнать разными хитростями у своихъ учителей поступающіе въ школы дьячки... Для этого-то, между прочимъ, они переходили изъ школы въ школу, бродили по селамъ, «мандровали» — по-украински. Бродячій или *мандрованный дьякъ* являлся въ сельскую школу, притворялся ничего незнающимъ, узнавалъ часть нужныхъ свѣдѣній у одного учителя-дьяка, часть у другого, шелъ дальше и вскорѣ становился самъ знающимъ все, перехитривши своихъ учителей, изъ которыхъ каждый, между тѣмъ, выросъ на пресловутой поговоркѣ: учи такъ, чтобъ не отбилъ школы...

— Въ чемъ же состояло это могучее всезнаніе тогдашнихъ церковныхъ школъ?

— Я самъ учился въ семинаріи,—отвѣтилъ Т. И. Селивановъ: — лѣтъ за 60 передъ этимъ. А у насъ были свои старожилы по 60 и 80 лѣтъ. Отъ нихъ-то мы и узнали о былыхъ временахъ. Вотъ въ чемъ было знаніе мандрованныхъ дьяковъ. Первыя свѣдѣнія вездѣ въ сельскихъ школахъ, въ прошломъ вѣкѣ, состояли въ чтеніи псалтыря. Потомъ шло обученіе пѣнію 8 гласовъ: на «Господа воз-

---

того полковника Михаила, кому писано завѣщаніе.—(15) Внукѣ Татьянѣ Захаржевской.—(16) Разсудителенъ.—(17) Не учится.—(18) Два огромныхъ имѣнія, Великій и Малый Бурлукъ, принадлежавшіе въ 1716 г. Д. Д. Данилевскому, послѣ частью перешли въ руки гг. Задонскихъ.—(19) Сынъ сотника Григорій былъ, какъ видно, своему отцу непріятнѣе еще Максима; Максимъ только былъ не суденъ, а этого отецъ зоветъ и мужикомъ, и валянцей, т.-е. пьяницей; имѣніе ему не дано.—(20) Въ долгу у бывшаго «заречнаго» казначея.—(21) Не учились.—(22) Отмѣнно.

звахъ къ тебѣ!»—потомъ 8 гласовъ на «Бо Господи явися намъ»; затѣмъ на ирмосы 8 гласовъ. Но были еще на тѣ же псалмы и ирмосы пѣніе самогласное, т.-е. на свой собственный голосъ, своего сочиненія, и подобное, т.-е. двойныя слова, двойной текстъ на одинъ мотивъ или голосъ. Въ тотъ отдаленный вѣкъ только и можно было щегольнуть, что этими мудростями пѣнія. Оттого-то и были у насъ тогда мандрованные дьяки, учившіеся ирмосамъ въ Водолагѣ у одного учителя, а самогласному пѣнію въ Боромлѣ, или подобному въ Балаклеѣ. И не одни дьяки знали такія премудрости. Крестьяне тонули въ невѣжествѣ; зато нѣкоторые купцы знали всѣ эти тонкости и на домашнихъ бесѣдахъ и пирушкахъ распѣвали псалмы самогласные и подобные. Еще въ мое отрочество славились въ Харьковѣ екатерининцы-купцы такого рода: А. Д. Скрынникъ, И. Т. Ващенко и И. Г. Рѣшитько. Такъ что о такихъ людяхъ говорили въ городѣ: «они училися у мандрованныхъ дьяковъ, да и сами, кажется, изъ мандрованныхъ», т.-е. разумнѣйшихъ.

Вскорѣ ученость дьяковъ въ губерніи вошла въ извѣстность. Ихъ и семинаристовъ стали брать *«на кондиціи»*, т.-е. къ дѣтямъ своимъ въ домашніе учителя, — богатые помѣщики. Гоголь въ повѣсти «Вій» приводитъ вѣрное изображеніе этихъ бурсаковъ, отправлявшихся на кондиціи изъ городовъ по деревнямъ. «Самое торжественное для семинаріи событіе было вакаціи. Тогда всю большую дорогу усѣявали грамматики, философы и богословы. Послѣдніе отправлялись на кондиціи, т.-е. брались учить или приготовлять дѣтей людей зажиточныхъ и получали за то въ годъ новые сапоги, а иногда и сюртукъ. Каждый тащилъ съ собою мѣшокъ, въ которомъ находилась одна рубашка и пара онучъ. Завидывали въ сторонѣ хуторъ, тотчасъ сворачивали съ дороги и, приблизившись къ хатѣ, выстроенной поопрятнѣе другихъ, становились передъ окнами въ рядъ и во весь ротъ начинали пѣть кантъ. Хозяинъ долго ихъ слушалъ, подпершись обѣими руками, потомъ рыдалъ прегорько и говорилъ, обращаясь къ своей женѣ: «жинко! то, что̀ поютъ школяры, должно быть, очень разумное; вынести имъ сала и чего-нибудь такого, что̀ у насъ есть!» Такъ поступали полтора вѣка назадъ безсмертные: богословъ Халява, философъ Хома Брутъ и риторъ Тиберій Горобецъ у Гоголя.

Я спросилъ Т. И. Селиванова, не помнитъ ли онъ, какъ

въ старину приглашались такіе семинаристы на кондиціи?

— Какъ не знать! Обыкновенно зажиточный какой-нибудь харьковскій помѣщикъ писалъ къ архіерею или къ ректору семинаріи такое письмо съ дворецкимъ своимъ: «ваше преосвященство, мнѣ нуженъ учитель учить дѣтей грамматикѣ, риторикѣ, поэзіи; жалованье ему десять или пятнадцать рублей въ годъ и одежда». Архіерей выберетъ семинариста и послѣдній, съ одною книгою «Письмовникомъ Курганова», этою полнѣйшею энциклопедіею того времени, ѣдетъ учить, и имъ очень довольны. Бывали съ этими бѣдняками-учителями грустныя исторіи. Такъ, помѣщикъ сумскаго уѣзда, Хрущовъ, въ концѣ прошлаго XVIII вѣка, обратился къ архіерею Аггею съ просьбой объ учителѣ, прибавляя, чтобъ выслалъ такого, «который училъ бы дѣтей говорить *по-русски*, а не по-малороссійски». «Мы, прибавилъ при этомъ Т. И. Селивановъ, застали уже въ 1807 г. въ училищахъ самого Харькова учителей, что такъ и рѣзали по-украински съ учениками; да мы, т.-е. новоприбывшіе изъ семинарій учителя, по распоряженію начальства, сломили ихъ и пріучили говорить *по-русски*». Въ статьѣ В. И. Каразина: «Взглядъ на украинскую старину» мы нашли очень характерную замѣтку, по части украинскаго языка и его судебъ въ украинскихъ школахъ прошлаго вѣка: «города наши *прежде* заселились великороссіянами, преимущественно торговыми людьми; школы *прежде* ввели русскій языкъ (Молодикъ, 1843 г.). «Вотъ и поѣхалъ къ Хрущову на кондицію, изъ духовнаго народнаго училища, семинаристъ Павловскій,—продолжалъ Селивановъ:—пріѣхалъ къ помѣщику учить его дѣтей. Дѣти выросли, оставили науку; Павловскій такъ сжился съ хозяевами, что сталъ учить его крестьянскихъ дѣтей. Пока былъ онъ учителемъ въ домѣ Хрущова, онъ съ хозяиномъ и обѣдалъ, а тутъ уже перевели его въ людскую. Прошло еще нѣсколько лѣтъ; сталъ онъ отъ скуки и конторой заниматься, а тутъ его уже почти и приказчикомъ дѣлаютъ. Потяготился онъ, сталъ проситься изъ деревни.—«Ты что?—спрашиваетъ его Хрущовъ:—не слушаться? *ты вѣдь мой!*»—Одѣли Павловскаго по-мужицки, заставляютъ уже и жениться на крестьянкѣ.—«Нѣтъ, этого не будетъ!»—«Нѣтъ, будетъ!»—«Да почему же я вашъ?»—«*А потому, что я тебя, братецъ*,—говоритъ Хрущовъ:—*записалъ въ шутку за собою по ревизіи крестьяниномъ*

своимъ крѣпостнымъ». Словомъ, свободный учитель изъ семинаристовъ, Павловскій, сталъ нежданно мужикомъ барина Хрущова. Заплакалъ онъ, сталъ тосковать; гонятъ его уже и на панщину, на работу. Искать, жаловаться? но кому? попалъ въ ревизію, и баста. Къ счастію его, явился по сосѣдству, за сборомъ, іеромонахъ изъ того же училища, гдѣ былъ когда-то и Павловскій. Разговорились. Павловскій умолилъ его навести справки, отыскали въ архивѣ семинаріи ордеръ архіерея объ отсылкѣ Павловскаго въ учителя и вызволили его, съ выговоромъ Хрущову: что-де онъ могъ записывать за собою крестьянъ переходныхъ, но не свободныхъ учителей. Этотъ Павловскій, бывшій на своемъ вѣку черезъ учительство въ крестьянахъ, жилъ 80 лѣтъ и умеръ въ 1848 году. По его словамъ, не онъ одинъ попадалъ въ крестьяне въ то время. Нѣкоторые такъ и не освободились и остались крѣпостными за помѣщиками, у которыхъ учили дѣтей или были послѣ приказчиками...

Т. И. Селивановъ передалъ мнѣ еще слѣдующій очеркъ учителя того времени.

«Былъ нѣкто дворянинъ Ѳедоръ Ивановичъ Кудрицкій. Учился онъ въ харьковскомъ коллегіумѣ и зналъ, хоть плоховато, французскій языкъ. Онъ поѣхалъ на кондиціи къ купянскому помѣщику Сошальскому. Сошальскіе тогда были «громкіе», а Кудрицкій былъ бойкій изъ бойкихъ. Бурсаки тогда еще «мірковали», т.-е. побирались подъ окнами, распѣвая канты. У Кудрицкаго всего имущества была вязаночка книгъ, да войлочекъ и подушка. Разсказываютъ, что когда онъ пріѣхалъ и легъ въ пуховую постель, приготовленную ему бѣлыми ручками изъ бѣлоснѣжныхъ простынь г-жею Сошальскою, такъ съ него снялся цѣликомъ отпечатокъ на бѣльѣ, точно чернилами... Барыня и вся семья сбѣжались въ ужасѣ, узнали, что у учителя, кромѣ халатика, нѣтъ никакого бѣлья, сшили ему рубаху, чунарку и прочее, — онъ сталъ учить хозяйскихъ дѣтей, и они, какъ передаютъ, послѣ недурно говорили по-французски».

Въ «Исторіи Руссовъ», т.-е. Малороссіи, Георгія Конискаго, приводится слѣдующая черта о школахъ, или скорѣе украинскихъ школьникахъ конца XVIII вѣка. «Царствованіе Петра III, продолжавшееся только половину года, отличалось воинскими ополченіями, экзерциціями и приготовле-

ніями къ нимъ. Столица его и окрестности ея наполнились звукомъ оружія. Въ Малороссію посланы отъ сего государя зазывы, самые лестные для молодыхъ людей, приглашающіе въ военную службу голштинскую. Юношество здѣшнее всѣхъ состояній и воспитаній, какъ бы волшебною силою, возмутилось и поднялось птичьимъ полетомъ на сѣверъ. Всѣ дороги были наполнены сими голштинцами. Одѣтые изъ нихъ въ гонкое шелковое платье, т.-е. панычи, текли вмѣстѣ съ ободранными и полунагими молодцами и равнялись съ ними гарусными галстучками, надѣтыми на подобіе обрончиковъ (ошейниковъ) на ихъ шеи. Студенты и ученики училищъ приняли на себя военные обрончики и тянулись вслѣдъ за первыми вербовщиками.—Но, какъ все скорое и порывистое имѣетъ и такой же конецъ, такъ и они, съ іюня мѣсяца 1762 года, по кончинѣ государя, бывъ уничтожены и распущены во-свояси, волоклись всѣми дорогами въ Малороссію и, подходя къ своимъ жилищамъ, прятались въ лѣсахъ и байракахъ до ночи, не показываясь отъ стыда своимъ знакомымъ». Этотъ школьный погромъ помнятъ еще многіе и въ здѣшней губерніи изъ разсказовъ старожиловъ.

Европейскія смуты въ концѣ XVIII вѣка снабдили Россію учителями изъ эмигрантовъ всѣхъ націй. Такъ и Слободская Украйна увидѣла многихъ изъ этихъ почтенныхъ лицъ, родомъ нѣмцевъ, венгровъ, чеховъ, французовъ, итальянцевъ и даже швейцарцевъ. Старожилы помнятъ южно-русскихъ учителей гг. Санбёфа, Ивана Вернета (этотъ швейцарецъ былъ потомъ любимымъ харьковскимъ журналистомъ) и многихъ изъ первыхъ харьковскихъ профессоровъ, о которыхъ, по отношенію ихъ къ тогдашнимъ народнымъ школамъ, скажется ниже. Но послѣдующіе гувернеры и сельскіе учители изъ иностранцевъ далеко не были тѣмъ, чѣмъ первые изъ иностранцевъ, явившихся въ концѣ XVIII вѣка просвѣщать южныя степи и то изъ ея сословій, которое тогда только и училось, рядомъ съ духовенствомъ, т.-е. дворянскихъ дѣтей.

Вотъ замѣчательное *«условіе помѣщика съ учителемъ»* за 63 года назадъ, которое можетъ легко обрисовать положеніе тогдашнихъ первостепенныхъ сельскихъ учителей, т.-е. иностранцевъ. Какъ же смотрѣли тогда на учителей изъ русскихъ! Выписываю это условіе, слово въ слово; оно озаглавлено въ «Молодикѣ» 1843 г. съ «черноваго, пи-

саннаго рукою г-на помѣщика»: «1806 года, октября 7 дня, я ниже подъписавшейся Прусской нацие Фридрихъ Лотъ обовязалъ ся сымъ контрактомъ отвступленія моего вдолжность жить годъ вдоме Харьковскаго уезда у г. помещика подполковника К. обучать зимніе мѣсяци дѣтей ево нѣмецкому язику граматическимъ правиламъ читать и писать и нижнихъ классовъ арифметики и за синомъ ево К. иметъ неусипное смотреніе за поведеніемъ ево и доставлять всякое ему благонъравие какъ воспитанию благородному дитяти принадлежитъ безъ малѣйшаго упущенія *весть себя всегда трезво* и добропорядочно, какъ честному человеку принадлежитъ быть для хорошово примеру, впротивномъ же случае за несмотрение мое или пянство и худыя поступки повиненъ я Лотъ отвечать по законамъ; *и по прохожденее зъимнихъ месяцей*, мне Лоту за ево синомъ уже болѣя не смотреть и дѣтей не учить, *а вступить мнѣ вдолжность садовничию* и старатца здѣлать два аглицкия сада завестъ теплици цветники и парники крытия алей ранжирею и огородни порасаживать деревья и делать прививки колеровки и отводи самимъ искуснимъ образомъ по сей должности старапа не леностью делать приобретенія разныя размноженію фруктовыхъ деревьевъ, дабы неусыпнымъ рачениемъ моимъ и трудами заслужить могъ себѣ похвалу и награжденіе; мнѣ Лоту получить вгодъ отъ ево К. пшеницы пять и ржи 4, крупъ одну, пшена одну, гороху одну, овса двѣ четверти, всего четирнадцать четвертей, масла коровьево пудъ, масла постново ведро, сала свинова 2 пуда, соли 2 пуда, свѣчнова сала топленова пудъ, уксусу ведро, *наливки 2 ведра горячево вина 3 ведра*, солонины 4 пуда, вичины пудъ, свѣжаго мяса 6 пудъ и пристойное число крошева и свекли квашеной и годовего жалованья 120 рублей. Буде же я хотя окажуся въ сихъ должностяхъ незнающъ и нерачителенъ, то вольно ему меня отпустить, заплатя за тотъ терменъ мнѣ жалованье, что я проживу въ ево, и всю провизію и прочее все то, что я заслужу».

Пока высшее сословіе въ губерніи, записывая въ шутку своихъ учителей въ крѣпостные, само еще не въ шутку смѣшивало званіе ихъ съ званіемъ садовника и не думало о просвѣщеніи своихъ и окрестныхъ простолюдиновъ, правительство приняло рядъ мѣръ, давшихъ образованіе пока духовенству и горожанамъ губерніи.

Въ рукописной замѣткѣ г. Кеппена, находящейся въ архивѣ харьковскаго университета, подъ названіемъ «*Училища въ Харьковѣ*», я нашелъ нѣкоторыя данныя касательно возникновенія народныхъ школъ въ краѣ. «Первоначальное заведеніе публичныхъ школъ въ Харьковѣ, кажется, говоритъ г. Кеппенъ, должно отнесть къ 1726 г., когда Епифаній, епископъ бѣлогородскій и обоянскій, перевелъ туда, основанное имъ въ 1722 г. въ Бѣлгородѣ, училище. Заведеніе сіе, обязанное существованіемъ духовному регламенту 1721 года и грамотѣ, дарованной императрицею Анною Іоанновною 16 марта 1731 года, именуется славено-греко-латинскою школою. Къ нему была приписана покровская церковь, почему и названо харьковскимъ училищемъ покровскимъ монастыремъ, съ тѣмъ, чтобы учить всякаго ***народа*** и ***званія*** дѣтей православныхъ не только піитикѣ, риторикѣ, но и философіи и богословіи, и языкамъ славено-греческому и латинскому. Князь М. М. Голицынъ, въ то время бывшій главнокомандующимъ на Украйнѣ, снабдилъ училище вотчинами (въ 50 верстахъ отъ Харькова, въ валковскомъ уѣздѣ, с. Песочки съ хуторами), а генералъ-маіоръ Шидловскій подарилъ училищу каменный домъ. Такимъ образомъ, положено было основаніе харьковскому духовному коллегіуму, въ которомъ архіепископъ Петръ Смѣличъ (съ 1736 года) ввелъ языки французскій и нѣмецкій, исторію, географію, вызвалъ изъ европейскихъ училищъ потребное число учителей. По отлученіи его отъ епархіи въ 1741 г., эти науки тамъ прекратились, но введены снова Екатериною II, по инструкціи 1765 года, данной сенатомъ слободскому губернатору. О послѣднемъ просили царицу сенаторы: Шаховской, Панинъ и Олсуфьевъ, въ докладѣ 1765 г., по комиссіи слободскихъ полковъ. Классы предоставлены вѣдѣнію губернскаго правленія, съ тѣмъ, чтобы ученики коллегіума обучались въ нихъ безъ всякаго платежа. Сироты и неимущіе обучались на казенномъ содержаніи, проживая въ такъ-называемомъ сиропитательномъ домѣ (въ бурсѣ). Тутъ въ училищѣ обучались: языкамъ французскому и нѣмецкому, геометріи, геодезіи, фортификаціи, артиллеріи, рисованію, музыкѣ, танцованію и пр.» Коллегіумъ, по словамъ статьи «Молодика» 1843 г., «воспиталъ многихъ государственныхъ мужей, архіереевъ, губернаторовъ, отличнѣйшихъ врачей и даже отличныхъ воиновъ,

ибо дворянство училось въ немъ совмѣстно съ духовенствомъ».

Въ *Топографическомъ описаніи харьковскаго намѣстничества, съ историческимъ предувѣдомленіемъ о бывшихъ въ сей странѣ съ древнихъ временъ перемѣнахъ»* и пр. 1788 г., приведена грамота императрицы Анны Іоанновны 1731. г. объ открытіи народной школы при харьковскомъ покровскомъ монастырѣ, гдѣ говорится: «Понеже дядя нашъ Петръ Великій особливое попеченіе имѣлъ о размноженіи училищъ и школъ, какъ духовныхъ, такъ и для свѣтскихъ наукъ, въ 1721 году объявлено, чтобы каждый архіерей въ своихъ епархіяхъ имѣлъ школы и семинаріи; а нынѣ— Епифаній епископъ въ г. Харьковѣ основалъ школы каменныя и учредилъ игумена надъ школами ректоромъ, да еще префекта и учителей, а именно всѣхъ 8 человѣкъ, отчего-де не токмо священству, *но и отечеству россійскому* не малый плодъ происходитъ; и чтобъ на подкрѣпленіе тѣхъ школъ и свободнаго въ нихъ ученія, дабы и впредь были отъ его сукцессоровъ содержаны ненарушимо, дать нашу жалованную грамоту; такожде стараться, чтобъ науки вводить на собственномъ *россійскомъ языкѣ;* а неспокойныхъ и вражды творящихъ учителей и учениковъ унимать и смирять» и пр.

Въ «*Южномъ Сборникѣ*» (учено-литературный журналъ, изд. Н. Максимова, 1859 г., Одесса) напечатаны въ высшей степени любопытныя «воспоминанія профессора Роммеля о своемъ времени, Харьковѣ и харьковскомъ университетѣ» съ 1811 по 1815 г. въ переводѣ г. Я. Баляснаго съ подлинника, изданнаго въ 5-мъ томѣ извѣстнаго собранія Бюлау: «Geheime Geschichten und räthselhafte Märchen». Нельзя не пожалѣть, что наша литература представляетъ такъ мало подобныхъ мемуаровъ. Покойный Роммель († 1859 г.) приводитъ кучу анекдотовъ о профессорахъ, своихъ былыхъ товарищахъ, рисуетъ смѣло картину первыхъ насажденій науки въ краѣ. Въ Харьковѣ, между прочимъ, до того тогда грязномъ, что профессора были вынуждены учредить для студентовъ «грязныя каникулы» feriae luti — въ 1811 году, въ отношеніи къ наукѣ, былъ еще совершенный хаосъ. «Все это» (устройство школъ), говоритъ Роммель, «было въ какомъ-то хаотическомъ состояніи, напоминавшемъ времена св. Винфрида и его уче-

никовъ, Штурма и Лулля. Отдѣльнымъ учрежденіемъ былъ *училищный* комитетъ, изъ шести ординарныхъ профессоровъ, по выбору; члены его отряжались для обозрѣнія гимназій и уѣздныхъ училищъ и, на время отсутствія, замѣнялись, при чтеніи лекцій, адъюнктами». Описывая научныя командировки профессоровъ, Роммель, при очеркѣ своей поѣздки въ Славянскъ, говоритъ (стр. 49): «Постоялыхъ дворовъ не существовало; ихъ замѣняло украинское гостепріимство; издержекъ на пищу почти не было; зато всякая починка повозки или саней требовала много веревокъ; поэтому, не задумываясь, ставили на порванныя веревки страшно высокіе счеты». Уѣздныя училища тогда едва возникали, причемъ украинскіе помѣщики, финансовые основатели университета, показали много патріотизма; дворянство взяло на себя содержаніе училищныхъ зданій, а священники первое недалекое преподаваніе». Дворянская молодежь, по словамъ Роммеля, «смотрѣла на занятія, какъ на ступень къ высшимъ чинамъ по службѣ; студенты, уже не молодые, изъ окрестныхъ дворянъ, поступившіе съ тѣмъ, чтобы выдержать особенный экзаменъ для повышенія въ чинахъ, были подчинены нелѣпой, почти военной дисциплинѣ». «Въ качествѣ члена училищнаго комитета, говоритъ Роммель, я открылъ два главные недостатка: нравственную порчу учениковъ, которые были въ постоянномъ заговорѣ противъ учителей, и чрезмѣрное самоуправство директоровъ гимназій, больше выслужившихся и полуграмотныхъ офицеровъ военной и даже морской службы». Дѣлая намеки на «обкрадываніе казны» даже членами университета, Роммель съ горечью рисуетъ физіономіи профессоровъ, этихъ членовъ тогдашняго училищнаго комитета. «Успенскій былъ русскій крючокъ; по должности синдика, онъ умѣлъ толковать указы вкривь и вкось... Всѣ эти господа отличались большимъ притворствомъ и хитростью. Въ засѣданіяхъ, хладнокровно и зорко слѣдили они за ходомъ споровъ, ловили каждое слово иностранцевъ, не всегда разборчивыхъ на выраженія, и умѣли пользоваться минутою, когда кто-нибудь изъ нихъ, въ пылу спора, увлекался открытымъ выраженіемъ своего мнѣнія. Тотчасъ же изъ ихъ фаланги поднимался голосъ: «въ протоколъ записать!» — «*довести до свѣдѣнія начальства!*» «Всегдашнею ихъ тактикою было: представить неосторожнаго вольнодумцемъ,

врагомъ порядка и правительства. И это они называли: служить вѣрою и правдою!» Отъ этого профессоръ Шадъ однажды въ совѣщаніи до того забылся, что сказалъ: «вы всѣ холопы!» На него впослѣдствіи былъ сдѣланъ доносъ; лекціи метафизики по Шеллингу выданы за атеизмъ. Его препроводили изъ Харькова до границы и онъ кончилъ несчастную жизнь въ Іенѣ, гдѣ Гёте и Шиллеръ приняли его и поручили вниманію русскаго посланника. Въ 1817 г. у него была мысль издать записки о всѣхъ пережитыхъ имъ на Руси несправедливостяхъ и скандалахъ, но *крайняя нищета* заставила его, незадолго до смерти, продать свою тайну.

Такимъ образомъ, хотя школы въ Слободской Украйнѣ были открыты еще въ началѣ XVIII-го вѣка, усиліями мѣстнаго духовенства, но въ нихъ приготовлялись только будущіе служители клиросовъ и алтарей. Грамотность черезъ нихъ въ народъ собственно не проникала, зато, готовя пѣвчихъ, понамарей, дьячковъ и дьяконовъ, эти петровскія школы въ то время въ этихъ лицахъ готовили будущихъ учителей. Народъ тогда искалъ въ наукѣ одного: узнанія немногихъ молитвъ, догматовъ вѣры и пѣнія церковныхъ кантовъ. Послѣдніе распѣвались даже на званыхъ частныхъ пирушкахъ. Спѣть кантъ значило тогда то же, чтò теперь сыграть польку или вальсъ. Но если въ началѣ XVIII-го вѣка въ петровскихъ греко-славянскихъ школахъ преобладала стихія церковная, внѣшне-обрядовая, вліявшая на народъ, въ концѣ XVIII-го вѣка въ полу-латинскихъ и также полу-духовныхъ народныхъ нашихъ школахъ было также народнаго одно названіе. Мало утѣшительнаго принесъ этимъ школамъ и XIX вѣкъ. Тутъ сельскія школы подавлены чиновничьимъ вліяніемъ въ обширнѣйшихъ размѣрахъ.

Въ 1860—61 годахъ на югѣ Россіи закрыты школы военныхъ кантонистовъ, одна память о которыхъ до сихъ поръ составляетъ пугало въ дѣлѣ развитія грамотности въ средѣ народа. Эти школы теперь уже принадлежатъ исторіи, вслѣдствіе уничтоженія самихъ военныхъ поселеній; слѣдующія данныя о нихъ извлечены мною изъ мѣстныхъ архивовъ. Въ 1835 году состоялось постановленіе, дабы солдатскіе сыновья, при родственникахъ до 20-ти лѣтъ

оставляемые, отнюдь не проживали при нихъ долѣе сего возраста, подъ опасеніемъ штрафа. Въ весеннее время солдатскія дѣти (до 20-ти лѣтъ) *высылались* въ губернскіе города тѣхъ губерній, гдѣ они проживаютъ. Тутъ они поступали въ вѣдѣніе командировъ внутреннихъ гарнизоновъ, гдѣ сперва образовались въ выправкѣ и маршировкѣ, безъ оружія. Къ кантонистамъ причислились, по Своду Военныхъ Постановленій: «всѣ сыновья, прижитые военными нижними чинами не изъ дворянъ, во время нахожденія ихъ въ службѣ военной»; «сыновья, коими матери, при вступленіи мужей ихъ въ военную службу, остались *беременными»*; всѣ дѣти мужского пола, *незаконнорожденныя* солдатками, или *рекрутскими женами* при жизни мужей, и незаконнорожденныя отъ солдатскихъ *вдовъ*, отъ солдатскихъ *дѣвокъ* до брака и отъ дочерей *сихъ дѣвокъ* до брака же»; «*подкидыши* мужескаго пола къ нижнимъ военнымъ чинамъ или *служителямъ* регулярныхъ войскъ»; «сыновья кантонистовъ, поступившихъ въ межевое вѣдомство»; «сыновья солдатскихъ сыновей», и пр. (статьи 64, 65 и 66 кн. 1 гл. 1 Свода Военныхъ Пост.).—По окончаніи срока ученія въ кантонистскихъ батальонахъ и полубатальонахъ, «кантонисты, менѣе способные къ фронту, поступали наиболѣе въ писаря, а также цейхшреберы, цейхдинеры, фельдшера, цирюльники и аптекарскіе ученики, а затѣмъ, мало-способные по понятіямъ въ наукѣ — въ вагенмейстеры, надзиратели больныхъ и служители при церквахъ военнаго вѣдомства»; «выпускаемые же на службу опредѣлялись рядовыми»; а иныхъ «черезъ три года, не ранѣе, производили при этомъ въ унтеръ-офицеры» (статьи 161—168). — Въ архивѣ с. Андреевки мы видѣли старую книжку изданія 1826 года. Въ ней означено во множествѣ табелей: число стульевъ для учителей, табуретовъ для кантонистовъ, число бутылей для квасу, на нихъ воронокъ большихъ и среднихъ, и проч.; въ числѣ безсрочныхъ вещей поставлены: ведеръ 8, квашень 8, лоханей 12 и проч. до утиральниковъ, тюфяковъ, набитыхъ соломою, поставленныхъ также въ графу безсрочныхъ; тутъ же сказано, что въ классахъ учебнаго батальона столы должны быть длиною въ 5-ть аршинъ, шириною въ 1 аршинъ, высотою въ 1 аршинъ 8 вершковъ. Всѣ столы выкрашиваются черною краскою и въ каждомъ вдѣлывается 3 чернильницы. Столы сіи должны

стоять противъ окопъ по два вмѣстѣ, чтобы между стѣною и столами осталось еще мѣста на $1^1/_2$ аршина. Во время преподаванія наукъ ученики сидятъ спиною къ свѣту; въ каждомъ классѣ имѣется по одной доскѣ на каждые два стола; длина доски два аршина, ширина $1^1/_2$ аршина; каждая изъ 3 ножекъ стойки ея имѣетъ въ длину 3 аршина; сіи доски ставятся въ 2-хъ шагахъ отъ переднихъ столовъ и пр. Учебнымъ дивизіономъ завѣдывалъ *одинъ изъ штабсъ-ротмистровъ поселеннаго полка*, по назначенію полкового командира. Обученіе кантонистовъ состояло: въ военномъ ученьи, ученьи въ классахъ и ученьи въ мастерскихъ. Въ военномъ ученьи было: пѣшее и конное ученье, верховая ѣзда, рекрутская школа, эскадронное и полковое ученье, фехтованіе и фланкированіе. Для этого содержались казною лошади (до 139) и огромная прислуга, до 68-ми унтеръ-офицеровъ и вице-унтеръ-офицеровъ при дивизіонѣ. Въ классахъ преподавались: законъ божій, россійскій языкъ, ариѳметика, геометрія, судопроизводство, бухгалтерія, чтеніе воинскаго устава, рисованіе. Между прочимъ, здѣсь преподавалось и словосочиненіе, и составленіе бумагъ, употребительныхъ по службѣ. Верховая ѣзда, между тѣмъ, производилась ежедневно. Кантонисты встаютъ по-утру въ $5^1/_2$ часовъ; умывшись, они оправляютъ свои постели, одѣваются; по воскресеньямъ содержатъ караулы въ селеніяхъ и проч. Школы кантонистовъ, изобрѣтеніе прошлой нашей бюрократической жизни, стали плохо приниматься въ губерніи: неудачи въ нихъ вызвали карательныя мѣры мѣстныхъ начальствъ.

Строгости къ кантонистамъ были неимовѣрны. Я видѣлъ кучу «штрафныхъ журналовъ» (рукописныхъ) въ андреевскомъ архивѣ зміевскаго уѣзда, по 1-й батареѣ кантонистовъ 1-й артиллерійской дивизіи. На каждомъ шагу вы встрѣчаете отмѣтки о розгахъ. Такъ въ журналѣ, съ 6-го ноября 1836 года по 19-е іюня 1844 года, кантонисты Касьянъ Каверзневъ и Кирилло Грешечникъ, «за неопрятность въ одеждѣ и неоднократныя приказанія отдавать честь гг. штабъ- и оберъ-офицерамъ» наказаны: первый 25-тью и второй 50-тью ударами розогъ. Помѣтку скрѣпилъ поручикъ г. М—въ, котораго подпись въ такихъ случаяхъ повторяется въ тетради, имѣющей 22 страницы, 122 раза: сперва на 14 страницахъ подъ каждымъ слу-

чаемъ сѣченія, а съ 14 по 22-ю только внизу страницы, въ видѣ скрѣпы. Г. М—въ въ томъ числѣ наказалъ кантониста Андрона Пимонова (мальчика отъ 14 до 18-ти лѣтъ) «за слабое смотрѣніе ввѣреннаго ему взвода», какъ говорится въ его отмѣткѣ, «по моему приказанію, 100 ударами розогъ». Кантонистъ Тарасъ Ѳедосѣенко, «за картежную игру, мая 16 1839 года, наказанъ 100 ударами розогъ»; какой-то кантонистъ Шивцовъ — 100 ударами просто «за шалость»; Егоръ Гнучій—30 ударами «за несвоевременное прибытіе въ школу»; Степанъ Гончаровъ «за неопрятность — 100 ударами». Полкниги занимаютъ отмѣтки неизвѣстной руки, вѣроятно, одного изъ солдатъ, такого рода: «по приказанію господина поручика М—ва, наказанъ фейерверкеръ Петръ Комисаренко за непорядки палками 25 ударами, въ 5-й разъ; палками 30 ударами Егоръ Ивановъ, въ 4-й разъ».

Несмотря на помѣтки ревизоровъ для *высшаго* начальства «о хорошемъ сбереженіи кантонистовъ и о здоровомъ видѣ ихъ», на инспекторскихъ смотрахъ, въ дѣлахъ архива, мы встрѣчаемъ другого свойства донесенія *низшихъ* ревизоровъ, такъ-сказать, въ ихъ домашней перепискѣ съ ближайшимъ начальствомъ. Такъ, въ предписаніи одному штабсъ ротмистру говорится: при *постоянномъ* посѣщеніи моемъ столовой залы кантонистскаго дивизіона, я находилъ въ оной большую нечистоту и безпорядки, а именно: на стѣнахъ во многихъ мѣстахъ цвѣль, полы въ столовой до такой степени нечисты, что грязи на нихъ на цѣлый вершокъ; почему предлагаю вашему благородію приказать столы счистить *желѣзными* лопатками и вымыть, а кантонистамъ велѣть, входя, вступать сапогами въ (приготовленный) песокъ, а потомъ уже входить въ залу».

Чтобы какъ-нибудь обратить вниманіе высшаго начальства на школы кантонистовъ и увѣрить его, что онѣ представляютъ нѣчто въ родѣ художественно-гражданскихъ школъ, мѣстные ихъ командиры пускались на тысячи хитростей. О подобныхъ продѣлкахъ кантонистскихъ командировъ, иногда разгаданныхъ, но бо̀льшею частью удававшихся въ пользу ихъ изобрѣтателей, села бывшихъ военныхъ поселеній въ губерніи полны многими легендами. Вспомнимъ, что по уставу о кантонистахъ (см. «Инвалидъ», статьи по поводу полемики о чугуевскомъ военномъ учи-

лищѣ 1863 г.), штатъ ихъ былъ на 10,000 человѣкъ въ Россіи, а въ натурѣ ихъ оказалось 40,009 чел., почему ихъ и размѣщали по деревнямъ, собирая партіями для мастерскихъ, шагистики и проч.

Что̀ же выходило изъ этихъ кантонистскихъ школъ въ губерніи? Ими наполнялись военно-поселенскія и армейскія канцеляріи. Писаря изъ кантонистовъ донынѣ славятся отличнымъ почеркомъ и полнѣйшею безграмотностью. Попадавшихъ въ полки кантонистовъ скоро производили въ унтеръ-офицеры, фельдфебеля и вахмистры. О послѣднихъ изъ кантонистовъ и теперь вздыхаютъ многіе бойкіе эскадронные и полковые командиры.

1865 г.

II.

ГРИГОРІЙ САВВИЧЪ СКОВОРОДА.

(1722—1794 г.).

ГЛАВА I.

Значеніе Сковороды.—Слободская Украйна до конца прошлаго вѣка.—Харьковское намѣстничество.—Видъ сёлъ.—Харьковъ въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка.—Коллегіумъ.—Записки Тимковскаго.—Остатки вольницы.

Въ старые годы Харьковъ имѣлъ нѣсколько значительно-распространенныхъ изданій. Въ первой четверти этого столѣтія въ немъ издавались журналы: *Украинскій Вѣстникъ* (Филомаѳитскаго и Гонорскаго), *Харьковскій Демокритъ* (Масловича), *Украинскій Журналъ* (Склабовскаго) и *Харьковскія Извѣстія*, газета политическая и литературная (Вербицкаго). Одновременно съ этими журналами и послѣ нихъ здѣсь издавался цѣлый рядъ альманаховъ и ученыхъ сборниковъ: *Записки филотехническаго общества* (Каразина), *Подарокъ городскимъ и сельскимъ жителямъ* (Вербицкаго), *Утренняя звѣзда*, *Украинскій альманахъ*, *Сочиненія и переводы студентовъ Харьковскаго университета*, *Труды общества наукъ при Харьковскомъ университетѣ*, *Акты филотехническаго общества*, сборникъ *Запорожская старина* (Срезневскаго), *Снипъ* (Корсуна), *Южно-русскій сборникъ* (Метлинскаго) и богатый матеріалами альманахъ *Молодикъ* (Бецкаго) — теперь справочная книга для каждаго, работающаго надъ малорусскою былою жизнью. Харьковская литература имѣла въ то время большой успѣхъ, вполнѣ заслуженный. Всѣ названныя здѣсь изданія соста-

вляютъ теперь библіографическую рѣдкость. Но если въ настоящее время большинство украинскихъ писателей перенесло свою дѣятельность въ столичные журналы, не надо забывать, что долгое время почти всѣ столичные журналы относились къ провинціальной жизни свысока и мимоходомъ, питая къ ней полное безучастіе. Эту долю въ особенности испытала наша, такъ называемая, украинская старина, которой Кіевъ посвящалъ тоже когда-то и съ такимъ успѣхомъ свои сборники (Кіевлянинъ и др.), Черниговъ свой Черниговскій листокъ, а г. Бѣлозерскій почтенную «Основу».

Изъ первыхъ, по времени, харьковскихъ писателей слѣдуетъ назвать Григорія Сковороду.

Личность Сковороды мало извѣстна въ русской литературѣ. О немъ существуютъ до сихъ поръ отдѣльныя небольшія замѣтки въ давно-забытыхъ сборникахъ и журналахъ; но никто еще не посвящалъ ему труда, гдѣ бы собраны были и провѣрены возможно-полныя свѣдѣнія о жизни этого писателя. Сковорода, какъ Квитка и другіе родственные ему украинскіе писатели, Котляревскій и Нарѣжный, имѣетъ чисто-народное, туземное значеніе.

Желая, въ возможной полнотѣ и цѣлости, представить читателю характеристику Сковороды, о которомъ донынѣ въ рѣдкомъ уголкѣ его родины не вспоминаютъ съ сочувствіемъ, мы коснемся и самихъ трудовъ его.

Сковорода былъ человѣкъ самостоятельный, вольнолюбивый, съ большою стойкостью нравственныхъ убѣжденій, смѣлый въ обличеніи тогдашнихъ мѣстныхъ злоупотребленій. Несмотря на свой мистицизмъ и семинарскій, топорный и нерѣдко неясный слогъ, Сковорода умѣлъ, на практикѣ, въ своей чисто-стоической жизни, стать совершенно-понятнымъ и вполнѣ-народнымъ человѣкомъ во всей Украйнѣ тогдашняго времени. Его хвалители тогда восхищались и его духовными умствованіями, называя его степнымъ Ломоносовымъ. Если уже гоняться за литературными кличками, то съ дѣятельностью Сковороды скорѣе можно найти сходство въ дѣятельности питомца другой мистической школы, Новикова.

Новиковъ работалъ въ типографіяхъ, въ журналахъ, на ораторскихъ каѳедрахъ литературныхъ обществъ и въ из-

бранныхъ кружкахъ Москвы, уже обвѣянной тѣмъ, что тогда выработали наука и общество на западѣ Европы. У него было состояніе, много сильныхъ и самостоятельныхъ друзей. Сковорода былъ голышъ и бѣднякъ, но дѣйствовалъ въ томъ же смыслѣ. Видя все безсмысліе окружающей его среды, откуда, дѣйствительно, выходили схоластики и тупицы, онъ самовольно отказался отъ чести кончить курсъ въ кіевскомъ духовномъ коллегіумѣ, обошелъ, съ палкой и съ сумой за плечами, нѣкоторыя страны Европы и, возвратясь на тихую и пустынную родину тѣмъ же голоднымъ и бездольнымъ бѣднякомъ, сталъ дѣйствовать въ полѣ, на сходкахъ—въ деревняхъ, у куреней отдѣльныхъ пасѣкъ, въ домахъ богатыхъ предразсудками всякаго рода тогдашнихъ помѣщиковъ, на городскихъ площадяхъ и въ бѣдныхъ избахъ поселянъ. Въ Сковородѣ олицетворилось умственное пробужденіе украинскаго общества конца XVIII столѣтія. Это общество, вслѣдъ за Сковородой (увидѣвшимъ, какъ его нравственно-сатирическія пѣсни стали достояніемъ народнымъ и распѣвались бродячими лирниками и кобзарями), стало выходить изъ нравственнаго усыпленія. Сковорода былъ сыномъ того времени на Украйнѣ, которое вскорѣ создало рядъ прочныхъ школъ, гимназій, университетъ и, наконецъ, вызвало къ жизни украинскую литературу.

Сковорода болѣе дѣйствовалъ въ Украйнѣ восточной, Слободской. Въ 1765 году, указомъ Императрицы Екатерины II, изъ вольныхъ Слободскихъ полковъ была учреждена *Слободская Украинская губернія*; ея губернскимъ городомъ назначенъ Харьковъ. Отдѣльные полковые города переименованы въ провинціальные. Въ каждой провинціи установлено, для гражданскаго управленія, по шести комиссарствъ; казачьи полки переформированы въ гусарскіе. На войсковыхъ обывателей наложенъ *подушный окладъ;* на пользующихся правомъ винокуренія по 95 коп., а на лишенныхъ его—по 85 коп. съ казенной души. Но вотъ пришелъ 1780 годъ. Слободско-украинская губернія переименована въ *Харьковское Намѣстничество,* которое 29 сентября въ томъ году и открыто. Страна, еще недавно почти дикая и малообитаемая, населялась и принимала, наконецъ, видъ благоустроеннаго общества. Пустынныя, но плодородныя земли новаго харьковскаго намѣстничества стали при-

влекать богатыхъ переселенцевъ съ юга и съ запада Россіи. Еще въ 1654 году въ его границахъ было не болѣе 80 тысячъ жителей мужского пола; въ 1782 году, по словамъ новѣйшаго изыскателя *), въ Слободской Украйнѣ было уже до 600 церквей, при которыхъ заводились въ иныхъ мѣстахъ приходскія школы, обучавшія дѣтей поселянъ и помѣщиковъ читать и писать. И въ то время, какъ осѣдлые переселенцы съ «тогобочной» заднѣпровской Украйны, убѣгая отъ притѣсненій поляковъ, заводились здѣсь хлопотливою, домашнею жизнію, вольными грунтами и пасѣчными угодьями, лѣсами и прудами съ пышными «сѣножатями», мельницами и винокурнями,—распадающееся Запорожье не переставало ихъ тревожить набѣгами отдѣльныхъ, отважныхъ шаекъ. Въ это время уважаемый нѣкогда запорожецъ, «рыцарь прадѣдовщины» считался уже многими наравнѣ съ татарами, являвшимися изрѣдка, изъ Ногайской стороны, выжигать новоразсаженные, по берегамъ Донца и Ворсклы, ольховыя пристѣны и сосновыя пустоши. Чугуевъ, гдѣ новѣйшія изысканія указываютъ слѣды печальной судьбы Остряницы, попавшаго сюда, по ихъ указаніямъ, около 1638 года, въ половинѣ XVIII столѣтія, уже обзаводился «садомъ большимъ регулярнымъ» и другимъ, «за оградой, садомъ *виноградныμъ*».

Въ «*Топографическомъ описаніи Харьковскаго Намѣстничества, съ историческимъ предувѣдомленіемъ о бывшихъ въ сей странѣ, съ древнихъ временъ, перемѣнахъ*» (Москва. Въ типографіи Компаніи Типографической, съ указнаго дозволенія, 1788 года), мы нашли много интересныхъ подробностей о частной жизни Украйны того времени, о ея нравахъ, производительности жителей и земли, и о состояніи ея высшихъ сословій. Любопытно видѣть смѣшеніе разнородныхъ началъ въ этомъ юномъ, еще неутвердившемся обществѣ. Съ одной стороны, наружное благоденствіе жителей деревень и мѣстечекъ; съ другой — извращеніе властей и всякаго рода насильства частныхъ лицъ, богачей и дерзкихъ проходимцевъ, чему мы приведемъ примѣры изъ другихъ источниковъ того времени. Названная нами топографія края, подъ 1788 годомъ, говоритъ о домашнемъ бытѣ украинцевъ той поры: «Се есть характеръ, или начертаніе, домо-

*) См. Историко - статистическое описаніе харьковской епархіи, преосв. Филарета.

водства Южныхъ Россіянъ, отличающій ихъ отъ Сѣверныхъ. Селеніе Украинское, при разныхъ земли выгодахъ состоящее, отмѣнной кажетъ видъ. Здѣсь между пахотнымъ полемъ видно нѣсколько запущенныхъ и долговременно неоранныхъ облоговъ; въ самомъ селеніи на гумнахъ только посредственное количество хлѣба; притомъ хворостяныя повѣти, коморы и всякая городьба; малаго иждивенія стоющія ворота—съ перваго взгляда влагаютъ намъ, великороссіянамъ, догадку о скудости селенія и о небреженіи жильцовъ. Но съ другой стороны, покрытыя сѣномъ луговыя сѣножати и облоги оправдаютъ предъ всякимъ родъ ихъ хозяйства; *обремененныя пастбища великорослымъ и играющимъ скотомъ* наращаютъ цѣну къ имуществу жилища. Кладовыя коморы, скотинные сараи и городьба, дѣланные изъ хворосту, доказываютъ, что они строятся для защиты только отъ воздушныхъ перемѣнъ и звѣрей, а крѣпкая и дорогая городьба была бы въ семъ дѣлѣ для хозяевъ убыточна».—«Липовые покои по сту лѣтъ слишкомъ пребываютъ невредимы, чисты, свѣтлы и здоровы».—«Духъ европейской людскости, отчужденной азіатской дикости, питаетъ внутреннія чувства какимъ-то услажденіемъ: духъ любочестія, превратясь въ наслѣдное качество жителей, предупреждаетъ рабскія низриновенія и поползновенія, послушенъ гласу властей самопреклонно, безъ рабства. Духъ *общаго соревнованія* препинаетъ стези *деспотизма и монополіи*».

Въ этихъ витіеватыхъ словахъ современнаго лѣтописца много истины. Описывая забавы и увеселенія старыхъ харьковцевъ, онъ говоритъ: «Самой скудной человѣкъ безъ скрипицъ свадьбы не играетъ».—«Простой народъ употребляетъ горячее вино съ малолѣтства» *).—Половину праздничнаго дня просидятъ пятеро человѣкъ, пьючи между тѣмъ полъосьмухи вина; они пьютъ *медленно и малыми мѣрами, больше разговариваютъ*». Средоточіемъ образованія того времени былъ въ Слободской Украйнѣ харьковскій духовный коллегіумъ, единственный пріютъ науки, до открытія въ 1805 году харьковскаго университета. Въ названномъ нами «Топографическомъ описаніи Харьковскаго Намѣст-

*) Что удивило русскаго, не составляетъ ничего вопіющаго для украинца. Здѣсь причина чисто медицинская. Вино на югѣ — единственно доступное и удобное средство для избавленія дѣтей отъ золотухи, лихорадокъ и другихъ болѣзней, убивающихъ дѣтей.

ничества» сохранились и о немъ любопытныя данныя. Авторъ прежде говоритъ: «Въ Харьковѣ считается нынѣ, въ 1778 г.,—партикулярныхъ домовъ 1532; въ нихъ жителей—купцовъ, мѣщанъ, цеховыхъ, отставныхъ нижнихъ чиновъ, *иностранцевъ*, войсковыхъ казенныхъ обывателей, однодворцевъ, помѣщичьихъ подданныхъ черкасъ, помѣщичьихъ крестьянъ, *цыганъ и нищихъ*, мужеска полу 5338 душъ».—Далѣе: «Послѣ состоявшагося въ 1721 году Духовнаго регламента, Бѣлгородскій епископъ Епифаній Тихорскій основалъ въ 1722 году епархіальную семинарію въ Бѣлѣгородѣ, откуда въ 1727 году перевелъ училище въ Харьковъ **). Къ сему главною помощію и основаніемъ было патріотическое усердіе покойнаго генералъ-фельдмаршала, князя М. М. Голицына, бывшаго тогда главнокомандующимъ на Украйнѣ. — Потомъ училищный домъ наименованъ Харьковскимъ Покровскимъ училищнымъ монастыремъ».—Императрица Анна Іоанновна, въ 1731 году, даровала жалованную грамоту, гдѣ, «ревнуя дяди Петра Великаго намѣренію и опредѣленію, указала: учить всякаго народа и званія дѣтей православныхъ не только піитикѣ, риторикѣ, но и философіи, и богословіи, славено-греческимъ и латинскимъ языки; такожде стараться, чтобъ такія науки вводить на собственномъ россійскомъ языкѣ». Въ заключеніе грамоты сказано: «Чего ради сею жалованною грамотою тотъ монастырь, *и въ немъ школы, и въ нихъ свободное ученіе утверждаемъ*». Вмѣстѣ съ этимъ повелѣно всѣ книги покойнаго митрополита муромскаго и рязанскаго, Стефана Яворскаго, передать на основаніе библіотеки харьковскаго училища. «Въ ней книгъ разныхъ языковъ, въ томъ 1788 г.», говоритъ авторъ, «болѣе 2000; но рукописей достопамятныхъ не имѣется, а только хранится собственноручная лѣтопись св. Димитрія Ростовскаго. Здѣсь же хранятся фамильныя бронзовыя медали, присланныя изъ Вѣны отъ князя Д. М. Голицына, для памяти, что покойный его родитель тому училищу основатель».—«Потомъ Бѣлгородскій архіепископъ *Петръ Смѣличъ* дополнилъ Харьковское училище классами

**) Подробная статья о коллегіумѣ напечатана въ «Молодикѣ» 1843 г., стр. 7—32 неизвѣстнаго автора, подъ именемъ: «Основаніе Харьковскаго Коллегіума нынѣшней Харьковской духовной Академіи». О харьковскомъ коллегіумѣ помѣщена также статья въ «Харьков. Губ. Вѣд.» за 1855 г.

французскаго и нѣмецкаго языковъ, математики, геометріи, архитектуры, исторіи и географіи, на что̀ вызвалъ изъ европейскихъ училищъ учителей, выписавъ къ тѣмъ наукамъ потребныя книги и математическіе инструменты». — «Но, замѣчаетъ авторъ, по отлученіи его, 1741 года, отъ Бѣлгородской епархіи, классы французскаго языка, исторіи и математическихъ наукъ оставлены, а отъ инструментовъ только нѣкоторые поврежденные остатки до сихъ временъ дошли».—«Сіе оскудѣніе продолжалось до временъ Великія Екатерины».—Въ 1765 году снова къ наукамъ здѣсь прибавлены французскій и нѣмецкій языки, даже инженерство, артиллерія и геодезія, каѳедры которыхъ въ 1768 году, въ февралѣ, и открыты безплатно. Бѣднымъ же дозволено обучаться и остальнымъ наукамъ даромъ.—«Въ 1773 году прибавленъ классъ вокальной и инструментальной музыки».

Другія записки о малороссійскомъ обществѣ того времени представляютъ не менѣе любопытныя черты переходнаго состоянія страны, медленно оставлявшей казачество, запорожскую воинственность и преданія гетманщины для новыхъ обычаевъ и стремленій. Эти записки принадлежатъ бывшему директору Новгородъ-Сѣверской гимназіи, *Ильѣ Ѳедоровичу Тимковскому*, и напечатаны въ отрывкѣ, въ «Москвитянинѣ» (1852 года, № 17), подъ заглавіемъ: «*Мое опредѣленіе въ службу*». Авторъ представляетъ черты воспитанія дѣтей тогдашнихъ помѣщиковъ, для которыхъ еще не существовало ни гимназій, ни лицеевъ, ни университетовъ. Онъ говоритъ: «Первому чтенію церковно-славянской грамоты заучили меня въ селѣ Деньгахъ мать и, въ родѣ моего дядьки, служившій въ порученіяхъ изъ дѣдовскихъ людей, Андрей Кулидъ. Онъ носилъ и водилъ меня въ церковь, забавлялъ меня на бузиновой дудкѣ, или громко трубя въ сурму изъ толстаго бодяка, и набиралъ мнѣ пучки клубники на сѣнокосахъ. Не безъ того, что ученье мое, утомясь на складахъ и титлахъ, бывало въ бѣгахъ, и меня привязывали длиннымъ ручникомъ къ столу». «По общему совѣту семействъ, насъ четверыхъ съ весны отдали учиться, за десять верстъ, въ Золотоношскій женскій монастырь. У монахини Варсонофіи мы составили родъ пансіона. Съ нею жила другая монахиня, Ипполита, племянница ея, тоже грамотная, цвѣтная блондинка. Та ходила за нами и учила насъ». Потомъ автора, когда онъ подросъ, отдаютъ къ сельскому

дьячку, осанистому пану Василію, съ длинною косою. Въ избѣ дьячка «столы составили родъ классовъ, на букварь, часословъ и псалтирь; послѣдніе два съ письмомъ. Писали начально разведеннымъ мѣломъ на опаленныхъ съ воскомъ черныхъ дощечкахъ неслоистаго дерева, съ простроченными линейками, а пріученные уже писали чернилами на бумагѣ. Изъ третьяго же отдѣленія набирались охотники въ особый ирмолойный классъ, для церковнаго пѣнія, что производилось раза три въ недѣлю: зимою—въ комнатѣ дьячка, а по веснѣ — подъ навѣсомъ. Шумно было въ школѣ отъ крику 30 или 40 головъ, гдѣ каждый во весь голосъ читаетъ, иной и поетъ свое. Отцы за науку платили дьяку, по условію, натурою и деньгами. Окончаніе класса школьникомъ было торжествомъ всей школы. Онъ приносилъ въ нее большой горшокъ сдобной каши, покрытый полотнянымъ платкомъ. Дьякъ съ своимъ обрядомъ снималъ платокъ себѣ, кашу разъѣдали школьники и разбивали горшокъ палками, на пустырѣ, издалека, въ мелкіе куски. Отецъ угощалъ дьячка. Къ праздникамъ онъ давалъ ученикамъ поздравительные вирши». Но вотъ еще одна перемѣна учителя. Ученіе у дьячка, описанное еще интереснѣе въ «Панѣ Халявскомъ» Квитки, становится уже недостаточнымъ. Авторъ воспоминаній изображаетъ это очень живописно. «Раннею весною явились на дворѣ двѣ голубыя *кирèи*. Онѣ позваны въ свѣтлицы. То были переяславскіе семинаристы, отпущенные, какъ издавна велось, на испрошеніе пособій, съ именемъ эпетиціи. Такіе ходоки выслуживались болѣе пѣніемъ по домамъ и церквамъ, проживали по монастырямъ и пустынямъ, еще имѣвшимъ въ то время свои деревни; инымъ эпетентамъ счастливилось, что одно село разомъ ихъ обогащало; иные пробирались даже на Запорожье. Начавъ труды, они учреждали свои складки, разживались на лошадь и привозили запасы себѣ и братіи, привозили умъ и журналы, что видѣть, слышать и узнать досталось. Пришельцы наши,—одинъ рослый, смуглый, остриженъ въ кружокъ; другой бѣлокурый, коренастый, съ косою,—поднесли отцу на расписанномъ листѣ *орацію*. Онъ поговорилъ съ ними, посмотрѣлъ у нихъ бумаги и почерки; задалъ имъ прочитать изъ книги и пропѣть «Блаженъ мужъ»: перваго принялъ моимъ наставникомъ, второго надѣлилъ чѣмъ-то».— «Къ праздникамъ для своихъ поздравленій учитель гото-

вилъ расписные листы съ особымъ мастерствомъ. Имѣя запасъ разныхъ узоровъ, наколотыхъ иглою, онъ набивалъ сквозь нихъ узоры на подложенную бумагу толченымъ углемъ, сквозь жидкое полотно, и по чернымъ отъ того точкамъ рисовалъ рашпилемъ, а по немъ отдѣлывалъ перомъ съ оттушевкою. Въ такія рамы онъ вписывалъ подносимыя своего сочиненія *ораціи* (9—10 стр.). Ученикъ скоро уже могъ щегольнуть ученостью и, на дворовой сходкѣ, на всеобщее удивленіе, неожиданно начать «по латинской Геллертовой грамматикѣ вычитывать и пророчить бабамъ всякій вздоръ, о чемъ хотѣли».

Если наука въ новомъ обществѣ туго принималась и приносила тощіе и скудные плоды — нравы и обычаи измѣнялись еще медленнѣе. Дѣти помѣщиковъ отъ дьячковъ переходили въ монастырскія школы и обратно; окончательно доучивали ихъ бродячіе эпетенты-семинаристы. Духовные высшіе коллегіумы, въ Харьковѣ и въ Кіевѣ, оставались для большинства высшаго общества чужды. Туда стекались обучаться только дѣти духовенства. И напрасно въ классахъ эпетентовъ раздавались особыя одобренія числомъ похвалъ на доскѣ, «laudes», изъ которыхъ за вины положена была такса учетовъ, такъ что въ зимніе мѣсяцы ученики выслуживали до 500 похвалъ, а въ привольные весенніе съѣзжали на десятокъ и менѣе. Напрасно и на дверяхъ самихъ семинарій, по словамъ Тимковскаго, изображались символы степеней тогдашней науки: на первой двери символъ грамматиковъ — нарисованный «мудрецъ съ долотомъ и молоткомъ, обтесывающій пень въ пригожаго подпоясаннаго ученика, съ книгами подъ рукой»; на второй двери — символъ піитовъ и риторовъ—«колодецъ съ вòротомъ надъ нимъ о двухъ ушатахъ, изъ которыхъ одинъ опускается порожній, а другой выходитъ такъ полонъ воды, что она струями проливается», и на третьей двери—символъ философовъ и богослововъ — «большой размахнувшійся орелъ, далеко оставившій землю и парящій прямо противъ солнца». Грамматики тогдашніе были порядочными «пнями невѣдѣнія», піиты и риторы мало почерпали знаній изъ колодца черствой риторической науки, и философы далеко не походили на орловъ. Большинство народонаселенія оставалось въ полномъ невѣжествѣ. Поселяне работали и вели мирную жизнь, обуреваемую нерѣдко попойками отъ распространяв-

шагося болѣе и болѣе свободнаго винокуренія. I. Маркевичъ, въ своей «Исторіи Малороссіи» (1842 г., т. 2, стр. 647), подъ 1761 годомъ, говоритъ: «Вскорѣ гетманъ (послѣдній гетманъ, графъ *К. Г. Разумовскій*) обнародовалъ универсалъ, въ которомъ говорилъ, что малороссіяне, *пренебрегая земледѣліемъ и скотоводствомъ*, вдаются въ *непомѣрное винокуреніе*, истребляютъ лѣса для винныхъ заводовъ, а нуждаются въ отопкѣ хатъ; покупаютъ дорого хлѣбъ и не богатѣютъ, а только пьютъ; во избѣжаніе этихъ безпорядковъ, онъ запретилъ винокуреніе всѣмъ, кромѣ помѣщиковъ и казаковъ, имѣющихъ грунты и лѣса». Отъ А. М. Лазаревскаго, владѣющаго спискомъ названнаго универсала, я получилъ слѣдующую выдержку изъ этого документа:

«Его ясновельможности собственными примѣчаніями усмотрѣно, что въ народѣ малороссійскомъ винокуреніе въ такое усиліе пришло, что отъ великаго до наименьшаго хозяина всѣ, безъ разбору чина и достоинства своего природнаго, равно винокуреніе во всемъ малороссійскомъ краю производятъ, такъ что почти тотъ токмо вина не куритъ, кто мѣста на винокурню не имѣетъ: отъ чего хлѣбу въ Малой Россіи рождающемуся столь великое повсягодное истребленіе бывае, что сія страна паче другихъ областей, въ случаѣ недороду, опасности голода подвержена быть должна».—Въ универсалѣ приводится нѣсколько частныхъ примѣровъ вредныхъ послѣдствій распространенія винокуренія, изъ которыхъ я выписываю два. «Полковникъ Лубенскій, Кулябка, донесъ ясновельможности, яко многіе казаки его полку, не имѣя собственнаго своего довольнаго хлѣба, покупаютъ оный по торгамъ дорогою цѣною и вино курятъ не для какой своей корысти, но ради одного пьянства, и лѣса свои вырубкою для винокуренія пустошатъ, такъ что и для отопленія въ хатахъ едва что остается. Да и неимѣющіе собственныхъ своихъ винокурень казаки, взимая у постороннихъ куфами и ведрами вино, вышенковуютъ убыточно и пьянствомъ истощеваютъ страну».

«Хмѣловскій сотникъ, Шкляровичъ, доноситъ ясновельможности, что казаки его сотни отъ винокуренія обнищали и къ службѣ казачьей несостоятельными учинились, ибо-де кои имѣли винокурни, тѣ прежде лѣса свои на винокуреніе пожгли, а послѣ у другихъ, своей братіи, покупая, или за вино вымѣнивая, тожъ учинили, и пристрастясь къ пьян-

ству и разлѣнясь къ работамъ и не имѣя откуда себя снабдѣть лошадьми и амуниціею къ службѣ казачьей, принуждены, у можнѣйшихъ, своей братіи, занимая деньги, давать въ закладъ свои грунта и за невыкупъ на сроки вѣчно терять ихъ должны».

Вслѣдствіе развитія винокуренія въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, гетманъ Разумовскій былъ принужденъ ограничить его строгими положеніями.

Любопытны также слѣдующія строки г. Маркевича: «Около этого времени, 1763 года, появились въ Малороссіи *пикинерія* и *вербунки* (вербованія). Мельгуновъ ѣздилъ по Заднѣпровью и, описывая народъ полудикимъ, подалъ мысль вербовать. Явились вербовщики. Мельгуновъ останавливался въ шинкахъ, его шайка пѣла, плясала, пила до-нельзя, поила казаковъ и народъ; потомъ пьянымъ предлагала записаться на службу въ пикинеры, прибавляя, что пикинеры даже лучше, чѣмъ казаки, потому что начальства не боятся и шапки ни передъ кѣмъ не снимаютъ. Бѣднѣйшіе и «великіе опіяки» записывались съ радостью. Грамотные шинкари и церковники становились ротмистрами и поручиками. Но когда начали ихъ учить строевой службѣ, они, увидя бѣду, разбѣжались по запорожскимъ куренямъ и по хуторамъ новосербскимъ». Мелкое чиновничество грабило по мелочамъ и крупно простой народъ. Чиновничество покрупнѣе брало увѣсистыя взятки натурою и деньгами съ помѣщиковъ, на деревенской скукѣ поднимавшихъ безконечныя тяжбы другъ съ другомъ. Дворянство лѣнилось и давило чернь. Опекуны грабили опекаемыхъ. «Похожденія Столбикова», Квитки, въ этомъ отношеніи не простой вымыселъ, а истинная лѣтопись, подтвержденія которой разсыпаны во всѣхъ тогдашнихъ дѣлахъ. Кто изъ высшаго ошляхеченнаго чиновнаго и помѣщичьяго люда тогда не тягался съ сосѣдомъ, или не тянулъ дома горькой чаши,— представлялъ образецъ Ивана Никифоровича, проводившаго время съ утра до вечера на коврѣ, въ натурѣ, утучняемаго снадобьями домашней кухни и мучимаго однимъ только горемъ житейскимъ, изрѣдка икотою, или нежданно завистливымъ помысломъ о какомъ-нибудь дрянномъ ружьѣ или бекешѣ своего сосѣда, Ивана Ивановича. Напрасно и Екатерина II вводила новые мѣры и законы: въ краѣ наставленія ея принимались медленно. Дворянству указано служить

въ войскѣ и въ мѣстахъ правосудія. Въ 1782 году, послѣ ревизской переписи 1764 года, произведена новая народная перепись; тогда же учреждены малороссійскія губерніи. Изъ полковъ, назначенныхъ въ составъ губерній, войсковые чины бывшихъ правленій созваны въ губернскіе города. Самыхъ дѣловыхъ и достаточныхъ изъ нихъ положено тотчасъ опредѣлить на мѣста. Любопытно разсказываетъ объ этомъ роковомъ времени Тимковскій (13 стр.): «Переяславскій вельможный полковникъ, Иваненко, поступилъ предсѣдателемъ палаты. Оболенскій, владѣлецъ семи тысячъ душъ, сталъ совѣстнымъ судьею. Замѣтимъ, что онъ боялся льдовъ на рѣкахъ, и зимою, подъѣхавъ къ Днѣпру, выходилъ изъ кареты и переѣзжалъ длиннымъ цугомъ по льду, *въ лодкѣ*». Въ разсказѣ Тимковскаго появляется и образъ его отца— олицетвореніе тогдашняго времени: «Малороссіи, скидающей кунтушъ и красные сапоги, для вицмундира и канцелярскаго зеленаго стола». — «Тогда и отецъ мой, — говоритъ онъ,—отправясь въ Кіевъ, возвратился избранный засѣдателемъ уѣзднаго суда, въ Золотоношу. Онъ явился въ другой перемѣнѣ. Поѣхалъ въ черкескѣ, съ подбритымъ чубомъ, шапкою и саблею; пріѣхалъ въ сюртукѣ и въ камзолѣ, съ запущенною косою, мундиромъ, шляпою и шпагой.— «То-таки бувало выйде», говорили межъ собой люди: «або на коня сяде, уже панъ, якъ панъ; а теперь—*або-що: німецъ не німецъ, а такъ собі підщипанный!*»—И я помню, помню эту крѣпкую, вольную героическую фигуру, въ черкескѣ, съ турецкой саблей по персидскому поясу, на зломъ конѣ, какихъ онъ до страсти любилъ... — Было слово и о моемъ благородствѣ: не переодѣть ли и меня? Отецъ разсудилъ оставить года на два въ черкескѣ, стриженнымъ въ кружокъ». Новые носители камзоловъ и косъ служили плохо. Богатые только числились на службѣ и сидѣли по деревнямъ. Бѣдняки лѣзли плечомъ впередъ, протирая на засаленныхъ столахъ локти и совѣсть, ябедничали, кривили душой и грабили. Имя комиссара равнялось имени разбойника. Благотворный свѣтъ просвѣщенія и правосудія едва проникалъ въ далекій, глухой, непочатый край. Судъ и расправа были оцѣнены и продавались всякимъ щедрымъ даятелямъ. Этимъ пользовались охотники до всякой сумятицы и своеволія. Паденіе Запорожья напустило на Украйну цѣлую толпу разобиженныхъ выходцевъ, которые овладѣ-

вали мелкими и большими дорогами, держали откупъ на проѣздъ по лѣсамъ и оврагамъ и всячески своевольничали. Но общество нуждалось въ болѣе честныхъ охранителяхъ правосудія. Послѣдніе, за извращеніемъ настоящихъ правителей и судей, являлись въ средѣ самихъ разбойниковъ. Преданія того времени представляютъ любопытный образецъ одного изъ подобныхъ «кулачныхъ судій» на Украйнѣ. Я говорю объ извѣстномъ разбойникѣ *Гаркушѣ*, похожденія котораго составляютъ въ высшей степени интересныя и живописныя черты жизни того времени.

О немъ читатель найдетъ любопытныя подробности въ повѣсти А. П. Стороженка «Братья-близнецы», въ статьѣ г. Маркевича, опубликовавшаго полное судебное дѣло о Гаркушѣ, а также въ моей статьѣ «Одесскаго Вѣстника», 1859 года №№ 21 и 22: «Романтическіе типы старосвѣтской Украйны. 1. Разбойникъ Гаркуша».

Въ такой-то разладъ и сумятицу украинскаго общества явился писатель, практическій философъ и поэтъ, Сковорода. Его сочиненія, встрѣченныя съ сочувствіемъ, были большею частью писаны подъ вліяніемъ школы мистиковъ. Для нашего времени они имѣютъ значеніе лишь со стороны его отношеній къ народу и обществу, на которое онъ дѣйствовалъ примѣромъ своей жизни, своими рѣчами и убѣжденіями.

ГЛАВА II.

Неизданныя записки Ковалѣнскаго. — Дѣтство Сковороды. — Опредѣленіе въ придворную капеллу. — Въѣздъ Имп. Елисаветы въ Кіевъ. — Сковорода ускользаетъ за границу. — Его путешествіе и возвращеніе въ Малороссію. — Уроки у помѣщика Тамары. — Москва и «Титъ Ливій». — Жизнь у Ковалѣнскихъ, Сошальскихъ и Захаржевскихъ. — Странствованіе и первыя сочиненія. — Предложеніе Екатерины II. — Анекдоты о Сковородѣ. — Начало извѣстности.

Сообщаю жизнеописаніе Сковороды по *неизданнымъ* до сихъ поръ *запискамъ* Ковалѣнскаго, въ спискѣ, полученномъ мною отъ М. И. Алякринскаго, изъ Владиміра на Клязьмѣ. Подлинная рукопись Ковалѣнскаго изъ Кіева была передана М. П. Погодину.

Г. Ковалѣнскій говоритъ:

«Григорій Саввичъ Сковорода родился въ Малороссіи, Кіевскаго Намѣстничества, Лубенскаго округа, въ селѣ

Чернухахъ, въ 1722 г. *). Родители его были простолюдины: отецъ — казакъ, мать—казачка. Мѣщане по состоянію, они были недостаточны; но ихъ честность, гостепріимство и миролюбіе были извѣстны въ околоткѣ.

«Григорій Сковорода, уже по седьмому году, получилъ наклонность къ музыкѣ и наукамъ. Въ церковь онъ ходилъ охотно, становился на клиросъ и отличался пѣніемъ. Любимою пѣснію его былъ стихъ Іоанна Дамаскина: «Образу златому на полѣ Деирѣ служиму, тріе твои отроцы небрегоша безбожнаго велѣнія» **).

«По охотѣ сына къ ученію, отецъ отдалъ его въ кіевскую академію, славившуюся тогда науками. Мальчикъ скоро превзошелъ своихъ товарищей сверстниковъ. Митрополитъ кіевскій, Самуилъ Миславскій, человѣкъ остраго ума и рѣдкихъ способностей, былъ тогда соученикомъ его и во всемъ оставался ниже его.

«Тогда царствовала императрица Елисавета, любительница музыки и Малороссіи. Способность къ музыкѣ и пріятный голосъ дали поводъ избрать Сковороду въ придворную пѣвческую капеллу, куда онъ и былъ отправленъ при вступленіи императрицы на престолъ». Г. Аскоченскій, пересказывая жизнь Сковороды по рукописи Ковалѣнскаго, прибавляетъ еще отъ себя (Кіев. Губ. Вѣд. 1852 г. № 42): «Въ Кіевской Академіи юный пришелецъ съ перваго раза обратилъ на себя вниманіе *дерижера пѣвческой капеллы* и немедленно поступилъ въ хоръ; а отличными успѣхами въ наукахъ заслужилъ себѣ похвалу отъ всѣхъ наставниковъ. При восшествіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, въ Малороссіи набирали мальчиковъ для придворной капелліи. Сковорода попалъ туда изъ первыхъ».

---

*) *Гессъ-де-Кальве* («Украинскій Вѣстникъ» 1817 г.) невѣрно сообщаетъ, что Сковорода родился въ харьковской губерніи, и что его отецъ былъ бѣдный священникъ. Ковалынскій зналъ Сковороду короче и потому нельзя не отдать ему въ этомъ случаѣ предпочтенія передъ другими біографіями. Такъ и И. И. Срезневскій неточно сказалъ («Утренняя Звѣзда» 1834 г.), что Сковорода родился въ 1726 году.

**) *Г. Снѣгиревъ* («Отечественныя Записки» 1823 г.), почерпавшій свѣдѣнія о Сковородѣ изъ рукописи Ковалѣнскаго и еще «отъ двухъ почтенныхъ мужей, знавшихъ его лично», прибавляетъ: «Сперва игралъ онъ на дудочкѣ, а потомъ на флейтѣ; одинъ ходилъ по рощамъ и лѣсамъ или, пріютившись дома, сидѣлъ въ уголкѣ и на память повторялъ читанное имъ или слышанное».

В. В. Стасовъ доставилъ мнѣ любопытную выписку изъ дѣлъ архива придворной конторы, которую онъ сдѣлалъ для составляемой имъ *«Исторіи Церковнаго пѣнія въ Россіи»*. Извѣстно, что придворная капелла, еще со временъ царя Алексѣя Михаиловича, постоянно пополнялась голосами изъ Малороссіи. Въ дѣлахъ придворной конторы постоянно встрѣчаются слова: «вновь привезеннымъ ко двору *изъ Малороссіи* пѣвчимъ выдавать жалованье». Императрица Елисавета, по извѣстной своей набожности и по любви къ духовному пѣнію, еще до восшествія на престолъ, имѣла своихъ пѣвчихъ. Имена: Иванъ Доля, Григорій Берло, Максимъ Бокушъ, Панокъ Григорій, Гаврило Головня и другіе, ясно говорятъ объ ихъ происхожденіи. Мѣста, откуда изъ Украйны брались пѣвчіе, слѣдующія. Въ указѣ *1784 года, октября 16-го*, сказано: *Дисканты:* города Лохвицы, войсковаго товарища, Максима Афонасьева, сынъ, 6 лѣтъ, г. Кролевца, войсковаго товарища, Дойголевскаго, сынъ, 8 лѣтъ; г. Ромны, священника Клименка, сынъ, 6 лѣтъ; Стародубскаго словеснаго судьи сынъ; Роменскаго казака, Обухова, сынъ, 7 лѣтъ; Стародубскаго мѣщанина, Бокурина, сынъ, 6 лѣтъ; Новгорода-Сѣверскаго, мѣщанина Кушнерева, сынъ; Роменскаго уѣзда, села Галки, казака Галайницкаго, сынъ, 8 лѣтъ. *Альты:* Прилуцкаго уѣзда, села Дѣдовѣцъ, священника Тройницкаго, сынъ, 7 лѣтъ; Знобовскаго жителя, Стожка, сынъ, 6 лѣтъ; Стародубскаго значкова товарища, Горлича, племянникъ, 8 лѣтъ. *Подписано*: Новгородъ-Сѣверскаго Намѣстничества верхней расправы предсѣдатель, бунчуковый товарищъ Рачинскій».

При отставкѣ за потерю голоса, они обыкновенно снова возвращались на родину. Такъ, *подъ 1734 годомъ*, читаемъ: «Пять человѣкъ, которые спали съ голоса, отъ двора уволить въ ихъ отечество, въ малую Россію, и дать имъ абшиты, а для пропитанія ихъ въ пути дать имъ за службу по 25 рублей, отъ камеръ-цалмейстера Кайсарова». При капеллѣ они получали столько же: «а жалованья давать въ годъ по 25 р., вычтя на госпиталь». Иногда давалась и особая винная порція: «Пѣвчему Кириллѣ Степанову выдать вина простого пять ведеръ» (1731 года, собственная подпись: *Елисавета*). Пѣвчіе набирались изъ Украйны, изъ дворянъ и простого званія. Подъ *1746 годомъ* стоитъ: «Указали мы двора нашего пѣвчимъ, *дворянамъ и прочимъ*, жа-

лованье и за порціи деньгами и хлѣбомъ производить».— Нарядъ носили такой: «1741 г., декабря 15-го. Императрица изволила указать двора своего пѣвчимъ, уставщику Ивану Петрову съ товарищи, сдѣлать вновь: мундиръ изъ зеленыхъ суконъ, а именно, нѣмецкое: кафтаны, камзолы и штаны, и на кафтанахъ обшлага изъ зеленаго сукна; малымъ черкасское, долгое платье, кафтаны и штаны изъ зеленаго сукна, полукафтаны и штаны изъ шелковой матеріи, пунсовыя или алыя».—Подъ *1745 г., февраля 14*, читаемъ: «Новопривезеннымъ изъ Малороссіи пѣвчимъ, всего 34 человѣкамъ, по новости ихъ, до учиненія имъ жалованья, сдѣлать на каждаго рубахъ и порты по пяти паръ, полотенцевъ по три, изъ средняго полотна, сапоговъ, и башмаковъ, и чулковъ по двѣ пары, хапокъ по одной, рукавицъ по одной парѣ, и раздать имъ съ роспискою».—Подъ *1747 г.,* февраля 18-го, стоитъ: «Изустный указъ. Тенористу Ивану Иванову сдѣлать платье нѣмецкимъ манеромъ, суконное, кофейнаго цвѣта, подбить стамедомъ, или камлотомъ, и пугвицы гарусныя». Заботливость императрицы Елисаветы простиралась до того, что на росписи *1784 г., марта 26*, она собственною рукою приписала: «Четыремъ на верхніе кафтаны широкаго позументу положить и взять у Дмитрея Александровича». (Вотъ любопытный указъ о благочиніи во время службы и церковнаго пѣнія: 1649 года, января 5-го повелѣно: «Во время службы, ежели кто какого бы чина и достоинства ни былъ, будетъ съ кѣмъ разговаривать, на тѣхъ надѣвать цѣпи съ ящикомъ, какія обыкновенно бываютъ въ приходскихъ церквахъ, которыя для того нарочно заказать сдѣлать вновь, для знатныхъ чиновъ мѣдныя вызолоченныя, для посредственныхъ бѣлыя луженыя, а для прочихъ простыя желѣзныя»). Съ 1751 года, для обученія пѣвчихъ, былъ принятъ «французской націи учитель Пажъ Ришардъ». Что касается до Сковороды, то его прозвища мы нигдѣ въ бумагахъ конторы не нашли. Это, быть можетъ, оттого, что пѣвчихъ знали только по имени, обращая отчества въ фамиліи. Въ указѣ *1740 г., января 8-го*, при выдачѣ наградъ «за славленіе и поздравленіе въ Рождество», въ числѣ другихъ стоитъ «робятамъ» такимъ-то: «Каленику, Екиму, Павлу и *Григорью* по 6 рублей каждому». Въ числѣ старшихъ, получившихъ по 10 рублей, тутъ же названъ еще «*Григорій Сыновоеничъ*» (не Сав-

вичъ ли?). Въ указѣ же *1741 г., декабря 21-го*, стоитъ: *«Вновь привезеннымъ изъ Малороссіи пѣвчимъ сдѣлать мундиръ. А каковы имена большихъ и малыхъ пѣвчихъ, о томъ взять за рукою уставщика, іеромонаха Илларіона, реестръ»*. Можно съ большимъ вѣроятіемъ полагать, что въ числѣ послѣднихъ былъ именно и Григорій Сковорода, потому что въ этомъ случаѣ слова указа, по времени, совпадаютъ съ разсказомъ Ковалѣнскаго, переданнаго имъ со словъ самого Сковороды.

Въ «Отрывкахъ изъ записокъ о старцѣ Сковородѣ» И. И. Срезневскаго («Утренняя Звѣзда» 1834 г.) читаемъ дополненіе къ разсказу Ковалѣнскаго: «Находясь тамъ около двухъ лѣтъ, онъ сложилъ голосъ духовной пѣсни *Иже херувимы*, который и доселѣ употребляется во многихъ сельскихъ церквахъ на Украйнѣ». Къ этимъ словамъ г. Срезневскаго тутъ же сдѣлано примѣчаніе Г. Ѳ. Квитки: «Напѣвъ сей духовной пѣсни, подъ именемъ *придворнаго*, помѣщенъ въ обѣднѣ, по высочайшему повелѣнію напечатанной и разосланной по всѣмъ церквамъ, для единообразія въ церковномъ пѣніи. Кромѣ сего, Сковорода сложилъ веселый и торжественный напѣвъ: «Христосъ воскресе» и канонъ Пасхи: «Воскресенія день», нынѣ употребляемый въ церквахъ по всей Россіи, вмѣсто прежняго унылаго, ирмолойнаго напѣва, и вездѣ именуемый: «*Сковородинъ*». Квитка зналъ Сковороду лично и былъ самъ нѣсколько лѣтъ монахомъ. Его слова должны быть здѣсь авторитетомъ. Но, къ сожалѣнію, тутъ есть неточности. Изысканія г. Стасова въ архивѣ придворной конторы, равно какъ и справки инспектора придворной пѣвческой капеллы, П. Е. Бѣликова, которые благосклонно отвѣчали на мои сомнѣнія, не могли вполнѣ подтвердить словъ Квитки и И. И. Срезневскаго. Сковорода не сочинялъ, въ бытность въ Петербургѣ, духовной пѣсни «Иже Херувимы», которая введена въ Россіи, и подобный напѣвъ, подъ именемъ придворнаго, напечатанный въ обѣднѣ, изданной подъ руководствомъ Бортнянскаго въ 1804 году, не принадлежитъ Сковородѣ. Если же Квитка приписываетъ ему, по памяти, нѣкоторые, принятые въ церквахъ, духовные напѣвы, изъ которыхъ одинъ именовали даже прямо «Сковородиннымъ», то это могло легко случиться, потому что даровитый мальчикъ Сковорода, возвратясь изъ Петербурга, училъ желающихъ придворнымъ

напѣвамъ тогдашнихъ знаменитостей, въ родѣ его земляка Головни, и эти пѣсни сохранились въ памяти потомства вмѣстѣ съ его именемъ.

Впрочемъ, Сковорода сочинялъ духовные канты. Профессоръ петербургской духовной академіи, В. Н. Карповъ, къ которому я также обращался съ вопросомъ по этому случаю, отвѣчалъ мнѣ письменно: «живя въ Кіевѣ, я имѣлъ случай слышать напѣвы, приписываемые Сковородѣ. Но эти напѣвы не введены въ церковное употребленіе, а употребляются келейно, въ частныхъ, обычныхъ собраніяхъ кіевскаго духовенства, любящаго завѣтную старину».

Въ бытность Сковороды въ Петербургѣ, придворнымъ пѣвчимъ было неслыханно-привольное житье. Въ то время были въ зенитѣ славы Разумовскіе, украинцы по происхожденію и по душѣ. Мальчиковъ, взятыхъ ко Двору за голоса̀, лелѣяли, ласкали. Въ числѣ пѣвчихъ были дѣти и значительныхъ малороссійскихъ пановъ, каковы Стоцкіе, Головачевскіе. Старѣя, если ихъ не возвращали на родину, они сохраняли важный, сановитый видъ, и гордились, нося названіе пѣвчихъ Двора любимой императрицы. Но Сковорода оставался при Дворѣ недолго,—около двухъ лѣтъ.

«Императрица,—продолжаетъ Ковалѣнскій,—скоро предприняла путешествіе въ Кіевъ, и съ нею весь кругъ двора. Сковорода прибылъ туда вмѣстѣ съ другими пѣвчими».

Это было въ августѣ 1744 года.

Въ «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1846 года *) (августа 23, въ неофиціальной части, стр. 327—328) мы нашли статью: «*О посѣщеніи Императрицею Елисаветою Петровною Кіева*», гдѣ говорится слѣдующее объ этомъ любопытномъ событіи: «Елисавета здѣсь прожила нѣсколько недѣль; пѣшкомъ посѣщала пещеры и храмы, раздавала дары священству и неимущимъ. Ее встрѣчали и конвоировали войска малороссійскія **). Войска были одѣты на-ново,

---

*) Подробности о путешествіи императрицы Елисаветы по Малороссіи помѣщены въ «Черниговскихъ Губерн. Вѣдом.» 1852 г. №№ 29 и 45 (Разсказъ современника, изъ дневника подскарбія, Андрея Марковича).

**) Въ «*Запискахъ о слободскихъ полкахъ*» съ начала ихъ поселенія до 1766 года (Харьковъ, 1812 г.), при описаніи встрѣчи императрицы у города Сѣвска, говорится: «При этомъ бригадиръ Лесевицкій, по старости и слабости, а харьковскій полковникъ Тевяшевъ, по неизвѣстной причинѣ, отказались быть при отряженныхъ командахъ, и полку харьковскаго отрядомъ командовалъ полковой обозный Ив. Вас.

въ синихъ черкескахъ, съ вылетами, и въ широкихъ шальварахъ, съ разноцвѣтными по полкамъ шапками. Изъ кіевской академіи были выписаны вертепы: пѣвчіе пѣли, семинаристы представляли зрѣлища божественныя въ лицахъ и пѣли канты поздравительные. А въ Кіевѣ молодой студентъ, въ коронѣ и съ жезломъ, въ видѣ древняго старца, выѣхалъ за городъ въ колесницѣ, названной «фаэтонъ божественный», на двухъ коняхъ крылатыхъ, которыхъ студенты назвали пегасами и которые были ни что иное, какъ пара студентовъ. Этотъ странникъ представлялъ кіевскаго князя Владиміра Великаго, на концѣ моста встрѣтилъ онъ государыню и произнесъ длинную рѣчь, въ которой называлъ себя княземъ кіевскимъ, ее — своею наслѣдницею, приглашалъ ее въ городъ и поручалъ весь русскій народъ во власть ея и въ милостивое покровительство».

«При возвратномъ отбытіи Двора въ Петербургъ, продолжаетъ Ковалѣнскій, Сковорода получилъ увольненіе, съ чиномъ придворнаго уставщика, и остался въ Кіевѣ продолжать ученіе» ***).

Гессъ-де-Кальве прибавляетъ: «Тамъ молодой Сковорода занялся ревностно еврейскимъ, греческимъ и латинскимъ языками, упражняясь притомъ въ краснорѣчіи, философіи, метафизикѣ, математикѣ, естественной исторіи и богословіи. Но онъ совершенно не имѣлъ расположенія къ духовному званію, для котораго, впрочемъ, преимущественно отецъ назначалъ его. И его нерасположенность возросла до такой степени, что онъ, замѣчая желаніе кіевскаго архіерея посвятить его въ священники, прибѣгнулъ къ хитрости и притворился сумасброднымъ, перемѣнилъ голосъ, сталъ заикаться. Почему обманутый архіерей выключилъ его изъ бурсы, какъ непонятнаго, и, признавъ неспособнымъ къ духовному званію, позволилъ ему жить гдѣ угодно. Этого-то и хотѣлъ Сковорода; будучи на свободѣ, онъ почиталъ себя уже довольно награжденнымъ за несносныя для него шесть лѣтъ, которыя, впрочемъ, онъ совсѣмъ иначе употребилъ,

---

Ковалевскій». Оба послѣднія лица впослѣдствіи играли роль въ жизни Сковороды.

***) Этотъ чинъ давался обыкновенно всѣмъ лучшимъ придворнымъ пѣвчимъ, при оставленіи ими капеллы, и означалъ запѣвалу въ хорѣ, смѣлаго и одареннаго острымъ слухомъ. Уставщикъ же при Дворѣ носилъ особое платье и въ хорѣ былъ съ булавой (Со словъ П. Е. Бѣликова).

нежели какъ думали всѣ его окружавшіе. Онъ пріобрѣлъ большія свѣдѣнія въ разныхъ наукахъ» («Украинскій Вѣстникъ» 1817 г.).

«Кругъ наукъ, преподаваемыхъ въ Кіевѣ, продолжаетъ Ковалѣнскій, показался ему недостаточнымъ. Сковорода пожелалъ видѣть чужіе края. Скоро представился къ этому поводъ, и онъ имъ воспользовался охотно.

«Отъ Двора былъ отправленъ въ Венгрію, къ Токайскимъ садамъ, генералъ-маіоръ Вишневскій, который, для находившейся тамъ греко-россійской церкви, хотѣлъ имѣть церковниковъ, способныхъ къ службѣ и пѣнію. Сковорода, извѣстный уже знаніемъ музыки, голосомъ и желаніемъ своимъ быть въ чужихъ краяхъ, также знаніемъ нѣкоторыхъ языковъ, былъ представленъ Вишневскому и взятъ имъ подъ покровительство. Путешествуя съ генераломъ Вишневскимъ, онъ получилъ его позволеніе и помощь къ обозрѣнію Венгріи, Вѣны, Офена, Пресбурга и другихъ мѣстъ Австріи, гдѣ изъ любопытства старался знакомиться болѣе съ людьми учеными. Онъ говорилъ чисто и хорошо по-латыни и по-нѣмецки и порядочно понималъ греческій языкъ, почему легко могъ пріобрѣтать знакомство и расположеніе ученыхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и новыя познанія, какихъ не имѣлъ и не могъ имѣть на родинѣ».

Гессъ-де-Кальве, также коротко знавшій Сковороду, сообщаетъ объ этомъ еще нѣсколько любопытныхъ подробностей: «Онъ взялъ посохъ въ руку и отправился истинно-философски, т.-е. пѣшимъ и съ крайне тощимъ кошелькомъ. Онъ странствовалъ въ Польшѣ, Пруссіи, Германіи и Италіи, куда сопровождала его нужда и отреченіе отъ всякихъ выгодъ. Римъ любопытству его открылъ обширное поле. Съ благоговѣніемъ шествовалъ онъ по сей классической землѣ, которая нѣкогда носила на себѣ Цицерона, Сенеку и Катона. Тріумфальныя врата Траяна, обелиски на площади св. Петра, развалины Каракальскихъ бань, словомъ — всѣ остатки сего владыки свѣта, столь противоположные нынѣшнимъ постройкамъ тамошнихъ монаховъ, шутовъ, шарлатановъ, макаронныхъ и сырныхъ фабрикантовъ, произвели въ нашемъ циникѣ сильное впечатлѣніе. Онъ замѣтилъ, что не у насъ только, но и вездѣ, богатому поклоняются, а бѣднаго презираютъ; видѣлъ, какъ глупость предпочитаютъ разуму, какъ шутовъ награждаютъ, а заслуга питается по-

даяніемъ; какъ развратъ нѣжится на мягкихъ пуховикахъ, а невинность томится въ мрачныхъ темницахъ». Гессъ-де-Кальве здѣсь нѣсколько фантазируетъ, но легко могло быть, что это отступленіе отъ рѣчи строгаго историка навѣяно ему разсказами самого Сковороды. Далѣе онъ говоритъ: «Наконецъ, обогатившись нужными познаніями, Сковорода желалъ непремѣнно возвратиться въ свое отечество. Надѣясь всегда на проворство ногъ, онъ пустился назадъ. Какъ забилось сердце его, когда онъ издали увидѣлъ деревянную колокольню родимой своей деревушки! Вербы, посаженныя въ отеческомъ дворѣ тогда, какъ онъ былъ еще дитятею, распростирали свои вѣтви по крышѣ хижины. Онъ шелъ мимо кладбища; тутъ большое число новыхъ крестовъ бросало длинныя тѣни. «Можетъ быть, многихъ, думалъ онъ, теперь заключаетъ въ себѣ мракъ могилы!» Онъ перескочилъ черезъ ограду, переходилъ съ могилы на могилу, пока, наконецъ, поставленный въ углу камень показалъ ему, что уже нѣтъ у него отца.—Онъ узналъ, что всѣ его родные переселились въ царство мертвыхъ, кромѣ одного брата, коего пребываніе было ему неизвѣстно. Побывавши въ родимой деревушкѣ, онъ взялъ опять свой странническій посохъ и, многими обходами, пошелъ въ Харьковъ» (110—112 стр.) *).

Но еще до посѣщенія Харькова, Сковорода испыталъ одну любопытную превратность судьбы. Объ этомъ говоритъ Ковалѣнскій.

Возвратясь изъ чужихъ краевъ, полный учености, но съ весьма скуднымъ состояніемъ, въ крайнемъ недостаткѣ всего нужнѣйшаго, проживалъ онъ у своихъ прежнихъ пріятелей и знакомыхъ. Состояніе послѣднихъ было также невелико; потому они изыскивали случай, какъ бы употребить его труды съ пользою для него и для общества. Скоро открылось мѣсто учителя поэзіи въ Переяславлѣ, куда онъ и отправился, по приглашенію тамошняго епископа, Никодима Сребницкаго **).

---

*) О мѣстѣ родины Сковороды, селѣ *Чернухахъ*, я нашелъ въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», 1853 г. № 4, свѣдѣніе, что это село издавна представляетъ людное и торговое мѣсто. Въ этой статьѣ о старинѣ села Чернухъ сказано: «Въ Чернухахъ, Лубенскаго полка, бываетъ въ годъ четыре ярмарки. Изъ Кіева, Лубенъ, Прилукъ и Лохвицы сюда пріѣзжаютъ торговцы съ сукнами, кожами и мелочными товарами,—а изъ околицъ—хлѣбомъ, лошадьми и питейными товарами».

**) По словамъ О. М. Бодянскаго, въ Переяславлѣ существуетъ пре-

Сковорода, имѣя уже обширныя, по тогдашнему времени, познанія, написалъ для училища «Руководство о поэзіи», въ такомъ новомъ видѣ, что епископъ счелъ нужнымъ приказать ему измѣнить его и преподавать предметъ по старинѣ, предпочитавшей силлабическіе стихи Полоцкаго ямбамъ Ломоносова. Сковорода не согласился. Епископъ требовалъ отъ него письменнаго отвѣта, черезъ консисторію, какъ онъ смѣлъ ослушаться его предписанія. Сковорода отвѣчалъ, что онъ полагается на судъ всѣхъ знатоковъ, и прибавилъ, къ объясненію своему, латинскую пословицу: «Alia res sceptrum, alia plectrum» (Иное дѣло пастырскій жезлъ, а иное дѣло — пастушья свирѣль). Епископъ, на докладѣ консисторіи, сдѣлалъ собственноручное распоряженіе: «Не живяше посредѣ дому моего творяй гордыню». Вслѣдъ затѣмъ Сковорода изгнанъ былъ изъ переяславскаго училища.

Бѣдность крайне его стѣсняла, но нелюбостяжательный нравъ поддерживалъ въ немъ веселость и бодрость духа.

Онъ перешелъ жить къ своему пріятелю, который зналъ цѣну его достоинствъ, но не зналъ его бѣдности. Сковорода не смѣлъ просить помощи и жилъ молчаливо и терпѣливо, имѣя только двѣ худыя рубашки, камлотный кафтанъ, одни башмаки и черные гарусные чулки. Нужда сѣяла въ сердцѣ его, по словамъ Ковалѣнскаго, сѣмена, которыхъ плодами обильно украсилась впослѣдствіи его жизнь. Невдалекѣ жилъ малороссійскій помѣщикъ, Степанъ Тамара, которому нуженъ былъ учитель для сына. Сковороду представили ему знакомые, и онъ принялъ его въ село Каврай.

Здѣсь Ковалѣнскій останавливается со Сковородою нѣсколько долѣе. Старикъ Тамара отъ природы былъ большого ума, а на службѣ пріобрѣлъ хорошія познанія отъ иностранцевъ; но придерживался застарѣлыхъ предразсудковъ и съ презрѣніемъ смотрѣлъ на все, что не одѣто въ гербы и не украшено родословными. Сковорода принялся воздѣлывать сердце молодого человѣка, не обременяя его излишними свѣдѣніями. Воспитанникъ привязался къ нему. Цѣлый годъ шло ученіе, но отецъ не удостоивалъ учителя взглядомъ, хотя онъ всякій день сидѣлъ у него за столомъ съ

даніе, что въ ту пору сотоварищами по переяславской семинаріи у Сковороды были двѣ другія знаменитости: протоіерей Гречка и извѣстный впослѣдствіи проповѣдникъ Леванда, — оба не менѣе Сковороды богатые разнообразными приключеніями.

своимъ воспитанникомъ. Тяжело было такое униженіе; но Сковорода желалъ выдержать условіе: договоръ былъ сдѣланъ на годъ. Тутъ случилась одна непріятность. Какъ-то разговаривалъ онъ съ своимъ ученикомъ и за-просто спросилъ его, какъ онъ думаетъ о томъ, что̀ говорили? Ученикъ отвѣтилъ неприлично. Сковорода возразилъ, что, значитъ, онъ мыслитъ, «какъ свиная голова!» Слуги подхватили слово, передали его барынѣ, барыня мужу. Старикъ Тамара, цѣня все-таки учителя, но уступая женѣ, которая требовала мести «за родовитаго шляхетскаго сына», названнаго свиною головою, отказалъ Сковородѣ отъ дому и отъ должности. При прощаньѣ, однако, онъ съ нимъ впервые заговорилъ и прибавилъ: «Прости, государь мой: мнѣ жаль тебя!»

И вотъ, за «свиную голову» Сковорода опять остался безъ мѣста, безъ пищи, безъ одежды, но не безъ надежды,— заключаетъ Ковалѣнскій.

Въ крайней нуждѣ зашелъ онъ къ своему пріятелю, переяславскому сотнику. Тутъ ему представился случай ѣхать въ Москву, съ каллиграфомъ, получившимъ мѣсто проповѣдника въ московской академіи. Съ нимъ и поѣхалъ. Изъ Москвы они проѣхали въ Троицко-Сергіевскую Лавру, гдѣ былъ тогда намѣстникомъ Кириллъ Флоринскій, большихъ познаній человѣкъ, бывшій впослѣдствіи епископомъ черниговскимъ. Кириллъ сталъ уговаривать Сковороду, уже знакомаго ему по слухамъ, остаться въ Лаврѣ для пользы училища; но любовь къ родинѣ влекла его въ Малороссію. Сковорода возвратился снова въ Переяславль, «оставя по себѣ въ Лаврѣ имя ученаго и дружбу Кирилла» *). Сковорода уже отдалялся отъ всякихъ привязанностей и становился странникомъ, безъ родства, стяжаній и домашняго угла.

---

*) Вѣроятно къ этому времени относится черта, сохраненная въ статьѣ г. Снѣгирева: *«О старинномъ русскомъ переводѣ Тита Ливія»* (Ученыя записки Импер. Моск. Университета 1833 г., ч. 1, стр. 694—695). Вотъ слова г. Снѣгирева: «Переводъ Тита Ливія хранится въ патріаршей библіотекѣ, подъ № 292, въ четырехъ большихъ томахъ, писанъ скорописью; на заглавіи IV-го тома надписано: Переведена з латинскаго діалекта на славенскій трудами учителя Коллегіума Чернѣговскаго, року 1716».—На бумажной закладкѣ, вложенной въ одинъ томъ, подписано *рукою Григорія Сковороды,* извѣстнаго подъ именемъ украинскаго философа *«196 году, мѣсяца Мая, въ 29 день, купилъ Сковорода, далъ восемь алтынъ».*

Не успѣлъ онъ пріѣхать въ Переяславль, какъ Тамара поручилъ знакомымъ отыскивать его и просить снова къ себѣ. Сковорода отказался. Тогда одинъ знакомый обманомъ привезъ его, соннаго, въ домъ Тамары ночью, гдѣ его и успѣли уговорить остаться. Онъ остался безъ срока и безъ условій.

Поселясь въ деревнѣ и обезпеча свои первыя нужды, онъ сталъ предаваться уединенію и размышленіямъ, удаляясь въ поля, рощи и аллеи сада. «Рано утромъ заря была ему спутницею, а дубравы собесѣдниками». Это не осталось безъ послѣдствій. Ковалѣнскій сохраняетъ въ своемъ разсказѣ выдержку изъ оставшихся у него «Записокъ» Сковороды. Изъ этой выдержки видно, что Сковорода жилъ у Тамары въ 1758 году. Значитъ, со времени его петербургской жизни уже прошло четырнадцать лѣтъ, и онъ поступалъ въ тридцать-шестой годъ жизни. Учителю Тамары стали видѣться чудные, знаменательные сны.

«Въ полночь, ноября 24 числа, 1758 года, въ селѣ Кавраѣ, говоритъ Сковорода, казалось во снѣ, будто разсматриваю различныя охоты житія человѣческаго, по разнымъ мѣстамъ. Въ одномъ мѣстѣ я былъ, гдѣ царскіе чертоги, наряды, музыка, плясанія; гдѣ любящіяся то пѣли, то въ зеркала смотрѣлись, то бѣгали изъ покоя въ покой, снимали маски, садились на богатыя постели. Оттуда повела меня сила къ простому народу. Люди шли по улицамъ, съ скляницами въ рукахъ, шумя, веселясь, шатаясь, также и любовныя дѣла сроднымъ себѣ образомъ происходили у нихъ». Сонъ заключается картиною сребролюбія, которое съ «кошелькомъ таскается» всюду, и видомъ сластолюбія, попирающаго смиренную бѣдность, «имѣющую голыя колѣна и убогія сандаліи». Сковорода кончаетъ словами: «Я, не стерпя свирѣпства, отвратилъ очи и вышелъ».

Болѣе и болѣе влюблялся онъ въ свободу и уединеніе. Мысли просились къ перу. Онъ писалъ стихи. Прочтя одно изъ нихъ, старый Тамара сказалъ: «Другъ мой! Богъ благословилъ тебя даромъ духа и слова!» *).

Сковорода продолжалъ учить сына Тамары языкамъ и первымъ свѣдѣніямъ. Вскорѣ ученику выпало на долю пе-

*) Эти стихи написаны на тему: «Ходя по землѣ, обращайся на небесахъ», и помѣщены въ рукописномъ сборникѣ «Садъ пѣсней», подъ № 2.

рейти въ другой кругъ; Сковорода также вступилъ на новое поприще. Въ Бѣлгородъ прибылъ епископъ Іосафъ Миткевичъ. Онъ вызвалъ изъ Переяславля своего друга, игумена Гервасія Якубовича. Послѣдній заговорилъ о Сковородѣ; епископъ вызвалъ къ себѣ бывшаго учителя Тамары и доставилъ ему мѣсто учителя поэзіи въ харьковскомъ коллегіумѣ, въ 1759 году **).

Отрадно остановиться здѣсь надъ Сковородою. Жизнь ему на время улыбнулась. Онъ явился уже въ простомъ, но приличномъ нарядѣ. Чудакъ начинаетъ въ немъ пробиваться по поводу пищи, которую онъ принималъ только вечеромъ, по захожденіи солнца, и ѣлъ только овощи, плоды и молочныя блюда, не употребляя ни мяса, ни рыбы. Спитъ въ сутки только четыре часа. Встаетъ до зари и пѣшкомъ отправляется за городъ гулять; какъ замѣчаетъ Ковалѣнскій, предъ всѣми «веселъ, бодръ, подвиженъ, воздерженъ, благодушенствующъ, словоохотенъ, изъ всего выводящій нравоученіе и почтителенъ». Годъ прошелъ и онъ, оконча срочное время, пріѣхалъ въ Бѣлгородъ къ Іосафу отдохнуть отъ трудовъ. Епископъ, желая удержать его долѣе при училищѣ, поручилъ Гервасію уговаривать его, какъ пріятеля, вступить въ монашеское званіе, обѣщая при этомъ скоро довести его до высокаго сана. Сковорода отказался. Гервасій сталъ съ нимъ холоденъ. Тогда Сковорода, на третій же день по прибытіи въ Бѣлгородъ, дождавшись въ передней выхода Гервасія, подошелъ къ нему и попросилъ себѣ «напутственнаго благословенія». Гервасій понялъ его намѣреніе и благословилъ его, скрѣпя сердце. Сковорода отправился къ новому своему пріятелю, въ деревню Старицу, въ окрестности Бѣлгорода. Это было хорошенькое мѣсто, богатое лѣсами, водоточинами и уютными «удольями», по словамъ Ковалѣнскаго, «благопріятствующими глубокому уединенію». Здѣсь Сковорода принялся изучать себя и на эту тему написалъ нѣсколько сочиненій. Гервасій донесъ епископу о поступкѣ Сковороды. Іосафъ не досадовалъ, а только пожалѣлъ о немъ. Пустынножительство Сковороды продолжалось въ Старицѣ. Сосѣди, заслышавъ о его нравѣ, съѣзжались

**) Въ это время ректоромъ коллегіума былъ архимандритъ *Константинъ Бродскій*, изъ префектовъ московской академіи, а префектомъ — Лаврентій Кордетъ, игуменъ (См. статью о коллегіумѣ въ «Молодикѣ» 1843 г., стр. 30).

съ нимъ познакомиться. Онъ также посѣщалъ нѣкоторыхъ по деревнямъ, и, между прочимъ, вздумалъ снова посѣтить Харьковъ. «Нѣкто, говоритъ Ковалѣнскій, изъ познакомившихся съ нимъ, сдѣлавшись пріятелемъ его, просилъ, чтобъ, будучи въ Харьковѣ, познакомился онъ съ племянникомъ его, молодымъ человѣкомъ, находившимся тамъ для наукъ, и не оставилъ бы его добрымъ словомъ». Здѣсь Ковалѣнскій, подъ именемъ племянника, говоритъ о себѣ самомъ. Съ этой поры онъ познакомился съ Сковородою, и ему мы обязаны достовѣрнымъ жизнеописаніемъ Сковороды. Встрѣтившись съ нимъ въ Харьковѣ, Сковорода, смотря на него, полюбилъ его, и полюбилъ до самой смерти.

Іосафъ, между тѣмъ, не теряя Сковороды изъ виду и желая привлечь его снова въ харьковское училище, предложилъ ему должность учителя, какую онъ захочетъ. Полюбивъ новаго своего знакомаго, Сковорода принялъ предложеніе епископа и остался въ Харьковѣ преподавать въ коллегіумѣ синтаксисъ и греческій языкъ.

Покинувъ Бѣлгородъ для Харькова, Сковорода, кромѣ коллегіума, занялся съ новымъ своимъ другомъ, М. И. Ковалѣнскимъ. Онъ сталъ чаще и чаще навѣщать его, занималъ его музыкою, чтеніемъ книгъ,—словомъ, невольно сталъ его руководителемъ. Молодой человѣкъ, воспитываемый до той поры полуучеными школьными риторами и частью монахами, съ жадностью сталъ вслушиваться въ слова новаго учителя. Одни говорили ему, что счастіе состоитъ въ довольствѣ, нарядахъ и въ праздномъ веселіи. Сковорода говорилъ, что счастіе—ограниченіе желаній, обузданіе воли и трудолюбивое исполненіе долга. Вдобавокъ къ этому, словамъ Сковороды отвѣчала и жизнь его, и его дѣла. Ученикъ проходилъ съ нимъ любимыхъ древнихъ авторовъ: Плутарха, Филона, Цицерона, Горація, Лукіяна, Климента, Оригена, Діонисія Ареопагита, Нила и Максима-Исповѣдника. Новые писатели шли съ ними рядомъ. Предпринявъ перевоспитать своего ученика совершенно, Сковорода почти ежедневно писалъ къ нему письма, чтобы отвѣтами на нихъ вкратцѣ пріучить его мыслить писать. Вскорѣ, именно въ *1763 году*, какъ самъ Ковалѣнскій приводитъ въ выдержкѣ изъ своихъ тогдашнихъ «Поденныхъ Записокъ», онъ увидѣлъ сонъ, въ которомъ на ясномъ небѣ представились ему золотыя очертанія именъ трехъ отроковъ, вверженныхъ въ печь огненную:

Ананія, Азарія и Мисаила. Отъ этихъ трехъ словъ на Сковороду сыпались искры, а нѣкоторыя попадали и на Ковалѣнскаго, производя въ немъ легкость, спокойствіе и довольство духа. «Поутру,—говоритъ онъ,—вставъ рано, пересказалъ я сіе видѣніе старику, троицкому священнику, Бор., у котораго я имѣлъ квартиру. Старикъ сказалъ: молодой человѣкъ! слушайтесь вы сего мужа; онъ поставленъ вамъ отъ Бога руководителемъ и наставникомъ. Съ того часа молодой сей человѣкъ предался вседушно дружбѣ Григорія Сковороды». Три отрока, говорилъ ему Сковорода,— это три способности человѣка: умъ, воля и дѣяніе, непокоряющіяся злому духу міра, несгорающія отъ огня любострастія. Это объяснилъ ему Сковорода уже черезъ тридцать лѣтъ самой тѣсной дружбы съ своимъ ученикомъ, за два мѣсяца до своей кончины, потому что послѣдній не рѣшался ему разсказать прежде своего сна.

Въ бесѣдахъ съ своимъ ученикомъ, раздѣляя человѣка надвое, на внутренняго и внѣшняго, Сковорода этого внутренняго человѣка называлъ Минервою, по сказкѣ о происхожденіи Минервы изъ головы Юпитера. «Такимъ образомъ, часто,—говоритъ ученикъ,—видя робкаго военачальника, грабителя судью, хвастуна ритора, роскошнаго монаха, онъ съ досадою замѣчалъ: вотъ люди безъ Минервы! Взглянувъ на изображеніе Екатерины II, бывшее въ гостиной у друга его, сказалъ онъ съ движеніемъ: вотъ голова съ Минервою!»

Въ своихъ бесѣдахъ онъ приглашалъ ученика въ поздніе лѣтніе вечера за городъ и незамѣтно доводилъ его до кладбища. Тутъ онъ, при видѣ песчаныхъ могилъ, разрытыхъ вѣтромъ, толковалъ о безумной боязливости людской при видѣ мертвыхъ. «Иногда же, замѣчаетъ Ковалѣнскій, онъ пѣлъ тамъ что-либо, приличное благодушеству; иногда же, удаляясь въ близъ-лежащую рощу, игралъ на флейттраверсѣ, оставя ученика своего между могилъ одного, чтобъ издали ему пріятнѣе было слушать музыку». Такъ онъ укрѣплялъ бодрость мысли и чувствъ своего ученика.

Въ 1764 году Ковалѣнскій поѣхалъ въ Кіевъ изъ любопытства. Сковорода рѣшился ѣхать съ нимъ, и они отправились въ августѣ. Тамъ они осматривали древности, а Сковорода былъ ихъ истолкователемъ. «Многіе изъ соучениковъ его и родственниковъ,—замѣчаетъ Ковалѣнскій,—

будучи тогда монахами въ Печерской Лаврѣ, напали на него неотступно, говоря: «полно бродить по свѣту! Пора пристать къ гавани! намъ извѣстны твои таланты! ты будешь столпъ и украшеніе обители!»—«Ахъ,—возразилъ въ горячности Сковорода:—довольно и васъ, столбовъ неотесанныхъ!» Черезъ нѣсколько дней Ковалѣнскій возвратился домой, а Сковорода остался погостить у своего родственника, печерскаго типографа, Іустина. Спустя два мѣсяца, онъ снова пріѣхалъ изъ Кіева въ Харьковъ. Украйну онъ предпочиталъ Малороссіи за воздухъ и воды. «Онъ обыкновенно,—замѣчаетъ его ученикъ,—называлъ Малороссію матерью, потому что родился тамъ, а Украйну теткою, по жительству въ ней и по любви къ ней».

Въ Харьковѣ былъ тогда губернаторомъ Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ, человѣкъ стараго вѣка, но поклонникъ искусствъ и наукъ, а въ особенности музыки, въ которой и самъ былъ искусенъ. Онъ много наслышался о Сковородѣ. Одинъ старожилъ передалъ мнѣ о первой встрѣчѣ его съ Сковородою. Щербининъ ѣхалъ по улицѣ, въ пышномъ рыдванѣ и съ гайдуками, и увидѣлъ Сковороду, сидѣвшаго у гостинаго двора, на тротуарѣ. Губернаторъ послалъ къ нему адъютанта.—«Васъ требуетъ къ себѣ его превосходительство!»—«Какое превосходительство?»—«Господинъ губернаторъ!»—«Скажите ему, что мы незнакомы!»—Адъютантъ, заикаясь, передалъ отвѣтъ Сковороды. Губернаторъ послалъ вторично. «Васъ *проситъ* къ себѣ *Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ!*» — «А! — отвѣтилъ Сковорода: — объ этомъ слыхалъ; говорятъ, добрый человѣкъ и музыкантъ!» И, снявши шапку, подошелъ къ рыдвану. Съ той минуты они сошлись. Ковалѣнскій сохраняетъ черты ихъ дальнѣйшихъ отношеній. «Честный человѣкъ, для чего не возьмешь ты себѣ извѣстнаго состоянія?»—спросилъ его Щербининъ въ первые дни знакомства.—«Милостивый государь, отвѣчалъ Сковорода:—свѣтъ подобенъ театру. Чтобъ представить на немъ игру съ успѣхомъ и похвалою, берутъ роли по способностямъ. Дѣйствующее лицо не по знатности роли, но за удачность игры похваляется. Я увидѣлъ, что не могу представить на театрѣ свѣта никакого лица удачно, кромѣ простого, безпечнаго и уединительнаго; я сію роль выбралъ, и доволенъ».—«Но, другъ мой!—продолжалъ Щербининъ, отведя его особенно изъ круга:—можетъ-быть, ты

имѣешь способности къ другимъ состояніямъ, да привычка, мнѣнія, предубѣжденіе»... («мѣшаютъ»—хотѣлъ онъ сказать). «Если бы я почувствовалъ,—перебилъ Сковорода:— сегодня же, что могу рубить турокъ, то привязалъ бы гусарскую саблю и, надѣвъ киверъ, пошелъ бы служить въ войско. А ни конь, ни свинья не сдѣлаютъ этого, потому что не имѣютъ природы къ тому!..»

Любимымъ занятіемъ Сковороды въ это время была музыка. Онъ сочинялъ духовные концерты, положа нѣкоторые псалмы на музыку, также и стихиры, пѣваемые на литургіи. Эти вещи были, по словамъ Ковалѣнскаго, исполнены гармоніи, простой, но важной и проникающей душу. Особую склонность питалъ онъ къ ахроматическому роду музыки. Сверхъ того, онъ игралъ на скрипкѣ, флейттраверсѣ, бандурѣ и гусляхъ. По словамъ г. Срезневскаго («Утренняя Звѣзда», 1834 г., к. 1), «онъ началъ музыкальное поприще въ домѣ своего отца—*сопилкою*, свирѣлью. Тамъ, одѣвшись въ юфтовое платье, онъ отправлялся отъ ранняго утра въ рощу и наигрывалъ на сопилкѣ священные гимны. Мало-по-малу онъ усовершенствовалъ свой инструментъ до того, что могъ на немъ передавать переливы голоса птицъ пѣвчихъ. Съ тѣхъ поръ музыка и пѣніе сдѣлались постояннымъ занятіемъ Сковороды. Онъ не оставлялъ ихъ въ старости. За нѣсколько лѣтъ до смерти, живя въ Харьковѣ, онъ любилъ посѣщать домъ одного старичка, гдѣ собирались бесѣды добрыхъ, подобныхъ хозяину, стариковъ. Бывали вечера и музыкальные, и Сковорода занималъ въ такихъ случаяхъ всегда первое мѣсто, пѣлъ primo и за слабостью голоса вытягивалъ трудныя solo на своей флейтѣ, какъ называлъ онъ свою сопилку, имъ усовершенствованную. Впрочемъ, онъ игралъ и пѣлъ, всегда наблюдая важность, задумчивость и суровость. Флейта была неразлучною его спутницей; переходя изъ города въ городъ, изъ села въ село, по дорогѣ онъ всегда или пѣлъ, или, вынувъ изъ-за пояса любимицу свою, наигрывалъ на ней свои печальныя фантазіи и симфоніи».

Въ 1766 г., по повелѣнію Екатерины II харьковскимъ училищамъ, по предстательству Щербинина, прибавлены нѣкоторыя науки подъ именемъ «прибавочныхъ классовъ». Между прочимъ, благородному юношеству было назначено преподавать правила благонравія. Начальство для этого

избрало Сковороду, которому было уже сорокъ-четыре года, и онъ принялъ вызовъ охотно, даже безъ опредѣленнаго оклада жалованья, ссылаясь, что это доставитъ ему одно удовольствіе. Въ руководство ученикамъ написалъ онъ тогда извѣстное свое сочиненіе: «*Начальная дверь къ христіанскому добронравію для молодого шляхетства Харьковской губерніи*» *). Всѣ просвѣщенные люди, замѣчаетъ при этомъ Ковалѣнскій, отдали Сковородѣ полную справедливость. Но нашлись при этомъ завистники и гонители. Г. Срезневскій, въ своей статьѣ: «Отрывки изъ записокъ о старцѣ Сковородѣ» («Утренняя Звѣзда», кн. I), сохранилъ объ этомъ нѣсколько любопытныхъ подробностей. Воротившись изъ-за границы, Сковорода былъ полонъ новаго ученія, новыхъ животворныхъ истинъ, добытыхъ на пользу человѣчества, любящій все доброе и честное и ненавидящій ложь и невѣжество. «Бѣдный странникъ,—говоритъ г. Срезневскій:—въ рубищѣ явился онъ въ Харьковъ. Скоро распространилась молва о его учености и краснорѣчіи». Въ предварительной лекціи, по полученіи каѳедры правилъ благонравія въ училищѣ, онъ высказалъ нѣкоторыя свои мысли и напугалъ непросвѣщенныхъ своихъ товарищей. И въ самомъ дѣлѣ, могли ли они не быть поражены такимъ громкимъ вступленіемъ! Выписываю оное слово въ слово: «Весь міръ спитъ! Да еще не такъ спитъ, какъ сказано: аще упадетъ, не разбіется; спитъ глубоко, протянувшись, будто ушибенъ! А наставники не только не пробуживаютъ, но еще поглаживаютъ, глаголюще: спи, не бойся, мѣсто хорошее... чего опасаться!» Волненіе было готово. Но это только начало, и скоро все затихло. Сковорода началъ свои уроки, написалъ вышеупомянутое сочиненіе, какъ сокращеніе оныхъ, отдалъ рукопись, и тогда-то буря возстала на него всею силой. Рукопись пошла по рукамъ. Съ жадностью читали ее. Но какъ нѣкоторыя мѣста въ ней найдены сомнительными, то Сковороду осудили на отрѣшеніе отъ должности. Конечно, тутъ дѣйствовала болѣе зависть; но невѣжество было для нея достаточною подпорою, и оно-то всего болѣе оскорбило

*) Напечатана вполнѣ въ «*Сіонскомъ Вѣстникѣ*» Ѳеопемпата Мисаилова, 1806 г., ч. III, и въ «*Утренней Звѣздѣ*», 1834 г., кн. I, въ отрывкахъ, въ статьѣ И. И. Срезневскаго. Начало этого сочиненія, подъ именемъ *Преддверія Сковороды*», напечатано еще въ «*Москвитянинѣ*», 1842 г., ч. I, съ замѣткою: доставлено г. Срезневскимъ.

Сковороду. Назначены были диспуты. Сочиненіе разобрано на нихъ съ самой дурной стороны, все истолковано въ превратномъ смыслѣ. Сковороду обвинили въ такихъ мысляхъ, какихъ онъ и имѣть не могъ. Сковорода опровергалъ противниковъ умно; но рѣшеніе осталось прежнее, Сковорода былъ принужденъ удалиться изъ Харькова».

Ковалѣнскій продолжаетъ разсказъ. Близъ Харькова есть мѣсто, называемое *Гужвинское*. Это — помѣстье Земборгскихъ, покрытое угрюмымъ лѣсомъ, въ глуши котораго была устроена тогда пасѣка, съ хижиною пчельника. На этой пасѣкѣ, у любимыхъ имъ помѣщиковъ, поселился Сковорода, укрываясь отъ молвы и враговъ. Здѣсь написалъ онъ сочиненіе «*Наркизъ, познай себя*»; вслѣдъ за тѣмъ, тутъ же онъ написалъ разсужденіе: «*Книга Асханъ, о познаніи себя*» *). Это были первыя полныя сочиненія Сковороды; прежде, говоритъ Ковалѣнскій, онъ написалъ только «малыя отрывочныя сочиненія, въ стихахъ и въ прозѣ». «Лжемудрое высокоуміе, не въ силахъ будучи уже вредить ему, употребило другое орудіе—клевету. Оно разглашало повсюду, что Сковорода возстаетъ противъ употребленія мяса и вина, противъ золота и цѣнныхъ вещей, и что, удаляясь въ лѣса, не имѣетъ любви къ ближнему, а потому называли его манихейцемъ, мизантропомъ, человѣконенавистникомъ». Сковорода, узнавши объ этомъ, явился въ городъ и въ первомъ же обществѣ нашелъ случай разгромить очень діалектически своихъ враговъ. «Было время, — говорилъ онъ, по словамъ Ковалѣнскаго,—когда онъ воздерживался, для внутренней экономіи своей, отъ мяса и вина. Не потому ли и лѣкарь охуждаетъ, напримѣръ, чеснокъ тому, къ которому вредный жаръ вступилъ въ глаза?» И стрѣлы его противъ «оглагольниковъ его» сыпались безъ числа. Слушавшіе его только робко переглядывались и не возражали. Онъ раскланялся и вышелъ. Новое уединеніе влекло его къ себѣ.

Въ изюмскомъ округѣ, харьковской губерніи, продолжаетъ Ковалѣнскій, жили тогда дворяне *Сошальскіе*, младшій братъ

---

*) Первая не напечатана. Второй также я нигдѣ не нашелъ въ печати. Но въ спискѣ сочиненій Сковороды, переданномъ мнѣ отъ преосвященнаго Иннокентія, сказано: «Асханъ, о познаніи себя» напечатана въ Петербургѣ, въ 1798 году. Это, вѣроятно, книга подъ другимъ именемъ: «*Библіотека духовная, дружеская бесѣда о познаніи себя*», о которой я скажу ниже, въ перечнѣ сочиненій Сковороды.

которыхъ приглашалъ Сковороду раздѣлить его жилище и дружбу. Сковорода поѣхалъ съ нимъ въ деревню его, Гусинку, полюбилъ снова и мѣсто, и хозяевъ, и поселился у нихъ, по обычаю своему, на пасѣкѣ. Тишина, безмятежность и свобода снова возбудили въ немъ чувство несказаннаго удовольствія. «Многіе говорятъ,—писалъ онъ при этомъ къ Ковалѣнскому: — чтò дѣлаетъ въ жизни Сковорода, чѣмъ забавляется? — Я радуюсь, а радованіе есть цвѣтъ человѣческой жизни!» Въ это время бывшій ученикъ его поѣхалъ на службу въ Петербургъ. Это было въ ноябрѣ 1769 года. Тамъ прожилъ онъ три года, превознося своего учителя. Сковорода, между тѣмъ, въ 1770 году съ Сошальскими уѣхалъ въ Кіевъ. Тамъ поселился онъ у своего родственника Іустина въ Китаевской пустыни, близъ Кіева, и прожилъ тутъ три мѣсяца. «Но вдругъ», по словамъ Ковалѣнскаго, «примѣтилъ онъ однажды въ себѣ внутреннее движеніе духа, побуждавшее его ѣхать изъ Кіева. Онъ сталъ просить Іустина отпустить его въ Харьковъ. Родственникъ началъ его уговаривать остаться. Сковорода обратился къ другимъ пріятелямъ, съ просьбою отправить его на Украйну. Между тѣмъ, пошелъ онъ на Подолъ—нижній Кіевъ. Сходя туда по горѣ, онъ, по словамъ его, вдругъ остановился, почувствовавши сильный запахъ труповъ. На другой же день онъ уѣхалъ изъ Кіева. Пріѣхавши черезъ двѣ недѣли въ Ахтырку, онъ остановился въ монастырѣ, у своего пріятеля, архимандрита Венедикта, и успокоился. Неожиданно получается извѣстіе, что въ Кіевѣ чума и городъ уже запертъ». Поживя нѣсколько у Венедикта, онъ обратно отправился въ Гусинку, къ Сошальскимъ, гдѣ и обратился къ своимъ любимымъ занятіямъ. Здѣсь Ковалѣнскій дѣлаетъ маленькое отступленіе, въ объясненіе того, почему Сковорода при жизни подписывался, въ письмахъ и сочиненіяхъ, еще иногда такъ: *Григорій Варсава Сковорода,* а иногда *Даніилъ Мейнгардъ.*

Въ 1772 году, въ февралѣ, Ковалѣнскій поѣхалъ за границу и, объѣхавши Францію, въ 1773 году прибылъ въ швейцарскій городъ Лозанну. Между многими учеными въ Лозаннѣ сошелся онъ съ Даніиломъ Мейнгардомъ. Этотъ Мейнгардъ былъ до того похожъ на Сковороду — образомъ мыслей, даромъ слова и чертами лица, что его можно было признать ближайшимъ родственникомъ его. Ковалѣнскому

Мейнгардъ пришелся поэтому еще болѣе по́-сердцу, и они такъ сблизились, что швейцарецъ предложилъ русскому страннику свой загородный домъ подъ Лозанною, съ садомъ и обширною библіотекой, чѣмъ тотъ и пользовался въ свое пребываніе въ Швейцаріи. Возвратясь, въ 1775 году, изъ-за границы, Ковалѣнскій передалъ о своей встрѣчѣ Сковородѣ. И послѣдній до того полюбилъ заочно своего двойника, что съ той поры сталъ подписываться въ письмахъ и въ своихъ сочиненіяхъ: *Григорій Варсава* (по еврейски: варъ — сынъ Савы) и *Даніилъ Мейнгардъ*. Это были его псевдонимы.

Въ 1775 году Сковородѣ было уже пятьдесятъ-три года, а онъ попрежнему былъ такой же безпечный, старый ребенокъ, такой же чудакъ и охотникъ до уединенія, такой же мыслитель и непосѣда. Съ этого времени его жизнь уже принимаетъ видъ постоянныхъ переходовъ, странствованій пѣшкомъ за сотни верстъ и краткихъ отдыховъ у немногихъ, которыхъ онъ любилъ и которые гордились его посѣщеніями.

Здѣсь разсказъ Ковалѣнскаго я прерву воспоминаніями другихъ лицъ, писавшихъ о Сковородѣ. Ковалѣнскій говоритъ: «И добрая, и худая слава распространилась о немъ по всей Украйнѣ. Многіе хулили его, нѣкоторые хвалили, и всѣ хотѣли видѣть его. Онъ живалъ у многихъ. Иногда мѣстоположеніе—по вкусу его, иногда же люди привлекали его. Непремѣннаго же жилища не имѣлъ онъ нигдѣ. Болѣе другихъ онъ въ это время любилъ дворянъ Сошальскихъ и ихъ деревню Гусинку» *).

*) Въ объясненіе словъ Ковалѣнскаго, Гессъ-де-Кальве и Ивана Верне а, потомокъ этихъ Сошальскихъ, *Е. Е. Сошальскій*, доставилъ мнѣ, отъ 15 января 1856 г., слѣдующія замѣтки своего отца: «Другъ Сковороды, Алексѣй Юрьевичъ Сошальскій жилъ въ *Гусинкѣ*, возлѣ церкви, гдѣ теперь живетъ В. Ѳ. Земборгскій. Онъ былъ старый холостякъ, оригиналъ, упрямаго характера и, будучи бездѣтенъ, все имѣніе хотѣлъ передать своему племяннику, моему отцу. Но разсердился на него за то, что тотъ приказалъ выбросить изъ пруда конопли, которыя онъ велѣлъ мочить, и конопли были причиною того, что имѣніе перешло въ разныя руки. Отецъ мой послѣ выкупилъ небольшую часть. Это—то мѣсто, гдѣ теперь я живу, т.-е. хуторъ Селище, близъ лѣса, называемаго Васильковъ. Я помню и самого Алексѣя Юрьевича, и домъ его, особой архитектуры. Это было очень высокое зданіе въ три этажа. Верхній, по имени лѣтнякъ, былъ безъ печей. Тутъ съ весны проживалъ хозяинъ, другъ Сковороды. У него были еще два брата, Осипъ и Георгій — мой дѣдъ. Первый жилъ также въ Гусинкѣ, а второй въ *Маначиновкѣ*

Гессъ-де-Кальве говоритъ объ этой поръ («Украинскій Вѣстникъ» 1817 г., IV кн.): «Въ крайней бѣдности переходилъ Сковорода по Украйнѣ изъ одного дома въ другой, училъ дѣтей примѣромъ непорочной жизни и зрѣлымъ наставленіемъ. Одежду его составляла сѣрая свита, пищу—самое грубое кушанье. Къ женскому полу не имѣлъ склонности; всякую непріятность сносилъ съ великимъ равнодушіемъ. — Проживши нѣсколько времени въ одномъ домѣ, гдѣ всегда ночевалъ—лѣтомъ въ саду подъ кустарникомъ, а зимой въ конюшнѣ,—бралъ онъ свою еврейскую Библію, въ карманъ флейту и пускался далѣе, пока попадалъ на другой предметъ. Никто, во всякое время года, не видалъ его иначе, какъ пѣшимъ; также малѣйшій видъ награжденія огорчалъ его душу. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ, по большей части, жилъ онъ въ Купянскомъ уѣздѣ, въ большомъ лѣсу, принадлежавшемъ дворянину О. Ю. Шекому (Ос. Юр. Сошальскому). Онъ обыкновенно приставалъ въ убогой хижинѣ пасѣчника. Нѣсколько книгъ составляли все его имущество. Онъ любилъ быть также у помѣщика И. И. Меч—кова (И. И. Мечникова). Простой и благородный образъ жизни въ сихъ домахъ ему нравился. Тамъ онъ воспитывалъ дѣтей и развеселялъ разговорами сихъ честныхъ стариковъ».

Г. Срезневскій говоритъ о его характерѣ («Утренняя Звѣзда», 1834 г., кн. I): «Уваженіе къ Сковородѣ простиралось до того, что почитали за особенное благословеніе Божіе дому тому, въ которомъ поселился онъ хоть на нѣсколько дней. Онъ могъ бы составить себѣ подарками порядочное состояніе. Но, что ему ни предлагали, сколько ни просили, онъ всегда отказывался, говоря: «дайте неимущему!» и самъ довольствовался только сѣрой свитой. Эта сѣрая свита, чоботы про запасъ и нѣсколько свитковъ со-

---

Недалеко отъ Гусинки есть лѣсъ. Тамъ въ то время была хижина и пасѣка, гдѣ Сковорода проживалъ иногда вмѣстѣ съ Алексѣемъ Юрьевичемъ. Мѣсто называлось Скрынники и получило имя «Скрынницкой пустыни». Друзья ходили оттуда въ церковь въ Гусинку, гдѣ и теперь въ алтарѣ хранится зеркало Сковороды, взятое по смерти его изъ домика Скрынницкой пустыни. Еще слово. Въ родѣ Сошальскихъ было также монашеское званіе: Одинъ изъ предковъ нашихъ потерялъ жену отъ чумы, занесенной въ Украйну. Возлѣ матери найденъ былъ живымъ ребенкомъ сынъ ея. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ онъ часть имѣнія, именно хуторъ Чернячій, впослѣдствіи взятый въ казну, пожертвовалъ на Куряжскій монастырь, близъ Харькова, и самъ пошелъ въ монахи».

чиненій,—вотъ въ чемъ состояло все его имущество. Задумавши странствовать или переселиться въ другой домъ, онъ складывалъ въ мѣшокъ эту жалкую свою худобу и, перекинувши его черезъ плечо, отправлялся въ путь съ двумя неразлучными: *палкой-журавлемъ и флейтой* *). И то, и другое было собственнаго его рукодѣлья». — Въ тѣхъ же «запискахъ о старцѣ Григоріѣ Сковородѣ» г. Срезневскій говоритъ (стр. 68—71): «Сковорода отъ природы былъ добръ, имѣлъ сердце чувствительное. Но, росшій сиротою, онъ долженъ былъ привыкнуть по-неволѣ къ состоянію одиночества, и сердце его должно было подпасть подъ иго меланхоліи и загрубѣть, и судьба наконецъ взяла свое: съ лѣтами созрѣло въ немъ это ледяное чувство отчужденія отъ людей и свѣта. Умъ Сковороды шелъ тою же дорогой: сначала добрый, игривый, онъ мало-по-малу тяжелѣлъ, дѣлался своенравнѣе, независимѣе, дичалъ все болѣе и, наконецъ, погрузился въ бездну мистицизма. Притомъ вспомнимъ время, когда жилъ Сковорода: мистики или квіетисты разыгрывались тогда повсюду въ Германіи. Сковорода побывалъ въ этой странѣ и навсегда сохранилъ предпочтеніе къ ней передъ всѣми прочими, исключая родины своей. Легко понять, отчего Сковорода заслуживалъ часто имя чудака, если даже и не юродиваго. Съ сердцемъ охладѣлымъ, съ умомъ, подавленнымъ мистицизмомъ, вѣчно пасмурный, вѣчно одинокій, себялюбивый, гордый, въ простомъ крестьянскомъ платьѣ, съ причудами,—Сковорода могъ по справедливости заслужить это названіе. Сковорода жилъ самъ собою, удаляясь отъ людей и изучая ихъ, какъ изучаетъ естествоиспытатель хищныхъ звѣрей. Этотъ духъ сатиризма—самая разительная черта его характера.—Вотъ что говоритъ Сковорода самъ о своей жизни: «что жизнь? *То сонъ Турка, упоеннаго опіумомъ,—сонъ страшный:* и голова болитъ отъ него, сердце стынетъ. *Что жизнь? То странствіе.* Прокладываю и себѣ дорогу, не зная, куда идти, зачѣмъ идти. И всегда блуждаю между несчастными степями, колючими кустарниками, горными утесами,—а буря надъ головою, и негдѣ укрыться отъ нея. Но — бодрствуй!»... — Впрочемъ, Сковорода не искалъ ни славы, ни уваженія. Онъ жилъ

*) По словамъ Хиждеу, въ статьѣ «*Три пѣсни Сковороды*»,—пѣсни Сковороды малороссійскіе слѣпцы поютъ подъ именемъ «*Сковородинскихъ весняновъ*».

самъ собою. Онъ не могъ равнодушно сносить, чтобъ унижали его мысли. Любилъ иногда похвастаться своими познаніями, особенно въ языкахъ. Кромѣ славянскаго церковнаго, русскаго и украинскаго, онъ зналъ нѣмецкій, греческій и латинскій и на всѣхъ прекрасно говорилъ и писалъ. Сказавъ, что Сковорода вообще отличался особенною умѣренностью, какъ въ пищѣ, такъ и въ питіи, что онъ былъ настоящій постникъ, и «по сказанію всѣхъ, знавшихъ лично его, почти вовсе не употреблялъ горячихъ напитковъ» — г. Срезневскій старается защитить Сковороду противъ замѣчаній къ статьѣ Гессъ-де-Кальве издателей «Украинскаго Вѣстника», гдѣ указывается на письмо Сковороды, приложенное къ статьѣ «Вѣстника». Письмо писано къ харьковскому купцу Урюпину, изъ Бурлука, отъ 1790 года, 2 іюля; въ концѣ посланія «старецъ Григорій Варсава Сковорода» выражается такъ: «Пришлите мнѣ ножикъ съ печаткою. Великою печатью не кстати и не люблю моихъ писемъ печатать. Люблю печататься еленемъ. Уворовано моего еленя тогда, *когда я у васъ въ Харьковѣ пировалъ и буянилъ.* Достойно! — *Боченочки оба отсылаются*, вашъ и Дубровина; и сей двоицѣ отдайте отъ меня низенькій поклонъ и господину Прокопію Семеновичу». Къ словамъ г. Срезневскаго, въ статьѣ «Утренней Звѣзды», сдѣлалъ примѣчаніе Квитка-Основьяненко, подписавшись буквами: *Г. Ѳ. К—а.* Онъ рѣшаетъ вопросъ такъ: «хотя Сковорода и не былъ пьяница, но не былъ и врагъ существовавшему въ его время здѣсь обыкновенію, въ дружескихъ и пріятельскихъ собраніяхъ поддерживать и одушевлять бесѣды употребленіемъ не вина, котораго въ то время здѣсь, кромѣ крымскихъ и волошскихъ, и слыхомъ не было слышно, а разнаго рода наливокъ въ домахъ пріятельскихъ».

Г. Срезневскій сохраняетъ еще одну черту изъ жизни и нрава Сковороды, которую должно упомянуть прежде, нежели я перейду къ дальнѣйшему развитію разсказа Ковалѣнскаго.

Въ «Московскомъ Наблюдателѣ» 1836 г., ч. VI, г. Срезневскій помѣстилъ повѣсть «*Майоръ-майоръ*», гдѣ разсказываетъ, какъ судьба испытала-было Сковороду въ сердечныхъ стремленіяхъ его, какъ онъ чуть было не женился, и остался все-таки холостякомъ. Среди вымысла разговоровъ и обыкновенныхъ повѣствовательныхъ отступленій,

авторъ сберегаетъ любопытныя черты, взятыя имъ изъ преданій старожиловъ, знавшихъ Сковороду. Послѣ того, какъ Сковорода «съ восторгомъ надѣлъ стихарь дьячка грекороссійской церкви въ Офенѣ, только для того, чтобъ убѣжать изъ Офена и, пространствовавъ на свободѣ по Европѣ», бѣглымъ дьячкомъ исходилъ онъ Венгрію, Австрію, сѣверную Италію и Грецію; странствовалъ потомъ по Украйнѣ и *«въ 1765 г. зашелъ въ наши Валковскіе хутора»*. Значитъ, ему было тогда уже сорокъ три года. Свернувъ съ какой-то тропинки на проселокъ, а изъ проселка на огороды, онъ наткнулся на садикъ, близъ пасѣки, гдѣ видитъ дѣвушку, распѣвавшую пѣсни. Онъ знакомится съ отцомъ ея, оригинальнымъ хуторяниномъ, носившимъ прозвище «Майоръ», часто бесѣдуетъ съ нимъ, учитъ его дочку; дочка заболѣваетъ горячкой, онъ ее лѣчитъ. Тутъ дочка Майора и Сковорода влюбляются другъ въ друга. Сковорода, по словамъ біографовъ, «вовсе несклонный къ женскому полу», увлекается сильнѣе; его помолвили, ставятъ подъ вѣнецъ. Но тутъ преданіе, въ разсказѣ г. Срезневскаго, сберегаетъ любопытную черту. Природа чудака беретъ верхъ—и онъ убѣгаетъ изъ церкви изъ-подъ вѣнца... Или Сковорода объ этомъ не разсказывалъ своему другу, Ковалѣнскому, или Ковалѣнскій умолчалъ объ этомъ изъ деликатности: только въ его разсказѣ этого эпизода не находится.

Продолжаю записки Ковалѣнскаго.

Полюбя *Тевяшева*, воронежскаго помѣщика, Сковорода жилъ у него въ деревнѣ и написалъ тутъ сочиненіе: «Икона Алкивіадская» *). Потомъ онъ имѣлъ пребываніе въ Бурлукахъ, у *Захаржевскаго*, гдѣ помѣстье отличалось красивымъ видомъ. Жилъ также у *Щербинина*, въ селѣ Бабаяхъ, въ монастыряхъ Старо-Харьковскомъ, Харьковскомъ учи-

*) По случаю жизни Сковороды въ воронежской губерніи уцѣлѣло нѣсколько строкъ въ *«Москвитянинѣ»*, 1849 г., XXIV ч., подъ именемъ *«Анекдотъ о Г. С. Сковородѣ. Свиданіе Сковороды съ епископомъ Тихономъ III въ Острогожскѣ»*. Подпись: «Сообщено Н. Б. Баталинымъ изъ Воронежа». Это извѣстіе начинается словами: «Нѣкогда Г. С. Сковорода жилъ въ Острогожскѣ». Въ это время епископу разсказывали о немъ, какъ о дивѣ. Епископъ, между прочимъ, въ разговорѣ съ нимъ, спросилъ: «Почему не ходите никогда въ церковь?»—«Если вамъ угодно, я завтра же пойду».—И онъ кротко повиновался желанію епископа.

лищномъ, Ахтырскомъ, Сумскомъ, Святогорскомъ, Сеннянскомъ, у своего друга, Ковалѣнскаго, въ селѣ Хатетовѣ, близъ Орла, и въ селѣ Ивановкѣ, у *Ковальнскаго*, гдѣ потомъ и скончался. «Иногда жилъ онъ у кого-либо», замѣчаетъ Ковалѣнскій, «совершенно не любя пороковъ своихъ хозяевъ, но для того только, дабы через продолженіе времени, обращаясь съ ними, бесѣдуя, нечувствительно привлечь ихъ *въ познаніе себя, въ любовь къ истинѣ и въ отвращеніе отъ зла*».—«Впрочемъ, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ жилъ, онъ избиралъ всегда уединенный уголъ, жилъ просто, одинъ, безъ услуги.—Харьковъ любилъ онъ и часто посѣщалъ его. Новый начальникъ тамошній, услыша о немъ, желалъ видѣть его». Губернаторъ съ перваго же знакомства спросилъ, о чемъ учитъ его любимая книга, «книга изъ книгъ», священная Библія? Сковорода отвѣтилъ: «Поваренныя книги ваши учатъ, какъ удовольствовать желудокъ; псовыя — какъ звѣрей ловить; модныя — какъ наряжаться; а она учитъ, какъ облагородствовать человѣческое сердце». Тутъ онъ толковалъ и спорилъ съ учеными, говорилъ о философіи. И во всѣхъ его рѣчахъ была одна завѣтная цѣль: побужденіе людей къ жизни духа, къ благородству сердца и «къ свѣтлости мыслей, яко главѣ всего». Изъ Харькова онъ надолго отправился въ Гусинку, къ Сошальскимъ, въ «любимое свое пустынножительство». Онъ былъ счастливъ по-своему и повторялъ завѣтную свою поговорку: *«благодареніе всеблаженному Богу, что нужное сдѣлалъ нетруднымъ, а трудное ненужнымъ!»* — Усталый, говоритъ Ковалѣнскій, приходилъ онъ къ престарѣлому пчелинцу, недалеко жившему на пасѣкѣ, «бралъ съ собою въ сотоварищество любимаго пса своего, и трое, составя общество, раздѣляли они между собою свечерю». «Можно жизнь его было назвать жизнью; не таково было тогда состояніе друга его!»—заключаетъ Ковалѣнскій и переходитъ къ описанію собственнаго положенія, когда онъ почти на двадцать лѣтъ разстался съ Сковородою и, увлеченный вихремъ свѣта и столичной жизни, свидѣлся съ нимъ опять уже въ годъ смерти бывшаго своего учителя. Здѣсь и я на время разстанусь съ разсказомъ Ковалѣнскаго и пополню его слова изъ другихъ источниковъ о Сковородѣ, а именно нѣсколькими анекдотами о странствующемъ философѣ, записанными харьковскими старожилами, безъ означенія времени.

По словамъ Ѳ. Н. Глинки, Екатерина II знала о Сковородѣ, дивилась его жизни, уважала его славу и однажды, чрезъ Потемкина, послала ему приглашеніе изъ Украйны переселиться въ столицу. Посланный гонецъ отъ Потемкина, съ юга Малороссіи, засталъ Сковороду съ флейтою, на закраинѣ дороги, близъ которой ходила овца хозяина, пріютившаго на время философа. Сковорода, выслушавъ приглашеніе, отвѣтилъ: «скажите матушкѣ-царицѣ, что я не покину родины... . . . .

Мнѣ моя свирѣль и овца
Дороже царскаго вѣнца!»

Въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» (1817 г., кн. IV) сохранили о Сковородѣ нѣсколько любопытныхъ чертъ Гессъ-де-Кальве и Иванъ Вернетъ.

Гессъ-де-Кальве говоритъ: «Чтобы дать понятіе объ остроуміи и скромности Сковороды, приведу два случая.— При странномъ поведеніи его, неудивительно, что нѣкоторые забавники шутили надъ нимъ. Г***, умный и ученый человѣкъ, но атеистъ и сатирикъ (онъ былъ воспитанъ по-французски), хотѣлъ однажды осмѣять его. «Жаль, — говорилъ онъ,—что ты, обучившись такъ хорошо, живешь какъ сумасшедшій, безъ цѣли и пользы для отечества!»—«Ваша правда,—отвѣчалъ философъ:—я до сихъ поръ еще не сдѣлалъ пользы; но надобно сказать — и никакого вреда! Но вы, сударь, безбожіемъ вашимъ уже много сдѣлали зла. Человѣкъ безъ вѣры есть ядовитое насѣкомое въ природѣ. Но байбакъ (сусликъ), живя уединенно подъ землею, временемъ, съ своего бугорка, смотря на прекрасную натуру, отъ радости свищетъ и притомъ никого не колетъ!» Г*** проглотилъ пилюлю; однако, она не подѣйствовала: онъ остался, какъ и былъ, безбожникомъ до послѣдняго издыханія».— «Другой анекдотъ, — говоритъ Гессъ-де-Кальве: — показываетъ скромность Сковороды.—Многіе желали познакомиться съ нимъ. Иные, будучи водимы благороднымъ чувствомъ, а другіе, чтобы надъ нимъ почудиться, какъ надъ рѣдкимъ человѣкомъ, полагая, что философъ есть родъ орангутанговъ, которыхъ показываютъ за деньги. — Въ Таганрогѣ жилъ Г. И. Ковалѣнскій, воспитанникъ Сковороды (это, вѣроятно, братъ Ковалѣнскаго, автора записокъ о Сковородѣ). Чтобы навѣстить его, пустился нашъ мудрецъ въ дорогу, на которой, какъ онъ самъ говорилъ, помѣшкалъ болѣе года.

Когда же онъ прибылъ въ Таганрогъ, то ученикъ его созвалъ множество гостей, между которыми были весьма знатные люди, хотѣвшіе познакомиться съ Сковородою. Но сей, будучи врагъ пышности и многолюдства, лишь только примѣтилъ, что такая толпа милостивцевъ собралась единственно по случаю его прибытія туда, тотчасъ ушелъ изъ комнаты, и, къ общей досадѣ, никто не могъ его найти. Онъ спрятался въ сарай, гдѣ до тѣхъ поръ лежалъ въ закрытой кибиткѣ, пока въ домѣ стало тихо». Гессъ-де-Кальве заключаетъ свои воспоминанія словами: «Вотъ нѣсколько довольно странныхъ его изреченій: «Старайся манить собаку, но палки изъ рукъ не выпускай». — «Курица кудахчетъ на одномъ мѣстѣ, а яйца кладетъ на другомъ».—«Рыба начинаетъ отъ головы портиться».

Вотъ нѣсколько чертъ, переданныхъ во всей наивности Иваномъ Вернетомъ, еще любопытнѣе.—«Подлѣ Лопанскаго моста, въ Харьковѣ, въ домѣ почтеннаго моего пріятеля, *П. Ѳ. Пискуновскаго*, досталось мнѣ видѣть въ послѣдній разъ Григорія Саввича Сковороду. Онъ былъ мужъ умный и ученый. Но своенравіе, излишнее самолюбіе, нетерпящее никакого противорѣчія, слѣпое повиновеніе, котораго онъ требовалъ отъ слушавшихъ его—magister dixit—затмевали сіяніе дарованія его и уменьшали пользу, которую общество могло ожидать отъ его способностей. Ему надлежало бы, по совѣту Платона, который относилъ слова свои къ Ксенократу, *почаще приносить жертву граціямъ. Истина въ устахъ его, не будучи прикрыта пріятною завѣсою скромности и ласковости, оскорбляла исправляемаго.* Всѣхъ болѣе удивлялись ему достопочтенные Я. М. Донецъ-Захаржевскій и А. Ю. Сошальскій. Сковорода преимущественно любилъ малороссіянъ и нѣмцевъ. Сія исключительная любовь была причиною моего съ нимъ пренія и несогласія при первомъ свиданіи. Сковорода былъ музыкантомъ. Его духовные канты мнѣ нравятся. Но стихи его вообще противны моему слуху, можетъ быть, отъ того, что я худой знатокъ и цѣнитель красотъ русской поэзіи. При всемъ томъ, я чувствую въ себѣ склонность подражать ему въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. И вмѣсто того, чтобы чувствительно оскорбиться тѣмъ, *что онъ меня назвалъ мужчиною съ бабьимъ умомъ и дамскимъ секретаремъ*, я еще былъ ему весьма обязанъ за сіи титла. Это было въ тѣ счастливыя лѣта, когда человѣкъ, у *кого*

не тыква на мѣстѣ головы и не кусокъ дерева вмѣсто сердца, поставляетъ все свое благополучіе въ томъ, чтобы любить и быть любиму; когда чувствительное сердце ищетъ себѣ подобнаго, и когда милая улыбка любимаго предмета такъ восхищаетъ сердце и душу, какъ послѣ суровой зимы солнечная теплота, пѣніе птицъ и природа во всемъ ея убранствѣ» («Украин. Вѣстн.», 1817 г. кн. IV). Модное нѣкогда, какъ впослѣдствіи — разочарованность, «чувствительное сердце». Ивана Вернета заставило его сказать въ концѣ отъ души: «я нарочно ѣздилъ изъ Мерчика (имѣніе Шидловскихъ) въ деревню Ивановку, богодуховскаго уѣзда, для посѣщенія могилы, въ коей почиваютъ бренные останки незабвеннаго Сковороды. И. Вернетъ. *Софійское, валковскаго уѣзда. Въ мартѣ 1817 года*».

Г. Срезневскій сообщаетъ также любопытный анекдотъ о Сковородѣ («Утренняя Звѣзда», 1834 г. кн. I): «Рѣдко, очень рѣдко Сковорода измѣнялъ своей важности, а если и измѣнялъ, то въ такихъ только случаяхъ, когда дѣйствительно было трудно сохранить оную. Суровый старецъ, онъ былъ, однако, застѣнчивъ и не могъ терпѣть, когда предъ нимъ величали его достоинства. Онъ становился самъ не свой, онъ терялся, когда предъ нимъ внезапно являлся кто-нибудь изъ давно желавшихъ видѣть его и разливался въ привѣтствіяхъ. Такъ случилось однажды въ домѣ *Пискуновскаго*, старика, любимаго Сковородою. Это было вечеромъ, во время ихъ обыкновенной стариковской бесѣды. Молча, съ глубочайшимъ вниманіемъ слушали старики разсказы и нравоученія старца, который, выпивши на этотъ разъ лишнюю чарку вина, среди розыгра своего воображенія, говорилъ хотя и медленно и важно, но съ необыкновеннымъ жаромъ и краснорѣчіемъ. Прошелъ часъ и другой, и ничто не мѣшало восторгу разсказчика и слушателей. Сковорода началъ говорить о своемъ сочиненіи: «Лотова жена», сочиненіи, въ коемъ положилъ онъ главныя основанія своей мистической философіи. Сковорода разсказалъ уже очеркъ. Начинаются подробности. Вдругъ дверь съ шумомъ растворяется, половинки хлопаютъ, и молодой Х—ъ, франтъ, недавно изъ столицы, вбѣгаетъ въ комнату. Сковорода, при появленіи незнакомаго, умолкъ внезапно.—«Итакъ,—восклицаетъ Х—ъ,—я, наконецъ, достигъ того счастія, котораго столь долго и напрасно жаждалъ. Я вижу, наконецъ, вели-

каго соотечественника моего, Григорія Саввича Сковороду! Позвольте»... и подходитъ къ Сковородѣ. Старецъ вскакиваетъ; сами собою складываются крестомъ на груди его костлявыя руки; горькой улыбкой искривляется тощее лицо его, черные впалые глаза скрываются за сѣдыми нависшими бровями, самъ онъ невольно изгибается, будто желая поклониться, и вдругъ прыжокъ, и трепетнымъ голосомъ: «*позвольте! тоже позвольте!*»—и исчезъ изъ комнаты. Хозяинъ за нимъ; проситъ, умоляетъ — нѣтъ. «Съ меня смѣяться!» говоритъ Сковорода и убѣжалъ. И съ тѣхъ поръ не хотѣлъ видѣть Х—а».

Выписываемъ еще нѣсколько строкъ изъ повѣсти г. Срезневскаго «*Майоръ-майоръ*» («Московскій Наблюдатель», 1836 г. IV ч.), гдѣ онъ сохранилъ, по разсказамъ старожиловъ, портретъ Сковороды, относящійся къ его поздней жизни въ Харьковѣ и окрестностяхъ. «Сухой, блѣдный, длинный», говорилъ онъ, «губы изжелкли, будто истерлись; глаза блестятъ то гордостью академика, то глупостью нищаго, то невиннымъ простодушіемъ дитяти; поступь и осанка важная, размѣренная». Въ это время слава Сковороды шла уже далеко, и украинскіе бродячіе пѣвцы, называемые «бандуристами» и «слѣпцами», подхватывали его стихи и духовные канты и распѣвали ихъ на большихъ дорогахъ, именуя ихъ «псалмами«.

ГЛАВА III.

Переписка Сковороды.—Письма Ковалѣнскаго.—Свиданіе съ другомъ черезъ двадцать лѣтъ разлуки.—Болѣзнь, старческая суровость и смерть.—Надгробная и вызовъ черезъ «Московскія Вѣдомости» читать его сочиненія. Письмо Н. С. Мягкаго.—Заключеніе.

Начиная съ 1775 года, когда Сковородѣ исполнилось уже за пятьдесятъ лѣтъ, его біографы оставляютъ въ его жизни пробѣлъ, вплоть до самой его смерти. Ковалѣнскій, выразившись, что около 1775 года разстался съ нимъ, «увлеченный великимъ свѣтомъ, возбудившимъ въ немъ разумъ внѣшній», на двадцать лѣтъ, — прямо уже переходитъ къ разсказу о Сковородѣ въ 1794 году, когда снова столкнулся съ нимъ и навѣки оплакалъ своего друга. Г. Срезневскій, послѣ всего взятаго мною изъ его «Записокъ о старцѣ Григоріи Сковородѣ», также кончаетъ свою статью коротенькимъ описаніемъ его смерти. Этотъ пробѣлъ почти

въ двадцать лѣтъ, кромѣ приведенныхъ мною анекдотовъ, хотя нѣсколько могутъ освѣтить выдержки изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ писемъ Сковороды. Эти письма приложены частію къ нѣсколькимъ изданнымъ его сочиненіямъ, частію же сопровождаютъ его рукописныя сочиненія, съ которыми постоянно и списываются, какъ необходимое предисловіе къ его разсужденіямъ, обращавшимся постоянно къ тѣмъ, къ кому онъ писалъ письма. Кромѣ того, два письма Сковороды помѣщены отдѣльно въ *«Украинскомъ Вѣстникѣ»*, при статьѣ Гессъ-де-Кальве и Ивана Вернета, и нѣсколько отрывковъ ихъ напечатано въ статьѣ В. Н. Каразина и И. И. Срезневскаго въ *«Молодикѣ»*, 1843 года. Нельзя не упомянуть при этомъ и нѣсколькихъ намековъ на письма, именно на подписи ихъ года и числа и мѣста жительства Сковороды, въ подстрочныхъ выноскахъ при статьѣ Хиждеу, въ *«Телескопѣ»* 1835 года. Въ тѣхъ письмахъ сохранена исторія появленія сочиненій Сковороды, изрѣдка прерываясь краткими и скупыми намеками на собственную жизнь автора. Пособіемъ въ сведеніи этой переписки послужилъ мнѣ присланный отъ преосвященнаго *Иннокентія*, изъ Одессы, и неизданный еще нигдѣ списокъ нѣсколькихъ писемъ Ковалѣнскаго къ Сковородѣ, отъ 1779 до 1788 года, сдѣланный вскорѣ послѣ смерти Сковороды, въ концѣ прошлаго вѣка.

«Самое старое изъ писемъ Сковороды, говоритъ г. Срезневскій въ отдѣльной своей статьѣ «Выписки изъ писемъ Г. С. Сковороды». («Молодикъ», 1843 г.) есть то, которое помѣщено передъ его книжкой (неизданной) «О древнемъ зміѣ или Библіи». Оно писано къ какому-то высокородію, и во всякомъ случаѣ до 1763 года, когда это сочиненіе было списано С. Ѳ. Залѣсскимъ».

Вотъ отрывокъ этого письма: «Училъ своихъ друзей Епикуръ, что жизнь зависитъ отъ сладости и что веселіе сердца есть животъ человѣку. Силу слова сего люди не раскусивъ во всѣхъ вѣкахъ и народахъ, обезславили Епикура за сладость и почти самого его величали пастыремъ стада свиного, а каждаго изъ друзей его величали Epicuri de grege porcus. *Всякая мысль подло, какъ змія, по землѣ ползетъ; но есть въ ней око голубицы, взирающее выше потопныхъ водъ на прекрасную ипостась истины»* («Молодикъ», 1743 г., стр. 241—242).

При изданной книгѣ Сковороды *«Басни Харьковскія»*

(Москва, 1837 года), въ видѣ предисловія, напечатано, съ помѣткою: *«1774 года, въ селѣ Вабаяхъ; наканунѣ пятидесятницы»*, слѣдующее письмо Сковороды. Вотъ это письмо:

«Любезному другу, Аѳанасію Кондратовичу Панкову.

«Любезный пріятель! Въ седьмомъ десяткѣ нынѣшняго вѣка, отставъ отъ учительской должности и уединяясь въ лежащихъ около Харькова лѣсахъ, поляхъ, садахъ, селахъ, деревняхъ и пчельникахъ, обучалъ я себя добродѣтели и поучался въ Библіи; притомъ, благопристойными игрушками забавляясь, написалъ полтора десятка басенъ, не имѣя съ тобою знаемости. А сего года, въ селѣ *Вабаяхъ*, умножилъ оныя до половины. Между тѣмъ, какъ писалъ прибавочныя, казалось, будто ты всегда притомъ присутствуешь, одобряя мои мысли и вмѣстѣ о нихъ со мною причащаясь. Дарую же тебѣ три десятка басенъ: тебѣ и подобнымъ тебѣ!

«Отческое наказаніе заключаетъ въ горести своей сладость, а мудрая игрушка утаеваетъ въ себѣ силу.

«Глупую важность встрѣчаютъ по виду, выпровожаютъ по смѣху, а разумную шутку важный печатлѣетъ конецъ. Нѣтъ смѣшнѣе, какъ умный видъ съ пустымъ потрохомъ, и нѣтъ веселѣе, какъ смѣшное лицо съ утаенною дѣльностію; вспомните пословицу: *красна хата не углами, но пирогами*. Я и самъ не люблю поддѣльной маски тѣхъ людей и дѣлъ, о коихъ можно сказать малороссійскую пословицу: *стучитъ, шумитъ, гремитъ. А что тамъ? Кобылья мертва голова бѣжитъ*. Говорятъ и великороссійцы: *летала высоко, а сѣла недалеко*, о тѣхъ, что богато и красно говорятъ, а нечего слушать. Не люба мнѣ сія пустая надменность и пышная пустошь; а люблю тое, что сверху ничто, но въ середкѣ чтось: снаружи ложь, но внутрь истина. Картинка сверху смѣшна, но внутрь боголѣпна. Другъ мой! Не презирай баснословія. Басня и притча есть тоже. «Не по кошельку суди сокровище». Праведенъ судъ судитъ! Басня тогда бываетъ скверная и бабія, когда въ подлой и смѣшной своей шелухѣ не заключаетъ зерна истины: похожа на орѣхъ свищъ. Отъ такихъ-то басенъ отводитъ Павелъ своего Тимоѳея; и Петръ не просто отвергаетъ басни, но басни ухищренныя, кромѣ украшенной наружности, силы Христовой неимущія. Иногда во вретищѣ

дражайшій кроется камень. Какъ обрядъ есть, безъ силы Божіей, пустошь, такъ и басня безъ истины. Если-жъ съ истиною: кто дерзнетъ назвать лживою?

«Все, убо, чисто чистымъ, оскверненнымъ же и не вѣрнымъ ничтоже чисто, но осквернися ихъ умъ и совѣсть.

«Симъ больнымъ, лишеннымъ страха Божія, а съ нимъ и добраго вкуса, всякая пища кажется гнусною. Не пища гнусна, *«но осквернился ихъ умъ и совѣсть»*.

«Сей забавный и фигурный родъ писаній былъ домашній самымъ лучшимъ древнимъ любомудрцамъ. Лавръ и зимою зеленъ. Такъ мудрые и въ игрушкахъ умны, и во лжѣ истинны. Истинна острому взору ихъ не издали мелькала, такъ, какъ низкимъ умамъ, но ясно, какъ въ зеркалѣ, представлялась; а они, увидѣвъ живо живый ея образъ, уподобили оную различнымъ тлѣннымъ фигурамъ.

«Ни однѣ краски не изъясняютъ розу, лилію, нарцисса столько живо, сколько благолѣпно у нихъ образуетъ невидимою Божію истину тѣнь небесныхъ и земныхъ образовъ. Отсюду родились символы, притчи, басни, подобія, пословицы...

«И не дивно, что Сократъ, когда ему внутренній геній, предводитель во всѣхъ его дѣлахъ, велѣлъ писать ему стихи, тогда избралъ Езоповы басни. И какъ самая хитрѣйшая картина неученымъ очамъ кажется враками, такъ и здѣсь дѣлается.

«Пріими-жъ, любезный пріятель, дружескимъ сердцемъ сію не безвкусную отъ твоего друга мыслей воду. Не мои сіи мысли, и не я оныя вымыслилъ; истина есть безначальна! Но люблю!.. Тѣшь мои *люби*—и будутъ твои. Знаю, что твой тѣлесный болванъ далеко разнится отъ моего чучела, но два разноличные сосуды однимъ да наполнятся елеемъ; да будетъ едина душа и едино сердце! Сія-то есть истинная дружба—мыслей единство. Все не наше, все погибнетъ. И самые болваны наши. Однѣ только мысли наши всегда съ нами; одна только истина вѣчна! А мы въ ней, какъ яблокъ въ своемъ зернѣ, сокрыемся.

«Питаймо-жъ дружбу! Пріими и кушай съ Петромъ четвероногая, звѣри, гади и птицы. Богъ тебя да благословляетъ! Съ нимъ не вредитъ и самый ядъ языческій. Они ничто суть, какъ образы, прикрывающіе какъ полотномъ истину. Кушай, поколь вкусишь съ Богомъ лучшее! Любез-

ный пріятель, твой вѣрный слуга, любитель Священныя Библіи, Григорій Сковорода».

Вслѣдъ за этимъ идутъ письма Коваленскаго къ Сковородѣ, по рукописи преосвященнаго Иннокентія. Ничего наивнѣе и трогательнѣе этихъ писемъ нельзя себѣ представить. Въ нихъ сохранились любопытныя черты, дорисовывающія окончательно образъ Сковороды и показывающія всю степень любви, которую питали къ нему современники и друзья его.

Привожу слѣдующее, помѣченное 1779 г., нигдѣ неизданное, замѣчательное письмо Сковороды къ лицу неизвѣстной фамиліи, найденное мною въ рукописяхъ библіотеки харьковскаго университета въ 1865 году, въ сборникѣ рукописей Сковороды, подаренныхъ университету И. Т. Лисенковымъ въ 1861 году.

Вотъ оно:

Изъ Гусинской пустыни, 1779 г., февраля 19.

«Любезный государь, Артемъ Дорофеевичъ, радуйтесь и веселитесь! Ангелъ мой хранитель нынѣ со мною веселится пустынею. Я къ ней рожденъ. Старость, нищета, смиреніе, безпечность, незлобіе суть мои въ ней сожительницы. Я ихъ люблю и онѣ мене. А что ли дѣлаю въ пустынѣ? Не спрашивайте. Недавно нѣкто о мнѣ спрашивалъ: скажите мнѣ, чтò онъ тамъ дѣлаетъ? Если бы я въ пустынѣ отъ тѣлесныхъ болѣзней лѣчился, или оберегалъ пчелы, или портняжилъ, или ловилъ звѣрь, тогда бы Сковорода казался имъ занятъ дѣломъ. А безъ сего думаютъ, что я празденъ, и не безъ причины удивляются. Правда, что праздность тяжелѣе горъ кавказскихъ. Такъ только ли развѣ всего дѣла для человѣка: продавать, покупать, жениться, посягать, воеваться, тягаться, портняжить, строиться, ловить звѣрь? Здѣсь ли наше сердце неисходно всегда? Такъ вотъ же сейчасъ видна бѣдности нашей причина: что мы, погрузивъ все наше сердце въ пріобрѣтеніе міра и въ море тѣлесныхъ надобностей, не имѣемъ времени вникнуть внутрь себе, очистить и поврачевать самую госпожу тѣла нашего, душу нашу. Забыли мы себе за неключимымъ рабомъ нашимъ, невѣрнымъ тѣлишкомъ, день и ночь о немъ одномъ пекущесь. Похожи на щеголя, пекущагося о сапогѣ, не о ногѣ, о красныхъ углахъ, не о пирогахъ, о золотыхъ кошелькахъ, не о деньгахъ. Коликая-жъ намъ отсюду тщета

и трата? Не всѣмъ ли мы изобильны? Точно, всѣмъ и всякимъ добромъ тѣлеснымъ; совсѣмъ телѣга, по пословицѣ, кромѣ колесъ—одной только души нашей не имѣемъ. Есть, правда, въ насъ и душа, но такова, каковыя у шкорбутика или подагрика ноги, или матрозскій алтына не стоящій козырекъ. Она въ насъ разслаблена, грустна, нравна, боязлива, завистлива, жадная, ничѣмъ не довольна, сама на себя гнѣвна, тощая, блѣдна, точно такая, какъ паціентъ изъ лазарета, каковыхъ часто живыхъ погребаютъ по указу. Такая душа, если въ бархатъ одѣлась, не гробъ ли ей бархатный? Если въ свѣтлыхъ чертогахъ пируетъ, не адъ ли ей? Если весь міръ ее превозноситъ портретами и пѣсньми, сирѣчь одами величаетъ, не жалобныя ли для нея оныя пророческія сонаты:

«Въ тайнѣ восплачется душа моя (Іеремія)
«Взволнуются... и почти не возмогутъ! (Исаія)

«Если самая тайна, сирѣчь самый центръ души изныетъ и болитъ, кто или что̀ увеселитъ ее? Ахъ, государь мой и любезный пріятель! плывите по морю и возводьте очи къ гавани. Не забудьте себе среди изобилій вашихъ. Одинъ у васъ хлѣбъ уже довольный есть, а втораго много-ль? Рабъ вашъ сытъ, а Ревекка довольна-ль? Сіе-то есть?

«Не о единомъ хлѣбѣ живъ будетъ человѣкъ!»

«О семъ послѣднемъ ангельскомъ хлѣбѣ день и ночь печется Сковорода. Онъ любитъ сей родъ блиновъ паче всего. Далъ бы по одному блину и всему Израилю, еслибъ былъ Давыдомъ. Какъ пишется въ книгахъ Царствъ: но и для себе скудно. Вотъ что онъ дѣлаетъ въ пустынѣ, пребывая, любезный государь, вамъ всегда покорнѣйшимъ слугою—и любезному нашему Степану Никитичу г-ну Курдюмову, отцу и его сынови поклонъ, если можно, и Ивану Акимовичу». На письмѣ адресъ: «М. гос. г-ну Артему Дорофеевичу—въ Харьковѣ».

Въ рукописяхъ преосвященнаго Иннокентія найдено мною слѣдующее письмо отъ М. Ковалѣнскаго къ Сковородѣ: «1788 г., февраля 13, Сантъ-Петербургъ. — Возлюбленный мой Мейнгардъ! Такъ ты уже и не пишешь ко мнѣ оригинально, а только черезъ копію говоришь со мною? Вчера я получилъ отъ Якова Михайловича Захаржевскаго письмо, въ которомъ ты препоручаешь ему цѣловать меня. За дру-

жеское сіе цѣлованіе душевно благодарю тебя, другъ мой; но желалъ бы я имѣть цѣлованіе твоею рукою Мейнгардовою! Видъ начертанныхъ твоихъ писемъ возбуждаетъ во мнѣ огнь, пепломъ покрываемый, не получая ни движенія, ни вѣтра; ибо я живу въ такой странѣ, гдѣ хотя водъ и непогодъ весьма много, но движенія и вѣтровъ весьма мало,—а безъ сихъ огонь совершенно потухаетъ. Ты говоришь въ письмѣ, что все мое получилъ, но меня самого не получаешь. Сего-то и я сердечно желаю. Давно уже направляю я ладію мою къ пристани тихаго уединенія! — Тогда-то я бы утѣшился тобою, другомъ моимъ, услаждая жизнь собесѣдованіемъ твоимъ! — Прости! Не знаю, что послать тебѣ. *Да ты ни въ чемъ не имѣешь надобности, что прислать можно: все въ тебѣ и съ тобою!* Я слышалъ о твоихъ писаніяхъ. По любви твоей ко мнѣ, пришли мнѣ оныя. Я привыкъ любить мысли твои. Ты много оживотворишь меня бесѣдою твоею. Впрочемъ, не безпокойся, чтобы я оныя сообщилъ кому другому. Можетъ быть, Богъ велитъ мнѣ увидѣть тебя скоро. Я покупаю у Шидловскаго, Николая Романовича, село *Кунее,* въ Изюмской округѣ. Сказуютъ, что мѣста хорошія тамъ; а ты бы еще собою мнѣ сдѣлалъ оныя прекрасными. Другъ твой и слуга вѣрный, Михайло Ковалѣнской. Надежда моя посылаетъ тебѣ *пармазану,* съ дѣтьми Якова Михайловича, *и шесть платочковъ.* Прійми ихъ отъ дружбы».

Тамъ же найдено мною письмо отъ 1788 г. 6 марта за подписью: «*Василій Тамара*». «Любезный мой учитель Григорій Савичъ! Письмо ваше черезъ корнета *Кислаго* получилъ я, съ равною любви и сердца привязанностію моею къ вамъ. Вспомнишь ты, почтенный другъ мой, твоего Василія, по наружности, можетъ быть, и не-несчастнаго, но внутренно болѣе имѣющаго нужду въ совѣтѣ, нежели когда былъ съ тобою. О, если-бы внушилъ тебѣ Господь пожить со мною! Если бы ты меня одинъ разъ выслушалъ, узналъ, то-бъ не порадовался своимъ воспитанникомъ. Напрасно ли я тебя желалъ? Если нѣтъ, то одолжи и отпиши ко мнѣ, какимъ образомъ могъ бы я тебя увидѣть, страстно любимый мой Сковорода? Прощай и не пожалѣй еще одинъ разъ въ жизни удѣлить частицу твоего времени и покоя старому ученику твоему — Василію Тамарѣ».

Во всѣхъ этихъ письмахъ, сильнѣе всякой біографической похвалы, говоритъ за Сковороду страстная любовь, которою его встрѣчали и провожали всѣ знавшіе его. За отсутствіемъ другого, высшаго нравственнаго интереса въ украинскомъ обществѣ того времени, за отсутствіемъ литературы и науки въ главномъ городѣ Слободскаго намѣстничества, къ Сковородѣ стремились всѣ тогдашніе живые умы и сердца. О немъ писали въ письмахъ другъ къ другу, толковали, спорили, разбирали его, хвалили и злословили на него. Можно сказать, что по степени уваженія, которымъ онъ пользовался, его можно было назвать странствующимъ университетомъ и академіею тогдашнихъ украинскихъ помѣщиковъ, пока, наконецъ, чрезъ десять лѣтъ послѣ смерти Сковороды, Василій Каразинъ послужилъ къ открытію въ Харьковѣ университета.

Рукопись неизданнаго сочиненія Сковороды «Книжечка, называемая Silenus Alcibiadis» (1777 года, марта 28), сопровождается неизданнымъ письмомъ Сковороды къ «Высокомилостивому Государю, Степану Ивановичу, Господину Полковнику, *Тевяшову*». Письмо кончается слѣдующими словами:

«Я въ сей книжечкѣ представляю опыты, коимъ образомъ входить можно въ точный сихъ книгъ разумъ. Писалъ я ее, забавляя праздность и прогоняя скуку; а вашему высокородію подношу, не столько для любопытства, сколько ради засвидѣтельствованія благодарнаго моего сердца за многія милости ваши, на подобіе частыхъ древесныхъ вѣтвей, прохладною тѣнію праздность мою вспокоивающія. Такъ что и мнѣ можно сказать съ Мароновымъ пастухомъ: Deus nobis haec otia fecit!—Вашего высокородія всепокорнѣйшій и многодолженъ слуга, *студентъ, Григорій Сковорода»*.

Въ письмѣ къ бабаевскому священнику, Іакову Правицкому, отъ *1785 г. окт. 3*, Сковорода, пересылая ему новое свое сочиненіе «*Марко препростый*», изъ села Маначиновки, изъясняется по-латыни. Вотъ отрывокъ изъ этого письма, приведенный И. И. Срезневскимъ:

«*1785, окт. 3.* Изъ Маначиновки. Въ «Postscriptum»: Si decsripsisti novos meos jam libellos: remitte ad me Archetypa. Etiam illum meum Dialogum, quem per alios laudare soles: simul cum Archetipis mitte. Descriptus, ad

te remittet iter Deo volente. Dicat ille Dialogus: «*Марко препростый*».

Тутъ же образецъ его латинскихъ стиховъ:

«Omnia praetereunt: sed Amor post omnia durat.
Omnia praetereunt: haud Deus haud et Amor.
Omnia sunt aqua; cur in aqua speratis, Amici?
Omnia sunt aqua; sed Portus Amicus erit.
Hac Kephâ tota est fundata Ecclesia Christi.
Istbace et nobis Kepha sit atque Petra», etc.

1787 годъ былъ годомъ проѣзда императрицы Екатерины II чрезъ Харьковъ, въ ея полное дивъ странствованіе по Югу. Сковорода все это время, какъ видно изъ его писемъ, прожилъ въ деревнѣ Гусинкѣ у Сошальскихъ и ничѣмъ не откликнулся царственной гостьѣ.

Впрочемъ, я получилъ, изъ Константинограда, отъ г. Неговскаго письмо, гдѣ онъ пишетъ слѣдующее: Императрица Екатерина, проѣздомъ чрезъ Украйну, наслышавшись о Сковородѣ, увидала его и спросила: «Отчего ты такой черный?»—«Э! вельможная мати,—отвѣтилъ Сковорода:—развѣ же ты гдѣ видѣла, чтобъ сковорода была бѣлая, коли на ней пекутъ да жарятъ, и она все въ огнѣ?»

Изданная въ 1837 г., въ Москвѣ, книжка Сковороды «Убогій жаворонокъ» сопровождается, въ видѣ предисловія, письмомъ автора къ Ѳ. И. Дискому отъ 1787 года. Ѳ. И. Дискій — одинъ изъ бывшихъ друзей Сковороды. Отъ него досталъ М. И. Алякринскій присланную мнѣ рукопись Ковалѣнскаго «Житіе Сковороды». Полагаю, что читателю любопытно будетъ узнать объ этомъ Дискомъ подробнѣе, и потому сообщаю о немъ письмо г. Алякринскаго: «О Ѳ. И. Дискомъ извѣстно мнѣ, что онъ былъ изъ малороссійскихъ дворянъ, проживалъ въ Москвѣ, имѣлъ небольшой домикъ на Дѣвичьемъ Полѣ, недалеко отъ Дѣвичьяго монастыря. По ограниченному ли состоянію, или по усвоенному имъ ученію Сковороды, образъ жизни велъ очень простой и скромный. Несмотря на то, пользовался пріязнію людей весьма почтенныхъ; изъ нихъ памятны мнѣ: профессоръ московскаго университета Мудровъ и директоръ коммерческаго училища Калайдовичъ. — Ѳ. И. Дискій къ памяти Сковороды имѣлъ какое-то благоговѣйное почтеніе, а сочиненія Сковороды были самымъ любимымъ его чтеніемъ. Мое знакомство продолжалось съ нимъ отъ 1826 по 1828.

Впослѣдствіи я узналъ о несчастной смерти Дискаго: 3-го іюля 1833 года работавшій въ его домѣ плотникъ разрубилъ ему топоромъ голову; вмѣстѣ съ нимъ убита еще бывшая у него въ услуженіи женщина».

Вотъ письмо къ Дискому: «Григорій Варсава Сковорода любезному другу, *Θеодору Ивановичу Дискому*, желаетъ истиннаго мира. Жизнь наша есть вѣдь путь непрерывный. Міръ сей есть великое море всѣмъ намъ пловущимъ. Онъ есть Океанъ. О! вельми немногими щастливцами безбѣдно преплываемый! На пути семъ встрѣчаютъ каменныя скалы и скалки. На островахъ сирены; во глубинахъ киты; по воздуху вѣтры; волненія повсюду; отъ камней претыканіе; отъ сиренъ прельщеніе; отъ китовъ поглощеніе; отъ вѣтровъ противленіе; отъ волнъ погруженіе. Каменные, вѣдь, соблазны суть неудачи. Сирены суть то льстивые други, киты суть то запазушные страстей нашихъ зміи. Вѣтры разумѣй напасти. Волненіе—мода и суета житейская. Непремѣнно поглотила бы рыба младшаго Товію, если бы въ пути его не былъ наставникомъ Рафаилъ! (Рафа — по-еврейски значитъ медицину; Илъ или Элъ—значитъ Богъ). Сего путеводника промыслилъ ему отецъ его. А сынъ нашелъ въ немъ Божію медицину, врачующую не тѣло, но сердце. По сердцу же и тѣло, Іоаннъ, отецъ твой, въ седьмомъ десяткѣ вѣка сего (*въ 62 году*), въ городѣ *Купянскѣ*, первый разъ взглянувъ на меня, возлюбилъ меня. *Услышавъ же имя, выскочилъ и, достигши на улицѣ, молча въ лицо смотрѣлъ на мене* и проникалъ, будто познавая мене, толь милымъ взоромъ, яко до днесь, въ зеркалѣ моей памяти, живо мнѣ онъ зрится. Воистину прозрѣлъ духъ его, прежде рожденія твоего, что я тебѣ, друже, буду полезнымъ. Видишь, *коль далече прозираетъ симпатія!* Пріими, друже, отъ меня маленькое сіе наставленіе. Дарую тебѣ «*Убогого моего Жайворонка*». Онъ тебѣ заспѣваетъ и зимою, не въ клѣткѣ, но въ сердцѣ твоемъ, и нѣсколько поможетъ спасатися *отъ ловца и хитреца отъ лукаваго міра сего*. О, Боже! Коликое число сей волкъ, день и нощь, незлобныхъ жретъ агнцовъ! Ахъ! Блюди, друже, да опасно ходиши! Не спитъ ловецъ! Бодрствуй и ты. Оплошность есть мать несчастія! Впрочемъ, да не соблазнитъ тебѣ, друже, то, что тетервакъ (тетеревъ) названъ *Фридрикомъ*. Если же досадно, вспомни, что мы всѣ таковы. *Всю вѣдь Малороссію Великороссія нарицаетъ тетерваками.* Чего

же стыдиться? Тетервакъ вѣдь есть птица глупа, но незлоблива! *Не тотъ есть глупъ, кто не знаетъ* (еще все перезнавшій не родился), *но тотъ, кто знать не хочетъ!* Возненавидь глупость: тогда хоть глупъ, обаче будеши въ числѣ блаженныхъ оныхъ тетерваковъ! обличай премудраго и возлюбитъ тя. Яко глупъ есть, какъ же онъ есть премудръ? яко не любитъ глупости! Почему? Потому что пріемлетъ и любитъ обличеніе отъ друговъ своихъ. О! да сохранитъ юность твою Христосъ отъ умащающихъ елеемъ главу твою, отъ домашнихъ сихъ тигровъ и сиренъ! Аминь. 1787-го лѣта; въ полнолуніе послѣднія луны осеннія».

Въ «Молодикѣ» (1843 г.), при «Письмѣ къ издателю» Василія Каразина, приложено письмо Сковороды къ Ковалѣнскому отъ 1790 года. Каразинъ пишетъ: «Посылаю къ вамъ то самое письмо украинскаго нашего философа, которое вы имѣть желали. Только оно не подлинное, а писанное мною съ подлинника, предъ самымъ его отправленіемъ на почту въ Орелъ, къ тайному совѣтнику Михайлу Ивановичу Ковалѣнскому. Я тогда, т. е. за полстолѣтія слишкомъ, сохранилъ не только правописаніе почтеннаго Сковороды, но, сколько могъ, даже и почеркъ его. Вотъ почему нѣкоторые ошибались, почитая этотъ списокъ за подлинникъ. Такъ я о немъ и слышалъ, потерявъ, за давностію времени, изъ виду и памяти все это обстоятельство. Почему вы вообразите мое удивленіе, когда я увидѣлъ мой списокъ въ рукахъ нашего архипастыря пр. Иннокентія, который столь благосклонно предложилъ его для насъ. Сковорода жилъ тогда въ деревнѣ давно-умершаго моего отчима, кол. совѣтн. *Андрея Ив. Ковалевскаго*, въ Ивановкѣ, которая теперь принадлежитъ г. Кузину. Тамъ его и могила. Она украсится достойнымъ памятникомъ, какъ обѣщалъ мнѣ Козьма Никитичъ Кузинъ. Тогда, можетъ быть, напишу я біографію нашего мудреца. Мы подъ чубомъ и въ украинской свиткѣ имѣли своего Пиѳагора, Оригена, Лейбница. Подобно, какъ Москва, за полтораста лѣтъ, въ *Посошковѣ*, своего Филанджери, а Харьковъ нынѣ имѣетъ своего Іоанна Златоуста».

Вотъ отрывокъ изъ письма Сковороды, отъ 1790 г., къ Ковалѣнскому: «До «Дщери» случайно привязалася *«Ода Сидронія—Езуиты»*. Благо же! На ловца звѣрь, по пословицѣ. Послѣ годовой болѣзни, перевелъ я ее въ Харьковѣ, отлетая къ матери моей, пустынѣ. Люблю сію Дѣвочку. Ей

достойно быть въ числѣ согрѣвающихъ блаженну Давидову и Лотову старость оныхъ. — Прилагаю тутъ же, какъ хвостикъ, и *закоснѣвшее мое къ вамъ письмишко Гусинковское.* Нынѣ скитаюся у моего Андрея Ивановича Ковалевскаго. Имамъ моему монашеству полное упокоеніе, лучше *Бурлука.* Земелька его есть нагорная. Лѣсами, садами, холмами, источниками распещрена. На томъ мѣстѣ я родился *возлѣ Лубенъ.* Но ничто мнѣ не нужно, какъ спокойна келія; да наслаждаюся моею невѣстою оною: сію возлюбихъ отъ юности моея... О, сладчайшій органе! Едина голубице моя, Библія! О, дабы собылося на мнѣ оное! Давидъ мелодивно выграваетъ дивно. На всѣ струны ударяетъ! Бога выхваляетъ! *На сіе я родился.* Для сего ѣмъ и пію; да съ нею поживу и умру съ нею! Аминь! Твой другъ и братъ, слуга и рабъ, *Григорій Варсава Сковорода, Даніилъ Меінгардъ*».

Въ публичной библіотекѣ, въ Петербургѣ, находится рукопись Сковороды: «*Книжечка Плутархова о спокойствіи души*». Здѣсь приложено письмо Сковороды: «Высокомилостивому Государю, Якову Михаиловичу Донцу-Захаржевскому», отъ 1790 года, апрѣля 13. Въ началѣ онъ говоритъ: «Пріимите милостиво отъ человѣка, осыпаннаго вашими милостями и ласками, маленькій сей, аки лепту, дарикъ; уклонившись къ Плутарху, перевелъ я книжчонку его».

Г. Коваленскій такъ описываетъ свое послѣднее свиданіе со Сковородой.

«Удрученъ, изможденъ, истощенъ волненіями свѣта, обратился я въ себя самого, собралъ я разсѣянныя по свѣту мысли въ малый кругъ желаній и, заключа оныя въ природное свое добродушіе, прибылъ изъ столицы въ *деревню*, надѣясь тамо найти брегъ и пристань житейскому своему обуреванію. Хотя свѣтъ и тамъ исказилъ все и я въ глубокомъ уединеніи остался одинъ, безъ семейства, безъ друзей, безъ знакомыхъ, въ печаляхъ, безъ всякаго участія, совѣта, помощи и соболѣзнованія, — но былъ, наконецъ, утѣшенъ. Сковорода, семидесяти-трехъ-лѣтній, по девятнадцати-лѣтнемъ несвиданіи, одержимъ болѣзнями старости, несмотря на дальность пути, на чрезвычайно ненастливую погоду и на всегдашнее отвращеніе къ краю сему, пріѣхалъ въ деревню къ другу своему, село *Хотетово*, въ двадцати-пяти верстахъ отъ Орла, раздѣлить съ нимъ ничтожество его». Это было, значитъ, въ годъ смерти Сковороды, въ

1794 году. — «Сковорода привезъ къ нему свои сочиненія, изъ которыхъ многія приписалъ (посвятилъ) ему. Читывалъ оныя самъ съ нимъ ежедневно и, между чтеніемъ, занималъ его разсужденіями и правилами, каковыхъ ожидать должно отъ человѣка, искавшаго истины во всю жизнь не умствованіемъ, но дѣломъ, и возлюбившаго добродѣтель ради собственной красоты ея». Они толковали о сектахъ. «Я не знаю мартинистовъ», говоритъ Сковорода. «Но всякая секта пахнетъ собственностію! А гдѣ собственность, тутъ нѣтъ главной цѣли или главной мудрости». Доходя до толковъ о «философскомъ камнѣ» и о «содѣланіи состава для продленія человѣческой жизни до нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ», Сковорода говорилъ: «Это остатки Египетскаго плотолюбія, которое, не могши продлить жизни тѣлесной, нашло способъ продолжать существованіе труповъ, мумій. Сія секта, мѣряя жизнь аршиномъ лѣтъ, а не дѣлъ, несообразна тѣмъ правиламъ мудраго, о которомъ пишется: *«поживъ въ малѣ, исполнь лѣта долги»*.

Иногда, говоритъ Ковалѣнскій, разговоръ Сковороды касался смерти. «Страхъ смерти», замѣчалъ онъ: «нападаетъ на человѣка всего сильнѣе въ старости его. Потребно благовременно заготовить себя вооруженіемъ противу врага сего не умствованіями, но мирнымъ расположеніемъ воли своей. Такой душевный миръ пріуготовляется издали, тихо, въ тайнѣ сердца ростетъ и усиливается чувствомъ сдѣланнаго добра. Это чувство вѣнецъ жизни». И, наконецъ, говорилъ: «Другъ мой! величайшее наказаніе за зло есть сдѣлать зло, какъ и величайшее воздаяніе за добро есть дѣлать добро!»

Услыша въ окружности о прибытіи Сковороды къ другу своему, «многіе желали видѣть его, и для того нѣкоторые пріѣхали туда. Изъ начальства правленія окружнаго, *губернскій прокуроръ*, молодой человѣкъ, подошелъ къ нему и привѣтственно сказалъ: — Григорій Саввичъ! прошу любить меня! — «Могу ли любить васъ, отвѣчалъ Сковорода: я еще не знаю васъ!» — Другой изъ числа таковыхъ же, *директоръ экономіи*, желая свести съ нимъ знакомство, говорилъ ему: я давно знаю васъ по сочиненіямъ вашимъ; прошу доставить мнѣ и личное знакомство ваше. Сковорода спросилъ: какъ зовутъ васъ? — Я называюсь такъ-то! — Сковорода, остановясь и подумавъ, отвѣтилъ: «имя ваше не скоро ложится на мое сердце!»

Простота жизни, замѣчаетъ Ковалѣнскій, высокость познаній и долголѣтній подвигъ Сковороды «въ любомудріи опытномъ» раздиралъ ризу «высокомудрствующихъ». Они отъ зависти говорили: «Жаль, что Сковорода ходитъ около истины и не находитъ ея!» Въ это же время онъ «увѣнчеваемъ былъ уже знаменами истины».

Вотъ послѣднія строки Ковалѣнскаго.

«Старость, осеннее время, безпрерывно мокрая погода умножали разстройку въ здоровьѣ его, усилили кашель и разслабленіе. Онъ, проживая у друга своего *около трехъ недѣль*, проситъ отпустить его въ любимую имъ Украйну, гдѣ онъ жилъ до того и желалъ умереть, что и сбылось. Другъ упрашивалъ его остаться у него зиму провести и вѣкъ свой скончать, современемъ, у него въ домѣ. Сковорода отвѣтилъ, что духъ его велитъ ему ѣхать, и другъ отправилъ его немедленно. — Напутствуя его всѣмъ потребнымъ, давъ ему полную волю, по нраву его, выбрать, какъ и куда, съ кѣмъ и въ чемъ хочетъ онъ ѣхать, предоставилъ ему для дороги нужный запасъ, говоря: возьмите сіе; можетъ быть, въ пути болѣзнь усилится и заставитъ остановиться, то нужно будетъ заплатить! — Ахъ, другъ мой! сказалъ онъ: неужели я не пріобрѣлъ еще довѣрія къ Богу; Промыслъ его вѣрно печется о насъ и даетъ все потребное за благовременность!—Другъ его не безпокоилъ уже съ своимъ приношеніемъ.—1794 года, августа 26, отправился онъ въ путь изъ Хотетова въ Украйну. При разставаніи, обнимая друга, Сковорода сказалъ: «можетъ быть, больше уже не увижу тебя! Прости! помни всегда, во всѣхъ приключеніяхъ твоихъ въ жизни то, что мы часто говорили:—свѣтъ и тьма, глава и хвостъ, добро и зло, вѣчность и время»... Пріѣхавши въ Курскъ, присталъ онъ къ тамошнему архимандриту Амвросію, мужу благочестивому. Проживая нѣсколько тутъ, ради безпрерывныхъ дождей, и улуча вёдро, отправился онъ далѣе, но не туда, куда намѣревался. Въ концѣ пути, онъ почувствовалъ побужденіе ѣхать въ то мѣсто, откуда поѣхалъ къ другу, хотя совершенно не былъ расположенъ. Это была слобода *Ивановка*, помѣщика Ковалевскаго. Болѣзни, — старостью, погодою, усталостью отъ пути,—приближали его къ концу его. Проживя тутъ больше мѣсяца, всегда почти на ногахъ еще, часто говорилъ онъ съ благодушіемъ: «духъ бодръ, но тѣло немощно». Далѣе

Ковалѣнскій замѣчаетъ, что предъ смертію онъ было отказался совершать нѣкоторые обряды, положенные церковью, но потомъ, «представляя себѣ совѣсть слабыхъ», исполнилъ все по уставу и скончался *октября 29, по утру на разсвѣтѣ. 1794 года.*

Подобное же рѣзкое уклоненіе отъ общепринятыхъ обрядовъ, при всемъ своемъ благочестіи, Сковорода оказывалъ и въ другихъ случаяхъ. *К. С. Аксаковъ* передалъ мнѣ слѣдующее преданіе о Сковородѣ. Однажды, въ церкви, въ ту минуту, какъ священникъ, выйдя изъ алтаря съ дарами, произнесъ: «Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите»,— Сковорода отдѣлился отъ толпы и подошелъ къ священнику. Послѣдній, зная причудливый нравъ Сковороды и боясь пріобщить нераскаявшагося, спросилъ его: «Знаешь ли ты, какой великій грѣхъ ты можешь совершить, не приготовившись? И готовъ ли ты къ сему великому таинству?» — «Знаю и готовъ!» — отвѣчалъ суровый отшельникъ, и духовникъ, вѣря его непреложнымъ словамъ, пріобщилъ его охотно.

Здѣсь я пополню очеркъ послѣднихъ минутъ Сковороды слѣдующими любопытными строками изъ статьи г. Срезневскаго: «Отрывки изъ записокъ о старцѣ Григоріѣ Сковородѣ» («Утрен. Звѣзда» 1833 г.): «Въ деревнѣ у помѣщика К—го» (Ковалевскаго), небольшая «кимнатка», окнами въ садъ, отдѣльная, уютная, была его послѣднимъ жилищемъ. Впрочемъ, онъ бывалъ въ ней очень рѣдко; обыкновенно или бесѣдовалъ съ хозяиномъ, также старикомъ, добрымъ, благочестивымъ, или ходилъ по саду и по полямъ. Сковорода до смерти не переставалъ любить жизнь уединенную и бродячую.—Былъ прекрасный день. Къ помѣщику собралось много сосѣдей погулять и повеселиться. Послушать Сковороду было также въ предметѣ. Его всѣ любили слушать. За обѣдомъ Сковорода былъ необыкновенно веселъ и разговорчивъ, даже шутилъ, разсказывалъ про свое былое, про свои странствія, испытанія. Изъ-за обѣда встали, будучи всѣ обворожены его краснорѣчіемъ. Сковорода скрылся. Онъ пошелъ въ садъ. Долго ходилъ онъ по излучистымъ тропинкамъ, рвалъ плоды и раздавалъ ихъ работавшимъ мальчикамъ. Такъ прошелъ день. Подъ вечеръ хозяинъ самъ пошелъ искать Сковороду и нашелъ подъ развѣсистой липой. Солнце уже заходило; послѣдніе лучи его пробивались

сквозь чащу листьевъ. Сковорода, съ заступомъ въ рукѣ, рылъ яму—узкую длинную могилу. — «Что это, другъ Григорій, чѣмъ это ты занятъ?» сказалъ хозяинъ, подошедши къ старцу.—«Пора, другъ, кончить странствіе!»—отвѣтилъ Сковорода:—«и такъ всѣ волосы слетѣли съ бѣдной головы отъ истязаній! пора успокоиться!» — «И, братъ, пустое! Полно шутить! Пойдемъ!» — «Иду! но я буду просить тебя прежде, мой благодѣтель, пусть здѣсь будетъ моя послѣдняя могила»... И пошли въ домъ. Сковорода не долго въ немъ остался. Онъ пошелъ въ «кимнатку», перемѣнилъ бѣлье, помолился Богу и, подложивши подъ голову свитки своихъ сочиненій и сѣрую «свитку», — легъ, сложивши на-крестъ руки. Долго его ждали къ ужину. Сковорода не явился. На другой день утромъ къ чаю тоже, къ обѣду тоже. Это изумило хозяина. Онъ рѣшился войти въ его комнату, чтобъ разбудить его; но Сковорода лежалъ уже холодный, окостенѣлый».

Ковалѣнскій замѣчаетъ: «Предъ кончиною завѣщалъ онъ предать его погребенію на возвышенномъ мѣстѣ близъ рощи и гумна, и слѣдующую, сдѣланную имъ себѣ, надпись написать:

«Міръ ловилъ меня, но не поймалъ».

Ковалѣнскій кончаетъ свое «Житіе Сковороды Григорія Саввича, описанное другомъ его», словами: «Другъ написалъ сіе въ память добродѣтелей его, благодарность сердцу его, въ честь отечества, въ славу Бога».

1795 года, февраля 9, въ селѣ Хотетовѣ. Надгробная надпись Григорію Саввичу Сковородѣ, въ Бозѣ скончавшемуся, 1794 года, октября 29 дня.

«Ревнитель истины, духовный Богочтецъ,
«И словомъ, и умомъ, и жизнію мудрецъ.
«Любитель простоты и отъ суетъ свободы,
«Безъ лести, другъ прямой, доволенъ всѣмъ всегда,—
«Достигъ на верхъ наукъ познаній духъ природы,
«Достойный для сердецъ примѣръ *Сковорода*».

«Сочиненіе друга его М. К.»—

Это стихотвореніе помѣщено подъ единственнымъ, повтореннымъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ, портретомъ Сковороды, по словамъ Снѣгирева (Отеч. Зап. 1823 г., ч. XIV. стр. 263), «*гравированнымъ П. Мещеряковымъ*». Послѣ отдѣльнаго

изданія, этотъ портретъ перепечатанъ въ *«Утренней Звѣздѣ»* 1834 г., при статьѣ Срезневскаго, безъ стиховъ; въ *«Картинахъ Свѣта»* Вельтмана 1836 г. при статьѣ о Сковородѣ, со стихами,—и безъ стиховъ, при статьѣ о Сковородѣ, въ дурной копіи, въ *«Иллюстраціи»* 1847 г.

Замѣчу кстати, что рукописныя сочиненія и переписка Сковороды, оставшіяся послѣ его смерти, находились долгое время въ рукахъ П. А. Ковалевскаго, отъ него переданы преосвященному Иннокентію, и благосклонностью послѣдняго были сообщены для этой статьи мнѣ, изъ Одессы, куда я въ свое время ихъ возвратилъ.

Пересказавши въ отрывкахъ рукопись Ковалѣнскаго, Снѣгиревъ дѣлаетъ слѣдующее любопытное замѣчаніе съ своей стороны: *«Одинъ его почитатель вызывалъ къ себѣ чрезъ Московскія Вѣдомости желающихъ читать сочиненія Украинскаго мудреца»*.

Такова была, въ свое время, дань любви къ Сковородѣ и громадная извѣстность этого «Украинскаго мудреца».

Хиждеу, въ примѣчаніяхъ къ своей статьѣ, въ «Телескопѣ», 1835 г. (XXVI ч.), говоритъ: «Магистръ кіевской духовной академіи, Симеонъ Рудзинскій, сообщалъ мнѣ описаніе и рисунокъ *Сковородиной сумы*, оставленной у его отца; но она не принадлежитъ къ роду «бесагъ» (двойная сума, раздѣленная на двѣ ноши, соединенная вмѣстѣ швомъ). Это просто «торба» или обыкновенная «котомка». Эта также показываетъ всю силу уваженія, какимъ пользовался нѣкогда Сковорода на родинѣ...

Собирая свѣдѣнія о Сковородѣ, я снесся съ помѣщикомъ харьковской губерніи, *Н. С. Мягкимъ*, живущимъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ имѣніемъ Ивановкою, гдѣ послѣдніе дни жилъ и умеръ Сковорода. Вотъ письмо, которое я получилъ отъ *Н. С. Мягкаго*, отъ 10 января 1856 года:

«Г. С. Сковорода жилъ послѣднее время у моего тестя, коллежскаго совѣтника Андрея Ивановича Ковалевскаго, въ селѣ Ивановкѣ, въ сорока верстахъ отъ Харькова. Онъ имѣлъ большое вліяніе на хозяина, укрощая его крайне вспыльчивый нравъ, разражавшійся грозою надъ домашними и дворнею, и уважая отъ души его жену, умную и благочестивую женщину. Отъ прочихъ же женщинъ Сковорода удалялся. Похороненъ онъ былъ въ Ивановкѣ на возвы-

шенномъ берегу пруда, близъ рощи, на любимомъ своемъ мѣстѣ, гдѣ по зарямъ игрывалъ онъ на своемъ завѣтномъ флейттраверсѣ псалмы. Чрезъ двадцать лѣтъ тѣло его было перенесено оттуда и похоронено въ саду священника, близъ памятника владѣльцевъ, по старанію одного изъ его учениковъ, который прибылъ, послѣ смерти его, изъ Петербурга и издалъ впослѣдствіи его портретъ. — Отъ тестя моего имѣніе перешло къ его сыну, коллежскому совѣтнику Петру Андреевичу Ковалевскому, отъ него къ Александру Кузьмичу Кузину, и теперь принадлежитъ малолѣтней дочери послѣдняго. — По времени, имя Сковороды въ Ивановкѣ было почти совсѣмъ забыто, и къ могилѣ его не имѣли никакого уваженія. Отъ этого, по мнѣнію тамошнихъ жителей, происходили нерѣдко странныя событія и, бо̀льшею частію, съ семействами тѣхъ, къ кому переходилъ садикъ съ могилою «философа»: или умирали неожиданно сами владѣльцы этого мѣста, или лишались своихъ женъ. Чаще же этого, въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, кончалось тѣмъ, что или владѣльцы, или ихъ жены спивались съ кругу. Въ былые годы этотъ порокъ не былъ диковинкой. Предпослѣдній владѣлецъ сада и хижины обратилъ особое вниманіе на мѣсто покоя Сковороды, и дожилъ дни спокойно. Нынѣшній же даже обложилъ могилу дерномъ, а вблизи устроилъ свою пасѣку — мѣсто, свято чтимое у насъ искони. Еще любопытная черта дѣйствій памяти о сковородѣ на впечатлѣніе потомковъ. По другую сторону рва, гдѣ была хижина Сковороды, садовникъ построилъ себѣ избу и мнѣ разсказывалъ о странномъ событіи, бывшемъ съ нимъ. Однажды, вслѣдъ за его переселеніемъ откуда ни взялся вихрь, влетѣлъ съ визгомъ и громомъ въ окно, растворилъ настежъ двери, чуть не сорвалъ крыши и перепугалъ досмерти его жену. Бѣдный садовникъ не зналъ, что на томъ мѣстѣ жилъ необыкновенный старикъ, Сковорода. — Наконецъ, когда Ивановка принадлежала П. А. Ковалевскому, женѣ послѣдняго одна юродивая сказала: «У тебя, матушка, въ имѣніи есть кладъ!» — Увы, эти слова были приняты за чистую монету; но клада не нашли, какъ ни старались».

Заключу описаніе жизни Григорія Саввича Сковороды сожалѣніемъ, что слова В. Н. Каразина, въ письмѣ его къ издателю «Молодика» (1843 г.) о Сковородѣ — не сбылись. Каразинъ писалъ: «Ивановка принадлежитъ теперь

господину Кузину. Тамъ могила Сковороды. Она украсится достойнымъ памятникомъ, какъ обѣщалъ мнѣ Козьма Никитичъ Кузинъ, этотъ рѣдкій гражданинъ и чрезвычайный человѣкъ добра общественнаго». Теперь село Ивановка или «Панъ-Ивановка» (на Украйнѣ села часто называются именами владѣтелей — «Панъ-Васильевка» — «Панъ-Лукьяновка») — принадлежитъ сыну Козьмы, Павлу Кузьмичу Кузину. Никакого памятника на могилѣ Сковороды не существуетъ.

ГЛАВА IV.

Извѣстность Сковороды.—Характеръ и особенности его философскаго ученія. — Отрывки его «басенъ» и «стихотвореній». — I. Перечень печатныхъ сочиненій Сковороды. — II. Перечень неизданныхъ сочиненій Сковороды. — III. Перечень печатныхъ статей о Сковородѣ, съ 1806 по 1862 годъ.

Увлеченіе личностью Сковороды у его современниковъ было такъ сильно, что даже позднѣйшія статьи о немъ называли его украинскимъ Сократомъ, сравнивали его съ великими иностранцами и съ Ломоносовымъ, отъ чего, впрочемъ, самъ Сковорода благоразумно отрекался, и наконецъ, какъ Хиждеу въ «Телескопѣ», подступали къ разбору его философскихъ началъ, какъ современная наука подступаетъ къ Гегелю или къ Канту.

И вотъ что̀ замѣчательно: *Сковорода при жизни не печаталъ ничего.* По моимъ усиленнымъ розысканіямъ оказалось, что только черезъ два года послѣ его смерти, въ Петербургѣ, безъ его имени, издана какимъ-то М. Антоновскимъ крошечная его книжечка: «*Бесѣда о познаніи себя*». Потомъ, въ 1806 г., въ мистическомъ «*Сіонскомъ Вѣстникѣ*» помѣщено нѣсколько страничекъ изъ его «Преддверія». Наконецъ, уже только въ 1837 г., заботами Московскаго Человѣколюбиваго Общества, издано нѣсколько его брошюръ, о которыхъ теперь знаетъ рѣдко кто даже изъ библіографовъ. Для печатнаго міра и публики, читающей книги, Сковорода съ своими произведеніями, можно сказать, вовсе не существовалъ и не существуетъ.

Но, быть-можетъ, его произведенія нашли къ публикѣ доступъ другою дорогою, въ области, такъ-называемой, нашей *письменной литературы?* Быть - можетъ, они удостоились, въ свое время, судьбы такихъ сочиненій, каковы: «Ябеда» Капниста, «Горе отъ ума» Грибоѣдова и второй томъ

«Мертвыхъ душъ» Гоголя, которыя задолго до печати ходили по рукамъ въ сотняхъ и тысячахъ списковъ?—Вопросъ рѣшается иначе, нежели можно было бы ожидать. Сковорода писалъ для тѣхъ горячихъ и безкорыстныхъ поклонниковъ всего, что живо говоритъ сердцу и мысли, которые умѣютъ служить любимому писателю и составляютъ его громкую славу помимо печатнаго міра и типографій. Сковорода дѣйствительно имѣлъ такихъ безвѣстныхъ, услужливыхъ поклонниковъ; это были люди серьёзные и не легко увлекающіеся. Да и было это въ тѣ времена, когда наука у насъ шла черепашьими шагами, а литература не расплодила еще переписчиковъ, не имѣвши еще ни автора «Кавказскаго плѣнника», ни авторовъ «Демона» и «Горе отъ ума». Сковорода писалъ тяжело, темнымъ и страннымъ языкомъ, о предметахъ отвлеченныхъ, туманныхъ, способныхъ заинтересовать кругъ слишкомъ ограниченный, почти незамѣтный. Значитъ, его сочиненія списывали только люди одного съ нимъ направленія и жизни, профессоры и ученики духовныхъ академій, старики-помѣщики и тѣ немногіе досужіе люди, которые списывали произведенія Сковороды, иногда сами ихъ не вполнѣ понимая, въ чемъ я убѣдился, сличая нѣкоторые списки прошлаго вѣка, — списывали и держали ихъ просто, какъ произведенія человѣка страннаго, причудливаго, непонятнаго, о которомъ ходило столько споровъ и толковъ и котораго, со всѣми его странностями, имъ удавалось видѣть лично.

Нѣсколько полудуховныхъ, полусатирическихъ стихотвореній Сковороды, какъ, напримѣръ, извѣстное стихотвореніе: *«Всякому городу нравъ и права»*, тогда же были переложены на музыку и распѣвались бродячими слѣпцами-бандуристами на торгахъ и перекресткахъ дорогъ. Нѣкоторыя пѣсни, какъ и вышеназванныя, даже попали въ кругъ любимѣйшихъ простонародныхъ произведеній, то-есть въ кругъ такихъ, которыя народъ считаетъ своею собственностію, дополняетъ ихъ, передѣлываетъ и сокращаетъ, по собственному своему произволу, по врожденному поэтическому чутью и вкусу. Образчикъ этого г. Срезневскій привелъ въ своей статьѣ, въ «Утренней Звѣздѣ» 1834 года, напечатавъ пѣсню Сковороды «Всякому городу» и ея варіантъ — произведеніе уже народное. Подобной участи достигли въ наше время нѣкоторыя стихотворенія Пушкина

и Кольцова и извѣстная пѣсня Ѳ. Н. Глинки: *«Вотъ мчится тройка удалая»*, — авторъ которой до сихъ поръ многими считается за лицо спорное, неизвѣстное, причемъ существуетъ множество варіантовъ этой пѣсни.

Собирая въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ свѣдѣнія о жизни Сковороды, я, по непреложному опыту, пришелъ къ тому убѣжденію, что списковъ даже самыхъ любимыхъ сочиненій Сковороды могло существовать при его жизни много-много два-три десятка. И у кого же встрѣчаются эти списки? Или у помѣщиковъ, почти безвыѣздно жившихъ въ своихъ деревняхъ, людей несообщительныхъ по характеру и полныхъ мистическаго, суроваго настроенія, или въ тишинѣ ученыхъ, строгихъ кабинетовъ нашего академическаго духовенства. Самые, наконецъ, любимые стихотворные канты Сковороды проникали въ читающій, печатный и письменный міръ украинской и русской очень недалеко. Между списками прозаическихъ сочиненій Сковороды, стихотворныхъ я почти нигдѣ не встрѣчалъ, за исключеніемъ одного. Въ печати же только появились, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, три стихотворныя пѣсни его въ «Телескопѣ» и въ «Утренней Звѣздѣ».

Значитъ, безошибочно можно сказать, что печатною славою сочиненія Сковороды на Украйнѣ вовсе не пользовались. Письменную ихъ извѣстность на родинѣ Сковороды и внѣ ея поддерживалъ ограниченный кружокъ людей несообщительныхъ, полузатворниковъ, несоставлявшихъ живой и особенно-плодотворной стихіи современнаго ему общества. А распѣваемые его сатирическіе канты слушались не высшимъ обществомъ; имъ внимали на торгахъ и перекресткахъ простой народъ, жители украинскихъ селъ и мѣстечекъ, поселяне и казачество, чумаки, бурлаки и далеко неграмотные еще тогда мѣщане, среди которыхъ Сковорода жилъ и, сильнѣе всякихъ прозаическихъ и риѳмованныхъ своихъ произведеній, дѣйствовалъ на народъ собственною личностію. Съ этой точки зрѣнія на него должно смотрѣть. Съ этой точки зрѣнія и вытекаетъ тотъ несомнѣнный, по моему мнѣнію, выводъ, что если сочиненія Сковороды и удостоились вращаться вмѣстѣ съ его именемъ въ устахъ его современниковъ, то эти современники, бо̀льшею частію, говорили объ этихъ сочиненіяхъ со словъ другихъ, безкорыстно смѣшивая ихъ значеніе съ значеніемъ и личнымъ характе-

ромъ самого Сковороды. Дѣйствительно, если прослѣдить бо́льшую часть его разсужденій, что, впрочемъ, теперь, по странному, тяжелому и вычурному ихъ языку, добровольно сдѣлаетъ развѣ записной библіоманъ,—окажется, что, пожалуй, Сковорода былъ и замѣчательно начитанъ по своему, и отлично зналъ греческихъ и римскихъ авторовъ, прочитавъ ихъ въ подлинникѣ, и вообще былъ цѣлою головою выше своихъ сверстниковъ по воспитанію и украинскихъ ученыхъ по наукѣ. Историкъ духовно-философскаго ученія въ Россіи отведетъ ему почетныя страницы въ своемъ трудѣ и скажетъ, быть-можетъ, много похвалъ Сковородѣ, какъ благородному, честному и горячему поборнику науки, которая до него шла путемъ ребяческихъ, школьныхъ, никому ненужныхъ риторическихъ умствованій и отъ которой онъ такъ смѣло сталъ требовать смысла и силы, самоотверженія и службы общественнымъ пользамъ и нуждамъ. Авторъ статьи о Сковородѣ, А. К., въ «Воронежскомъ Сборникѣ» 1861 года, говоритъ, что Сковорода имѣлъ ясныя понятія о значеніи народа и о народномъ воспитаніи. Вотъ, между прочимъ, собственныя слова Сковороды: «*Учителю подобаетъ быть изъ среды народа русскаго, а не нѣмцу и не французу. Не чужое воспитаніе должно быть привито къ русскому человѣку, а свое, родное.* Нужно его умѣть силой найти, выработать его изъ нашей же жизни, чтобы снова осмысленнымъ образомъ его обратить въ нашу же жизнь».

Итакъ, еще разъ скажу, я смотрю на Сковороду—преимущественно какъ на «человѣка общественнаго», дѣльца и бойца своего вѣка, который бесѣдами и примѣромъ своей жизни, горячею, почти суевѣрною любовью къ наукѣ и какимъ-то вдохновеннымъ, отшельническимъ убійствомъ своей плоти во имя духа и мысли, во имя божественныхъ цѣлей высшей правды и разума, добра и свободы, пробуждалъ дремавшіе умы своихъ соотечественниковъ, зажигалъ ихъ на добрыя дѣла и чего ни касался, все просвѣтлялъ какимъ-то новымъ, яснымъ свѣтомъ. Не тетрадки его сочиненій, пересылавшихся отъ автора къ мирнымъ, приходскимъ духовникамъ и его друзьямъ, помѣщикамъ, а жизнь и устное слово Сковороды сильно дѣйствовали. Помимо украинскихъ коллегіумовъ, въ Харьковѣ и Кіевѣ, онъ былъ любимѣйшій, ходячій коллегіумъ. То, что̀ теперь молодежь выноситъ изъ университетовъ, жажду познаній и жажду добра

и дѣлъ, пользы и чести, все это выносилось тогда изъ бесѣдъ странника и чудака, украинскаго философа Сковороды. Примѣры этому я представилъ въ его жизнеописаніи. Но лучшее доказательство общественнаго значенія Сковороды то, что безъ него, въ извѣстной степени, не было бы долго основано перваго университета на Украйнѣ. Дѣло Каразина, открытіе харьковскаго университета, кончилось такъ легко потому, что въ 1803 году первые изъ подписавшихся помѣщиковъ на безпримѣрную сумму въ *618 тысячъ руб. сер.*, для основанія этого университета, были, большею частію, все или *ученики*, или *короткіе знакомые* и друзья Сковороды.

Вотъ почему Сковорода долженъ занять почетное мѣсто въ исторіи украинскаго общества, рядомъ съ *Каразинымъ*, *Квиткою-Основьяненкомъ* и *Котляревскимъ*, первыми, настоящими умственными двигателями малороссійскаго общества. Сковорода составляетъ переходъ отъ міра былой казацкой вольницы, на его глазахъ уничтоженной однимъ взмахомъ пера Екатерины II, къ міру государственному, къ міру науки, литературы и искусствъ. Сынъ приходскаго священника, онъ бросаетъ схоластическую академію для странствованія за границей. Голышъ и бѣднякъ, бросаетъ онъ потомъ въ Переяславлѣ, въ Харьковѣ и въ Москвѣ удобства профессорства, для свободной и бродячей жизни независимаго мыслителя. Съ этой точки зрѣнія, онъ, современникъ Сѣчи и хаоса новаго степного общества, современникъ Гаркуши и былой неурядицы на Украйнѣ, достоинъ полной признательности.

Опредѣленіе философскаго ученія Сковороды изложено въ «*Исторіи философіи въ Россіи*» (1840 г., ч. IV) *А. Гавріила*. Разбирая исторію русской философской мысли отъ временъ древнихъ, онъ вслѣдъ за первыми ея представителями: *Никифоромъ, кіевскимъ митрополитомъ, Владиміромъ Мономахомъ, Даніиломъ Заточникомъ, Ниломъ Сорскимъ, Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и Георгіемъ Конисскимъ*, разбираетъ и сочиненія Сковороды. Въ простонародной свиткѣ, съ «видлогою» и «торбою» за плечами, съ дудкою за поясомъ и съ палицею въ рукахъ, говоритъ Гавріилъ, Сковорода ходилъ по селеніямъ, просвѣщалъ народъ стариннымъ малороссійскимъ слогомъ, не льстилъ временщикамъ, и при богатствѣ внутренняго самодовольствія, почи-

тая всякую почесть мышеловкою для души своей, часто говаривалъ: «я все пока ничто; какъ стану что̀, то съ меня ничто. Добрый человѣкъ вездѣ найдетъ насущный хлѣбъ и людей, а воду даетъ ему земля безъ платы; лишнее не нужно. Меня хотятъ мѣрить Ломоносовымъ, замѣчалъ Сковорода: какъ будто бы Ломоносовъ есть казенная сажень, которою такъ же всякаго должно мѣрить, какъ портной однимъ аршиномъ мѣритъ и парчу, и шелковую матерію, и ряднину. Прошу господъ не заказывать мнѣ своихъ вощяныхъ чучелъ, я ваяю не изъ воску, а изъ мѣди и камня. Мнѣ не нужны подорожныя: я отважно вступаю въ море не для прогулки, чтобы вилять изъ губы въ губу, но чтобы объѣхать землю, и для открытія новаго свѣта. Какъ Сократъ, не ограничиваясь ни мѣстомъ, ни временемъ, онъ училъ на распутіяхъ, на торжищахъ, у кладбища, на папертяхъ церковныхъ, на праздникахъ, когда по его острому словцу, скачетъ пьяная воля и во дни страды, когда въ бездождіи потъ поливаетъ землю. «Какъ мы слѣпы въ томъ, что̀ нужно намъ есть... На Руси многіе хотятъ быть Платонами, Аристотелями, Зенонами, Эпикурами, а о томъ не разсуждаютъ, что академія, лицей и портикъ произошли изъ науки Сократовой, какъ изъ яичнаго желтка вывертывается цыпленокъ. Пока не будемъ имѣть своего Сократа, дотолѣ не быть ни своему Платону, ни другому философу...» Энтузіазмъ Сковороды часто простирался до такой степени, что по нѣкоторымъ частнымъ явленіямъ его жизни можно бы почесть его за теоманта, испытавшаго всѣ переходы вдохновенія.

«Сковородѣ, въ энтузіазмѣ, казалось, что его духъ, носимый въ океанѣ безпредѣльныхъ идей, какъ бы осязаетъ вселенную въ ея безконечности», какъ говоритъ А. Гавріилъ, «видитъ въ соединеніи обѣихъ: но вселенною для него была Русь, человѣчествомъ—народъ Русскій. Энтузіазмъ Сковороды преимущественно отразился въ его драмахъ или, по его надписанію, видѣніяхъ, въ коихъ онъ представилъ борьбу стараго и новаго образованія, какъ про благихъ и злыхъ духовъ, о человѣчествѣ и народности. Видѣнія эти можно называть тьмосвѣтомъ неподдѣльнаго русскаго патоса, и они достойны особаго историко-критическаго изученія, въ сравненіи съ Прометеемъ Эсхила, съ Аяксомъ Софокла, съ Бакхами Эврипида, кои всѣ были извѣстны Сковородѣ въ подлинникѣ, и

съ чуждыми для него: съ Благоговѣніемъ ко кресту, и съ чудодѣйнымъ Магомъ, Кальдерона, съ Фаустомъ, Клингера и Гёте, съ Каиномъ и Манфредомъ, Байрона. Иронія Сковороды была, бо̀льшею частію, прикрытіемъ его энтузіазма; ея игривая молнія всего чаще тогда отражалась, когда преломляла высшую степень восторга. Иронія Сковороды до того роскошествовала, что онъ обращалъ даже въ шутку свое собственное имя, называя мысли свои блиномъ бѣлымъ, спеченымъ на черной сковородѣ. О самопознаніи, какъ объ основномъ началѣ своего ученія, Сковорода, кромѣ Наркиза и Асканія, написалъ 6 разговоровъ о внутреннемъ человѣкѣ, съ коими соединена Симфонія о природѣ. Съ раскрытіемъ въ Сковородѣ внутренняго побужденія, какъ народнаго мыслителя и наставника, раскрылась вмѣстѣ и потребность пріобрѣсть сознаніе простонародности. Потому Сковорода, оставивъ учительство въ школѣ, проводилъ жизнь, какъ старецъ, преимущественно въ селеніяхъ, кои онъ называлъ пустынями, въ тихой и смиренной долѣ и, обращаясь въ кругу простого народа, старался изучить его природу, его волю, его языкъ и обычаи: ибо, по его мысли, учитель — не учитель, а только служитель природы. Мысль эту относилъ Сковорода и къ званію законодателя, и она прекрасно развита имъ чрезъ уподобленія. Таково было педагогическое искусство Сковороды въ образованіи простого народа, и оттого жизнь и всѣ созданія Сковороды цѣломудренны и свободны, какъ Библія и наши предки. Сковорода самъ называлъ ученіе своею тканкою и плеткою простонародною, а себя называлъ другомъ поселянъ, чужимъ для тѣхъ ученыхъ, кои такъ горды, что не хотятъ и говорить съ поселяниномъ, и онъ гордился именемъ народоучителя, презирая кривые толки и насмѣшки педантовъ своего времени. «Надо мною позоруются,—говорилъ онъ:—пускай позоруются; о мнѣ баютъ, что я ношу свѣчу предъ слѣпцами, а безъ очей не узрѣть свѣточа: пускай баютъ; на меня острятъ, что я звонарь для глухихъ, а глухому не до гулу: пускай острятъ, они знаютъ свое, я знаю мое, и дѣлаю мое, какъ я знаю, и моя тяга мнѣ упокоеніе». «Барская умность, пишетъ Сковорода:—будто простой народъ есть черный, видится мнѣ смѣшная, какъ и умность тѣхъ названныхъ философовъ, что земля есть мертвая. Какъ мертвой матери рождать живыхъ дѣтей? И какъ изъ утробы чер-

наго народа вылупились бѣлые господа? Смѣхотворно и мудрованіе, якобы сонъ есть остановка и перерывъ жизни человѣка: я право не вижу толку въ междужитіи и междусмертіи: ибо что̀ такое живая смерть и мертвая жизнь? О, докторы и философы! Сонъ есть часть жизни, т. е. живая смѣна въ явленіи жизни, въ которой замыкаются прелести внѣшняго міра и отворачиваются духовныя мечты, чтобы свергнуть познаніе свыше, изъ внутренняго міра. Мудрствуютъ: простой народъ спитъ, — пускай спитъ, и сномъ крѣпкимъ, богатырскимъ; но всякъ сонъ есть пробудный, и кто спитъ, тотъ не мертвечина и не трупище околѣвшее. Когда выспится, такъ проснется; когда намечтается, такъ очутится, и забодрствуетъ». Такое сознанїе было первое, новое, образцовое на Руси; оно не было ни подражаніе инородному, ни продолженіе своему прежде данному, и потому Сковорода называлъ свое ученіе, изъ его самороднаго сознанія построившееся, новою славою. Въ одномъ видѣніи, въ коемъ его душа извергалась кипучею лавою энтузіазма и ироніи, онъ представилъ свое состязаніе съ бѣсомъ, враждовавшимъ его новой славѣ. «Даймонъ: Слышь, Варсава!—Младенькій умъ, сердце безобразное, душа, исполненная паучины, не поучающая, но научающая! Ты ли творецъ новыя славы?—Варсава: Мы то, Божіею милостію, рабы Господни, и дерзаемъ благовѣстить новую славу.—Даймонъ: О, странность въ словѣ, стропотность въ пути, трудность въ дѣлѣ: вотъ троеродный и источникъ пустыни новыя. — Варсава: И лжешь и темнорѣчишь! Кто можетъ поднять на пути злато или бисеръ, мнящій быти нѣчто безполезное? Не виню міра, не вини и славы новыя!.. Кто же виненъ? Ты, враже! ты, украшенная гробница!»

Здѣсь приводятся отрывки изъ лучшихъ произведеній Сковороды, по слогу, болѣе доступные для современнаго читателя. Его богословскихъ сочиненій, очерченныхъ Гавріиломъ, я не касаюсь. Изъ этихъ выдержекъ легко видѣть, чѣмъ питалась въ то время украинская муза, вскорѣ нашедшая художественное развитіе въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Квитки-Основьяненко и Гулака-Артемовскаго.

Лучшимъ, для нашего времени, произведеніемъ Сковороды въ этомъ родѣ можно считать его «*Басни Харьковскія*», изданныя въ 1837 году, въ Москвѣ.

Вотъ ихъ образчики:

«*Чижъ и Щеголь*». Чижъ, вылетѣвъ на волю, слетѣлся съ давнимъ своимъ товарищемъ-Щегломъ, который его спросилъ: «какъ ты, другъ мой, освободился?.. Разскажи мнѣ».— «Чуднымъ случаемъ», — отвѣчалъ плѣнникъ. — «Богатый турка пріѣхалъ съ посланникомъ въ нашъ городъ и, прохаживаясь, для любопытства, по рынку, зашелъ въ нашъ птичій рядъ, въ которомъ насъ около четырехъ - сотъ у одного хозяина висѣло въ клѣткахъ. Турка долго на насъ, какъ мы одинъ передъ другимъ воспѣвали, смотрѣлъ съ сожалѣніемъ; наконецъ молвилъ: «а сколько просишь денегъ за всѣхъ?»—«25 рублевъ»,—отвѣчалъ хозяинъ. Турка, не говоря ни слова, выкинулъ деньги, и велѣлъ себѣ подавать по одной клѣткѣ, съ которыхъ каждаго съ насъ выпущая на волю въ разныя стороны, утѣшался, смотря куда мы разлетались». — «А что-жъ тебя, спросилъ товарищъ, заманило въ неволю?» — «Сладкая пища, да красная клѣтка»,—отвѣчалъ счастливецъ.—«А теперь поколь умру, буду благодарить Бога этою пѣсенькою!

«Лучше мнѣ сухарь съ водою,
Нежели сахаръ съ бѣдою!»

Сила: Кто не любитъ хлопотъ, долженъ научиться просто и убого жить.

«*Старуха и Горшечникъ*». Старуха покупала горшки. Амуры молодыхъ лѣтъ еще и тогда ей отрыгалися. — «А что за сей хорошенькій...?»—«За того возьму хоть три полушки», — отвѣчалъ горшечникъ. — «А за того гнуснаго (вотъ онъ), конечно, полушка?» — За того ниже двухъ копеекъ не возьму...—«Что за чудо?»—«У насъ, бабка, сказалъ мастеръ, — не глазами выбираютъ: мы испытуемъ, чисто ли звонитъ?» — Баба, хотя была не подлаго вкуса, однако, не могла больше говорить, а только сказала, что и сама она давно сіе знала, да вздумать не могла.

Изрядная великороссійская пословица сія: *не красна хата углами, красна пирогами!* Довелось мнѣ въ Харьковѣ, между премудрыми эмблемтами, на стѣнѣ залы видѣть слѣдующій написанъ, схожій на черепаху, гадъ съ долговатымъ хвостомъ: средѣ черепа сіяетъ большая золотая звѣзда, украшая оной. Но подъ нимъ толкъ подписанъ слѣдующій: «подъ сіяніемъ язва!» Сюда принадлежитъ пословица, находящаяся въ Евангеліи: «гробы повапленныи».

Въ книгѣ Сковороды «*Дружескій разговоръ*» приводится басня объ Индіи:

«Я мальчикомъ слыхалъ, отъ знакомаго персіянина, слѣдующую *басеньку*: Нѣсколько чужестранцевъ путешествовали въ Индіи. Рано вставши, спрашивали хозяина о дорогѣ.—«Двѣ дороги,—говорилъ имъ человѣколюбивый старикъ:—вотъ вамъ двѣ дороги, служащія вашему намѣренію! Одна напрямикъ, а другая съ обинякомъ, совѣтую держаться обиняка. Не спѣшите, и далѣе пройдете. Будьте осторожны. Помните, что вы въ Индіи». — «Батюшка! мы не трусы, вскричалъ одинъ вострякъ, мы европейцы! Мы ѣздимъ по всѣмъ морямъ, а земля намъ не страшна вооруженнымъ».—И, шовъ нѣсколько часовъ, нашли кожаной мѣхъ съ хлѣбомъ, и такое же судно съ виномъ. Наѣлись и напились довольно. Отдыхая подъ камнемъ, сказалъ одинъ: «не дастъ ли намъ Богъ другой находки? Кажется, нѣчтось вижу впередѣ по дорогѣ. Взгляньте, по ту сторону бездны чернѣетъ что-то»... Одинъ говорилъ: кожаной мѣшище. Другой угадалъ, что огорѣлый пнище. Иному казался камень, иному — городъ, иному — село. — Послѣдній угадалъ точно. Они всѣ тамъ посѣли: нашедши на индійскаго дракона, всѣ погибли. Спасся одинъ, находясь глупѣе, но осторожнѣе. Сей, по нѣкіимъ примѣчаніямъ и по внутреннему предвѣщающему ужасу, притворился остаться за нуждою на сей сторонѣ глубочайшей яруги и, услышавъ страшной умерщвляемыхъ вой, спѣшно воротился къ старику, одобривъ старинныхъ вѣковъ пословицу: «боязливаго сына матери плакать нечево».

Изъ стихотвореній Сковороды болѣе извѣстна его пѣсня: «*Всякому городу нравъ и права*». Привожу ее въ заключеніе моей статьи изъ сборника Сковороды: «*Садъ божественныхъ пѣсней*», присланнаго мнѣ Е. Д. Розальонъ-Сошальскимъ. Списокъ сдѣланъ въ 1792 году сосѣдомъ г. Сошальскаго, Дятловымъ. Вотъ она:

Пѣснь Х-я. «Всякому Городу».

Всякому городу нравъ и права̀,
Всяка имѣетъ свой умъ голова.
    Всякому сердцу своя есть любовь,
    Всякому горлу свой есть вкусъ каковъ.

А мнѣ одна только въ свѣтѣ думà,
А мнѣ одно только не идетъ съ ума.

* *
*

Петръ для чиновъ углы панскіе третъ,
Ѳедька купецъ при аршинѣ все лжетъ
    Тотъ строитъ домъ свой на новый манеръ,
    Тотъ все въ процентахъ: пожалуй, повѣрь!
А мнѣ одна только въ свѣтѣ думà,
А мнѣ одно только не идетъ съ ума!

* *
*

Тотъ непрестанно стягаетъ грунтà,
Сей иностранны заводитъ скотà.
    Тѣ формируютъ на ловлю собакъ,
    Сихъ шумитъ домъ отъ гостей, какъ кабакъ.
А мнѣ одна только въ свѣтѣ думà,
А мнѣ одно только не идетъ съ ума!

* *
*

Строитъ на свой тонъ юриста правà.
Съ диспутъ студенту трещитъ голова.
    Тѣхъ безпокоитъ Венеринъ амуръ,
    Всякому голову мучитъ свой дуръ,
А мнѣ одна только въ свѣтѣ думà,
Какъ бы умерти мнѣ не безъ ума!

* *
*

Смерте страшна, замашная косò!
Ты не щадишь и царскихъ волосовъ!
    Ты не глядишь, гдѣ мужикъ, а гдѣ царь!
    Все жерешь такъ, какъ солому пожаръ?
Кто-жъ на ея плюетъ острую сталь?..
Тотъ, чія совѣсть, какъ чистый хрусталь!

III.

ВАСИЛІЙ НАЗАРЬЕВИЧЪ КАРАЗИНЪ.

(1773—1842 г.).

I.

Предки.—Дѣтство В. Н. Каразина.—Отъѣздъ въ Петербургъ и бѣгство за границу.—Резолюція императора Павла.—Записка, поданная императору Александру I-му.—Близость ко Двору.—Отрывки изъ формуляра В. Н. Каразина.—Его характеръ.—Статья В. Анастасевича.

Василій Назарьевичъ Каразинъ, основатель харьковскаго университета, первый эманципаторъ изъ украинскихъ помѣщиковъ и долгіе годы неутомимый, рѣдкій дѣятель въ молодомъ еще тогда, слободско-украинскомъ обществѣ, до сихъ поръ не имѣлъ у насъ біографіи. Въ нашей литературѣ вы тщетно стали бы искать даже списка его сочиненій, или хотя двадцати строкъ послѣдовательнаго, въ общепринятыхъ словахъ, перечня годовъ его жизни и служебнаго формуляра. Съ большимъ трудомъ, при помощи его семейныхъ бумагъ, благосклонно ввѣренныхъ мнѣ сыномъ его, Ф. В. Каразинымъ, и при нѣкоторыхъ любопытныхъ библіографическихъ указаніяхъ Г. Н. Геннади, мнѣ удалось, наконецъ, открыть цѣлый рядъ неизвѣстныхъ и разбросанныхъ въ кучѣ нашихъ журналовъ (съ 1807 по 1842 годъ) сочиненій В. Н. Каразина. Одна забытая статья покойнаго вызывала находку другой и такимъ образомъ, впервые, составился у меня, по годамъ, списокъ сочиненій В. Н. Каразина, съ подробнымъ указаніемъ ихъ появленія и, гдѣ нужно, краткаго ихъ содержанія, прилагаемый здѣсь въ концѣ статьи. По нимъ лучше всего опредѣляются черты

этой замѣчательной личности. Затѣмъ, прося знающихъ дополнить то, что̀ здѣсь могло быть пропущено, спѣшу оговорить, что въ разсказѣ о жизни В. Н. Каразина я ограничивался, для первой попытки, подлинными выписками, собранными изъ разныхъ мѣстъ его печатныхъ статей, приводя вездѣ ссылки на страницы ихъ (по подробному списку этихъ статей въ концѣ моего очерка), прибавилъ къ этимъ выпискамъ отрывки изъ неизданнаго, письменнаго, подлиннаго разсказа о жизни отца, составленнаго для адмирала Лазарева сыномъ В. Н. Каразина, Ф. В. Каразинымъ, отрывки изъ сохраненнаго, въ семействѣ покойнаго, его послужного списка, и только въ нѣсколькихъ мѣстахъ, для соединенія разрозненныхъ чертъ, я позволилъ себѣ привести отзывы о немъ постороннихъ лицъ, съ ссылкою на послѣднихъ. Отъ души желаю, чтобы мой очеркъ вызвалъ, наконецъ, полные разсказы другихъ, особенно петербургскихъ современниковъ покойнаго, и съ радостью спѣшу прибавить, что вскорѣ можетъ осуществиться предпріятіе изданія подлинныхъ «*Записокъ и писемъ В. Н. Каразина*», хранимыхъ въ его семьѣ. Повторяю: мой очеркъ есть сводъ указаній, основанныхъ на несомнѣнныхъ данныхъ для полной біографіи В. Н. Каразина, о которомъ въ наше время носится еще столько разнорѣчивыхъ толковъ.

Василій Назарьевичъ Каразинъ родился 30-го января 1773 года *). Отецъ его былъ происхожденіемъ грекъ, изъ дворянскаго семейства *Караджи*. Въ собственноручныхъ замѣткахъ «Дневника» В. Н. Каразина, сохраненнаго въ его бумагахъ, находится такое извѣстіе: «Я родился 1773 г., на разсвѣтѣ января 30-го, въ селѣ Кручикѣ, слободско-украинской губерніи, краснокутскаго коммиссаріатства, впослѣдствіи богодуховскаго уѣзда, въ простой хатѣ крестьянина нашего, Минченка, по случаю того, что домъ отца моего еще не былъ конченъ, родился замертво и былъ названъ Богданомъ, а при крещеніи это имя замѣнено Василіемъ».

Отецъ его матери, Як. Ив. Ковалевскій, былъ сотникъ харьковскаго полка, женатый на М. В. Магденко, по первому мужу своему бывшей Логачевой.

*) Весь этотъ начальный разсказъ заимствую изъ «*Записки о жизни отца*», составленной Ф. В. Каразинымъ, кромѣ указаній, найденныхъ мною самимъ въ другихъ мѣстахъ.

Родоначальникъ семейства Караджи, переселившагося въ Россію при Петрѣ I, Григорій Караджи былъ софійскимъ архіепископомъ въ Болгаріи. Сынъ его, Александръ, былъ уже капитаномъ русской гвардіи и умеръ въ 1753 г., въ селѣ Рублевкѣ, близъ украинскаго мѣстечка Мурафы. Сынъ Александра и отецъ виновника этой статьи, Назаръ, былъ уже, однако, извѣстнымъ человѣкомъ. Говоря по-гречески и по-турецки, онъ получилъ отъ императрицы Екатерины II-й порученіе отправиться секретно въ Турцію для осмотра и снятія плановъ крѣпостей. Это было передъ началомъ нашей войны съ Турціею. Назаръ Каразинъ былъ представленъ императрицѣ, какъ хорошій инженерный офицеръ. Переодѣтый монахомъ, съ отрощенною бородой, съ просительною книгой въ рукахъ и съ боченкомъ воды за плечами (въ боченкѣ было четыре дна, между средними были спрятаны бумаги и чертежные инструменты), онъ отправился въ путь пѣшкомъ, проникъ въ глубь Турціи, все осмотрѣлъ, вывѣдалъ и снялъ на бумагѣ. Въ Адріанополѣ его схватили, на разсвѣтѣ утра, за работою надъ съемкою какого-то бастіона. Онъ успѣлъ бросить боченокъ въ кусты. Но его чуть, по приказанію паши, не посадили на колъ. Онъ убѣжалъ изъ заключенія, доставилъ въ Россію свои замѣтки и планы и привелъ еще съ собою 3,000 арнаутовъ, вслѣдъ за нимъ бросившихъ Турцію. Его сдѣлали ихъ начальникомъ, и съ этимъ отрядомъ онъ пошелъ передъ нашей арміей, открывшей войну съ невѣрными.— В. Н. Каразинъ, въ примѣчаніи къ одной изъ своихъ печатныхъ статей, говоритъ: «Маіоръ, а впослѣдстіи полковникъ Назаръ Каразинъ, былъ употребленъ, въ 1768 и слѣдующихъ годахъ, до открытія турецкой войны, въ секретныя посылки и негоціаціи въ Молдавію, Валахію и Морею. Великій графъ Румянцевъ-Задунайскій жаловалъ его лично, удостаивалъ своими письмами даже послѣ его отставки, а Екатерина II-я наградила недвижимымъ имѣніемъ» («Рѣчь о люб. къ от.»). Въ печатныхъ *«реляціяхъ»* о Екатерининскихъ войнахъ, объ этомъ человѣкѣ сохранено нѣсколько извѣстій. Такъ, подъ 1770 годомъ, говорится: «7,000 турокъ напали на полковника Каразина, бывшаго въ монастырѣ Комитѣ, въ тридцати верстахъ отъ Букареста. Всѣ почти, предводимые Каразинымъ, пали»... Спасся самъ предводитель, съ немногими арнаутами. Зато, по сло-

вамъ реляціи 1768 года: «Подполковникъ Каразинъ, со ввѣренными ему арнаутами, приблизясь къ Букаресту, столицѣ Княжества Валахскаго, выгналъ изъ него турецкое войско и взялъ въ полонъ валахскаго господаря, Григорія Гику, съ братомъ его, сыномъ и всѣми придворными, коихъ и привелъ въ городъ Яссы».—Въ отставкѣ онъ подвергался зависти и интригамъ, но императрица Екатерина II-я наградила его помѣстьемъ *) въ 500 душъ крестьянъ, въ шестидесяти верстахъ отъ Харькова. О немъ также есть свѣдѣнія въ «Русской Исторіи» Глинки (т. IX). Этимъ ограничиваются мои источники о родѣ Каразиныхъ.

В. Н. Каразинъ, по словамъ его сына, Ф. В. Каразина («Записка о жизни отца»), начальное свое воспитаніе получилъ сперва въ кременчугскомъ, а потомъ въ харьковскомъ частныхъ пансіонахъ. Далѣе, въ отрывкахъ изъ статей В. Н. Каразина («Рѣчь о любви къ от.»), я привожу найденный мною отзывъ его о содержателяхъ этихъ пансіоновъ. Теперь скажу, что имена этихъ замѣчательныхъ людей были: Хр. Ив. Фирлингъ и Ив. Пет. Шульцъ. «Записка» его сына говоритъ, что на одиннадцатомъ году В. Н. Каразинъ самъ лично, придя изъ пансіона, подалъ прошеніе графу Румянцеву-Задунайскому, проѣзжавшему тогда черезъ Харьковъ, о желаніи своемъ поступить въ военную службу. Я уже сказалъ, что графъ жаловалъ его отца, умершаго между тѣмъ въ томъ самомъ 1783 году.

Я упомянулъ уже, что въ числѣ моихъ источниковъ находится «*Формулярный списокъ о службѣ Василія Назарьевича Каразина отъ 1830 года*» (когда онъ уже былъ пятидесяти лѣтъ отъ роду и въ чинѣ статскаго совѣтника), выданный ему, за подписью «губернскаго предводителя дворянства Слободско-Украинской губерніи, статскаго совѣтника Времева». Здѣсь говорится: «Бывъ записанъ, на одиннадцатомъ году, по собственному прошенію въ кирасирскій орденскій полкъ (шефомъ онаго, фельдмаршаломъ графомъ Румянцевымъ-Задунайскимъ) въ 1783 году, на дѣйствительную службу вступилъ лейбъ-гвардіи въ семеновскій полкъ сержантомъ, 1791 г. января 22-го», на осьмнадцатомъ году.

«Записка» его сына говоритъ: «Но между тѣмъ онъ про-

*) Формуляръ В. Н. Каразина отъ 1830 года говоритъ: «Имѣніе богодуховскаго уѣзда, село Кручикъ, 340 душъ крестьянъ мужеска пола, на 2,660 десятинахъ земли».

должалъ учиться. Служба не помѣшала ему предаваться любимымъ его занятіямъ: теоретическому и практическому изученію человѣка и природы. Горный корпусъ, лучшее изъ тогдашнихъ казенныхъ заведеній, былъ посѣщаемъ имъ постоянно, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и тутъ-то пріобрѣлъ онъ тѣ познанія въ точныхъ наукахъ, которыми впослѣдствіи изумлялъ гораздо уже образованнѣйшее поколѣніе. Между прочимъ, проф. Кнорре не хотѣлъ вѣрить, чтобы астрономія не была исключительнымъ предметомъ его занятій. Съ математикою, химіею, физикою, ботаникою, медициною и вообще естествословіемъ ознакомился онъ такъ, что могъ бы съ честію занять каѳедру каждой изъ сихъ наукъ въ любомъ заграничномъ университетѣ. Французскій, нѣмецкій и латинскій языки были имъ также изучены въ совершенствѣ. Съ этимъ-то запасомъ свѣдѣній онъ, по внушенію своего сердца, началъ дѣйствовать на пользу отечества. Прежде всего онъ захотѣлъ ознакомиться въ подробности съ нуждами обширной Россіи. Для этого онъ, пользуясь свободою, которая предоставлялась тогда молодымъ гвардейцамъ отлучаться изъ столицы, объѣздилъ многія губерніи. Военное поприще представляло ему мало пищи. Онъ рѣшился перейти къ дѣламъ гражданскимъ; но чуть было не испортилъ навсегда всей своей дороги. Какъ пылкій энтузіастъ, у котораго еще мало было почвы подъ ногами, онъ рѣшился прежде всего бѣжать изъ Россіи, чтобы воспитаться за границею. При трудности тогдашнихъ отлучекъ въ чужіе края, онъ ушелъ тайно безъ паспорта, но былъ задержанъ объѣздомъ екатеринославскихъ гренадеръ въ Ковнѣ, ночью, 3-го августа 1798 г., при переправѣ чрезъ Нѣманъ»... Я видѣлъ въ бумагахъ В. Н. Каразина собственноручное ветхое письмо его къ императору Павлу, набросанное имъ впослѣдствіи по памяти. Будучи арестованъ и видя свою гибель, этотъ бѣглецъ въ жертву науки, этотъ восторженный молодой человѣкъ рѣшился все чистосердечно передать великодушію императора и послалъ изъ Ковно на имя его эстафету, чтобы предупредить донесеніе о немъ мѣстнаго, озадаченнаго начальства. Вотъ что̀ онъ писалъ тогда (1798 г., 14-го августа): «Великій монархъ! Я не имѣлъ нужды спасаться бѣгствомъ; оно будетъ загадкою для моихъ слѣдователей. Я бѣжалъ учиться!..» Прочтя простосердечное покаяніе молодого бѣглеца, императоръ Па-

велъ, какъ приписываетъ въ концѣ этой копіи В. Н. Каразинъ, простилъ его.—«Слѣдствіемъ онаго была немедленная посылка за мною курьера, съ весьма милостивымъ принятіемъ на службу. Я былъ рекомендованъ, отъ имени Его Величества, начальнику, котораго позволено было мнѣ самому выбрать». Записка его сына прибавляетъ: «Вмѣсто того, чтобы строго наказать дерзкаго подданнаго, который признавался ему прямо, что намѣренъ былъ бѣжать изъ его имперіи, Императоръ сказалъ ему, при личномъ представленіи моего отца: «Я докажу тебѣ, молодой человѣкъ, что ты ошибаешься! Скажи, при комъ ты хочешь находиться?» Смущенный мой отецъ назвалъ на-угадъ одно изъ правительственныхъ лицъ, къ которому и былъ немедленно опредѣленъ секретаремъ». Формуляръ его говоритъ: «Произведенъ при опредѣленіи, по Высочайшему повелѣнію, къ статскимъ дѣламъ, въ канцелярію государственнаго казначейства и главнаго медицинской коллегіи директора (барона Васильева), коллежскимъ переводчикомъ 1800 г. февраля 3-го». Въ слѣдующемъ, 1801 году, января 22-го, по словамъ «Формула», онъ: «За собраніе матеріаловъ къ исторіи медицины въ Россіи, также и къ исторіи финансовъ, награжденъ чиномъ коллежскаго ассессора».

Но вотъ взошелъ на престолъ императоръ Александръ I. Это было 1801 года, 12-го марта. Черезъ десять дней, именно 22-го марта, того же 1801 года, В. Н. Каразинъ уже сталъ извѣстенъ молодому императору и заставилъ говорить о себѣ цѣлый Петербургъ. О любопытномъ поступкѣ его знаютъ теперь многіе; всѣ собственные устные разсказы В. Н. Каразина при его жизни были полны этимъ событіемъ, положившимъ яркій слѣдъ во всей его остальной жизни. Такъ объ этомъ замѣчательномъ случаѣ передаетъ записка его сына: «Воспользовавшись однимъ изъ дворцовыхъ церемоніаловъ, онъ нашелъ случай пробраться въ царскіе покои, и тамъ оставилъ на столѣ запечатанный пакетъ, съ надписью на имя Императора. Въ пакетѣ томъ заключалась, безъ подписи автора, бумага, въ которой изложены были надежды русскаго на юнаго своего царя. Императоръ Александръ, прочтя эту бумагу, велѣлъ непремѣнно отыскать сочинителя. Это нетрудно было исполнить: приказаніе отдано было случайно тому самому вельможѣ, при которомъ отецъ мой тогда служилъ, и которому слогъ и

почеркъ его очень были знакомы. На другой же день отецъ мой былъ представленъ императору: — «Ты написалъ эту бумагу?»—«Я, Государь!»—«Дай обнять тебя и благодарить за благія твои пожеланія мнѣ и чувства истиннаго сына отечества! Продолжай всегда такъ чувствовать и дѣйствовать сообразно съ этими чувствами. Продолжай всегда говорить мнѣ правду! Я желалъ бы имѣть побольше такихъ подданныхъ!» — Внѣ себя отъ восторга, В. Н. Каразинъ бросился къ ногамъ Императора и, заливаясь слезами, долго не могъ вымолвить ни слова... Наконецъ, вырвалась изъ стѣсненной груди его клятва—исполнять волю Монарха»...

Эта любопытная бумага, отрывокъ изъ которой напечатанъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1843 г. (№ 1-й), съ помѣткою: Мѣсто, взятое изъ бумаги автора, въ концѣ марта 1801 года, препровожденной къ одной великой особѣ, содержитъ собственно похвальное, горячее и полное страстной любви слово о Россіи, съ указаніями, чтò можетъ сдѣлать съ нею «юный монархъ, отдающій всего себя въ жертву за ея благоденствіе». Эта записка входитъ въ «Собраніе писемъ и записокъ В. Н. Каразина», предпринятое къ изданію, и потому я не имѣю права помѣстить ее здѣсь цѣликомъ. Авторъ говоритъ въ ней, между прочимъ: «Время теперь возвести Россію на верхъ славы, по обѣту Твоему! Ночью, проходя мимо чертоговъ Твоихъ, я размышлялъ, представлялъ себѣ картину благословеннаго Твоего политическаго положенія, каковы будутъ пути Твои!—Я думалъ,— говоритъ авторъ: — Онъ доставитъ намъ непреложные законы! Клятвою многочисленныхъ племенъ своихъ Онъ утвердитъ ихъ въ роды родовъ! Въ семъ будетъ Онъ дѣйствовать медленно, какъ дѣйствуетъ природа въ таинственныхъ путяхъ, ей уготованныхъ. Съ довѣренностью къ правительству, на одной степени поставитъ Онъ вѣру къ правосудію! Онъ презритъ новыхъ лже-политиковъ, утверждающихъ, будто для государства все равно, какъ ни переходитъ собственность изъ рукъ въ руки! Онъ предоставитъ весь судъ избраннымъ отъ народа; удалитъ ихъ отъ соблазна не законами, безгласными по необходимости, а доставленіемъ судьямъ избыточнаго содержанія,—напримѣръ, сборомъ съ отыскиваемыхъ дѣлъ въ одну кассу со всѣхъ губерній! На сей конецъ, подниметъ Онъ судій общественнымъ мнѣніемъ! Судъ при дверяхъ открытыхъ; право тяжущимся публико-

вать опредѣленія! Онъ обезпечитъ право человѣчества помѣщичьимъ крестьянамъ; онъ введетъ у нихъ собственность; поставитъ предѣлы ихъ зависимости—постепенностью обычая, который бы укрѣпилъ болѣе общественныя связи сословій!» (Въ примѣчаніи, подъ строкой: «Это для опыта ввелъ я въ имѣніи моемъ съ давняго времени, и, какъ хозяинъ, не имѣю причины раскаиваться!»). — Въ концѣ записки онъ указываетъ молодому, его выслушавшему монарху: «Просвѣщеніе, заботы о мануфактурахъ, свободу торговли, миръ съ державами и улучшеніе путей сообщенія!» Онъ кончаетъ словами: «Слышалъ я, что юный нашъ владѣтель съ равнодушіемъ принимаетъ затверженныя восклицанія поэзіи, которая безстыдно приноровляла ихъ ко всѣмъ царствованіямъ, увѣряя каждое, что оно лучше своихъ предшественниковъ! Я смѣлъ начертать сіи мысли: о, Ты, котораго обожаетъ мое сердце, не отвергни сію дань его!»

Въ отысканіи автора и въ представленіи его императору помогли гр. Паленъ и Дм. Прок. Трощинскій («Записка» сына).

Нашъ исторіографъ, носившій созвучное имя съ В. Н. Каразинымъ, въ 1808 году вновь вспоминая съ императоромъ объ этой запискѣ, назвалъ ее въ разговорѣ «pia desideria».

Кстати: В. Н. Каразинъ былъ въ перепискѣ съ Н. М. Карамзинымъ (я видѣлъ письма послѣдняго въ семействѣ В. Н. Каразина), любилъ его, и въ шутку иногда, отдавая должную честь стойкости и благоразумію своего великаго сверстника, говаривалъ при случаѣ: «Э! господа, вы, кажется, смѣшиваете меня съ Карамзинымъ?! Между нами одна маленькая разница въ буквѣ *мыслете!*»

«Записка» его сына продолжаетъ: «Сдѣлавшись такимъ образомъ извѣстенъ Императору Александру, отецъ мой нѣкоторое время продолжалъ быть въ необыкновенныхъ для подданнаго сношеніяхъ съ Царемъ. Нерѣдко удостоивался частной съ Нимъ бесѣды въ Его кабинетѣ и собственноручныхъ Его, совершенно приватныхъ писемъ. Бесѣды эти имѣли всегда цѣлію какое-нибудь новое, ко благу Россіи, учрежденіе. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе Императора на необходимость образованія народнаго. Онъ предлагалъ для этого: искоренить рабство, исподволь, давая крестьянамъ голосъ въ ихъ дѣлахъ, право выбора представителей въ сельскую думу: подать въ пользу помѣщика онъ

полагалъ только за землю послѣдняго, по ежегодно собираемымъ справочнымъ цѣнамъ, гдѣ бы шелъ процентъ и на священника. И это не одна его идея. О необходимости присоединенія уніатовъ къ православной церкви хлопоталъ онъ съ 1804 по 1806 годъ, возбудивши на себя гоненія, какъ, напримѣръ, отъ князя Чарторишскаго,—что и состоялось тридцать восемь лѣтъ спустя. Онъ предполагалъ— умножить приходскія училища, основанныя Екатериною II, примѣнивъ ихъ къ потребностямъ поселянъ, и написалъ для этого катехизисы—религіозный и гражданскій *). Считалъ нужнымъ составить особое министерство народнаго просвѣщенія, обработавши для этого и самый проектъ.—Министерство состоялось.—Положивши основаніе ему, онъ сталъ хлопотать о распространеніи учебныхъ заведеній въ Россіи. Любимая его Малороссія пришла ему прежде всего на мысль, какъ край, гдѣ до того времени не было ни одного высшаго училища. Онъ отпросился въ отпускъ, и плодомъ этого отпуска былъ сборъ громадной суммы 618,000 руб. сер., которую онъ и представилъ Государю отъ дворянъ и купцовъ харьковскихъ, прося Его о дозволеніи открыть въ Харьковѣ университетъ»...

На этомъ я остановлюсь. Слова «Записки» его сына подтверждаются слѣдующими мѣстами формуляра В. Н. Каразина:

«За труды, кои были лично извѣстны блаженной памяти Государю Императору Александру Благословенному, пожалованъ (*черезъ чинъ*) въ коллежскіе совѣтники, 1801 года апрѣля 11-го».—«И въ тотъ же день награжденъ богатымъ перстнемъ».—«За продолженіе оныхъ удостоенъ въ разное время нѣсколькихъ весьма милостивыхъ собственноручныхъ рескриптовъ Его Величества».—«Избранъ отъ слободско-украинскаго дворянства депутатомъ для испрошенія у престола подтвержденія привилегій сей губерніи 1801 года 7 мая».—«При образованіи министерства народнаго просвѣщенія Высочайше опредѣленъ правителемъ дѣлъ главнаго правленія училищъ, 1802 года сентября 8-го».—«Въ обоихъ сихъ званіяхъ подалъ мысль слободско-украинскому дворянству къ основанію въ Харьковѣ университета (который Высочайше и утвержденъ въ 1803 году), *послужилъ орудіемъ къ пожертвованію на оный изъ двухъ губерній*

*) Они, къ сожалѣнію, утрачены.

618,000 руб. сер.—Уклонился отъ Всемилостивѣйшей награды за оный подвигъ.—Но между тѣмъ, за особливые труды по *«комитету составленія ученымъ въ Россійской Имперіи заведеніямъ новыхъ уставовъ»* награжденъ орденомъ св. Владиміра четвертой степени, 1802 года сентября 22-го»—«Продолжая дѣятельно участвовать въ устроеніи всего, принадлежащаго къ упомянутому университету, по необходимости въ художникахъ въ г. Харьковѣ, доставилъ туда *тридцать-два семейства иностранныхъ мастеровъ на собственномъ иждивеніи*, хотя впослѣдствіи, по особенной Высочайшей милости, употребленная имъ на то сумма 12,200 рублей, была ему возвращена въ 1803 году».

Такъ какъ весь въ точности приведенный мною любопытный формуляръ В. Н. Каразина оканчивается еще немногими только строками, то привожу и ихъ здѣсь цѣликомъ, для дальнѣйшаго разсказа о его жизни. Формуляръ говоритъ:

«Въ 1814 году былъ учредителемъ Высочайше потомъ одобреннаго филотехническаго общества».—«Получилъ въ благодарность изъявляющіе отзывы министровъ: *внутреннихъ дѣлъ*—за учрежденіе и успѣшный ходъ филотехническаго общества, 1815 года, апрѣля 15-го; *военныхъ силъ*—за представленіе объ облегченіи заграничнаго продовольствія войскъ и флота, которое одобрено учрежденнымъ нарочно для разсмотрѣнія сего комитетомъ, и о умноженіи въ государствѣ селитры, 1815 года, августа 20-го; *полиціи* — за представленіе особливой идеи о хлѣбныхъ магазинахъ, 1818 года, октября 3-го».—«Вторично былъ избранъ депутатомъ слободско-украинскаго дворянства, для всеподданнѣйшаго ходатайства о ненарушимости привилегій губерній, 1819 года въ февралѣ». — «Пользовался Высочайше дарованнымъ ему въ 1801 году правомъ безпосредственной переписки съ Государемъ». — «Отставленъ, съ награжденіемъ чина статскаго совѣтника, 27-го августа 1804 года».—«Имѣетъ дѣтей: дочь Пелагею и шестерыхъ сыновей: Василія, Егора, Фильдельфа, Александра, Николая и Валеріана».—«Подъ судомъ никогда не былъ».

Довольно любопытный очеркъ этого характера я нашелъ въ двухъ слѣдующихъ изданіяхъ.

Неизвѣстный авторъ статьи «Иванъ Филипповичъ Вер-

неть» въ «Современникѣ» 1847 года за подписью Л. *), говоритъ о В. Н. Каразинѣ слѣдующее: «Помню еще другую лѣтнюю поѣздку въ Богодуховскій уѣздъ, къ человѣку, во многихъ отношеніяхъ замѣчательному. В. Н. Каразинъ былъ происхожденія греческаго. Жизнь его была исполнена самыхъ разительныхъ превратностей; и что̀ бы о немъ ни говорили, съ какой бы точки ни разсматривали его общественный характеръ, но одно не подлежитъ сомнѣнію, рано или поздно Харьковъ, да и вся Украйна, отдадутъ ему должное и открыто признаютъ въ немъ одного изъ своихъ благотворителей. Его когда-то сильному вліянію Харьковъ обязанъ своимъ университетомъ. Имъ было созвано въ этотъ городъ множество иностранныхъ ремесленниковъ. Черезъ его посредство призваны туда и нѣкоторые отличные европейскіе ученые. Каразинъ былъ человѣкомъ всемірнымъ: ни одна отрасль наукъ или искусствъ не ускользала отъ его прозорливаго вниманія. Отъ плуга и химической лабораторіи до самыхъ коренныхъ вопросовъ науки или общественной жизни,—онъ вездѣ былъ дома, по крайней мѣрѣ, теоретически. Его *библіотека* обнимала, какъ и онъ самъ, всѣ отрасли человѣческихъ знаній. Это былъ умъ, жадный къ познаніямъ, душа пылкая, сжигаемая жаждой дѣятельности. Живя поочередно, то въ деревнѣ, то въ городѣ, онъ, несмотря на ихъ отдаленность отъ центровъ просвѣщенія, слѣдилъ за всѣми движеніями вѣка, получалъ множество журналовъ и книгъ и, дѣятельно занимаясь самъ всѣмъ понемногу, поощрялъ и другихъ къ самобытнымъ занятіямъ, къ живому труду. Къ сожалѣнію, самъ онъ не всегда обнаруживалъ тотъ практическій смыслъ, какого требовалъ отъ другихъ. Его попытки, дорого ему стоившія, ввести въ свою деревню особенное, черезчуръ искусственное устройство, сельскую думу, судъ и расправу,—а вмѣстѣ съ тѣмъ сложную отчетность, иностранное земледѣліе и различныя ремесла,—не могли уже и потому увѣнчаться успѣхомъ, что они не сопровождались достаточнымъ практическимъ знаніемъ и слишкомъ отражали на себѣ характеръ самого владѣльца... *Нетерпѣливый и отвлеченно-теоретическій, Василій Назарычъ оставался теоретикомъ и въ практикѣ. Страсть къ проектамъ по всѣмъ отраслямъ наукъ и граж-*

*) По мнѣнію С. И. Кованько, подпись Л. означаетъ Лесли, итальянскаго выходца, знавшаго хорошо Вернета и Каразина.

данскаго устройства, безпокойное стремленіе къ преобразованіямъ всякаго рода — дѣлали его неспособнымъ къ холодному, настойчивому исполненію предначертаннаго. Онъ весь, и самыми недостатками, принадлежитъ къ исторіи русской общественной жизни... Кто его зналъ, кто зналъ пламенную любовь къ успѣхамъ отечества, одушевлявшую его во всю жизнь съ неизмѣннымъ жаромъ и ревностью, тотъ согласится, что Каразинъ принадлежитъ къ знаменательнымъ, поучительнымъ явленіямъ нашего современнаго общества, и не откажетъ ему въ уваженіи и признательности».

Мнѣ попалось также любопытное письмо извѣстнаго въ Украйнѣ *А. А. Палицина* къ В. Н. Каразину, отъ 1799 года 4-го іюля, изъ с. Поповки («Молодикъ на 1844 г.»), гдѣ говорится о юности В. Н. Каразина: «Прелюбезный другъ мой, Василій Назарьевичъ. Слѣдуйте всегда *вашимъ здравымъ правиламъ:* избирайте и любите людей по себѣ; знакомьте ихъ, сближайте тѣмъ, чтобъ сказать вашимъ словомъ все доброе, но притомъ терпите и прощайте прочихъ, не требуйте никогда великодушія отъ душъ малыхъ, ума отъ дураковъ, терпимости отъ фанатиковъ, безкорыстія отъ алтынниковъ; вы вѣрно также предохраните себя отъ ненависти къ людямъ, какія бы несправедливости отъ нихъ ни испытали!» Въ этихъ словахъ къ будущему учредителю харьковскаго университета я вижу затаенную иронію холоднаго практическаго старика. В. Н. Каразинъ самъ испортилъ свою блистательную небывалую дорогу. Онъ сталъ вскорѣ за первыми успѣхами такъ заносчивъ, такъ далекъ отъ почвы, на которой стоялъ, что самой небольшой интриги его враговъ было достаточно, чтобы смять его и выставить, передъ довѣрчивымъ къ нему государемъ, въ самомъ черномъ видѣ. Я не берусь ни защищать, ни строго судить В. Н. Каразина. У меня нѣтъ на это права потому, что нѣтъ для этого достаточнаго числа источниковъ. Другимъ остается пополнить этотъ пробѣлъ. Я скажу одно, что подъ конецъ и самъ В. Н. Каразинъ смирился и, вполнѣ сознавши свое положеніе, съ грустною улыбкою, подъ старость говаривалъ: «Да! я былъ неопытно - самонадѣянъ. Я былъ бабочкой, опалившей себѣ крылья и зрѣніе въ сферѣ, куда мнѣ, скромному труженику науки, не слѣдовало залетать!»

За приведеніе этой фразы на меня заявилъ претензію его сынъ, Фил. Вас. Каразинъ, но эту же фразу читатель найдетъ въ статьѣ В. Анастасевича.

Въ «Чтеніяхъ общества исторіи и древностей рос. при московск. университетѣ» 1861 г. напечатана въ высшей степени любопытная «Записка о В. Н. Каразинѣ» В. Анастасевича. Вотъ она цѣликомъ; привожу ее въ надеждѣ, что живутъ еще на свѣтѣ люди, знавшіе В. Н. Каразина, которые, быть-можетъ, снабдятъ ее нужными разъясненіями. Въ нѣкоторыхъ данныхъ она расходится съ другими приводимыми мною матеріалами, а нѣкоторые дополняетъ и подтверждаетъ.

«Каразинъ, Василій Назарьевичъ, отставной статскій совѣтникъ, помѣщикъ Харьковской губерніи, Богодуховскаго уѣзда, села Кручика, умеръ въ г. Николаевѣ, 4 го ноября 1842 года. Первое мое личное съ нимъ знакомство началось въ концѣ января 1802 года, черезъ покойнаго родственника моего (стат. сов., умершаго въ г. Кременчугѣ), Николая Николаевича Новицкаго, служившаго тогда въ канцеляріи Д. П. Трощинскаго, знакомаго съ Каразинымъ до того за нѣсколько времени и имѣвшаго съ нимъ дружескія сношенія въ бытность свою при флигель-адъютантѣ графѣ Иванѣ Петровичѣ Салтыковѣ, въ Москвѣ. Василій Назарьевичъ, будучи тогда знакомъ съ княземъ А. А. Чарторыжскимъ, искалъ чиновника, могущаго занять мѣсто старшаго письмоводителя при семъ князѣ, какъ попечителѣ виленскаго университета, и я, по Высочайшему повелѣнію, на докладъ министра народнаго просвѣщенія, графа Петра Васильевича Заводовскаго, изъ бывшей военной коллегіи былъ опредѣленъ 14-го февраля 1803 года, занимавшись уже до того нѣсколько времени вмѣстѣ съ Василіемъ Назарьевичемъ и съ вывезеннымъ имъ тогда съ собою изъ харьковскаго коллегіума студентомъ Александромъ Степановичемъ Бируковымъ, поступившимъ потомъ въ штатъ министерства народнаго просвѣщенія (о семъ указѣ было особое дѣло, конченное сенатскимъ указомъ). Занятія мои тогда съ Василіемъ Назарьевичемъ особенно состояли въ начертаніи предварительныхъ правилъ министерства народнаго просвѣщенія, Высочайше утвержденныхъ 24 января того же года, въ нѣкоторыхъ проектахъ для образованія харьковскаго университета и, въ особенности, по канцеляріи князя

Чарторыскаго, также въ приготовленіи диплома и общихъ уставовъ для преобразованія виленскаго университета и его округа, по прежнимъ уставамъ бывшей училищной (едукаціонной) коллегіи, существовавшей въ послѣдніе годы (до 1794 г.) прежняго польскаго правительства, съ примѣненіемъ ихъ къ настоящему времени, и когда образовалась сія часть виленскаго округа, то мои служебныя сношенія съ Василіемъ Назарьевичемъ продолжались, какъ съ правителемъ дѣлъ главнаго правленія училищъ, и по случаю основаннаго имъ изданія отъ того же правленія: «Ежемѣсячное сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія», также во все время, пока В. Н. оставилъ сіе мѣсто и уволенъ вовсе отъ службы. Съ тѣхъ поръ началось уже частное мое съ нимъ дружеское сношеніе, когда онъ, послѣ неудачи въ женитьбѣ на Надаржинской, женился на Александрѣ Васильевнѣ Мухиной (падчерицѣ Г. М. Бланкеннагеля) и пріѣзжалъ сюда по временамъ, а послѣ отъѣздовъ его велъ я съ нимъ довольно частую переписку. Послѣднее мое личное съ нимъ свиданіе было въ тотъ день, когда онъ изъ квартиры въ домѣ N, угольномъ отъ Литейной въ Бассейную, потребованъ къ военному генералъ-губернатору, графу М. А. Милорадовичу, и отъ него отправленъ въ Шлиссельбургъ, о чемъ на другой день увѣдомила меня жена его и просила сперва узнать, гдѣ ея мужъ, а потомъ найти средство доставить ея письмо Государю, бывшему тогда за границею, съ прошеніемъ о помилованіи, въ чемъ я и успѣлъ, чрезъ общаго нашего знакомаго въ главномъ штабѣ, покойнаго генерала Павла Осиповича Дейріарда, вслѣдствіе чего позволено было ему, по освобожденію изъ Шлиссельбурга, жить въ его селѣ, Кручикѣ. О причинѣ прежней къ нему милости, а потомъ немилости Государя Александра I разсказывали мнѣ различно разныя лица, знавшія его, а отчасти я слышалъ отъ него самого, но всегда сбивчиво. В. И. Языковъ говорилъ, что В. Н. въ Спб. Петропавловской крѣпости находился до вступленія на престолъ Государя Александра I-го, который, будучи великимъ княземъ и наслѣдникомъ, и въ званіи генералъ - губернатора столицы, часто посѣщая Петропавловскую крѣпость, замѣтилъ въ числѣ узниковъ В. Н. и, послѣ бесѣды съ нимъ, полюбилъ его, оказывалъ ему возможныя, по тогдашнему времени, благоволеніе и пособіе. Согласно съ симъ окончаніемъ слышалъ

я и отъ Д. Н. Б.-Каменскаго, но иначе разсказывалъ мнѣ самъ В. Н., въ началѣ моего съ нимъ знакомства, а именно: что отецъ его, у коего былъ еще и другой сынъ, Иванъ (неизвѣстно мнѣ, были ли у нихъ двухъ и другіе братья и сестры), въ одну турецкую войну, будучи изъ сербовъ, или болгаръ, оказалъ Россіи важныя услуги и, переселясь въ Россію, получилъ отъ Императрицы Екатерины II, въ Харьковской губерніи, 2 тысячи душъ крестьянъ, которые по смерти его и достались пополамъ симъ двумъ его сыновьямъ. Иванъ, получа увольненіе отъ военной службы, съ чиномъ поручика, занялся сельскимъ хозяйствомъ и долго велъ мирную жизнь, потомъ былъ училищнымъ смотрителемъ, имѣлъ непріятности по сей части отъ письмоводителя при попечителѣ харьковскаго университета, Корниловѣ, о чемъ В. Н., будучи въ С.-Петербургѣ, незадолго передъ отосланіемъ его въ Шлиссельбургъ, жаловался тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, князю А. Н. Голицыну, но въ такихъ выраженіяхъ, что болѣе его разсердилъ, чѣмъ доставилъ справедливость обиженному своему брату, потомъ женившемуся несчастно, и, послѣ разныхъ семейныхъ раздоровъ, умершему въ чаду (о чемъ мнѣ разсказывалъ Н. К. Мавроди, женившійся на воспитанницѣ Василья Назарьевича и, помнится, служившій въ департаментѣ внутреннихъ дѣлъ по медицинской части). Василій Назарьевичъ, заложивъ свое имѣніе, намѣренъ былъ тайно уѣхать въ чужіе края, но схваченъ на границѣ нашей и, по повелѣнію Павла I, посаженный въ крѣпость, содержался во все время царствованія сего Государя. Александръ I, узнавъ его тамъ, какъ выше сказано, по вступленіи своемъ на престолъ, тотчасъ освободилъ его, приблизилъ къ себѣ такъ, что онъ могъ запросто входить въ кабинетъ Государя, безъ доклада, какъ самъ В. Н. мнѣ сказывалъ, получалъ часто отъ Государя своеручныя самыя дружескія записки: «Mon cher Kar...» etc. Такое благоволеніе къ нему Государя особенно обнаружилось въ бытность Александра I-го въ Москвѣ, для коронаціи, о чемъ также разсказывали разнообразно. Д. Н. Бантышъ-Каменскій: — что Василій Назарьевичъ незванный явился на балъ къ главнокомандующему, графу И. П. Салтыкову, когда ожидали Государя; хозяинъ, замѣтивъ его и по особенно рѣзкимъ чертамъ лица, и по поступи, не весьма свѣтской и ловкой въ такомъ блистатель-

номъ собраніи, послалъ одного изъ своихъ чиновниковъ спросить, кто онъ и зачѣмъ? В. Н. отвѣчалъ, что онъ самъ доложитъ его сіятельству и, подойдя, подалъ ему письмо: оно было отъ Государя, съ выраженіемъ принять его благосклонно. Едва лишь публика имѣла время изъявить удивленіе свое внезапно оказанному отъ графа сему гостю отличному пріему, какъ объявлено о прибытіи Государя. Всѣ бросились на-встрѣчу. Государь, вошедши, замѣтилъ Василія Назарьевича, изъявилъ ему рукою знакъ благосклонности и тотчасъ самъ рекомендовалъ его графу; этимъ еще болѣе увеличилось удивленіе собранія. Но Д. И. Языковъ слышалъ отъ бывшаго тогда въ Москвѣ оберъ-полиціймейстера Каверина такъ: Императоръ Александръ I-й предварилъ графа И. П. Салтыкова, что будетъ къ нему на вечеръ, но чтобы не было постороннихъ, кромѣ близкихъ и родныхъ графу. Не успѣлъ графъ спросить Василія Назарьевича, какъ онъ тутъ явился къ нему, въ то самое время, когда сказано, что Государь прибылъ, и хозяинъ съ гостями своими поспѣшилъ на-встрѣчу высокому гостю, который, вошедши и увидѣвъ здѣсь Василія Назарьевича, сказалъ графу, чтобы онъ извинилъ его за непредвареніе о семъ гостѣ, коего ему рекомендуетъ, и всѣ не могли понять тогда сего отличія. Василій Назарьевичъ, пользуясь тогда такою милостью Государя, нашелъ случай сказать ему, что онъ намѣренъ жениться на Надаржинской (немогшей получить значительнаго наслѣдства по причинѣ иска). Приготовя о семъ записку чрезъ оберъ-прокурора синодскаго, Пукалова, своего друга, онъ, единственно по сему уваженію, получилъ отъ Государя утвержденіе правъ законной наслѣдницы и, какъ невѣстѣ своей, богатыя серьги, или фермуаръ, а для протопопа харьковскаго, Прокоповича, орденъ св. Анны. В. Н., прибылъ въ Харьковъ, публично самъ возложилъ этотъ орденъ на сего протопопа, для показанія, что̀ онъ значитъ у Государя. Притомъ же, чтобъ еще болѣе угодить мнимой невѣстѣ своей, о коей не могъ и подумать, чтобъ она не оцѣнила по достоинству такихъ для нея благодѣяній, привезъ ей ея родственника изъ пажескаго кадетскаго корпуса (не спрося дозволенія начальства). По прибытіи къ Надаржинской съ царскимъ подаркомъ и имѣя уже готоваго, преданнаго себѣ Прокоповича, лишь только попросилъ руки ея, какъ она наотрѣзъ ему отказала, сказавъ, что уже отдала

свое сердце другому (за котораго тогда же и вышла, т.-е. Корсакову), а его вѣчно будетъ считать своимъ другомъ и благодѣтелемъ. Говорятъ, что она тутъ же подала 50 тысячъ руб., или выкупленные ею векселя его на эту сумму, но онъ ихъ бросилъ ей и пѣшкомъ, не опомнясь, вышелъ изъ ея дома. Иные же говорятъ, что онъ принялъ тѣ деньги, и Государь, узнавъ о томъ, положилъ на него свой гнѣвъ. Но вѣроятнѣе, что Государь, получа отъ начальства рапортъ объ увозѣ самоправно кадета, или пажа, прогнѣвался и въ слѣдъ послалъ повелѣніе: лишь прибудетъ Василій Назарьевичъ въ Харьковъ, посадить его на гауптвахту, а кадета прислать въ корпусъ. Какъ бы то ни было, но такъ рушилось намѣреніе В. Н. жениться на богатой невѣстѣ, воспользовавшейся опрометчивостью, свойственною ему и въ разныхъ другихъ случаяхъ его жизни обнаруженною, а враги В. Н. могли внушить Государю, что, въ самомъ дѣлѣ, какъ казалось, повидимому, цѣль его была корысть, а не страсть душевная къ сей, чрезъ него выигравшей свое дѣло, дѣвицѣ. Къ причинамъ гнѣва на В. Н. отъ Государя относятъ и то, что онъ выражался о своемъ министрѣ, графѣ Заводовскомъ, обидными словами, что онъ лишь возитъ Государю портфель, наполненный бумагами, обработанными имъ, В. Н.

Рѣчи сіи или подобныя могли быть съ прибавленіемъ переданы графу Заводовскому бывшимъ сперва домашнимъ учителемъ дѣтей у Заводовскаго, а тогда директоромъ его канцеляріи, Ив. Ив. Мартыновымъ, жалкимъ педантомъ, желавшимъ къ своему жалованью, 2,500 р. (по сему званію), присоединить такую же сумму, какую получалъ тогда В. Н. по званію правителя дѣлъ главнаго правленія училищъ, въ чемъ и успѣлъ совершенно и чрезъ то избавился даже зависимости своей отъ сего, далеко превосходившаго его, сверстника. Къ сему должно присовокупить еще одно обстоятельство. По новомъ образованіи, вмѣсто бывшей комиссіи народныхъ училищъ, главнаго правленія училищъ, коего, какъ мѣста, сохранившаго еще прежній коллегіальный видъ, всѣ попечители учебныхъ округовъ были членами и собирались подъ предсѣдательствомъ своего министра народнаго просвѣщенія (Заводовскаго), какъ президента, В. Н. все сохранялъ къ себѣ благорасположеніе, въ особенности князя Чарторыжскаго и его друга, графа Северина Осиповича Потоцкаго, назначеннаго попечителемъ новоучрежден-

наго тогда харьковскаго университета, который обязянъ своимъ существованіемъ Василію Назарьевичу, склонившему дворянъ къ знатнымъ пожертвованіямъ для сего высшаго въ томъ краѣ училища. Но когда графъ С. О. Потоцкій, получа отпускъ за границу, оставилъ В. Н-чу нѣкоторыя суммы въ распоряженіе, съ тѣмъ, чтобы объ ихъ употребленіи относился онъ къ нему, графу Потоцкому, то В. Н. нѣкоторыми распорядился самъ, на выдачу нѣкоторымъ профессорамъ и т. п. издержки, чѣмъ навлекъ на себя неудовольствіе отъ графа Потоцкаго, и тѣмъ болѣе уже неблаговолившаго къ нему по вышеупомянутымъ наговорамъ, министра графа Заводовскаго, а потому дѣло Надаржинской и увозъ ея родственника, кадета, могло быть представлено Государю въ гораздо худшемъ видѣ, нежели какъ оно было въ самой сущности. Здѣсь сбылась пословица: «на бѣдняго Макара и шишки валятся», или: «гдѣ тонко, тутъ и рвется». Женитьба его на А. В. Мухиной *) не только не вознаграждала ему потери Надаржинской, но вслѣдъ затѣмъ начинается длинная цѣпь его горестей. Финансы его были довольно разстроены прежними неудачами. Въ селѣ своемъ, Кручинѣ, бросался онъ на разные опыты хозяйственные, по своимъ новымъ теоріямъ, коихъ впредь ему не было довольно времени и терпѣливости повѣрить съ должностнымъ вниманіемъ на самомъ дѣлѣ; издержки давно уже превосходили его состояніе. Требованія семейства возрастали, и нужно было удобство жизни, къ коей изъ дѣтства привыкла жена его. Учрежденіе филотехническаго общества, кажется мнѣ, было мѣрою отчаянною, которая, судя по степени средствъ и понятій членовъ, вошедшихъ въ составъ онаго, едва ли могла быть удачною и при лучшихъ обстоятельствахъ, вещественныхъ и невещественныхъ, самого учредителя. Возгласы его въ собраніяхъ были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, а слободско-украинскія степи дѣйствительно были слишкомъ обширны для сего полезнаго, даже самаго благонамѣреннаго, дѣла. Кому неизвѣстно, что если нелюбъ дѣлатель, нелюбо и дѣло его? Выданныя имъ акціи, съ тайнымъ знакомъ въ одной изъ клѣтокъ, написанныя химическимъ составомъ, съ условіемъ, что акція теряетъ свою данность, если сей знакъ обнаружится (ко-

*) Скончавшейся только 24-го мая 1861 г., на 79-мъ году, и погребенной въ подмосковной. См. «Моск. Вѣдом.» № 114, стр. 914. О. Б.

торый въ самомъ дѣлѣ самъ собою обнаружился зеленаго цвѣта отъ теплоты записной карманной книжки), еще болѣе умножили колебавшуюся къ нему довѣренность. Имѣніе его, коимъ онъ обезпечилъ акціи, подверглось тяжбѣ съ подписчиками, вѣрителями и прочими. Жалобы самого зятя его, Н. К. Мавроди, долго неудовлетворяемаго по векселямъ (даннымъ ему по случаю женитьбы на дочери В. Н-ча), опала отъ Двора, назначеніе за нимъ присмотра, запрещеніе переписки, литературныя его ссоры съ Карамзинымъ и съ нѣкоторыми другими, раздраженіе кн. А. Н. Голицына, сомнительное покровительство графа В. П. Кочубея, въ кабинетѣ коего онъ писалъ разныя смѣлыя бумаги, передаваемыя, безъ его вѣдома, Государю, потомъ, тяжебныя дѣла по имѣнію, умножившія число недруговъ, несчастіе, постигшее сына его Василія въ школѣ подпрапорщиковъ, откуда онъ пошелъ въ Свеаборгъ, вооруженіе противъ себя Общества соревнователей (рушившагося 14 декабря 1825 года), въ которомъ былъ почти общій на него заговоръ за статью объ ученыхъ обществахъ (самой непріятной сцены я самъ былъ свидѣтелемъ въ бурномъ онаго же общества засѣданіи, изъ коего и я тогда вышелъ съ Василіемъ Назарьевичемъ, давно замѣтивъ, что тамъ многіе члены таились отъ непричастныхъ съ чѣмъ-то недобрымъ): всѣ сіи обстоятельства и случаи, и, вѣроятно, многіе мнѣ неизвѣстные или неприходящіе теперь на память, при бѣгломъ семъ воспоминаніи столь давнихъ событій, все это могло сильно потрясти пылкій духъ, горячую голову и раздражительное сердце Василія Назарьевича, какъ бы обреченнаго на борьбу съ самою непріязненною ему судьбою, сперва такъ злобно, такъ предательски ласкавшею и возводившею его выше и выше, чтобъ потомъ сдѣлать ему чувствительнѣе паденіе. Во всѣхъ отношеніяхъ, во всякихъ случаяхъ и обстоятельствахъ, есть, конечно, Наполеоны, шагающіе, какъ бы однимъ скачкомъ, изъ Бріеннской школы, чрезъ престолъ имперіи, за экваторъ, на островъ св. Елены! И нашъ добрый, умный и даже глубокомысленный Василій Назарьевичъ, если бы ограничилъ себя или на литературномъ, или на ученомъ, или даже на хозяйственномъ полѣ, могъ бы благополучно воздѣлать оное, пожать обильные плоды и подѣлиться ими съ своими соотчичами и съ потомствомъ; но онъ, какъ бабочка, слишкомъ приблизился

къ пламени... и опалилъ себѣ крылья, слишкомъ довѣрилъ Двору и забылъ, что тамъ не все говорится, что на душѣ. Когда Александръ, воспитанный Лагарпомъ, въ началѣ царствованія своего, задолго до событій 1812 и 1814 гг., въ юной душѣ своей еще упивался идеями конца XVIII вѣка, Василій Назарьевичъ, самъ не будучи главнымъ, примѣрнымъ помѣщикомъ, вооружился противъ эманципаціи крестьянства и дразнилъ молодое поколѣніе, обожавшее въ своемъ Государѣ сочувствіе съ своими идеями, дразнилъ даже финансовую систему, которая возвращеніе въ казну дворянскихъ имѣній, за каждымъ послѣднимъ стукомъ молотка, неуслышаннымъ помѣщиками, можетъ быть, считала своимъ барышемъ. Говорятъ, что В. Н., будучи сначала близкимъ Государю, огорчилъ его своею альфою и омегою (родъ наставленія, какъ царствовать), вѣроятно, въ тѣхъ же правилахъ, какія В. Н. писалъ для себя и для своего села Анашкина (если не ошибаюсь). Не хотѣлось бы мнѣ такъ заключать, но я зналъ въ Вас. Наз. много подобныхъ симъ аберрацій *). Говорятъ, что Василій Назарьевичъ также что-то непріятное писалъ Государю за границу, по случаю безпокойствъ, вспыхнувшихъ и тотчасъ потухшихъ, въ казармахъ гвардейскаго Семеновскаго полка, за полковника Шварца. Въ этомъ онъ мнѣ никогда не признавался, хотя часто любилъ спорить со мною, если я его хладнокровно убѣждалъ, и иногда заставлялъ соглашаться со мною въ такихъ предметахъ, которые непремѣнно требуютъ долговременной опытности, наипаче въ государственной администраціи, и которыхъ никакъ нельзя рѣшительно судить по одной теоріи, можетъ быть, не у насъ однихъ еще долго немогущей явно развиться, когда вся админи-

*) Д. И. Языковъ разсказывалъ мнѣ еще одну прежнюю нескромность В. Н., бывшую также одною изъ главныхъ причинъ, навлекшихъ на него неблагосклонность Государя. Императоръ Александръ поручилъ ему написать статью по части законодательства, съ тѣмъ, чтобъ до времени не говорилъ объ оной; но В. Н. не утерпѣлъ, прочелъ ее бывшему министру юстиціи, Г. Р. Державину, не предваривъ его, однако, о запрещеніи отъ Государя открыть ее. Державинъ былъ потомъ съ докладомъ у Государя, который завелъ рѣчь о семъ предметѣ и показалъ ему ту статью. Державинъ лишь взглянулъ, то сказалъ, что онъ ее уже читалъ. Удивленный Государь спросилъ, когда и у кого? Державинъ отвѣчалъ: «Каразинъ мнѣ прочелъ ее». Нѣсколько примѣровъ мнѣ извѣстно, какъ строгъ былъ Государь сей за подобную нескромность.

стративная практика, не говоря о правительственной, заключена въ кабинетахъ, не только министровъ, но даже въ ихъ департаментахъ. Моя переписка съ Василіемъ Назарьевичемъ, по мѣрѣ сжатія круга отъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, также болѣе и болѣе сжималась и рѣдѣла. Сперва она вознаграждалась частыми нашими бесѣдами при свиданіяхъ, когда онъ, послѣ оставленной имъ службы, раза два пріѣзжалъ сюда, до послѣдняго отъѣзда въ Шлиссельбургъ и потомъ въ Кручикъ. При посѣщеніи имъ Москвы, было еще нѣсколько его отзывовъ; но это уже не въ томъ духѣ и не съ прежними сердечными изліяніями. Сердце его могло, конечно, черствѣть и отъ того въ отношеніи ко мнѣ, что нечѣмъ было болѣе отогрѣвать оное; я также, оставивъ службу, отставалъ даже отъ здѣшнихъ многихъ прежнихъ сверстниковъ и знакомыхъ, оставшихся въ службѣ и далеко меня опередившихъ».

II.

Отрывокъ изъ записокъ Державина.—Открытіе университета въ Харьковѣ.—Попытки эмансипаціи собственныхъ крестьянъ.—Филотехническое общество въ Харьковѣ.

Пѣвецъ Фелицы оставилъ любопытныя сужденія и извѣстія о В. Н. Каразинѣ, въ изданныхъ въ минувшемъ 1859 году въ «Русской Бесѣдѣ» (ч. V), собственноручныхъ «Запискахъ Державина». Подъ отдѣленіемъ VII, «Царствованіе Императора Александра», Державинъ говоритъ, вездѣ называя себя въ третьемъ лицѣ. «Едва же пріѣхавъ изъ Москвы, а именно 23-го ноября (1801 г.) ввечеру, Державинъ былъ позванъ чрезъ ѣздового къ Государю. Онъ предложилъ ему множество извѣтовъ, отъ разныхъ людей къ нему дошедшихъ, о безпорядкахъ, происходящихъ въ Калужской губерніи, чинимыхъ губернаторомъ Лопухинымъ, приказывая, чтобъ ѣхалъ въ Калугу и открылъ злоупотребленія сіи формально, какъ сенаторъ, сказывая, что нарочно посланными отъ него подъ рукою уже ощупаны всѣ слѣды. Державинъ, прочетши сіи бумаги и увидѣвъ въ нихъ знатныхъ особъ замѣшанными, просилъ Императора, чтобъ онъ избавилъ его отъ сей комиссіи, что изъ слѣдствія его ничего не выйдетъ и онъ только вновь прибавитъ враговъ. Императоръ съ неудовольствіемъ возразилъ: «Какъ, развѣ ты мнѣ повиноваться не хочешь?»—«Нѣтъ,

Ваше Величество, хотя бы мнѣ жизни стоило, правда передъ вами на столѣ семъ будетъ! Только благоволите умѣть ее защищать!»—«Я тебѣ клянусь поступать какъ должно!»—Тогда отдалъ онъ ему извѣты и промолвилъ: *«Еще получишь въ Москвѣ отъ коллежскаго совѣтника Каразина.* А между тѣмъ, заготовь и принеси ко мнѣ завтра указъ къ себѣ и къ кому должно»...—Державинъ безъ огласки сіе на другой день исполнилъ. 5-го января 1802 г. отправился онъ безъ огласки въ Калугу. Прибылъ въ Москву, гдѣ получилъ отъ упомянутаго Каразина нарочито важныя бумаги, между прочимъ, и подписку, секретно именемъ Государя истребованную отъ калужскаго помѣщика и фабриканта Гончарова, въ томъ, что губернаторъ Лопухинъ у него, Гончарова, выпросилъ сперва заимообразно 30,000 рублей на годъ, далъ ему вексель и послѣ, поѣхавъ будто осматривать губернію, заѣхавъ къ нему въ деревню и придравшись къ слухамъ, что будто у него въ домѣ происходитъ запрещенная карточная игра, грозилъ ему ссылкою въ Сибирь, велѣлъ для допросовъ явиться къ себѣ въ Мосальскъ, а между тѣмъ, черезъ приверженнаго къ себѣ секретаря Гужова, велѣлъ ему сказать, что ежели онъ упомянутый вексель уничтожитъ, онъ слѣдствія производить не прикажетъ. Бѣдный Гончаровъ согласился и отослалъ вексель съ приказчикомъ своимъ въ Калугу. Гончаровъ все сіе, въ помянутой секретной подпискѣ, писанной его собственною рукою, подъ присягой объявилъ Каразину; а сей отдалъ оную въ Москвѣ Державину, какъ равно и другія бумаги, доказывающія преступленія губернатора. Снабженный таковыми отъ Императора и Каразина, пріѣхавъ въ Калугу, остановился въ квартирѣ, Каразинымъ пріисканной, въ домѣ у купца Бородина, градскаго головы».—Началось сперва развѣдываніе городскихъ слуховъ, потомъ слѣдствіе. Открыто тридцать-четыре важныхъ и двѣнадцать неважныхъ дѣлъ. Державинъ послалъ курьера къ Императору, губернаторъ—къ друзьямъ-вельможамъ, жалуясь на Державина, будто онъ завелъ у себя тайную канцелярію и въ ней мучитъ людей, въ томъ числѣ самого Гончарова, который въ самомъ дѣлѣ, по непонятному случаю, скоропостижно, отъ апоплексическаго удара, въ кабинетѣ Державина заболѣлъ и, едва вышелъ въ сѣни, умеръ. Онъ испугался, когда Державинъ, показавши ему «секретную

его подписку, взятую отъ него Каразинымъ», объявилъ, что желательно было бы, «чтобъ подалъ ему формальное прошеніе съ доказательствами» — «ибо подписка взята у него по секрету, то и непріятно ему такимъ инквизиціоннымъ средствомъ безславить кроткое царствованіе владѣющаго Государя».—Послѣ разныхъ столкновеній, черезъ 6 недѣль Державинъ оставилъ Калугу; пробылъ въ Москвѣ двѣ или три недѣли, и, оставя тамъ доклады Государю, поѣхалъ въ Петербургъ.—Новыя огорченія встрѣтили его тамъ. Но, наконецъ, составленъ независимый комитетъ, и Лопухинъ, преданный суду, обвиненъ во всемъ»...

Оставя извѣстіе о такой близости Каразина къ Императору, Державинъ, коснувшись еще разъ этого человѣка, набрасываетъ на него тѣнь значительно-темную. По принятому мною способу передачи извѣстій о Каразинѣ, заношу въ точности и этотъ разсказъ Державина, не имѣя возможности ни подтвердить его, ни опровергнуть. Предоставляю это другимъ. Суровый царедворецъ трехъ царствованій, жесткимъ и шероховатымъ своимъ слогомъ безпрестанно жалуясь въ «Запискахъ» на своихъ враговъ и соперниковъ по службѣ, говоритъ: «Державинъ получилъ довольно небезважное порученіе отъ Императора. Вышеупомянутый Каразинъ, будучи человѣкъ умный и расторопный, хотя, впрочемъ, не весьма завидной честности *), имѣлъ доступъ къ Государю. Онъ показывалъ, въ Москвѣ, къ нему писанные такіе благосклонные или, лучше сказать, дружескіе рескрипты, что могли привести всякаго въ удивленіе довѣренностью къ нему Монарха. Пріобрѣлъ онъ сіе, живучи въ Москвѣ, увѣдомляя его о московскихъ всякаго рода происшествіяхъ, какъ выше явствуетъ, по извѣту безъименныхъ лицъ, къ свѣдѣнію Императора дошедшихъ. Между тѣмъ, какъ производилъ Державинъ, по его развѣдываніямъ, въ Калугѣ слѣдствіе, успѣлъ онъ изъ Москвы, прежде его, пріѣхать въ Петербургъ и тутъ узнать о тяжебномъ важномъ дѣлѣ, находящемся уже въ государственномъ совѣтѣ, между нѣкоторою госпожею *Надаржинскою и Кондратьевымъ.* Сей послѣдній опровергалъ ея бракъ и дочь, внѣ брака зачатую, чѣмъ онъ пріобрѣталъ, послѣ ея мужа, а

*) Слухъ, по которому Державинъ такъ рѣзко выразился о Каразинѣ, «Русская Бесѣда» назвала «неосновательнымъ». Этотъ упрекъ и мнѣ непонятенъ, тѣмъ болѣе, что въ этихъ дѣлахъ Державинъ самъ подалъ голосъ за Каразина.

своего дяди, великое недвижимое и движимое имѣніе, въ Малороссіи находящееся. Разныя были мнѣнія на той и на другой сторонѣ, а сильнѣйшая партія тогдашняго времени, то-есть г. Зубова, была на сторонѣ Кондратьева. Каразинъ, свѣдавъ о семъ дѣлѣ, и хотя онъ прежде былъ на сторонѣ *племянника*, но узнавъ, что вдова имѣетъ дочь, лѣтъ тринадцати, которая, по утвержденіи законности ея рожденія, могла быть богатая невѣста, имѣющая въ приданое болѣе 5,000 душъ, то и вознамѣрился ходатайствовать за нее, съ тѣмъ, чтобы получить ее себѣ въ замужество *). Онъ подольстился къ матери, и хотя черезъ переписку, весьма ласкательную, не получилъ точнаго обѣщанія о полученіи руки ея, но весьма великую надежду, съ тѣмъ, что ежели онъ дѣло ея исходатайствуетъ, — пріобрѣтетъ ея склонность. Въ такомъ намѣреніи успѣлъ онъ внушить Государю, чтобы, ежели дѣло Надаржинской, въ которой онъ, какъ въ своей сговоренной невѣстѣ, беретъ участіе, по запутанности и пристрастію членовъ совѣта, поручить разсмотрѣнію *г. Лагарпа*, учителя Государя, который былъ тогда въ Петербургѣ, и Державина, какъ людей совѣстныхъ и знающихъ юриспруденцію, то они ему удобнѣе представятъ наилучшее мнѣніе. Императоръ на сіе соизволилъ, и гр. В. А. Зубовъ привезъ Державину, когда онъ совсѣмъ не ожидалъ, сіе дѣло, при запискѣ Каразина, съ Высочайшимъ повелѣніемъ, чтобъ онъ представилъ свое мнѣніе хотя одинъ, для того, что Лагарпъ уже уѣхалъ во Францію. Державинъ далъ свое мнѣніе въ пользу сей несчастной сироты. Гр. В. А. Зубовъ, котораго Государь очень любилъ и уважалъ, принесъ-было къ нему заготовленный уже указъ въ пользу Кондратьева, что̀ и хотѣлъ Государь подписать и взялъ уже перо; но сей молодой вельможа, хотя интересовался за Кондратьева, но столько былъ благороденъ и *честенъ* **), что, остановя руку его, совѣтовалъ ему потребовать прежде отъ Державина письменнаго заключенія. По поднесеніи Державинымъ подробныхъ объясненій и доказательствъ правости дѣвицы, состоялся указъ въ ея пользу»...

---

*) «Русская Бесѣда» къ этому мѣсту дѣлаетъ примѣчаніе: «Это предположеніе Державина не исполнилось, да и врядъ ли было основательно. Василій Назарьевичъ Каразинъ женатъ былъ на дѣвицѣ Бланкеннагель, родной внукѣ Голикова, собирателя извѣстій о Петрѣ Великомъ».

**) Явное противорѣчіе Державина своему мнѣнію о Каразинѣ.

«Записка» сына Каразина прибавляетъ, въ поясненіе важныхъ порученій, возлагавшихся въ первые годы царствованія императора Александра на В. Н. Каразина: «Разскажу одинъ примѣръ изъ множества слышанныхъ мною. Представлено было однажды на высочайшую конфирмацію одно уголовное дѣло. Братъ убилъ брата, оба были богатые владѣльцы; слѣдствіе длилось очень долго, наконецъ прошло всѣ инстанціи, и результатъ былъ тотъ, что братоубійцу оправдали. Государь, читавшій всегда со вниманіемъ подобнаго рода дѣла, замѣтилъ какое-то обстоятельство, которое показалось ему сомнительнымъ. Онъ призываетъ моего отца и говоритъ: «Поѣзжай на мѣсто и развѣдай все обстоятельно!» — Отецъ мой ѣдетъ и черезъ короткое время привозитъ неоспоримыя доказательства, что преступленіе было вопіющее и покрыто кучею денегъ. Между прочимъ, губернатору дано было 100,000 рублей... Провѣрили факты, и все открылось ясно, какъ день»...

Державинъ почти вполнѣ подтверждаетъ это извѣстіе, слышанное Ф. В. Каразинымъ отъ своего отца. Онъ прямо относитъ его къ событіямъ калужской поѣздки и говоритъ: «Открылись злоупотребленія губернатора въ покровительствѣ смертоубійства, за взятки, помѣщикомъ Хитровымъ брата своего роднаго, за чтò онъ въ подарокъ давалъ губернатору на 75,000 ломбардныхъ билетовъ». — Губернаторъ Лопухинъ, какъ сказано выше, за все это осужденъ и наказанъ.

Заслуги Каразина на пользу Украйны останутся навсегда памятными. И если онъ послѣ навлекъ на себя опрометчивыми письмами и представленіями гнѣвъ правительства, это самое правительство всегда чтило его достойные труды.

Возвращаюсь къ блистательной порѣ, когда тридцатилѣтній пылкій молодой человѣкъ, В. Н. Каразинъ, взялся за основаніе университета въ Харьковѣ.

«Записка» его сына говоритъ: «Чего стоило ему собрать деньги отъ людей, большая часть которыхъ коснѣла еще въ невѣжествѣ и бѣгала отъ одного имени просвѣщенія! За-то надобно было видѣть, какъ онъ принялся за это дѣло, какъ воспользовался даромъ своимъ говорить и убѣждать людей! Надобно было слышать произнесенную имъ рѣчь въ дворянскомъ собраніи! 25 лѣтъ спустя, одинъ изъ бывшихъ тогда въ собраніи вспомнилъ какъ-то объ этой рѣчи

при мнѣ и не могъ безъ слезъ говорить о восторгѣ, произведенномъ юнымъ ораторомъ... Просьбы на колѣняхъ, мольбы со слезами, обѣщанія разныхъ наградъ у правительства, — все было имъ употреблено! Другой, на мѣстѣ его, поѣхалъ бы послѣ этого съ торжествомъ въ столицу, выставилъ бы себя, прокричалъ бы о подвигѣ своемъ во всѣхъ концахъ вселенной, и на него посыпались бы почести, награды! Но онъ скрылъ себя совершенно, выставилъ только другихъ... А участія съ его стороны было столько, что оно положило начало разоренію его имѣнія, которое теперь почти все распродано по частямъ за долги!..»

Наша литература сохранила вѣрныя данныя объ этомъ подвигѣ В. Н. Каразина.

Вотъ они:

Въ напечатанной въ «Молодикѣ на 1844 г.» любопытной «Копіи съ протоколовъ дворянства и купечества, предъ основаніемъ Имп. харьковскаго университета, 1802 г., сентября 1-го», за подписью губернскаго предводителя дворянства, слободскихъ-украинскихъ дворянъ и харьковскихъ купцовъ и гражданъ, говорится: «Дворянство, обративъ вниманіе на положеніе своего края, предметомъ своимъ избрало просвѣщеніе и полагаетъ учредить въ губернскомъ городѣ своемъ университетъ. Онъ долженъ имѣть подъ вѣдѣніемъ своимъ двѣ школы для людей низшихъ состояній: школу сельскаго домоводства и ремеслъ, и рукодѣлій. Для положенія основанія сему университету, *слободское украинское дворянство* полагаетъ взнести *отъ дворянскихъ имѣній* сей губерніи *400,000 рублей.* Упомянутою суммою признаютъ украинскіе дворяне себя должными государству отъ сего дня, но тѣмъ не ограничатъ ревность свою. Слободское дворянство полагаетъ пригласить къ усугубленію капитала губерніи: Курскую, Орловскую, Воронежскую, Новороссійскую, Полтавскую и Черниговскую, и къ сему же гражданъ другихъ состояній въ Слободской Украйнѣ, испросивъ на все сіе позволеніе Всемилостивѣйшаго Государя Императора. *На сей конецъ* поручаетъ оно депутату своему, коллежскому совѣтнику Василію Назарьевичу Каразину, въ сходство настоящаго положенія, отъ имени дворянъ, сдѣлать всеподданнѣйшее представленіе». — Въ отдѣльномъ протоколѣ отъ харьковскаго купечества, того же 1802 г., 1-го сентября, говорится: «Видя въ учрежденіи семъ явное благо-

твореніе городу, яко то: умноженіе его населенности, распространеніе торговъ и промысловъ, необыкновенное приращеніе въ оборотѣ денегъ, гражданство полагаетъ и съ своей стороны: 1) взносить въ пользу университета, въ теченіе десяти лѣтъ, съ капиталомъ по $1^1/_4{}^0/_0$ ежегодно; 2) достаточнѣйшіе отъ купцовъ готовы на частные взносы; 3) просить Его Величество о соизволеніи, чтобъ половина откупной суммы на все послѣдующее время (пожалованная 1783 г. въ пользу горожанъ) предоставлена была въ пользу университета; для того и уполномочиваетъ г. коллежскаго совѣтника Василія Назарьевича Каразина» и т. д. Всего же собрано 618,000 руб. сер.

Эти оба протокола были вызваны пылкою рѣчью В. Н. Каразина, отъ 11-го августа, того же 1802 г., въ собраніи харьковскаго дворянства (тамъ же, стр. 245—250), которую Каразинъ начинаетъ словами: «Благодарность! Она будетъ предметомъ, которымъ я васъ занять осмѣливаюсь, благородное и высокопочтенное собраніе! Она наполняетъ мое сердце!—Таковы мои чувствованія бываютъ каждый разъ, когда удается мнѣ навѣщать благословенные небомъ и землею наши предѣлы. Но сколь возвышены они обстоятельствами нашего времени! Я имѣю счастіе быть возвѣстителемъ воли благодѣтельнѣйшаго изъ Монарховъ... *Мнѣ позволено сказать Его устами, что подвигъ, предпринимаемый нашимъ обществомъ, пріятенъ Ему!* Что Онъ ожидаетъ исполненія нашихъ, донесенныхъ Ему обѣтовъ... Сіе чувствованіе радости и надежды, упоявшее меня уже при посѣщеніи края моего рожденія, угодно было вамъ усугубить благосклоннѣйшимъ пріемомъ, въ первое собраніе, когда представилъ я вамъ *предначертаніе того учрежденія,* коимъ вы хотите украсить свою страну, отличить ее въ пространной Россіи... Вся жизнь моя посвящена будетъ на доказательства въ томъ! Она принадлежитъ моему отечеству, но въ особенности—краю, который былъ отечествомъ для понятія моей юности! Блаженъ уже стократно, ежели случай поставилъ меня въ возможность дѣлать малѣйшее добро любезной моей Украйнѣ. Такъ я смѣю думать, что губернія наша предназначена разлить вокругъ себя чувство изящности и просвѣщенія. Она можетъ быть для Россіи то, что̀ древнія Аѳины для Греціи. Благотворенъ нашъ воздухъ; удобенъ прельстить иностранцевъ, которыхъ мы

пригласимъ къ себѣ... Я полагалъ, что мы посадимъ мудрость въ судахъ, что купцы прійдутъ почерпать у насъ познанія; что отъ насъ изыдутъ витіи, стихотворцы; что мы умножимъ число врачей... Я смѣлъ еще мечтать, что необыкновенное стеченіе украситъ, распространитъ сей городъ... Простите дерзновеніе мое! Самыя сіи мысли обнаружилъ я и предъ августѣйшимъ Монархомъ! Исполнители его велѣній увѣрили меня, что пріятно ему было назначить Украйну средоточіемъ просвѣщенія... Высокопочтенное собраніе! Неужели обвините вы меня за высокія мысли, которыя отъ юности моей питалъ я о странѣ нашей?.. Представлю ли вамъ, что не столько низокъ въ душѣ, судя по моимъ понятіямъ, по самому политическому моему положенію, чтобъ питать намѣренія личности, внѣ которой я рѣшительно себя поставилъ, при вступленіи моемъ въ общество?.. Отъ васъ зависитъ теперь — оправдать меня, или предать стыду и отчаянію! Здѣсь предстою предъ вами, въ лицѣ вашего друга или преступника!»

«Записка» сына В. Н. Каразина говоритъ: «Дворянство и купечество поддержали отца моего. Дѣло было сдѣлано по его мыслямъ и мольбамъ. Щедро наградивши дворянъ и купцовъ, Государь захотѣлъ наградить и главнаго виновника всего дѣла. Находился тогда отецъ мой въ Харьковѣ, въ отпуску. Вдругъ его призываетъ губернаторъ и спрашиваетъ: «Какой награды онъ желаетъ?» «Позвольте подумать!»—отвѣчалъ мой отецъ—и вслѣдъ затѣмъ беретъ тройку, скачетъ въ Петербургъ, тамъ бросается къ ногамъ Государя и умоляетъ не давать ему никакой награды: «да не будетъ сказано, что я дѣлалъ все изъ желанія получить награду!» Государь его обнялъ... Ф. В. Каразинъ заключаетъ: «Подробности эти отецъ мнѣ передавалъ однажды самъ, тридцать пять лѣтъ спустя, въ минуту особенной откровенности... Лгать ему было не для чего, особенно передъ сыномъ и въ то время!»

В. Н. Каразинъ всегда стремился привить прочное, здравое и практическое воспитаніе къ обществу своей родины.

Я нашелъ слѣдующую любопытную, позднѣйшую его замѣтку о воспитаніи.

Насмѣхаясь надъ французскими гувернерами и домашними учителями своего времени («*Чистая правда*», стр.

286—288). В. Н. Каразинъ говоритъ, 24-го сентября 1819 года: «Продолжая и здѣсь, въ С.-Петербургѣ, спорить съ женою о преимуществахъ общественнаго воспитанія надъ домашнимъ, я такъ же, какъ и въ деревнѣ, принужденъ сдаться. Скрѣпя сердце, пріискалъ я дѣтямъ учителя француза изъ *лучшихъ*, по часамъ. Является m-r Chevalier de **, и приноситъ son cahier d'Histoire. Вотъ ея начало: «L'Histoire est le récit des évènements, qui se sont passés dans le monde» (Парижанинъ живъ не хочетъ быть безъ происшествія!) Бѣдный мой Вася, который уже проходилъ г. Кайданова, долженъ былъ его оставить. Со вздохомъ и глубокимъ поклономъ заплатилъ я десять рублей за часъ и отпустилъ m-r Chevalier»...

Представивши, въ 1806 году, въ совѣтъ московскаго университета мысли о новомъ способѣ винокуренія, при которомъ болѣе «сберегалось дровъ» («Описаніе снаряда для гонки вина», стр. 73—74), В. Н. Каразинъ говоритъ: «Съ прошедшаго, 1805 года, основавъ постоянное мое жилище въ краю моего рожденія, Слободско-Украинской губерніи, должно мнѣ было начать съ того, чтобы *пріобрѣсть о ней познанія сколько-нибудь полнѣе тѣхъ, которыя могли мнѣ доставить одни первые годы мои, въ ней проведенные.* При начальномъ взглядѣ на недвижимыя тамошнія имѣнія, мое собственное и другихъ помѣщиковъ, нельзя было не поразиться опустошеніемъ лѣсовъ. Изъ вычисленія оказывается, что болѣе 200 квадратныхъ верстъ лѣса истребляется въ Россіи ежегодно на одно винокуреніе. Эта мысль, съ желаніемъ сберечь мою собственность, заставила меня вникнуть въ сей предметъ».

Извѣстный украинскій писатель Основьяненко, сверстникъ В. Н. Каразина, также свидѣтельствуетъ о его подвигѣ въ основаніи университета.

Въ статьѣ «*Городъ Харьковъ*», безъ подписи автора, въ «Современникѣ» 1840 г. (т. XX), говорится (эта статья напечатана также въ сокращеніи въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1838 года, съ подписью *Квитки*).

«Въ 1802 году, при общемъ собраніи всего дворянства Слободско-Украинской губерніи, по случаю принятія Высочайшей грамоты, пожалованной въ подтвержденіе правъ и привилегій сей губерніи, когда нельзя было не чувствовать общей готовности во всемъ сословіи на патріотическое

пожертвованіе, бывшій въ собраніи статскій совѣтникъ и кавалеръ Василій Назаровичъ Каразинъ, помѣщикъ сей губерніи, предложилъ на разсужденіе дворянства *мысль объ учрежденіи университета.* Мысль сія была всѣмъ собраніемъ единодушно принята, и по соображеніи способовъ и надобностей при такомъ учрежденіи, положено: отъ имѣній каждаго помѣщика внести назначаемую часть въ опредѣленный срокъ, что составляло всей суммы «четыреста тысячъ рублей». Дворянство уполномочило Каразина повергнуть къ подножію престола назначеніе свое и испросить утвержденіе на учрежденіе въ Харьковѣ сего высшаго училища. Императоръ Александръ I, «въ уваженіе патріотическаго приношенія слободско-украинскаго дворянства», повелѣлъ учредить въ Харьковѣ университетъ, который и открытъ 17-го января 1805 года. В. Н. Каразинъ изъ первыхъ признанъ почетнымъ членомъ университета».

А между тѣмъ, какое общество на своей родинѣ засталъ тогда В. Н. Каразинъ? Я опять могу привести по этому соображенію любопытную замѣтку его самого.

Въ своей статьѣ «*Взглядъ на украинскую старину*» («Молодикъ на 1844 г.») В. Н. Каразинъ говоритъ: «Между учителями коллегіума замѣтимъ *Сковороду* и протоіерея *Шванскаго.* Я имѣлъ честь въ моей молодости видѣть сихъ почтенныхъ мужей, которые въ свое время могли бы занять мѣсто между германскими учеными, наиболѣе уважаемыми. *Палицынъ* имѣлъ вкусъ къ архитектурѣ, украсилъ нѣсколько нашихъ городовъ и множество селъ зданіями. Дѣйствуя на богатыхъ помѣщиковъ, въ числѣ которыхъ Шидловскіе и Надаржинскіе были его друзьями, онъ заохотилъ ихъ къ строеніямъ, лучшему расположенію домовъ, украшенію ихъ приличными мебелями, къ заведенію библіотекъ. Ему обязаны мы бо̀льшею частью началами европейскаго быта на Украйнѣ. Я помню еще, что дома помѣщиковъ, имѣвшихъ отъ 500 до 1,000 душъ, были покрыты тростникомъ; что въ гостиныхъ стояли лавки, покрытыя коврами; что за столомъ служили дѣвки, въ бѣлыхъ сорочкахъ, пестрыхъ исподницахъ и червонныхъ черевичкахъ; что главные паны въ губернскомъ городѣ хаживали по улицамъ, съ музыкой, надвесель... До открытія университета, кто бы подумалъ, что въ Харьковѣ будетъ каменный, весьма благообразный театръ, пять аптекъ, четыре литографіи, двѣ типографіи,

могли бы существовать еще двѣ»... Говоря здѣсь, какъ въ старые годы было на Украйнѣ изобиліе во всемъ, онъ прибавляетъ: «Не одинъ подобный примѣръ цитировалъ мнѣ, еще юношѣ, стодвадцатилѣтній однодворецъ *Масалитиновъ*».

Великая была радость В. Н. Каразина, когда, въ 1838 г. (см. его статью: «О цѣлебной водѣ надъ Орелью»), онъ привѣтствовалъ практическіе труды университета, по изученію окрестнаго края. Онъ говоритъ такъ: «Grâce à l'Université, рано или поздно мы познакомимся со всѣми природными дарами нашей Украйны, будемъ имѣть и Фавну, и Флору, и полное описаніе минераловъ и водъ полуденныхъ губерній. Я долгомъ почитаю указать гг. ученымъ цѣлебную воду въ имѣніи Константина Константиновича Ковалевскаго. Какъ благодаренъ я приглашенію А. С. Лашкарѣва, сосѣда этой дачи, осмотрѣть вмѣстѣ любопытныя воды — 8-го сентября 1838 года».

Въ самой мысли объ университетѣ онъ шелъ не вровень съ другими. По словамъ «Записки» его сына, сохранившаго всѣ его устные разсказы, «университетъ его былъ не школа, по нѣмецкому образцу устроенная, а всеобъемлющее училище. Съ нимъ соединена была его давнишняя, любимая мечта освобожденія Греціи; сюда послѣдняя, по его мнѣнію, должна была прислать своихъ сыновъ въ науку. И такимъ образомъ Россія воздала бы наконецъ Греціи за то, что получила отъ нея, за 1,000 лѣтъ назадъ, свѣтъ христіанства и наукъ!». Заношу этотъ отрывокъ изъ разсказа сына, какъ намекъ на юношескія мысли по этому поводу самого В. Н. Каразина.

Вслѣдъ за основаніемъ университета въ родномъ городѣ, куда онъ тутъ же вызвалъ 23 семейства лучшихъ иностранныхъ мастеровъ, типографщиковъ, переплетчиковъ, часовщиковъ, столяровъ, рѣзчиковъ, слесарей, каретниковъ, кузнецовъ и проч. («Записка» сына), В. Н. Каразинъ увлекся другою блистательною мыслію. Онъ составилъ планъ постепеннаго освобожденія двухъ своихъ имѣній: *села Кручика*, харьковской, и *села Анашкина*, московской губерніи, написалъ уставы эмансипаціи обоихъ имѣній, подписалъ ихъ и ввелъ тутъ же лично въ дѣйствіе на мѣстѣ. Устава перваго имѣнія я нигдѣ не могъ найти, уставъ же второго я нашелъ въ печати; привожу его здѣсь.

Издавая *временный уставъ сельца Анашкина*, съ деревнями («Опытъ сельскаго устава», стр. 1 и 16), В. Н. Каразинъ говоритъ: «Беру смѣлость издать подобный опытъ; поелику я увѣренъ, что взаимное и публичное сообщеніе другъ другу, моей собратіи помѣщиковъ, таковыхъ идей— можетъ наилучшимъ образомъ содѣйствовать къ усугубленію благосостоянія поселянъ, слѣдовательно — и помѣщиковъ самихъ. Сіе маленькое постановленіе исполняется, на самомъ дѣлѣ, Московской губерніи, въ Звенигородскомъ уѣздѣ, въ пятидесяти верстахъ отъ Москвы, гдѣ оно введено для испытанія прежде, нежели можетъ быть данъ поселянамъ уставъ постоянный и подробный, *существующій* съ пользою четырнадцать лѣтъ (отъ 1805 года), въ другомъ моемъ имѣніи, которое находится въ Слободско-Украинской губерніи. Издаваемый теперь опытъ есть какъ бы первый шагъ, или вступленіе къ слободско-украинскому уставу, содержащему вполнѣ мои начала. На изданіе сего послѣдняго испрашиваю я особое позволеніе и не умедлю представить его просвѣщенной публикѣ, когда сіи первоначальныя черты вниманія ея удостоены будутъ».

Вотъ главныя черты этого оригинальнаго *устава сельца Анашкина:* Статья I: «Съ поселянъ прежде всего взыскивается, чтобъ они были христіане и вѣрные подданные Царя своего, не по имени только, но самымъ дѣломъ, т.-е. исполняли бы законы Божій и Царскій, любили бы ближнихъ, почитали бы всякое установленное начальство и взносили исправно подати». Ст. 2: «По жительству господъ въ другой губерніи учреждается въ селѣ Анашкинѣ начальникомъ сельскій *староста*. Для совѣта ему назначаются два *выборные*. Послѣдній будетъ завѣдывать все, что принадлежитъ до сельской полиціи, и по сей причинѣ назовется *полицейскимъ*. Всѣ трое вмѣстѣ составляютъ *сельскую думу*». Эти лица, какъ и видно, назначались самимъ владѣльцемъ. Въ примѣчаніи къ ст. 6 устава говорится: «Предполагается, что современемъ *выборъ* членовъ думы предоставится *самимъ поселянамъ*, отцамъ семействъ». Ст. 3: «На каждаго изъ выборныхъ поселяне могутъ жаловаться въ думѣ; но на старосту или на рѣшенія думы господамъ». Ст. 4: «Сельская анашкинская дума собирается каждую субботу, послѣ обѣда, для учрежденія общественныхъ дѣлъ; можетъ собирать мірскую сходку, подъ предсѣданіемъ при-

ходскаго священника». Ст. 5: «Мірская сходка, безъ повѣщенія думы не можетъ собираться. Она составляется изъ отцовъ семействъ, не обезславленныхъ явно». Ст. 6: «Сельская дума вѣдаетъ всѣ общественныя дѣла, ведетъ о нихъ самую краткую записку и посылаетъ донесеніе (ежемѣсячное) господамъ, кои священникъ мѣтитъ словомъ: вѣрно». Ст. 8: «Дума въ сборахъ дѣлаетъ раскладки». Ст. 9: «На содержаніе думы положено 800 руб.» Ст. 11: «Дума должна заниматься исправленіемъ нравовъ поселянъ, т.-е. чтобъ они были благочестивые и честные люди. Для чего она имѣетъ право наказывать, обращая къ исправленію: пьяницъ, непочтительныхъ къ родителямъ, нерадивыхъ о своемъ хозяйствѣ. Наказанія могутъ быть: денежныя пени, работа на общество и тѣлесныя». Ст. 12: «*Тѣлесныя наказанія имѣютъ производиться лозою, а не палкою.* Они даются только за непокорство и лживый поступокъ предъ начальствомъ, отъ одного и до сорока ударовъ, разумѣется, что послѣднее можетъ имѣть мѣсто въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. На десять ударовъ дѣлается приговоръ думы». Примѣчаніе: «Простой народъ — вездѣ народъ, и воображать руководить его чувствомъ одной чести или страхомъ наказаній, единственно на ней основанныхъ, есть жестоко заблуждаться. А въ тѣхъ земляхъ, гдѣ испытали отмѣнить отеческое наказаніе лозою, видятъ себя принужденными гораздо чаще наказывать лишеніемъ жизни, или продолжительнымъ заключеніемъ въ темницы и желѣзы». Ст. 13: «Кража наказывается взысканіемъ цѣны украденной вещи вдесятеро. Пять долей изъ сего поступаютъ въ общественную сумму, три хозяину, а двѣ доносителю или открывшему кражу». Ст. 15: «Староста есть начальникъ, представляющій господъ». Ст. 18: «На мірской сходкѣ собираются голоса положеніемъ въ двѣ шапки маленькихъ жеребейковъ изъ бѣлыхъ и черныхъ прутиковъ». Ст. 19: «Со стороны господъ отпускается ежегодно въ общественную сумму 500 руб., обязывая думу: учредить *оспопрививаніе* и содержать *надзирателя за больными,* также *училище для малолѣтнихъ поселянъ,* по данному ей наставленію». Ст. 20: «Остатки отъ общественной суммы поручается сельской думѣ раздавать въ заемъ поселянамъ, на годъ, два, четыре и восемь лѣтъ, съ надежными поруками и со взысканіемъ ежегодныхъ процентовъ въ пользу сей суммы. Сиротскія деньги

въ ней же должны быть хранимы и раздачею въ заемъ умножаемы». Ст. 21: «*поселянамъ сельца Анашкина съ деревнями дается слово на всегдашнія времена*: I. Предоставить во владѣніе ихъ всѣ угодья, каковыя въ семъ имѣніи числятся по документамъ, исключая только господскую усадьбу и заповѣдные лѣса. II. За владѣніе сими угодьями взимать съ нихъ оброкъ не выше шести процентовъ съ истинной цѣны имѣнія ежегодно. III. Не продавать изъ нихъ, не отдавать въ рекруты и не брать въ дворовое услуженіе ни одного лица мужескаго или женскаго пола, также не смѣнять членовъ сельской думы, безъ особеннаго на то или другое приговора мірской сходки. IV. Почитать и заставлять почитать собственность всякаго поселянина неприкосновенною. V. Всякій поселянинъ мужескаго пола, желающій быть отъ господъ уволенъ въ казенное званіе, получаетъ отпускную немедленно, когда онъ взнесетъ за себя и за движимую свою собственность цѣну 2,000 дней земледѣльческой работы. А сіи деньги, равно какъ получаемыя при продажѣ, по приговору мірской сходки, и плата за выводъ невѣстъ, поступаютъ не въ число господскихъ доходовъ, но въ общественную сумму сельца Анашкина съ деревнями». Примѣчаніе: «Подлинный подписали помѣщикъ и помѣщица—за себя и за малолѣтнихъ ихъ дѣтей». Еще примѣчаніе, подъ строкой: «Различеніе *собственности* помѣщика отъ *полицейской его власти*, безъ всякаго ослабленія сей послѣдней и именно: въ намѣреніи охранить моральную ея чистоту, составляетъ главнѣйшее въ обоихъ моихъ уставахъ». (*В. Каразинъ*).

Современные практики не разъ улыбнутся, читая эти строки. Но вспомните, господа, что это писалъ человѣкъ молодой, безъ образцовъ и товарищей, по убѣжденію одной своей пылкой головы и любящаго сердца.

Не будучи никогда особенно склоненъ къ изящнымъ искусствамъ, В. Н. Каразинъ, съ 1805 г. сталъ болѣе и болѣе склоняться къ примѣненію естественныхъ наукъ и въ 1811 году приступилъ къ основанію *филотехническаго общества домоводства* въ Харьковѣ.

«Сколько россійскихъ милліоновъ разсыпано, въ суетномъ намѣреніи удивить Парижъ или Лондонъ! Сколько употреблено ихъ на вывозъ изъ Италіи такъ называемыхъ антиковъ или другихъ художественныхъ произведеній!» (Рѣчь

въ Обществѣ «Испытателей природы» 1807 г.)—такъ онъ выражался, тоскуя о малопрактичности своихъ сосѣдей и сверстниковъ.

«Помѣщика я разумѣю, говорилъ онъ, наслѣдственнымъ чиновникомъ, которому, или предкамъ его, верховная власть, давъ землю для населенія, чрезъ то ввѣрила попеченіе о людяхъ-поселянахъ. Онъ есть природный покровитель, ихъ гражданскій судья, посредникъ между ними и высшимъ правительствомъ, ходатай за нихъ, наставникъ во всемъ.

Однимъ словомъ, въ отношеніи къ государству, онъ есть ихъ *генералъ-губернаторъ въ маломъ видѣ*» («О необходимости усилить домоводство», 1813 г.).

III.

Заботы о домоводствѣ и хозяйствѣ Украйны. — Остальная жизнь въ деревнѣ.—Пожаръ дома и библіотеки.—Признательность общества въ 1833 году.—Участіе въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ. — Отъѣздъ въ Крымъ и смерть.

В. Н. Каразинъ продолжалъ свои сношенія съ дѣльными практиками всякаго рода.

«Авторъ съ удовольствіемъ признается, говорилъ онъ, что онъ бóльшую часть познанія о мѣстныхъ обстоятельствахъ россійской торговли и промышленности почерпнулъ изъ прилежныхъ бесѣдъ съ умными доброжелателями своему отечеству. Особливо долгомъ поставляетъ упомянуть имя калужскаго гражданина, *Дм. Ив. Подкованцева*» («О необходимости усилить домоводство»).

Въ деревнѣ онъ не оставлялъ своихъ опытовъ.

«Продолжая, въ 1809 году и далѣе, говоритъ онъ, мои испытанія средствъ облегчить произведеніе селитры, которой умноженіе въ государствѣ было тогда не послѣднимъ предметомъ, я уклонился отъ составленія селитряныхъ буртъ или стѣнъ, вздумалъ употребить пары отъ гнилой винокуренной барды, кои, отъ пропущенія электрическихъ искръ, обращались въ селитряную кислоту.—Я непосредственно за тѣмъ началъ метеорологическія наблюденія, по ночамъ, одинъ, въ моей деревнѣ» («Выписка изъ письма къ В. Г. Муратову»). — Эту страсть къ пользамъ отчизны онъ поясняетъ въ другомъ мѣстѣ: «Да будетъ мнѣ позволено въ благодарномъ сердца изліяніи помѣстить имена Ивана Петровича Шульца и Христіана Ивановича Фирлинга, одного

германца, другого родомъ изъ Страсбурга, но прямого римлянина по чувствамъ, которые оба, не родившись въ Россіи, любили ее чистосердечно, и меня научили *прежде всего* любить ее. Ихъ давно уже нѣтъ на свѣтѣ!.. Они были содержателями пансіоновъ: первый въ Харьковѣ, другой въ Кременчугѣ между 1780—1790 годами» («Рѣчь о любви къ отечеству»).—Враги, между прочимъ, не покидали его и въ деревнѣ.

«Легко доказать», говоритъ В. Н. Каразинъ, при одномъ случаѣ, въ оправданіе себя отъ упрековъ, что въ нѣкоторыхъ своихъ статьяхъ и онъ, по духу времени, употребляетъ тексты св. писанія, «что въ 1801, 1802 и 1811 годахъ я употреблялъ тексты, гораздо прежде многихъ, ибо я люблю прекрасный славянскій языкъ, и какъ литераторъ, и какъ добрый христіанинъ» («Рѣчь о любви къ отечеству»).

Привожу письмо Каразина, писанное 1802 года, мая 2-го, въ Харьковъ къ одному духовному лицу *). Оно въ высшей степени интересно, какъ отголосокъ той минуты, когда въ умахъ здѣшняго общества зарождалась первая мысль о созданіи того университета, которымъ харьковская губернія и ея общество теперь такъ сознательно гордятся:

Мая 2 д. 1802 г. «Здравствуйте душевно-чтимый, любезнѣйшій отецъ Василій!

«Совѣщуся, что не бесѣдовалъ съ вами такъ давно; въ полной мѣрѣ чувствую мою вину, но въ то же время я за нее и наказанъ вашимъ безмолвіемъ.

«Прекращая оное съ моей стороны, при случаѣ представленія вамъ искренняго пріятеля моего, Моисея Григорьевича Ушинскаго, скажу вамъ, моему почтенному другу, что я ему далъ важное порученіе. Будьте ему подпорою и совѣтомъ; вы, по самымъ свойствамъ вашимъ, которыя напослѣдокъ имѣютъ должную цѣну свою, можете много. Признаюсь охотно, что на васъ у меня величайшая надежда. Не представляю вамъ далѣе никакихъ побужденій, вы другъ добра и о добрѣ идетъ дѣло.

«Не знаю, въ какомъ положеніи у васъ теперь важный предметъ общественнаго воспитанія. Что̀ значатъ, напримѣръ, по существу своему казенныя училища и народное?

*) По мнѣнію В. М. Черняева — извѣстный по одной исторіи священникъ Ѳотіевъ. Это письмо передано въ харьковскую университетскую библіотеку профессоромъ И. Ф. Лоbаковскимъ.

соединены ли они съ первымъ и на какомъ основаніи хотятъ располагать кадетскій предварительный корпусъ? Сдѣлано ли уже съ сей стороны представленіе, куда слѣдуетъ, что̀ получено въ отвѣтъ, какой составленъ планъ, какая предположена собраться сумма, и сколько ея собрано?— все это мнѣ несовершенно извѣстно. Но, бывъ удостоенъ, вскорѣ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, бесѣды добраго Государя, осмѣлился я сказать ему идею о заведеніи въ Харьковѣ университета, который былъ бы образованъ лучше московскаго и достоинъ бы называться средоточіемъ просвѣщенія полуденной Россіи. Идея моя принята съ благоволѣніемъ, и я принялся уже было за начертанія плана къ нему, въ которомъ величайшее пособіе могу, я здѣсь заимствовать отъ нѣсколькихъ любящихъ меня добрыхъ людей, какъ другія упражненія отвлекли меня. Я сто разъ собирался писать къ вамъ, но ожидалъ свѣдѣній о новыхъ кадетскихъ корпусахъ, которыя мнѣ обѣщали доставить, ожидалъ также и рѣшительнаго случая, который я предвидѣлъ.

«Теперь настигъ сей случай, занимающій меня самымъ пріятнымъ образомъ, именно: угодно было Всемилостивѣйшему Государю учредить особый комитетъ для разсмотрѣнія уставовъ двухъ академій и московскаго университета; въ семъ комитетѣ съ членами, тайными совѣтниками Муравьевымъ и графомъ Потоцкимъ, и академикомъ Фусомъ, разсудилъ Его И—е Величество поручить мнѣ письмоводство. Къ намъ вступило множество бумагъ, содержащихъ планы и соображенія разнаго рода по симъ заведеніямъ. Между прочимъ, нашли мы, что еще въ 1786 году покойная Государыня Императрица имѣла намѣреніе учредить въ Россіи на первый случай три университета, и на сей конецъ поднесенъ ей былъ превосходный и сообразный мѣстнымъ свѣдѣніямъ государства и народному характеру прожектъ. Можно воспользоваться имъ и еще усовершить со стороны, о которой тогдашнія обстоятельства думать не позволяли. Сія мысль заняла всю мою душу, и я ожидаю только согласія общества дворянъ, чтобъ дѣйствовать. Не для чего распространяться описывать пользу сего учрежденія и славу, которая отъ сего для нашей отчизны Украйны проистекти имѣетъ. Вы далѣе моего все сіе видите, и можете другимъ представить съ тою убѣдительностію, которая вамъ свойственна. Скажу только, что издержекъ — была-бъ на самое

дѣло благая воля — бояться нечего. Онѣ будутъ весьма непримѣтны. Ежели дворянство, положивъ собрать 200 тысячъ рублей, то-есть по одному рублю съ души помѣщичьей, пригласитъ къ тому городскихъ жителей разныхъ состояній, хотя по малому количеству, или если часть винныхъ городскихъ доходовъ и другихъ общественныхъ суммъ на сіе обратится, то составится съ избыткомъ сумма на ежегодное содержаніе университета процентами. Я говорю *положивъ* собрать, ибо скапливать вдругъ никакой суммы не надобно. Довольно, если каждый обяжется пристойнымъ залогомъ взносить ежегодные проценты съ причитающейся ему на часть суммы. Сіе будетъ весьма легко. На предварительныя-жъ издержки и заведеніе обязываюсь я испросить должныя дворянству казною 70 тысячъ рублей, а можетъ быть, и сверхъ того, какъ удостовѣренъ я въ участіи, какое Геній Россіи беретъ во всемъ, что до блага его подданныхъ касается. При университетѣ можно учредить и богословскій факультетъ по примѣру иностранныхъ, котораго вамъ первымъ богословомъ быть прилично. Сердце радуется, представляя вліяніе, какое произведетъ сіе учрежденіе на край нашъ во всѣхъ отношеніяхъ,—моральныхъ, физическихъ и политическихъ. Харьковъ процвѣтетъ въ самое короткое время и будетъ имѣть честь доставлять просвѣщеннѣйшихъ сыновъ отечеству, которые во всѣ состоянія разольютъ пользу, счастіе и ту дѣятельность духа, которая творитъ прямыхъ гражданъ.

«Прежде нежели доставлю вамъ подробный планъ, скажу вамъ нѣкоторыя черты онаго, сколько позволяетъ короткое время и мои нынѣшнія занятія, сверхъ чаянія собственными дѣлами умножившіяся на сихъ дняхъ.

«1) Народное училище полагаю я оставить совершенно на томъ основаніи, какое въ уставѣ 1786 года положено, прибавивъ только классъ латинскаго языка для тѣхъ которые готовить себя будутъ въ университетъ изъ дворянъ и разночинцевъ. Другой не надобно гимназіи.

«2) Въ университетѣ должны быть четыре факультета: философскій, юридическій, медицинскій и богословскій.

«3) Потребные профессора должны быть выписаны, не жалѣя издержекъ, изъ лучшихъ краевъ, чрезъ посредство одного извѣстнаго мнѣ профессора здѣшняго, который возьметъ на себя поѣздку въ Германію.

«4) Полное число студентовъ будемъ мы всегда имѣть изъ нашей и другихъ сосѣдственныхъ губернскихъ семинарій. Латинскій языкъ послужитъ способомъ преподаванія, и онъ самъ собою усовершится отъ частаго употребленія и возвышенной словесности, которой классъ ввести надобно.

«5) Въ новыхъ и обширныхъ зданіяхъ ни малѣйшей нѣтъ нужды. Можно изобрѣсть средства размѣстить университетъ со всѣми къ нему принадлежащими людьми за двадцать или тридцать тысячъ рублей.

«6) Иностранцевъ, полагаю я, приманитъ къ намъ сколько климатъ и изобиліе, подобіе представляющее ихъ отечества, столько жизненныя выгоды и обезпечиваніе ихъ состоянія, по прошествіи извѣстнаго числа лѣтъ и ихъ семействъ, по смерти ихъ посвятившихъ себя сему званію. Уваженіе доставитъ имъ чины, которые по новому уставу присвояются каждому члену университета и прочихъ училищъ, безъ всякаго посторонняго представленія.

«7) Въ семъ учрежденіи не будетъ никакихъ раздѣленій, отъ состояній или богатства зависящихъ. Каждый студентъ будетъ равенъ другому, кто бы ни былъ его отецъ. Одни таланты и прилежаніе доставятъ преимущество; сіи только свойства, при выпускѣ въ аттестатахъ обнаруженныя, доставятъ чинъ, по мѣрѣ достоинства, но не менѣе 14 класса и до 12-го. Сіе равенство родитъ соревнованіе и произведетъ рано или поздно въ общемъ понятіи равенство состоянія, недостатокъ котораго есть причиною, что духовенство ни мало неуважено (какъ вы въ прекрасныхъ своихъ бумагахъ примѣтили). Однако, вы сами видите необходимость сохранить сіе въ тайнѣ до произведенія въ дѣйство. Такимъ образомъ, видя одинакое уваженіе, присвоенное тому или другому классу людей, одинакія выгоды по мѣрѣ лишь услугъ, оказанныхъ обществу, дворяне безъ разбору будутъ поступать въ духовенство и бѣдные изъ нихъ не возгнушаются принять на себя почтеннаго званія наставника, или прославлять край рожденія своего изящными художествами.

«Вотъ главныя черты сего плана, который я готовлю, и если увижу, что дворянство уполномочитъ меня сдѣлать формальное представленіе Монарху, постараюсь, чтобы онъ былъ Высочайше конфирмованъ, и пріѣду для личныхъ и мѣстныхъ распоряженій въ теченіе настоящаго же лѣта.

«Обнимите патріотическимъ вашимъ духомъ все, что я пропустилъ въ семъ бѣгломъ начертаніи, и согрѣйте мои идеи жаромъ вашего сердца. Вы можете прежде всего побесѣдовать съ Василіемъ Михайловичемъ и Григоріемъ Романовичемъ *). Я буду писать къ нимъ съ первою почтою, а можетъ быть, еще и теперь успѣю.

«Ваши мысли сообщены моему Благотворителю, который будетъ (Богъ свидѣтель глубокой моей въ томъ увѣренности!) Благотворителемъ своего отечества; вы, кажется мнѣ, получите Его собственный отзывъ.

«Продолжайте мыслить такъ ангельски, какъ вы мыслите, и будьте дѣятельны и тверды, лучшіе люди въ государствѣ почтутъ за честь быть съ вами въ связи: камергеръ Витовтовъ получилъ-было порученіе отъ Г. **) вызвать васъ для своей части, которая, чаю по газетамъ, вамъ извѣстна, но я удержалъ это до свиданія нашего.

«Простите! съ живѣйшими чувствованіями преданности и почитанія обнимаетъ васъ вѣрно-усердный слуга, В. Каразинъ». — Описаніе открытія харьковскаго университета найдено мною въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ особомъ Прибавленіи, № 13, 1805 года, во вторникъ, въ статьѣ: «Порядокъ, какимъ образомъ происходило открытіе Имп. харьковскаго университета, послѣдовавшее сего 1805 г. генваря 17 дня», стр. 128—130, 8 столбцовъ. Открытіе произошло при губернаторѣ Ив. Ив. Бахтинѣ; преосвященный Христофоръ Сулима говорилъ слово, равно какъ и соборный протоіерей Андрей Прокоповичъ. Ихъ рѣчи и рѣчь и латинская попечителя С. О. Потоцкаго приложены къ этой статьѣ 1805 г. Объ открытіи университета важнѣйшихъ особъ въ городѣ повѣщали церемоніймейстеры изъ адъюнктовъ, а разныя части города — особый чиновникъ отъ городской полиціи, съ пристойнымъ сопровожденіемъ.

Сѣтуя впослѣдствіи на М. П. Погодина за непомѣщеніе одной статьи его объ углѣ, до того времени помѣщенной уже въ другомъ мѣстѣ, В. Н. Каразинъ, 24-го мая, 1842 г., писалъ къ нему: «Кто знаетъ, напримѣръ, скажу вамъ, что живущій нынѣ, хотя уже въ гробъ заглядывающій старикъ, далъ идею и выполнилъ ее на полустопѣ бумаги,

*) Г. Р. Шидловскій.

**) Т.-е. Государя Александра I.

своею рукою *объ отдѣльномъ министерствѣ народнаго просвѣщенія*, которое нигдѣ въ Европѣ не существовало? Насилу проговорили гдѣ-то въ журналѣ, что онъ-де подалъ мысль къ основанію такого-то университета. И только-то! Кто знаетъ, что тотъ же старикъ бился, какъ рыба объ ледъ, домогаясь возсоединеніи уніатовъ, которое совершилось, спустя больше тридцати лѣтъ?—Кто знаетъ, что онъ же, въ 1805 году еще, учредилъ у себя постановленіе, точь-въ-точь такое, на каковое вызываетъ теперь указъ 1842 года 2-го апрѣля? Что онъ изобрѣлъ давно и въ началѣ 1838 года напечаталъ о карболеинѣ, присвоенномъ другимъ въ 1839 или 40 годахъ? Что онъ для царскаго дворца предлагалъ отапливаніе или, справедливѣе сказать, нагрѣваніе водяными парами, заключенными въ трубкахъ, которое теперь произведено въ Берлинѣ, въ тамошней библіотекѣ?.. Право, скучно и писать, не только жить въ этомъ мірѣ! Да и листокъ къ концу. Сберегаете ли вы письма друзей вашихъ? Такъ хоть для потомства? Прощайте!»—Къ этому письму, посмертному, М. П. Погодинъ сдѣлалъ примѣчаніе: «Думалъ ли Каразинъ, что это письмо такъ скоро сдѣлается матеріаломъ для его біографіи?» — («Москвитянинъ», 1843 г. № 2-й).—Съ 1811 года, какъ я сказалъ, онъ занялся новымъ дѣломъ.

Издавая «*Предначертаніе правилъ филотехническаго общества*», В. Н. Каразинъ говоритъ о бѣдности домоводства и хозяйства нашихъ южныхъ губерній, гдѣ — «поля обрабатываются скудно, хижины напоминаютъ времена первобытныя, куда съ сѣвера выписываются прививки и садовники, гдѣ грязныя винокурни, дымомъ ослѣпляющія глаза работниковъ и пожравшія немилостиво большую часть прекрасныхъ лѣсовъ нашихъ, подобныя же имъ селитроварни суть единственныя наши фабрики»—и прибавляетъ: *Пора нарушить нашу сладкую дремоту!! Очевидно уже становится, что доходы, основанные на хозяйствѣ нашихъ предковъ, недостаточны для удовлетворенія день ото дня возрастающихъ нашихъ издержекъ!*» И далѣе: «Уже о-сю пору есть селенія (въ Украйнѣ), имѣющія не болѣе двухъ десятинъ пахати на каждую душу мужескаго пола». Онъ заключаетъ: «Почтите меня вниманіемъ такъ, какъ вѣрнаго сочлена, который *въ свое время*, ознаменовалъ себя приверженностью къ вашей славѣ и вашимъ

пользамъ, не взирая на то, что самое событіе не во всѣхъ частяхъ согласовалось съ его предположеніями». — Самый уставъ новаго общества говоритъ такъ: Въ § 1: «Филотехническое общество будетъ имѣть предметомъ — распространять и усовершать всѣ вѣтви досужества и домоводства въ полуденномъ краѣ Россійской Имперіи. Кругъ дѣйствія его составятъ губерніи: Екатеринославская, Харьковская, Таврическая, Полтавская, Черниговская, Слободско-украинская и Воронежская. А средоточіе и мѣсто собраній общества — городъ Харьковъ». § 2: «Для вступленія въ (неопредѣленное) число членовъ не требуется ничего болѣе, какъ помѣстье въ показанной выше окружности и отзывъ о желаніи». § 3: «Предметомъ его будутъ не умозрѣнія и разсужденія, *но дѣйствіе:* то оно можетъ обойтись безъ президента. Никто не будетъ носить сего имени. Однако, во время съѣзда членовъ, они изберутъ предсѣдающаго на то время». § 4: «Съѣздовъ можетъ быть два каждый годъ, именно — въ крещенскую и успенскую ярмарки». § 5: «Общество будетъ стараться имѣть образцовыя заведенія». § 6: «Заведенія должны приносить очевидный доходъ». § 9: «Членъ, распоряжающійся образцовыми заведеніями, имѣетъ называться *правителемъ дѣлъ филотехническаго общества*». § 12: Всякій изъ членовъ, прибывъ въ помѣстье правителя дѣлъ, имѣетъ право требовать отъ него сообщенія книгъ (для исторической записки происходящаго въ образцовыхъ заведеніяхъ и для веденія счетовъ, составленныхъ имъ)». § 14: «Общество, въ первые годы, не издаетъ никакихъ журналовъ, такъ какъ цѣль его — не умствованіе о сихъ заведеніяхъ, но усовершеніе ихъ». § 15: «Сумма для заведеній составится отъ взносовъ членовъ. Сей взносъ, при вступленіи, не можетъ быть менѣе ста рублей ассигнаціями. Правитель дѣлъ, при полученіи ихъ, за своимъ подписаніемъ выдастъ росписку въ видѣ акціи». § 16: «Каждая акція филотехническаго общества приноситъ въ годъ шесть процентовъ *по крайней мѣрѣ*, которые и выдаются въ Харьковѣ, въ теченіе успенской ярмарки». § 19: «Въ обезпеченіе всей вступающей отъ членовъ суммы и платежа съ оной процентовъ, правитель дѣлъ общества обязанъ ему представить изъ имѣнія своего достаточный залогъ, на первый случай не менѣе 10,000 руб. асс. Залогъ сдѣлается офи-

ціальною выдачею закладной въ слободско-украинской палатѣ гражданскихъ дѣлъ на имя трехъ членовъ, по выбору первоначальныхъ членовъ». § 21: «Всякій членъ имѣетъ право избирать изъ заведеній то, которое наиболѣе прилично его мнѣнію и ему угодно. Правитель дѣлъ обязанъ пещись, чтобы таковое заведеніе было устроено въ помѣстьѣ того члена». § 23: «Въ случаѣ смерти правителя дѣлъ, наслѣдники его обязаны выплатить обществу всѣ акціи, съ приходящими на нихъ процентами». («Мысли объ учрежденіи филотехническаго общества», стр. 3—25).

Въ письмѣ Григор. Ром. Шидловскаго къ А. Ѳ. Квиткѣ, отъ 27-го ноября 1810 г., напечатанномъ при брошюрѣ В. Н. Каразина, «Мысли о учрежд. филот. общества» сказано: «Василій Назарьевичъ Каразинъ, конечно, говорилъ съ вами о намѣреніи своемъ — сообщить селитрянымъ заводчикамъ изъ слободско-украинскаго дворянства новый способъ готовить селитру. Желая въ семъ удостовѣриться, его превосходительство Осипъ Ив. Хорватъ и я просили Василія Назарьевича сдѣлать хотя маленькій опытъ въ нашихъ глазахъ, напримѣръ, у меня, *въ селѣ Мерчикѣ*, какъ въ мѣстѣ, сосѣдственномъ съ его жилищемъ. Г. изобрѣтатель сначала находилъ свои затрудненія, говоря, что опытъ таковой немедленно откроетъ всю его тайну, съ которою сопряжены его выгоды, *но напослѣдокъ рѣшился, оставя въ сторонѣ предполагаемое имъ производство селитры*... Сего 1810 года, іюля 28-го дня, при селитряныхъ моихъ буртахъ въ Мерчикѣ, въ присутствіи моемъ были сдѣланы опыты. Въ первыхъ числахъ сего ноября выщелочена вторая пробная куча. «Лугъ» (щелочь селитряная) всего двѣнадцать ушатовъ, въ запечатанной бочкѣ, при нарочно отряженномъ отъ меня человѣкѣ, отправленъ въ село Кручикъ (Каразина), дабы оный тамъ выварить въ лабораторіи Василія Назарьевича, на его снарядѣ». — Письмо кончается полнымъ торжествомъ для изобрѣтателя. Г. Шидловскій вполнѣ подтверждаетъ истину и пользу его изобрѣтенія (стр. 26—32).

Въ 1811 году, какъ видно изъ «Извѣстія о фил. общ.» отъ 16-го августа 1811 г., В. Н. Каразинъ продолжалъ заниматься улучшеніемъ и упрощеніемъ селитроваренія, винокуренія, кожевеннаго производства, сушенія плодовъ по новому имъ придуманному способу «теплотою водяныхъ

паровъ», сушенія «червца», т. е. кошенили, приготовленія плодовыхъ наливокъ и водянокъ, вишневаго спирта (киршвассеръ), опытами надъ красильными травами («матерника») и минералами.

Въ 1818 году, В. Н. Каразинъ, какъ говоритъ его «Отчетъ фил. общества за 1818 годъ» — занимался: выращиваніемъ у себя иностранныхъ «житъ»—«китайской пшеницы» — «испанскаго ячменя», — опытами унавоженія своихъ полей (небывалаго въ степяхъ), причемъ за свидѣтельствомъ богодуховскаго исправника, г. Ковальчинскаго, представилъ доказательства, что унавоженныя полосы степной земли дали пшеницы *двумя третями* болѣе противъ неунавоженныхъ. Также занимался проектами новыхъ «хлѣбныхъ хранилищъ», «новаго изобрѣтеннаго имъ *украинскаго овина*, для сушки сноповъ», «клуни къ овину», «усовершеннаго имъ китайскаго молотильнаго катка» и опытомъ, въ собраніи общества, надъ приготовленными въ Англіи, обошедшими вкругъ свѣта и сваренными въ Харьковѣ «*мясными консервами*». В. Н. Каразинъ тогда же горячо взялся за дѣло, которому въ 1857 году было суждено осуществиться въ обществѣ «*Сельскій хозяинъ*» въ Ростовѣ и Таганрогѣ. Вотъ любопытный отчетъ Каразина объ этомъ опытѣ, помѣщенный подъ строкой, въ примѣчаніи, къ «Отчету фил. общ. за 1818 годъ» на стр. 18—20-й:—«Оба ящика были открыты передъ собраніемъ, которое прежде ихъ осмотрѣло по наружности. Оба они сдѣланы изъ англійской жести, на подобіе прежнихъ пудряныхъ жестянокъ, и не только совершеннѣйше запаяны, но, сверхъ того, покрыты лакомъ. На меньшемъ была наклеена надпись по-англійски: 14. Febr. 1815. Boiled Beef, from Messer Donkin Hall et Cambeefort Place, Bermondsey lane № 30 Lombard-Street. London.—Бóльшій ящикъ, съ телятиною, чрезвычайно пострадалъ на почтѣ; но, къ счастію, и въ измятыхъ мѣстахъ не оказалось никакихъ скважинъ: рѣшительный опытъ и торжество англійскаго мастерства надъ небрежностью русскихъ почталіоновъ! Признаюсь, что я ему еще болѣе удивлялся, нежели самому сохраненію мяса. Когда присутствующіе увѣрились, что ящики не въ Харьковѣ приготовлены, — жестяникъ Торшинскій (единственный въ здѣшнемъ краѣ) вскрылъ ящикъ съ говядиною. Она была выложена на блюдо, и, къ общему удивле-

нію, найдена совершенно свѣжею, вареною, сытною, жирною и вкусною, частью мяса, которому подобное рѣдко встрѣчается на столахъ, снабжаемыхъ отъ нашихъ мясниковъ. Всѣ, въ томъ числѣ дамы весьма разборчиваго вкуса, кушали сію *четырехгодовалую говядину* съ удовольствіемъ.— И въ самомъ дѣлѣ, куски говядины этой совершили два пути вокругъ земного шара, т.-е. изъ Кронштадскаго въ Камчатскій Петропавловскій портъ и обратно; два раза пересѣкли экваторъ, прошли почти всѣ климаты и, побывавъ близъ острововъ Канарскихъ, на берегахъ Бразиліи, въ моряхъ Китая, Японіи и Камчатки, между Азіею и Америкою, возвратились въ Европу; наконецъ, изъ С.-Петербурга, на перекладныхъ телѣгахъ, достигли Харькова и села Кручика». — Его мысли находили отголосокъ въ другихъ, и осуществлялись. Онъ считалъ себя ограбленнымъ и негодовалъ...

Говоря, что англичане въ 1842 г. 9-го апрѣля объявили, какъ о новомъ изобрѣтеніи, о движеніи, непосредственно, парами судна, безъ машинъ, и что онъ это зналъ уже въ 1809 г., В. Н. Каразинъ, между прочимъ, прибавляетъ («О новомъ открытіи въ Англіи»): — «Когда въ первые годы моей сельской жизни, *начиная съ 1805 года*, я занялся опытами парового винокуренія, — какъ первый воспитанникъ химіи и естественныхъ наукъ, попавшихъ въ нашу Украйну, по страсти къ нимъ изъ дѣтства, я былъ и остался весьма плохимъ хозяиномъ. Переходя отъ одного предмета къ другому, я любилъ изслѣдовать причины явленій, дѣлать опыты, не имѣя въ виду экономическихъ результатовъ: они бы отвлекли меня отъ науки. Мысль, что пары, при внезапномъ охлажденіи, могутъ служить движущею силою, занимала меня долго. Я велѣлъ строить лодку. Лодка не была еще кончена, какъ я, по обстоятельствамъ, долженъ былъ оставить сельскія занятія, ѣхать въ Москву и въ Петербургъ. Мысль моя затмилась тысячею другихъ и, наконецъ, изгладилась изъ памяти.—Я же столько лѣтъ указываю на воздушное электричество. Это было изложено въ 1817 г. въ «Сынѣ Отечества», и предложено въ 1818 г. одному знаменитому ученому обществу. Оно осталось до сихъ поръ безъ всякаго отзыва».

Домоводство и сельское хозяйство, въ обширномъ смыслѣ, не оставляли его силъ и стремленій ни на минуту.

Говоря о необходимости лѣсоразведенія въ Украйнѣ, В. Н. Каразинъ упоминаетъ («О лѣсоводствѣ»), что это нетрудно: «Умершій зміевскій помѣщикъ, Иванъ Яковлевичъ Данилевскій, оставилъ своимъ дѣтямъ до семи сотъ десятинъ бора, которымъ онъ покрылъ сыпучіе нѣкогда пески, и многія изъ сосенъ уже строевыя деревья о сю пору. Данилевскій, по ходатайству гражданскаго губернатора Бахтина, былъ награжденъ за это орденомъ св. Владиміра». Говоря объ англійской конторѣ Буза, изъ которой можно было выписывать всякія сѣмена черезъ харьковскую контору, онъ прибавляетъ: «Я лично берусь за труды выписки, если угодно, равно какъ и за доставку прутьевъ канадской тополи...»

Снова затѣявши мысль о торгѣ съ чужими краями нашимъ спиртомъ, В. Н. Каразинъ объявляетъ («О торгѣ спиртомъ»): «Большой тутъ премудрости не надо! скажу я съ Дмитріевымъ. Слишкомъ за годъ началась уже переписка съ чужестранными негоціантами по сему предмету. Заводъ почти готовъ. Составимъ общество для опыта, назначивъ акцію во сто рублей асс. — Есть на-лицо четыре члена, которые будутъ ожидать извѣщенія отъ желающихъ въ харьковскую справочную контору».

До послѣднихъ дней жизни онъ былъ вѣренъ своимъ мыслямъ первой молодости. Въ 1840 г. В. Н. Каразинъ предлагалъ устроить общество на двадцати акціяхъ, по 25 р. асс. каждая, для опытовъ въ харьковскихъ лабораторіяхъ надъ «превращеніями древесныхъ веществъ въ питательныя».

Тогда же, въ 1840 г., въ статьѣ «О значеніи Харькова для полуденной Россіи» онъ предлагалъ «возстановить филотехническое общество», закрывшееся съ 1818 г., и говорилъ: «Тогда пойдутъ изъ южныхъ губерній въ чужіе края: крупичатая мука, крахмалъ, солодило или діастазъ, алкоголь-спиртъ, сухіе бульоны, макароны, коровье масло, масло постное, свѣчи, эссенціи травъ, ягодъ, лѣкарственныхъ растеній, масло шпанскихъ мухъ, мыла, кожи, красильныя вещества, цикорный кофе, нашатырь, сода, деготь, скипидаръ и прочее», «все въ концентратахъ».

Говоря о бальзамированіи «пирогономъ» животныхъ тѣлъ, В. Н. Каразинъ (въ статьѣ «О жженіи угля») въ 1841 г. говоритъ: «Я подарилъ знаменитому г. Гумбольдту, въ его проѣздъ чрезъ Москву, огромную жабу, приготовленную

симъ образомъ, которую съ перваго взгляда можно было почесть за живую». И прибавляетъ: «Случилось мнѣ добыть вещество въ кристаллахъ, которое профессоръ Сухомлиновъ почелъ подходящимъ еще ближе къ алмазу. Я имѣю о семъ его собственноручную записку, представленную имъ г. попечителю Е. В. К. Это было въ январѣ или февралѣ 1823 г., слѣдовательно, нѣсколькими годами ранѣе опытовъ алмазотворенія гг. Каніаръ-Латура и Ганналя («1829 г.»). Надобно кончить благодарностью г. верховажскому купцу Александру Ивановичу Церсикову, котораго любопытству и вызову «Коммерческой Газеты» я обязанъ за поводъ написать эту статью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я публично принесу ему и просьбу о сдѣланіи хотя небольшого опыта *дегтярнаго заведенія*».

Каждая бойкая мысль о приложеніи научныхъ открытій къ дѣлу тотчасъ у В. Н. Каразина находила самое исполненіе. Онъ ни на минуту не задумывался, хлопоталъ, суетился, предлагалъ затѣянное дѣло обществу, тратилъ на него, между тѣмъ, собственныя деньги, не видѣлъ этому сочувствія, огорчался и хандрилъ...

Очень часто В. Н. Каразинъ, какъ я уже и выше говорилъ, въ самые первые годы своей дѣятельности, терпѣлъ замѣчательныя неудачи и, со всею простотою труженика, объявлялъ о нихъ печатно. Такъ, въ «Отчетѣ» за 1813 г. филотехническаго общества онъ говоритъ: «Я въ январѣ, вслѣдствіе отчета моего за 1812 г., избравъ коммиссіонеромъ общества помѣщика Полтавской губерніи, Зѣньковскаго повѣта, г. воинскаго товарища *Жадька*, отправилъ съ нимъ въ армію образцы питательной вытяжки (родъ сухого бульона), алькоголя (наикрѣпчайшій очищенный спиртъ) и другихъ подобныхъ припасовъ, которые бы могли съ выгодою быть доставляемы на самыя отдаленныя разстоянія. Сколько поставки *въ натурѣ* затруднительны, доказываетъ, что четверть сухарей въ декабрѣ 1812 г. изъ нѣкоторыхъ губерній до Вильны обошлась въ 200 р. Сей коммиссіонеръ былъ адресованъ къ его свѣтлости князю М. Л. Кутузову-Смоленскому. Безчисленныя затрудненія, встрѣченныя имъ на пути, и между тѣмъ побѣдоносное движеніе россійскихъ войскъ во внутренности Германіи сдѣлали то, что онъ могъ представиться полководцу лишь въ первыхъ числахъ апрѣля. 16-го числа трудная болѣзнь

пресѣкла его жизнь. Но и въ разслабленіи, сей истинный сынъ отечества обратилъ вниманіе на нашу посылку, удостоилъ нашего коммиссіонера приглашеніемъ къ столу штата своего, на все то время, которое нужно-бъ было прожить ему до полученія рѣшительнаго отвѣта, и наконецъ, примѣтя, что силы его вмѣстѣ съ жизнію погасаютъ, препроводилъ г. Жадька къ начальнику генеральнаго штаба арміи, *кн. П. М. Волконскому*, при своемъ отношеніи. Между тѣмъ, достопочтенный нашъ сочленъ, графъ А. А. Аракчеевъ и П. П. Коновницынъ сдѣлали все возможное для успѣха его порученія, послѣдній—даже не взирая на мучительную рану, которая удерживала его въ постели неподвижно... *Но... по необъяснимому стеченію обстоятельствъ, которое я долженъ приписать единственно несчастію г. Жадька, онъ, въ продолженіи шестинедѣльнаго труднаго слѣдованія за арміею, по Саксоніи, не получилъ отъ начальника генеральнаго штаба никакого отвѣта.* И напослѣдокъ, единственно щедротами вышепоименованнаго нашего сочлена, одолженный способами къ возвращенію изъ столь дальняго пути, привезъ мнѣ *обратно*... записки о предметѣ его посылки.—Въ сей запискѣ было представлено пособіе къ продовольствію войскъ за границею доставленіемъ имъ изъ Россіи, въ видѣ вытяжекъ, сухихъ экстрактовъ, не только хлѣба, мяса, вина, но даже и отечественныхъ *щей*, всего за такія цѣны, за которыя ихъ въ Германіи отнюдь не можно имѣть! Это былъ не проектъ, но рѣшительное предложеніе... Мы увѣрены, что всякое сердце, любящее русскаго солдата, раздѣлитъ съ нимъ безмолвныя чувствованія о худомъ нашемъ успѣхѣ!» (Это онъ издалъ, бывши, по его словамъ, «довольно времени въ Москвѣ» по дѣламъ своего семейства).

Почти безвыѣздно живя въ деревнѣ, с. Кручикѣ, близъ Богодухова, В. Н. Каразинъ продолжалъ заниматься химіею и опытами всякаго рода; много читалъ, выписывалъ кучу журналовъ и слѣдилъ за погодой, стараясь найти законы метеорологіи.

Онъ въ это время развелъ обширный садъ; пересадилъ въ свои поля, для тѣни на межахъ, множество дикихъ деревъ изъ лѣса и продолжалъ улучшать свое хозяйство, которое, впрочемъ, отъ большихъ затратъ на опыты всякаго рода не давало достаточныхъ доходовъ для его жизни...

Между прочимъ, онъ усердно занимался личнымъ наблюденіемъ за воспитаніемъ собственныхъ дѣтей и самъ ихъ училъ. *Въ 1824 году* онъ былъ избранъ заочно въ совѣстные судьи въ Харьковъ, но не былъ утвержденъ въ этомъ званіи, такъ же какъ въ *1828 г. 27-го сентября*—въ предсѣдатели палаты уголовнаго суда, въ полномъ собраніи дворянства губерніи.

По словамъ «Записки» сына, В. Н. Каразинъ удостоился счастія составлять и особаго рода *журналъ* для императрицы Маріи Ѳеодоровны, писанный весь его рукою и небывшій въ печати, «въ которомъ помѣщались, въ видѣ разныхъ аллегорическихъ разсказовъ, мысли его о воспитаніи дѣтей».

Думая о воспитаніи другихъ, онъ заботился о воспитаніи собственнаго своего семейства. Г. Н. Геннади передалъ мнѣ неизданное слѣдующее письмо его отъ *1825 года 18-го мая*, изъ села Кручика, къ неизвѣстному журналисту.

«Милостивый государь мой! Простительно отцу ходатайствовать въ пользу сына, даже и въ такомъ случаѣ и отношеніи, когда о самомъ себѣ ходатайство было неприлично. Любители просвѣщенія, кто бы они ни были, какъ бы ни раздѣляли ихъ мѣстное разстояніе и другія земныя обстоятельства, хотя бы они другъ другу совсѣмъ незнакомы были, должны быть готовы на взаимныя услуги. Имѣя одну цѣль и бывъ великой монархіи свѣта и истины сограждане, житель Новой Голландіи можетъ относиться о содѣйствіи смѣло въ Москву или въ Парижъ... На сихъ основаніяхъ прошу я васъ, въ журналѣ вашемъ, обратить вниманіе публики на издаваемый теперь трудъ моего старшаго и любезнѣйшаго сына, который слушаетъ лекціи въ харьковскомъ университетѣ. Дабы вы могли надлежащимъ образомъ судить о семъ сочиненіи, беру я смѣлость приложить первые отпечатанные уже листы и корректурный листъ таблицъ, за неимѣненіемъ другаго здѣсь въ деревнѣ. Вы можете сказать свои о «*Иліодометръ*» мысли. Пишущій къ вамъ любилъ всегда святую истину, и за все никогда не сердился. «Иліодометръ» составитъ книжку въ 300—350 стр. Иные думали, что это кіевскій календарчикъ...»

Здѣсь идетъ дѣло о книгѣ его сына, Василія, подъ именемъ: «*Иліодометръ, для повѣрки часовъ, или показатель времени восхожденія и захожденія солнца во всѣ дни года*, подъ 48 параллелями, отъ 40 до 69 степени сѣверной

широты. *Издалъ Василій Каразинъ.* 2 части. Харьковъ, въ унив. типогр. 1825 г. въ 8 д. л.». — Въ смирдинскомъ каталогѣ подъ № 4095 эта книга ошибочно приписана В. Н. Каразину. Этого же его сына въ *«Украинскомъ журналѣ»* 1824 г., №№ 23 и 24, стр. 238—253, помѣщена статья *«О лунѣ»*. Въ примѣчаніи къ ней сказано: «Изъ Astronomie de l'amateur, par G. Hirzel, 1820 г. Переводъ студента физико-математическаго отдѣленія, Василія Каразина».

Въ 1836 г. В. Н. Каразинъ зимовалъ въ Харьковѣ. Его зять, докторъ И. Севцилло, поѣхалъ изъ города къ нему въ деревню, нашелъ деревенскій домъ нетопленнымъ и велѣлъ его протопить. Неловкіе слуги, по словамъ Ф. В. Каразина, затопили разомъ во всѣхъ печахъ. Зять хозяина деревни пошелъ по хозяйству, воротился, увидѣлъ домъ, объятый пламенемъ, и такъ потерялся, что вмѣсто того, чтобы спасать его, велѣлъ запрягать лошадей, сѣлъ и уѣхалъ...» *).

Въ этомъ роковомъ пожарѣ сгорѣла вся замѣчательная библіотека В. Н. Каразина, всѣ автографы и рѣдкія рукописи, и до 5,000 томовъ книгъ разнаго названія. Потеря замѣчательная, которую онъ тщетно оплакивалъ остальную свою жизнь **).

Отъ пожара библіотеки и дома уцѣлѣли, однако, семь томовъ собственноручныхъ записокъ и копій съ *«Писемъ В. Н. Каразина—съ 1821 по 1842 годъ.* Это число показываетъ, какъ обширны были мемуары за остальные годы жизни В. Н. Каразина!

Живя въ деревнѣ, онъ велъ громадную переписку, писалъ въ годъ до 1,200 писемъ. У него остались письма С. О. Потоцкаго, М. М. Сперанскаго, В. П. Кочубея и др., съ 1802 по 1825 г. И что замѣчательно, въ то время, какъ онъ писалъ, рядомъ съ нимъ сидѣлъ его грамотный слуга и тутъ же копировалъ его письма. Одно время списывалъ

---

*) Село Кручикъ досталось теперь по покупкѣ отца, по наслѣдству, двумъ дочерямъ этого зятя В. Н. Каразина, Ол. Ив., П. Ив. Севцило, въ замужествѣ г-жѣ Мягкиной и г-жѣ Зимборской. — Село Анашкино, близъ Москвы, досталось сыну владѣльца Ник. В. Каразину, дочь котораго, внука В. Н. Каразина, Нат. Николаевна, была въ замужествѣ за княземъ Назаровымъ, нынѣ за г. Гундіусъ.

**) Въ это время мнѣ было шесть лѣтъ, и я помню, въ зимній бурный вечеръ, худого сѣдого старичка, который заѣхалъ на хуторъ моего отца и плакалъ, разсказывая о пожарѣ... Это былъ В. Н. Каразинъ.

слуга его Яковъ Котенко. Послѣднимъ списывателемъ его писемъ былъ его крѣпостной человѣкъ *Ѳедоръ Минжеренко*, послѣ приказчикъ с. Кручика (со словъ Ф. В. Каразина).

Хозяйственныя дѣла В. Н. Каразина шли, между тѣмъ, хуже и хуже. Я досталъ любопытныя копіи съ офиціальныхъ писемъ университетскаго и городского харьковскихъ обществъ, по случаю помощи, оказанной ими въ 1833 г. В. Н. Каразину, когда послѣдняго готовили объявить несостоятельнымъ. Вотъ онѣ:

1) Письмо *Вл. Филатьева*, попечителя харьковскаго учебнаго округа, къ предсѣдателю гражданской палаты, *Я. И. Кашинцеву, отъ 1833 г., 12-го января.*

«Милостивый государь, Яковъ Ивановичъ! Господа профессоры и преподаватели въ Императорскомъ харьковскомъ университетѣ, узнавъ, что Василію Назарьевичу Каразину слѣдуетъ внести въ харьковскую гражданскую палату, въ возвратъ графу Подгоричани, пошлинныхъ 2,384 рубля, коихъ онъ, по стѣсненному своему положенію, въ назначенный срокъ представить не можетъ,—не могли остаться въ равнодушномъ бездѣйствіи при семъ столь близкомъ для насъ обстоятельствѣ; но, движимые сердечною благодарностью и уваженіемъ къ г. Каразину, какъ первому, единственному виновнику основанія здѣсь университета, въ которомъ большая часть изъ нихъ получили образованіе свое, въ которомъ вмѣстѣ съ симъ открыто имъ завидное поприще передавать образованіе молодымъ людямъ и тѣмъ принести усердную дань благоговѣнія согражданамъ своимъ и отечеству, просятъ меня взнесть въ помощь г. Каразину собранную ими сумму.

«Съ полнымъ чувствомъ сердечнаго удовольствія раздѣляя стремленіе душевной признательности гг. членовъ университета къ г. Каразину, я честь имѣю препроводить при семъ, чрезъ г. проректора Кронеберга, 1,280 р. къ вамъ, какъ къ предсѣдателю палаты, для взнесенія оной куда слѣдуетъ.—*Вл. Филатьевъ*».

2) Письмо харьковскаго городского головы *Антона Матузка, отъ 1833 года, 17-го января*, къ тому же лицу:

«М. г. Яковъ Ивановичъ! Увѣдомился я, — статскій совѣтникъ Василій Назарьевичъ Каразинъ имѣетъ въ слободско-украинской гражданской палатѣ дѣло; по окончанію онаго потребна сумма 1,200 руб. Желая предупредить его

въ доставленіи сей суммы, по желанію моему и гражданъ, кои въ полной мѣрѣ чувствуютъ труды и предстательства г. В. Н. Каразина предъ престоломъ блаженной и вѣчнодостойной памяти покойнаго всеавгустѣйшаго Монарха Александра I, объ учрежденіи въ г. Харьковѣ университета, который распространилъ свои учебныя отрасли; чрезъ сіе самое г. Харьковъ улучшилъ свое положеніе, а торговый классъ возвысилъ свое состояніе; сей малый знакъ истинной признательности покорнѣйше васъ, м. г., прошу оную сумму 1,200 р. асс. принять и употребить по дѣлу вышепрописанному.—*Антонъ Матузокъ*».

Съ 1838 г. основались въ Харьковѣ «Губернскія Вѣдомости». В. Н. Каразинъ принялъ въ нихъ участіе и, съ 1838 по 1842 годъ, помѣстилъ въ нихъ рядъ статей о нуждахъ края и о своихъ любимыхъ занятіяхъ.

Въ 1842 году В. Н. Каразинъ уѣхалъ въ Крымъ, гдѣ задумалъ указать нѣсколько улучшеній въ принятомъ тамъ, довольно грубомъ, способѣ винодѣлія. Онъ ѣздилъ тамъ на перекладной, простудился въ туманную, дождливую погоду и, пробывши на заводахъ въ Никитскомъ саду, близъ Ялты, съ сентября по октябрь, прибылъ уже больной въ Николаевъ, гдѣ служилъ при знаменитомъ Лазаревѣ сынъ его, Ф. В. Каразинъ.

Въ концѣ ноября въ Одессѣ получено было печальное извѣстіе изъ *Николаева*, что тамъ, 4-го ноября 1842 г., въ восемь часовъ пополудни, въ домѣ генерала Кумани, отъ горячки, скончался *Василій Назарьевичъ Каразинъ*...

17-го января 1865 г. исполнилось 60-ти-лѣтіе со времени открытія харьковскаго университета. На обѣдѣ у ректора университета, В. А. Кочетова, между присутствовавшими возникла рѣчь о постановкѣ памятника В. Н. Каразину въ Харьковѣ, на площадкѣ университетской горки, на подобіе того, какъ Одесса имѣетъ у себя памятникъ Дюку де-Ришельё, основателю ея лицея, и объ объявленіи преміи за біографію В. Н. Каразина, со стороны харьковскаго университета. Въ 1873 году въ Харьковѣ праздновалось столѣтіе дня рожденія В. Н. Каразина и послѣдовало Высочайшее соизволеніе на общую подписку для постановки ему въ Харьковѣ памятника.

1860 г.

IV.

ГРИГОРІЙ ѲЕДОРОВИЧЪ КВИТКА ОСНОВЬЯНЕНКО.

(1778—1843 г.).

Родословная Г. Ѳ. Квитки. — Его дѣтство. -- Служба военная и гражданская.—Поступленіе въ монастырь.—Возвращеніе къ свѣтской жизни. — Литературные труды. — Музыкальныя и театральныя занятія.— Милиція. — Танцовальный клубъ.—Харьковскій театръ.—М. С. Щепкинъ.—Женитьба и семейная жизнь.—Харьковскіе журналы.—Участіе въ «Вѣстникѣ Европы».—Литературная извѣстность.—Успѣхъ «Малороссійскихъ повѣстей». — Участіе въ «Современникѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ»—Знакомство съ Жуковскимъ и Гребенкой.—Болѣзнь и смерть Основьяненка.

I.

Григорій Федоровичъ Квитка родился въ 1778 году, 18-го ноября.

Мѣсторожденіе его—подгородное харьковское село *Основа*, принадлежавшее издавна фамиліи Донецъ-Захаржевскихъ, а потомъ перешедшее во владѣніе фамиліи Квитокъ. Отъ имени этого села, о которомъ я скажу подробнѣе въ своемъ мѣстѣ, произошелъ (въ 1834 году, впервые) псевдонимъ *Основьяненко*.

Родъ Квитокъ—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ исторіи Слободской Украйны. Основьяненко, въ своей статьѣ о Харьковѣ и его исторіи, выводитъ его нѣсколько романтически изъ Приднѣпровской Украйны, заставляя маленькаго героя-сироту, красиваго, какъ цвѣточекъ, по-малороссійски *квитка*, послѣ долгихъ похожденій, попасть на берега трехъ степныхъ рѣчекъ, гдѣ въ то время возникалъ городокъ Харьковъ.

Въ лѣтописяхъ слободскихъ полковъ имя Квитокъ встрѣчается впервые около 1666 года. Въ 1703 году полковникомъ Харьковскаго полка былъ *Григорій Семеновичъ Квитка*, прадѣдъ нашего писателя, который неусыпно заботился объ укрѣпленіи Харькова отъ набѣговъ татаръ, строилъ въ немъ новыя зданія, помѣщалъ толпы переселенцевъ, которые тогда стекались подъ знамена слободскихъ полковъ.

Сынъ этого харьковскаго полковника, *Иванъ Григорьевичъ Квитка*, дѣдъ писателя, въ 1743 году, 22-го ноября, грамотою Императрицы Елисаветы Петровны, посланною на его имя въ Изюмскій Слободскій полкъ, пожалованъ въ званіе полковника этого полка.

Изюмскій полковникъ Иванъ Григорьевичъ Квитка скончался въ 1751 году, 14-го февраля. Сынъ его *Ѳедоръ Ивановичъ Квитка*, былъ отцомъ Григорія Ѳедоровича Квитки-Основьяненко.

У Ѳедора Ивановича Квитки и жены его, Марьи Васильевны Шидловской, очень образованной, но гордой, самолюбивой и суровой женщины, были еще другія дѣти. Старшій сынъ, *Андрей Ѳедоровичъ*, былъ до конца жизни, въ теченіе двухъ царствованій, Александра I и Николая, въ числѣ первыхъ харьковскихъ общественныхъ дѣятелей, такъ какъ около двадцати пяти лѣтъ сряду онъ былъ по выбору губернскимъ предводителемъ харьковскаго дворянства. Въ окрестностяхъ и въ городѣ иначе его не называли, какъ «Андрей Ѳедоровичъ», и всякъ уже зналъ при этомъ имени, о комъ идетъ рѣчь. Онъ принималъ въ Основѣ Императора Александра; смоляныя бочки горѣли на всемъ разстояніи дороги отъ Харькова до Основы. Императоръ, войдя въ великолѣпный домъ Основы, съ оранжереями, богатою мебелью, огромными зеркалами и мраморными статуями, спросилъ съ улыбкой: *Не во дворцѣ ли я?* Три сестры Квитки, по замужествѣ, были: *Марья Ѳедоровна Зарудная*, въ домѣ которой, на Екатеринославской улицѣ, противъ Дмитріевской церкви, невдалекѣ отъ нынѣшней станціи Азовской, Полтавской и Курской желѣзныхъ дорогъ, впослѣдствіи жилъ Квитка-Основьяненко, *Елисавета Ѳедоровна Смирницкая* и *Прасковья Ѳедоровна Булавинская*. Отецъ Основьяненка скоро умеръ; мать еще жила въ началѣ двадцатыхъ годовъ. Братъ его, Андрей Ѳедоровичъ, скончался вскорѣ по смерти Григорія Ѳедоровича (1843

года). Послѣдній съ первыхъ дней жизни оказался ребенкомъ тощимъ и слабымъ. Скоро показались въ немъ признаки сильной золотухи. Эта болѣзнь такъ развилась въ малюткѣ, что онъ потерялъ зрѣніе и до пятилѣтняго возраста оставался слѣпымъ. Исцѣленіе его произошло во время поѣздки его съ матерью въ сосѣдній Озерянскій монастырь на богомолье. Этотъ случай оставилъ глубокіе слѣды въ душѣ ребенка и впослѣдствіи, вмѣстѣ съ другими событіями, въ особенности же вслѣдствіе семейныхъ примѣровъ, вызвалъ довольно замѣчательное событіе въ жизни Основьяненка, именно, поступленіе его, на двадцать третьемъ году, въ монастырь.

Харьковъ, обстроенный при Императрицѣ Екатеринѣ II, представлялъ общество совершенно патріархальное, въ духѣ старосвѣтскихъ украинскихъ преданій. Университетъ еще не былъ открытъ. О литературѣ не было и помину. Помѣщики сосѣднихъ и дальнихъ деревень пріѣзжали въ губернскій городъ на торги и на ярмарки запасаться привозными съ сѣвера и юга товарами; другіе ѣздили по дѣламъ службы, или по тяжебнымъ дѣламъ, которыхъ было въ то время, по словамъ Нарѣжнаго, *безъ числа*. Высшее ученое мѣсто въ Харьковѣ былъ «Духовный Коллегіумъ», имѣвшій очень ограниченный кругъ дѣйствія. Въ Харьковѣ и окрестныхъ уѣздахъ, незадолго до рожденія Г. Ѳ. Квитки, появилось лицо, которому было суждено оставить глубокій слѣдъ въ умахъ современниковъ. Это былъ оригинальный и причудливый философъ, которому я посвятилъ отдѣльную статью. По его духовнымъ наставленіямъ, многіе возлагали на себя монастырскій обѣтъ!

Сковорода появлялся во многихъ домахъ въ Харьковѣ. Онъ бывалъ, между прочимъ, и въ домѣ *Квитокъ*. Молва о Сковородѣ затронула мысли ребенка. Двѣнадцати лѣтъ уже онъ открыто пожелалъ оставить свѣтъ для монастырскихъ стѣнъ. Въ семейной жизни Квитокъ были также преданія, способствовавшія этому направленію. Въ книгѣ: *Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи, Москва, 1852 года* (на стр. 11-й), сдѣлана выписка изъ «Фамильной лѣтописи Квитокъ», гдѣ говорится, что сестра извѣстнаго *Іосафа Горленкова*, бѣлгородскаго епископа, въ прошломъ вѣкѣ, была замужемъ за дѣдомъ Основьяненка, изюмскимъ полковникомъ Иваномъ Григорьевичемъ Квиткою. Изъ этой

же выписки, между прочимъ, видно, какъ горячо любилъ своихъ родственниковъ этотъ высоко-чтимый окрестными жителями епископъ. Здѣсь упоминается, что онъ *стоялъ на Основѣ*, съ іюня по августъ 1851. года. На Основьяненко имѣлъ сильное вліяніе еще другой примѣръ: посвященіе въ монашескій санъ друга его отца, артиллеріи поручика *Бѣлевцова*, бывшаго, подъ именемъ Палладія, настоятелемъ Курскаго монастыря. Но главный примѣръ былъ пребываніе въ монастырѣ родного его дяди, іеродіакона Наркиза, бывшаго потомъ настоятелемъ Куряжскаго монастыря, куда поступилъ и Основьяненко.

Такіе преданія и примѣры наполняли жизнь тихой семьи въ Основѣ, когда ребенокъ, исцѣленный отъ разстройства зрѣнія, на пятилѣтнемъ возрастѣ сталъ присматриваться и прислушиваться къ окружающему. Жизнь его текла невесело. Учился онъ кое-какъ, или почти совсѣмъ не учился. Объ этомъ онъ говоритъ въ любопытномъ, неизданномъ письмѣ къ П. А Плетневу, отъ 15-го марта 1839 года, изъ Основы, слѣдующее: «Я и родился въ то время, когда образованіе не шло далеко, да и мѣсто не доставляло къ тому удобствъ; притомъ же, болѣзни съ дѣтства, желаніе не быть въ свѣтѣ, а быть можетъ, и безпечность, и лѣность, свойственныя тогдашнему возрасту,—все это было причиною, что я не радѣлъ о будущемъ и уклонился даже отъ того, что было подъ рукою и чему могъ бы научиться. Выучась ставить каракульки, я положилъ, что умѣя и такъ писать, для меня довольно; въ дальнѣйшія премудрости не пускался и о именительныхъ, родительныхъ и прочихъ, какъ-то: о глаголахъ, междометіяхъ,—не могъ слышать терпѣливо! Съ таковыми познаніями писатели «не бываютъ». Молодость, страсти, обстоятельства, служба заставляли писать; но какъ? Я въ это не входилъ. *Еже писахъ, писахъ!..*»

Склонный къ молитвѣ и уединенію, Основьяненко на двѣнадцатомъ году изъявилъ непремѣнное желаніе поступить въ монастырь. Однакожъ, до четырнадцатилѣтняго возраста, по неотступной просьбѣ отца и матери, оставался въ домѣ родителей, въ Основѣ. По совѣту врачей, для укрѣпленія здоровья и разсѣянія, онъ былъ опредѣленъ, въ 1794 году, 11-го декабря, вахмистромъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ, но уже черезъ годъ, 1795 года, по слабости здоровья (а можетъ быть, и по особымъ соображеніямъ род-

ныхъ малороссійскаго барченка, выросшаго подъ теплымъ родительскимъ кровомъ), онъ перечислился въ гражданскую службу, гдѣ и состоялъ, по 13 октября 1796 года, *не у дѣлъ*, при департаментѣ герольдіи. Надъ этимъ онъ впослѣдствіи самъ трунилъ, придумавъ для одного изъ своихъ псевдонимовъ подпись: *Аверьянъ Любопытный, состоящій не у дѣлъ коллежскій протоколистъ, имѣющій хожденіе по тяжебнымъ дѣламъ и по денежнымъ взысканіямъ.* Шестнадцати лѣтъ онъ снова перешелъ въ военную службу и опредѣлился ротмистромъ въ сѣверскій карабинерный полкъ. Указомъ императора Павла I, отъ 5-го января 1795 года, онъ опредѣленъ въ харьковскій кирасирскій полкъ, уже въ чинѣ ротмистра, причемъ также велѣно ему явиться въ этотъ полкъ къ сроку. Это было въ 1797 году. Жизнь дома, среди воспоминаній печальнаго и болѣзненнаго дѣтства, опять возъимѣла на него сильное вліяніе. Примѣры семейства и тогдашняго времени увлекли его душу, и безъ того настроенную къ уединенію. Онъ достигъ желанной цѣли и на двадцать третьемъ году, послѣ женитьбы старшаго брата, поступилъ въ *Куряжскій монастырь* послушникомъ, гдѣ и оставался, съ промежутками (когда переселялся гостить въ Основу), около четырехъ лѣтъ.

Старожилы харьковскіе до сихъ поръ помнятъ, какъ Основьяненко, въ черномъ, смиренномъ нарядѣ, ѣздилъ, стоя на запяткахъ, за каретою преосвященнаго. Срокъ испытанія прошелъ; но какъ ни желалъ молодой послушникъ остаться въ монастырѣ, какъ онъ ни боролся съ просьбами отца и матери, здоровье не позволяло ему принять постриженіе, и онъ возвратился въ домъ родителей. Основьяненко, стянувшій грудь свою ремнемъ послушника и отростившій бороду, въ самомъ разгарѣ юности и страстей, не могъ долго противиться просьбамъ отца. Отецъ его началъ видимо ослабѣвать и близиться къ гробу. Основьяненко, слѣдуя его убѣжденіямъ, снова отдалъ свои силы свѣту, трудамъ и заботамъ на пользу ближнихъ, на пользу родины и родной литературы. Подъ конецъ своего пребыванія въ монастырѣ, онъ бралъ на себя самыя трудныя работы: ходилъ, между прочимъ, за монастырскими лошадьми, а лошадей онъ боялся всю жизнь. Силы постоянно измѣняли ему. Однажды онъ повезъ на парѣ воловъ продавать въ Харьковъ сдѣланныя на монастырскомъ рабочемъ дворѣ

бочки. Была осень, и страшная грязь наполняла харьковскія улицы. На рыночной площади возъ покачнулся и застлъ по оси въ грязь. Напрасно Основьяненко хлопоталъ надъ нимъ; мальчишки сбѣжались кругомъ, узнали молодого человѣка и стали кричать: «Квитка, Квитка!..» Онъ махнулъ рукою, бросилъ возъ на улицѣ и возвратился на Основу. Съ той поры онъ уже не думалъ объ удаленіи отъ свѣта. Но впечатлѣнія долгой жизни въ монастырѣ, въ прекрасной, живописной мѣстности, въ уединеніи и молитвѣ, остались надолго въ душѣ Основьяненка и всю жизнь отзывались въ лучшихъ его сочиненіяхъ. Сюда относятся бо̀льшая часть элегическихъ повѣстей Основьяненка, гдѣ добрыя, свѣжія, полныя любви личности его простонародныхъ героевъ и героинь согрѣты этою простодушною, прямою религіозностью,—каковы его знаменитыя повѣсти: *Маруся, Божія дѣти, Сердечная Оксана и Ганнуся.* Кромѣ отдѣльныхъ мѣстъ въ повѣстяхъ, у него есть и статьи чисто церковно-историческаго содержанія, каковы: *Краткое содержаніе жизни преосвященнаго Іосафа Бѣлгородскаго*, и разсказъ: *О святой мученицѣ Александрѣ-царицѣ.*

По выходѣ изъ монастыря, Основьяненко мало-по-малу опять пригля̀дѣлся къ свѣту. Сперва, впрочемъ, онъ собою во многомъ напоминалъ отшельника: ходилъ въ Основѣ съ церковными ключами, благовѣстилъ къ обѣднѣ по праздникамъ и бо̀льшую часть времени проводилъ въ молитвѣ. До конца жизни въ его комнатѣ стоялъ аналой съ молитвенникомъ и постоянно теплилась лампадка. Здоровье его совершенно поправилось. Онъ окрѣпъ и,—хотя вскорѣ, приготовляя домашній фейерверкъ, отъ взрыва пороха, опалилъ себѣ лицо и глаза, отчего остался на всю жизнь съ синеватыми пятнами на лбу и потерялъ лѣвый глазъ,—началъ появляться въ обществѣ, котораго въ началѣ, по возвращеніи въ свѣтъ, дичился. Играя на флейтѣ, онъ просиживалъ тогда по цѣлымъ ночамъ въ тѣни сада, въ Основѣ.

Наконецъ молодость взяла свое. Врожденная его землякамъ веселость явилась и въ немъ. Это двойственное направленіе образовало въ немъ смѣсь наивнаго и веселаго комизма съ строгою, высоко-религіозною нравственностью. Онъ недолго оставался празднымъ. Въ промежуткахъ 1804 и 1806 года, онъ занимался музыкою и игралъ у себя на домашнемъ театрѣ, причемъ обыкновенно выбиралъ себѣ

роли самыя веселыя и трудныя. Раздавшаяся вѣсть о народномъ ополченіи окончательно вызвала его изъ бездѣйствія; онъ тогда уже подвергся сатирѣ одного бойкаго пересмѣшника, кольнувшаго его за непостоянство характера довольно злою эпиграммою. Въ 1806 году онъ снова, и уже въ послѣдній разъ, опредѣлился на военную службу, по провіантской комиссіи, въ милицію харьковской губерніи, и оставался здѣсь годъ. Въ 1807 году онъ вышелъ въ отставку.

II.

Харьковъ въ это время совершенно преобразился. Причиною тому было основаніе высшаго учебнаго заведенія, которое оживило и освѣтило цѣлый край. Въ 1805 году, 18-го января, въ Харьковѣ открытъ университетъ. Были въ Харьковѣ еще частные пансіоны. Всѣ они были заведены прусскими или французскими эмигрантами и только доставляли способъ наживаться учредителямъ. А теперь сыновья помѣщиковъ, послѣ долгихъ домашнихъ проводовъ и домашнихъ слезъ, стали снаряжаться въ дорогу и наполнили мало-по-малу харьковскія аудиторіи. Какъ студенты, такъ и профессора надѣвали мундиры только въ большіе праздники. На лекціи являлись въ чемъ попало. Желтые фраки и синія брюки, голубые сюртуки и чудовищные жилеты, фуражки необыкновенныхъ цвѣтовъ и размѣровъ, палки и трубки въ карманахъ,—все это являлось въ аудиторіи.

Съ первыхъ же годовъ университетъ обогатился замѣчательными профессорами, которые положили основаніе литературной дѣятельности въ Харьковѣ изданіемъ разомъ нѣсколькихъ журналовъ и газеты, при университетской типографіи, заведенной Каразинымъ, гдѣ потомъ печатались почти всѣ малороссійскія книги. Въ этихъ журналахъ участвовали всѣ писавшіе тогда профессора. Тутъ же явился впервые и Основьяненко, подъ собственнымъ именемъ Квитки.

Харьковское начальство старалось исподволь доставить городу развлеченія. Былъ заведенъ «дворянскій клубъ» въ домѣ Черкесова, потомъ въ домѣ Заруднаго. Его содержатель, бывшій фехтовальный учитель при университетѣ, Ле-Дюкъ, одинъ изъ наполеоновскихъ гвардейцевъ 1812 г., бился изъ всѣхъ силъ о поддержаніи веселостей этого со-

бранія. Танцовали тутъ до упаду, и главную роль въ экосезахъ, полонезахъ и à la grecque играла студенческая молодежь. Здѣсь же началъ появляться, уже какъ свѣтскій человѣкъ, и Основьяненко. Сперва онъ былъ простымъ гостемъ, потомъ однимъ изъ членовъ-распорядителей и, наконецъ, *директоромъ танцовальнаго клуба.* Вообще, гдѣ возникало что-нибудь новое и нужно было дать толчокъ, являлся Основьяненко. Такъ, вскорѣ онъ далъ прочное значеніе харьковскому театру, позднѣе основалъ *институтъ для дѣвицъ*, а въ промежуткахъ своихъ хлопотъ о театрѣ и объ институтѣ сталъ издавать первый харьковскій журналъ.

Выйдя въ отставку, въ 1807 г., онъ оставался въ бездѣйствіи до 1812 г., когда въ Харьковѣ возникъ правильный и постоянный городской театръ. Онъ помѣщался тогда на площади, противъ нынѣшняго дворянскаго собранія; директоромъ театра вскорѣ явился Основьяненко. Имѣя обыкновеніе горячо и страстно браться за всякое дѣло, онъ до того увлекся театромъ, что чуть даже не женился на одной изъ его актрисъ, извѣстной тогдашней красавицѣ и львицѣ Преженковской, но былъ остановленъ своею матерью. Въ 1841 г. онъ напечаталъ любопытную «Исторію харьковскаго театра отъ старинныхъ временъ». Еще въ 1780 г. въ Харьковѣ давались представленія, нѣчто въ родѣ балетовъ, отставнымъ петербургскаго театра дансёромъ Иваницкимъ. Потомъ, на временныхъ подмосткахъ, красовалась какая-то «маляривна» и «Лизка». Здѣсь, у антрепренёра Штейна, явился впервые робкій, застѣнчивый дебютантъ изъ Курской губерніи, игравшій до того времени въ Полтавѣ, имя котораго было Щепкинъ... Онъ появлялся въ драмахъ и трагедіяхъ, гдѣ игралъ роли принцевъ и графовъ. Основьяненко однажды за кулисами поймалъ его и сказалъ ему: «Эхъ, братъ, Щепкинъ! играй въ комедіяхъ: изъ твоихъ фижмъ и министерства постоянно выглядываютъ мольеровскіе Жокрисы!» Эти слова были многозначительны для будущности великаго комика. М. С. Щепкинъ мнѣ говорилъ, между прочимъ, что въ драмѣ «Желѣзная маска», онъ исподволь въ Харьковѣ сыгралъ всѣ роли, отъ часового, лакея, офицера и до герцоговъ. По словамъ знаменитаго артиста, Квитка способствовалъ тому, что опера Котляревскаго «Наталка-Полтавка» поставлена впервые въ Харьковѣ.

Она, безъ цензуры, сперва была дана въ Полтавѣ, по личному разрѣшенію Г. Г. Репнина. Щепкинъ хотѣлъ ее дать въ свой бенефисъ въ Харьковѣ. Квитка сказалъ ему: «Назначьте какую-нибудь старинную пьесу, а передъ самымъ днемъ бенефиса сошлитесь на нездоровье какого-нибудь актера и просите оффиціально дать, за поспѣшностью, «Наталку-Полтавку»,—пьесу, уже разрѣшенную для Полтавы» Пьеса была дана...

Основьяненко бросилъ званіе директора театра, по случаю занятій по институту, но любовь къ сценѣ осталась въ немъ навсегда и выказалась впослѣдствіи не одинъ разъ въ его трудахъ для сцены. Штейнъ содержалъ театръ съ 1816 по 1827 годъ, когда передалъ его Млатковскому. Млатковскій былъ послѣднею знаменитостью въ числѣ старинныхъ харьковскихъ антрепренёровъ.

Въ 1811 году Каразинъ учредилъ «Филотехническое Общество». Успѣхъ этого общества вызвалъ мысль основать «Благотворительное Общество», нѣчто въ родѣ петербургскаго «Общества Посѣщенія Бѣдныхъ». Какъ успѣшны были занятія этого общества, видно изъ того, что уже на первыхъ порахъ оно положило основать и основало на свой счетъ «Институтъ для образованія бѣднѣйшихъ благородныхъ дѣвицъ». Первая мысль объ учрежденіи этого института принадлежала Основьяненкѣ, который былъ въ то же время ревностнѣйшимъ членомъ и правителемъ дѣлъ «Благотворительнаго Общества» и даже свое литературное или печатное поприще началъ статьею въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» 1816 г. объ этомъ институтѣ. Общество Благотворенія, направляемое въ своихъ дѣйствіяхъ вліяніемъ Основьяненка, собрало значительную сумму общихъ приношеній,—и институтъ для дѣвицъ былъ открытъ въ 1812 г., черезъ семь лѣтъ послѣ открытія университета и черезъ годъ по открытіи «Филотехническаго Общества». Актъ на открытіе института подписанъ въ одинъ день съ актомъ объ ополченіи, 27-го іюля 1812 г. На Квитку было возложено открыть институтъ 10-го сентября, что онъ и исполнилъ въ то время, какъ непріятель занималъ Москву... Основьяненкѣ было ввѣрено главное управленіе дѣлами института, на который онъ «принесъ въ жертву почти все достояніе свое». Вскорѣ, по ходатайству Основьяненка, императрица Марія Ѳеодоровна приняла Харьков-

скій институтъ подъ свое покровительство. Это было въ 1818 г.

Оставаясь въ званіи правителя дѣлъ Общества Благотворенія, Г. Ѳ. Квитка оказалъ краю услугу, которой одной достаточно было бы для сохраненія памяти о немъ. Однимъ изъ попеченій общества было доставленіе воспитанія юношеству бѣдныхъ семействъ...

Дѣти мужскаго пола были опредѣляемы на иждивеніе общества, въ пансіонъ при губернской гимназіи; для воспитанія же дѣвицъ ни въ Харьковской, ни въ сосѣднихъ губерніяхъ не существовало еще тогда общественныхъ учебныхъ заведеній. Квиткѣ принадлежитъ первая мысль объ учрежденіи такого заведенія въ Харьковѣ; его же заботливости, трудамъ и жертвамъ принадлежитъ и осуществленіе этой мысли. По его старанію открытъ институтъ, гдѣ должны были получать воспитаніе изъ каждадо уѣзда Харьковской губерніи по двѣ дѣвицы благороднаго происхожденія, изъ бѣднѣйшихъ семействъ, чтобы потомъ, въ свою очередь, быть наставницами и учительницами дочерей достаточныхъ помѣщиковъ. Скоро туда были помѣщаемы и дочери помѣщиковъ, на ихъ собственномъ иждивеніи и на счетъ казны императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Когда институтъ, по представленію Квитки, уже избраннаго въ 1817 г. предводителемъ дворянства харьковскаго уѣзда, поступилъ въ число казенныхъ заведеній, учредителю его поручено составить «Совѣтъ» для управленія институтомъ. Въ январѣ 1818 года Основьяненко, по выборамъ, учрежденъ членомъ институтскаго совѣта и оставался въ этой должности до мая 1821 года. Въ 1816 году Основьяненко сочинилъ «Кадриль» для встрѣчи возвращавшихся въ Харьковъ изъ Парижа войскъ.

Позже, его же стараніями открыты въ Харьковѣ: кадетскій корпусъ, переведенный потомъ въ Полтаву, и публичная библіотека при университетѣ. Основьяненко въ нѣкоторыхъ изъ своихъ неизданныхъ писемъ, въ 1839 году, съ восторгомъ вспоминаетъ объ этомъ времени и о заслуженномъ своемъ торжествѣ. Харьковскій институтъ имѣлъ еще особенно благое значеніе для Квитки. Черезъ институтъ онъ узналъ одну изъ достойнѣйшихъ его классныхъ дамъ, на которой вскорѣ и женился. Свадьбѣ предшествовала самая страстная любовь. Въ 1818 г., изъ Петербурга прі-

ѣхала въ Харьковъ на мѣсто классной дамы одна изъ пепиньерокъ екатерининскаго института. Тогда Основьяненкѣ было уже *подъ сорокъ лѣтъ.* Черезъ два года по пріѣздѣ въ Харьковъ, около 1821 г., классная дама вышла замужъ за Основьяненко и осчастливила его, по собственнымъ его словамъ, на всю жизнь. Это была почтенная Анна Григорьевна, которой имя такъ часто встрѣчается въ «посвященіяхъ повѣстей» ея мужа, которая принимала участіе во всѣхъ заботахъ и трудахъ Квитки, лелѣяла его жизнь, выслушивала и поправляла его сочиненія, смотрѣла на его литературную судьбу, какъ на свою собственную, на его сочиненія, какъ на что-то сверхъестественное, и когда не стало на свѣтѣ ея стараго друга, она бросила свѣтъ и «съ нетерпѣніемъ ждала минуты, когда могла за нимъ сойти въ могилу».

Анна Григорьевна, въ письмахъ къ П. А. Плетневу, 1839 года, между прочимъ, пишетъ: «Я—Вульфъ, первая, выпущенная въ 1817 г. и на другой же годъ изъ пепиньерокъ отправленная, по волѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ Харьковскій институтъ, гдѣ, находясь два года, вышла замужъ за основателя и члена сего же заведенія, нынѣ извѣстнаго Грицька Основьяненка... Вы справедливо сказали, что я счастлива, ибо какое благо въ мірѣ можетъ сравниться съ тѣмъ неоцѣненнымъ сокровищемъ, которое я имѣю въ моемъ мужѣ-другѣ! О, какъ вы хорошо разгадали эту рѣдкую душу! Вышедши замужъ, я не переставала мечтать о Петербургѣ и часто просила моего мужа найти какую-нибудь должность и переѣхать туда; но онъ, *любя свою родину* и привязанъ будучи къ своимъ роднымъ, никакъ на то не рѣшался!»

Во время женитьбы, Квитка жилъ у своей матери, въ ея домѣ на Екатеринославской улицѣ, невдалекѣ отъ Холодной горы, противъ Дмитріевской церкви. Институтъ былъ тогда тоже близко, тотчасъ за церковью, и Основьяненко со службы шелъ къ матери прямо черезъ калитку институтскаго сада. Его помѣщеніе заключалось въ двухъ комнатахъ: большой, въ три окна, во дворъ, и маленькой спальнѣ въ одно окно, выходившее въ садъ.

Домъ, гдѣ онъ жилъ, принадлежалъ Кундиной. Въ этой квартирѣ три первые мѣсяца онъ провелъ и женатый; туда ему носили, между прочимъ, отъ матери, жившей по со-

сѣдству, въ домѣ своей дочери, чай, а обѣдалъ онъ съ матерью. Мать Квитки была въ числѣ директрисъ института. Основьяненко во время обѣда шутилъ, разсказывалъ объ институтѣ и шалуньяхъ-институткахъ; онъ тогда носилъ темный сюртукъ, съ многочисленными, мелкими складками на тальѣ, *чунарку*, какъ ее называли.

III.

Въ домѣ жены губернскаго прокурора Любовниковой, которую до сихъ поръ съ почтеніемъ вспоминаютъ бывшіе тогда харьковскіе студенты, стали собираться по вечерамъ *для чтенія*. Эти первые «литературные вечера» собирали цвѣтъ тогдашняго харьковскаго ученаго и литературнаго свѣта, профессоровъ, студентовъ и всякихъ дилетантовъ,— словомъ, все мыслящее общество маленькаго городка, гдѣ было тогда не болѣе двѣнадцати тысячъ жителей. Здѣсь сталъ появляться, со своими малороссійскими анекдотами, игрою на флейтѣ и пьесами для фортепьяно, своего сочиненія, и Квитка.

За вечерами Любовниковой открылись литературныя чтенія у Гонорскаго, молодого адъюнкта русской словесности. Основьяненко, появляясь здѣсь, уже не сидѣлъ молча, а позволялъ себѣ разсуждать о тогдашней русской литературѣ. Читалось, однако, тогда мало. Книги привозились въ Харьковъ, до 1805 г., московскими книгопродавцами, во время ярмарокъ. Павловскій, въ 1818 г., издалъ: «Грамматику малороссійскаго нарѣчія», гдѣ помѣстилъ цѣлый разсказъ по-украински, отрывокъ изъ исторіи нѣкоего малороссіянина. Въ это же почти время раздались въ печати и первые звуки художественно-литературнаго украинскаго языка: то былъ извѣстный авторъ «Энеиды, вывороченной наизнанку», Котляревскій. Въ «перелицованной Энеидѣ», писанной въ 1798, 1808 и 1809 годахъ и изданной вполнѣ уже въ 1842 г., господствуетъ чистый малороссійскій языкъ «puritatis legitimae», какимъ впослѣдствіи писалъ рѣдкій изъ южно-русскихъ писателей, не исключая и Квитки, писавшаго на смѣшанномъ харьковскомъ нарѣчіи. Вслѣдъ за «Энеидою» Котляревскій написалъ двѣ оперетки: «Наталка-Полтавка» и «Москаль-Чаривникъ», обѣ изданныя только въ 1838—1841 годахъ. Между Котляревскимъ и собирателями украинской старины является въ одно время съ Основьяненкомъ Гулакъ-Артемовскій, авторъ пьесъ: «Твар-

довскій», «Тюхтій та Чванько», «Солопій та Хивря, або горохъ при дорози», и переводъ изъ Горація, названнаго имъ «Гараською»...

Украинскія сочиненія печатать было негдѣ. При всемъ желаніи посѣтителей вечеровъ у Любовниковой и Гонорскаго, изданіе собственно харьковскаго журнала долго не осуществлялось. Наконецъ, журналъ — гордость маленькаго городка—въ началѣ 1816 года вышелъ, и Основьяненко въ немъ, съ первыхъ же нумеровъ, является прямо *однимъ изъ издателей.*

Журналъ, который сталъ выходить при харьковской типографіи, назывался «Украинскій Вѣстникъ». Онъ выходилъ въ шестнадцатую долю листа, въ 1816, 1817 и 1818 годахъ, и составляетъ теперь для самихъ библіомановъ *библіографическую рѣдкость.* Редакторами его были Ѳиломаѳитскій и Гонорскій. Въ концѣ четвертой и послѣдней части этого журнала за первый годъ, при извѣстіи объ изданіи его въ слѣдующемъ году, во главѣ этихъ двухъ издателей подписался и Основьяненко настоящимъ своимъ именемъ: *Григорій Квитка.*

Подъ редакціею Основьяненко и двухъ другихъ издателей «Украинскій Вѣстникъ» тотчасъ сталъ на твердую ногу.

Основьяненко печаталъ здѣсь, за подписью *Григорія Квитки,* отчеты о благотворительномъ обществѣ и объ институтѣ и статьи юмористическія, производившія въ Харьковѣ фуроръ, подъ псевдонимомъ *Ѳалалея Повинухина.* Но недолго блаженствовали издатели на лаврахъ... Въ Харьковѣ основался другой журналъ—совершенная противоположность «Украинскому Вѣстнику», журналъ, подъ названіемъ «Харьковскій Демокритъ, тысяча первый журналъ», издаваемый Масловичемъ. Издатели «Украинскаго Вѣстника», преклонивъ оружіе, сами стали въ ряды сотрудниковъ веселаго «Демокрита» и его редактора. Между прочимъ, Основьяненко появился здѣсь съ стихотвореніями, подъ которыми вездѣ стоитъ полная его подпись *Григорій Квитка.* Эти стихотворенія «Воззваніе къ женщинамъ» и искусные «Двойные акростихи» любопытны тѣмъ болѣе, что ихъ писалъ будущій веселый авторъ украинскихъ повѣстей и писалъ почти на сороковомъ году жизни.

«Харьковскій Демокритъ» прекратился въ началѣ своемъ (въ 1816 г.); «Украинскій Вѣстникъ» пересталъ выходить

въ началѣ 1820 г. Въ промежутокъ же этого времени выходили, при той же университетской типографіи (1817 по 1823 г.): «Харьковскія извѣстія, листы въ четырехъ отдѣленіяхъ». Это былъ родъ газеты, гдѣ помѣщались внутреннія происшествія, заграничныя новости, смѣсь и объявленія. Въ 1824, 1825 и 1826 годахъ выходилъ еще въ Харьковѣ, при университетѣ: «Украинскій Журналъ», изданіе А. Склабовскаго. Здѣсь уже господствовала строгая наука, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Основьяненко здѣсь не участвовалъ.

IV.

Женившись, по прекращеніи «Украинскаго Вѣстника», Квитка перенесъ свои труды въ «Вѣстникъ Европы», журналъ, издававшійся въ Москвѣ Каченовскимъ. Здѣсь онъ участвовалъ съ 1820 по 1824 годъ, продолжая печатать юмористическія письма, подъ псевдонимомъ *Ѳалалея Повинухина* и подъ другими псевдонимами; главное лицо, къ которому обращались эти письма, былъ *Лужницкій Старецъ*.

Въ № 5-мъ «Вѣстника Европы», за мартъ, явился Основьяненко съ статьей «Письма къ Лужницкому Старцу», за подписью «Аверьянъ Любопытный, состоящій не у дѣлъ коллежскій протоколистъ, имѣющій хожденіе по тяжебнымъ дѣламъ и по денежнымъ взысканіямъ». Въ 1822 г. въ «Вѣстникѣ Европы» «Письма къ Лужницкому Старцу» наконецъ являются прямо уже съ подписью Ѳалалея Повинухина. Здѣсь, между прочимъ, болтливый авторъ описываетъ свою судьбу съ *Евдокіей Григорьевной*, въ имени которой нельзя не узнать Анны Григорьевны, а обитаемый имъ городъ называетъ *Хар*... Наконецъ, въ томъ же году, въ «Вѣстникѣ Европы» помѣщены пять «Малороссійскихъ анекдотовъ», перемѣшанныхъ съ малороссійскими фразами, анекдотовъ безъ подписи.

Съ той поры начинается новая эра въ жизни Основьяненка, вызвавшая появленіе его комедій и повѣстей около 1830 года. Въ это время Квитка достигаетъ литературной извѣстности, которая вызываетъ противъ него на родинѣ рядъ сплетень, перешедшихъ въ стихотворные пасквили. Даже основатель харьковскаго университета, Каразинъ, не удержался отъ написанія на Квитку сатиры, которая начиналась словами:

Былъ монахомъ, былъ актеромъ,
Былъ поэтомъ, былъ танцоромъ!

Другое четверостишіе неизвѣстнаго автора говорило слѣдующее:

Не надивлюся я, Создатель,
Какой у насъ мудреный вѣкъ;
Актеръ, поэтъ и засѣдатель—
Одинъ и тотъ же человѣкъ!

Эти эпиграммы сильно дѣйствовали на Квитку, особенно въ глухой, провинціальной средѣ.

Въ 1832 году Квитка напечаталъ впервые подъ псевдонимомъ Основьяненки повѣсть «Харьковская Ганнуся»—въ «Телескопѣ», въ переводѣ на русскій языкъ М. П. Погодина.

Въ 1827 году онъ написалъ комедію «Пріѣзжій изъ столицы, или суматоха въ уѣздномъ городѣ» (напечатанную въ 1840 году). Эта комедія впослѣдствіи оказалась очень близкою, по внѣшности, съ «Ревизоромъ» Гоголя, опубликованнымъ ранѣе, но написаннымъ позднѣе комедіи Квитки. Я въ свое время прослѣдилъ это сходство по рукописи Квитки, процензированной московскимъ цензоромъ, извѣстнымъ С. Т. Аксаковымъ, въ 1828 году. Ознакомясь съ «Ревизоромъ» и зная близость С. Т. Аксакова къ Гоголю, Квитка пришелъ въ неописанное смущеніе. Дѣйствіе въ «Пріѣзжемъ изъ столицы» Квитки происходитъ, какъ и въ «Ревизорѣ», въ уѣздномъ городѣ, въ домѣ городничаго, куда тотчасъ переводятъ мнимаго ревизора; послѣдній, какъ и Хлестаковъ, мальчишка, неокончившій ученія и ненадежный по службѣ. Другія лица — по внѣшности — тоже напоминаютъ героевъ «Ревизора» — судья Спалкинъ, отъ слова *спать*, и почтовый экспедиторъ (Печаталкинъ), который, какъ и у Гоголя, въ концѣ развязываетъ всю пьесу, и смотритель уѣздныхъ училищъ (Ученосвѣтовъ), и частный приставъ (Шаринъ), напоминающій Держиморду, и, наконецъ, *двѣ пріятныя дамы*, сестра городничаго Трусилкина, и племянница его, которыя также влюбляются въ «милашку ревизора». Здѣсь также вся кутерьма происходитъ отъ темнаго и сбивчиваго извѣстія изъ губернскаго города; чиновники также представляются ревизору, и тотъ у нихъ занимаетъ деньги, отъ 27 р. 80 к. асс. до 500 р. асс., куша, взятаго у городничаго. Здѣсь такъ же, какъ и у Гоголя, дамы толкуютъ о

храмъ изящества и о томъ, *какъ печально изъ столицы вкуса быть брошену въ такую уединенную даль!* Наконецъ, при развязкѣ, также происходитъ *нѣмая сцена*, причемъ всѣхъ, какъ громомъ, поражаютъ слова частнаго пристава о новомъ, настоящемъ, какъ видно, ревизорѣ: *Вотъ бумага отъ губернатора, съ жандармомъ присланная!*

Хотя покойный С. Т. Аксаковъ, на мой вопросъ, писалъ мнѣ, что «Ревизоръ» не могъ быть созданъ подъ вліяніемъ комедіи Квитки, такъ какъ Гоголь писалъ его, не зная о существованіи «Пріѣзжаго»,—но нельзя не придти къ мысли, что внѣшній планъ, рамки «Ревизора» могли быть даны Гоголю его другомъ, С. Т. Аксаковымъ, который, въ качествѣ цензора, прочелъ пьесу Квитки еще въ 1828 году. Это не умаляетъ крупныхъ достоинствъ «Ревизора».

Съ 1817 года Квитка былъ избранъ въ дворянскіе предводители харьковскаго уѣзда и пробылъ въ этомъ званіи четыре трехлѣтія, по 1829 г. Въ это время онъ написалъ другую комедію «Дворянскіе выборы», затѣмъ «Шельменко—волостной писарь», которая имѣла на Украйнѣ колоссальный успѣхъ. Въ 1832 году Квитка былъ избранъ совѣстнымъ судьею въ Харьковѣ и оставался въ этой должности девять лѣтъ, до 1840 года.

Въ 1834 году явились два тома извѣстныхъ «*Малороссійскихъ повѣстей, разсказанныхъ Грицько Основьяненкомъ*». Успѣхъ этихъ повѣстей превзошелъ ожиданія издателей и сразу упрочилъ въ Россіи знаменитость украинскаго писателя. Петербургскіе и московскіе журналы стали наперерывъ искать его сотрудничества. Жуковскій, въ проѣздъ черезъ Харьковъ, отыскалъ Основьяненка, ободрилъ его и совѣтовалъ — писать и писать болѣе, выбирая сюжеты изъ мѣстной украинской жизни, и привезъ переводъ нѣсколькихъ его повѣстей въ подарокъ «Современнику», издававшемуся тогда П. А. Плетневымъ. По поводу этого завязалась у Основьяненка обширная переписка съ Плетневымъ, которая длилась до смерти Квитки (до 1843 года). Основьяненко напечаталъ въ «Современникѣ» рядъ повѣстей, отрывковъ изъ романовъ, разсказовъ, очерковъ и воспоминаній и переводы на русскій языкъ почти всѣхъ своихъ малороссійскихъ повѣстей. Съ 1839 года онъ сотрудничалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», гдѣ напечаталъ половину извѣстнаго своего (и лучшаго) романа «Панъ Халявскій и исто-

рическую монографію «Головáтый», «Преданія о Гаркушѣ», «Татарскіе набѣги на Харьковъ», «Двѣнадцатый годъ въ провинціи» и пр.

V.

Въ 1840 г. Квитка былъ избранъ въ предсѣдатели Харьковской палаты уголовнаго суда; на третьемъ году исполненія этой послѣдней должности онъ умеръ.

Послѣдніе годы жизни Квитка провелъ въ той же тихой, семейной средѣ, гдѣ за нимъ, какъ за ребенкомъ, ухаживала его Анна Григорьевна. Это была безспорно умная, образованная, хотя и некрасивая женщина, малосообщительная съ посторонними и нравомъ строгая пуританка. Отправивъ утромъ мужа на службу, она чопорно одѣвалась и въ уединеніи домика Основы ожидала его къ обѣду. Основьяненко любилъ покушать, особенно своихъ національныхъ блюдъ, кислыхъ пироговъ, галушекъ, блиновъ, вареников. Хозяйствомъ заниматься онъ не любилъ. Послѣ обѣда обыкновенно отправлялся въ свой кабинетъ, и тогда наставали для него лучшіе часы въ жизни. Онъ писалъ, нетревожимый никѣмъ, писалъ на своéмъ родномъ, украинскомъ нарѣчіи, или хоть и по-русски—но о своей родной, дорогой, ничѣмъ незамѣнимой Украйнѣ...

Свои произведенія онъ обыкновенно прежде всего прочитывалъ своей женѣ, довѣряя ей слѣпо во всемъ, даже въ своихъ литературныхъ дѣлахъ.

Къ Квиткѣ изрѣдка заѣзжали городскіе гости, пріѣзжіе изъ столицъ. Его особенно порадовало знакомство съ молодымъ тогда писателемъ, тоже украинцемъ, Гребенкой.

Въ городѣ онъ дружбы ни съ кѣмъ не велъ. Чтеніе столичныхъ книгъ и газетъ замѣняло ему живыхъ людей. Тяжелый на подъемъ, онъ не любилъ движенія и мало гулялъ. Въ поѣздки на службу онъ обыкновенно бесѣдовалъ съ старымъ кучеромъ *Лукьяномъ*, отъ котораго заимствовалъ сюжеты большинства своихъ разсказовъ.

Основьяненко страстно любилъ дѣтей, любилъ имъ разсказывать сказки, вмѣшивался въ ихъ игры и былъ кумиромъ дѣтей. Отъ монашества же осталась въ немъ любовь къ церкви, духовная ученость, почему онъ любилъ бывать въ обществѣ духовныхъ, самъ пѣлъ на клиросѣ и руководилъ сельскимъ хоромъ своего брата. Неимѣніе собствен-

ныхъ дѣтей набрасывало грустный оттѣнокъ на тихую супружескую жизнь кроткихъ и уединенныхъ «Филемона и Бавкиды».

Покойный Погодинъ говорилъ мнѣ, что Гоголь перенесъ нѣкоторыя ихъ черты въ своихъ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», слыша о Квиткахъ въ свои проѣзды черезъ Харьковъ,—а кто тогда не зналъ не только въ Харьковѣ, но и въ родной Гоголя Полтавѣ о славномъ, гремѣвшемъ на Украйнѣ авторѣ «Маруси», «Пана Халявскаго» и «Шельменко, волостнаго писаря».

Основьяненко во всю жизнь далѣе Харькова и его окрестностей ничего не видѣлъ. Въ раннемъ дѣтствѣ его возили почему-то въ Москву; этого онъ самъ не помнилъ.

Встрѣча съ Гребенкой произошла такъ. Гребенка, проѣздомъ черезъ Харьковъ, нанялъ извозчика и велѣлъ ему его везти въ Основу. Тащась по невылазному песку, онъ разговорился съ извозчикомъ и былъ плѣненъ тѣмъ, что извозчикъ былъ знакомъ не только съ Квиткой, но и съ произведеніями послѣдняго.

Подъ окномъ домика, гдѣ жилъ Основьяненко, Гребенка увидѣлъ старика за книгой и спросилъ:

— А чи дома панъ Основьяненко?

— А чи не Гребйночка?—спросилъ прерывающимся голосомъ изъ окна Квитка, узнавши Гребенку по портрету.

Съ той поры Гребенка сталъ ревностнымъ ходатаемъ Квитки въ его литературныхъ дѣлахъ въ Петербургѣ, гдѣ въ 1841 году вышелъ большой романъ Квитки «Похожденія Столбикова». Вкорѣ нѣкто Фишеръ затѣялъ въ Петербургѣ изданіе «Полнаго собранія сочиненій Основьяненко». Это изданіе остановилось и принесло старику-автору одни огорченія. Квитка разсчитывалъ изъ первыхъ доходовъ отъ изданія сдѣлать женѣ сюрпризъ: выписать ей изъ Петербурга новую лисью, крытую бархатомъ, шубу. Сюрпризъ разлетѣлся мыльнымъ пузыремъ, и Квитка потомъ самъ съ горечью трунилъ надъ своею попыткой — продать кожу съ неубитаго медвѣдя.

Огорченія болѣе и болѣе скоплялись въ душѣ старика. Окружающее мѣстное общество съ недовѣріемъ и даже съ ненавистью смотрѣло на писателя-земляка, котораго произведеніями наполнялись журналы. Всякъ узнавалъ себя въ его забавныхъ очеркахъ. А тутъ поднялъ войну противъ

Квитки извѣстный тогдашній критикъ, ненавистникъ украинской литературы, польскій писатель баронъ Брамбеусъ (Сенковскій). Его язвительныя выходки противъ украинскаго «жарта» (юмора) Основьяненка имѣли вліяніе на позднѣйшіе отзывы русской критики. Послѣдняя справедливо преклонялась предъ геніемъ Гоголя, но несправедливо игнорировала поэтическое, скромное дарованіе его земляка Квитки. Извѣстному профессору петербургскаго университета, академику Изм. Ив. Срезневскому, почитатели Квитки обязаны тѣмъ, что И. И. Срезневскій, перейдя изъ харьковскаго университета въ петербургскій, первый возвысилъ голосъ съ каѳедры за Основьяненка и первый указалъ на его несомнѣнное, крупное дарованіе и на воспитательное, для цѣлаго поколѣнія южно-русскихъ современниковъ Квитки, вліяніе его произведеній.

Въ 1842 году, за годъ до смерти, Квитка, издавъ замѣчательную брошюру по-украински «Листы до любезныхъ земляковъ», написалъ на малороссійскомъ языкѣ «Краткую священную исторію» и «Краткій (для простонародья) сводъ уголовныхъ законовъ».

Къ нравственнымъ огорченіямъ вскорѣ присоединилась серьезная болѣзнь. Г. Ѳ. Квитка простудился, получилъ воспаленіе легкихъ и 8-го августа 1843 года скончался на рукахъ любимой жены, въ Харьковѣ, въ домѣ Краснокутскаго, за Лопанью, на базарѣ, противъ церкви Благовѣщенія и нынѣшней харьковской 2-й гимназіи.

Основьяненко жилъ *шестьдесятъ-четыре года* безъ трехъ мѣсяцевъ. Черезъ девять лѣтъ послѣ него умерла его жена, Анна Григорьевна (31-го января 1852 г.). Оба они похоронены въ Харьковѣ, на кладбищѣ Холодной горы, подъ которой нынѣ расположена станція трехъ, здѣсь сходящихся, желѣзныхъ дорогъ. Могила Г. Ѳ. Квитки находится на краю обрыва, съ котораго виденъ весь Харьковъ. На его могилѣ стоитъ бѣлый мраморный памятникъ.

Черезъ два года послѣ смерти Квитки, Копенгагенское общество сѣверныхъ антикваріевъ прислало на его имя дипломъ, не зная, что Квитки давно нѣтъ на свѣтѣ.

Болѣе извѣстны и считаются въ Украйнѣ въ числѣ любимыхъ произведеній Квитки его повѣсти: «Солдатскій портретъ», «Маруся», «Божьи дѣти», «Конотопская вѣдьма»,

«Козырь Дивка», «Харьковская Ганнуся», «Мертвецкій великъ день (Пасха)», «Перекати поле», «Сердечная Оксана», «Подбрéхачъ» и «Щира любовь»; романъ «Панъ Халявскій»; комедіи: «Сватанье на Гончаровкѣ» и «Шельменко—волостной писарь». Его историческія монографіи также имѣютъ не мало достоинствъ. Сюда относятся: «Основаніе Слободскихъ полковъ», «Головатый», «О Харьковѣ и уѣздныхъ городахъ Харьковской губерніи», «Украинцы», «Исторія театра въ Харьковѣ», «Преданія о Гаркушѣ», «Татарскіе набѣги», «Двѣнадцатый годъ въ провинціи», и проч.

Кружокъ почитателей Г. Ѳ. Квитки, празднуя въ 1878 году, въ Харьковѣ, память о столѣтіи со дня его рожденія, предпринялъ изданіе полнаго собранія его сочиненій и собралъ по подпискѣ сумму, необходимую для устройства Квиткинской школы, въ память любимѣйшаго и достойнѣйшаго изъ украинскихъ писателей.

1855 г.

Оглавленiе

XXI ТОМА.

Украинская старина.

СОЧИНЕНІЯ

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ИЗДАНІЕ **ВОСЬМОЕ**, ПОСМЕРТНОЕ,

ВЪ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ,

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1901.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Привѣтъ родинѣ.

Итакъ, исчезни сонъ блаженный,
Меня лелѣявшій порой, —
Съ твоей младенческой мечтой
Исчезнешь ты въ пучинѣ бренной!..
На крыльяхъ радости любимой
Летѣлъ съ тобой я въ край родной!..
Но съ силой злата нелюдимой
Я не вхожу въ неравный бой.
Я не хочу рукой младою,
Еще не свѣданной съ бѣдою,
Съ судьбы таинственной сорвать
Всей жизни грозную печать.
Но, гдѣ бъ я ни былъ въ жизни дальной,
Хоть въ кельѣ сумрачной, печальной,
Хоть и въ судѣ передъ столомъ,
За вѣчно страждущимъ перомъ, —
. . . . . всегда, всегда душою
Умчусь къ родимой сторонѣ,
Гдѣ я, взлелѣянный мечтою,
Расцвѣлъ, — гдѣ помнятъ обо мнѣ...
Итакъ, исчезни, сонъ блаженный,
Печали мнѣ не навѣвай,
Исчезни лучше въ жизни бренной
И скукой думы не играй!..
Но объ одномъ молю: домчися
Къ моимъ любимѣйшимъ мечтамъ,
И въ мысли . . . . . вселися,
Дай радость жизни ихъ часамъ,
Утѣшь моею ихъ мечтою,

Что я любилъ, любилъ порою...
Скажи, что я не въ ихъ странѣ, —
Гдѣ вѣрно помнятъ обо мнѣ...
Умчись же съ тяжкою слезою,
Мнѣ вольной груди не стѣсняй,
Залейся бурною волною
И сердца мнѣ не надрывай!..

1845 г., Москва.

Хуторокъ.

(Юл. Ег. Замятиной.)

О вы, которымъ суждено
Въ столицахъ бѣдственной судьбою
Имѣть единое окно
Передъ фабричною стѣною;
Которыхъ тѣсный уголокъ
Не вѣдалъ жизненной удачи,
А вѣчный сѣренькій денекъ —
Переселенія на дачи;
Которымъ снится на-яву
«Пріютъ убогаго чухонца»,
Лѣсъ на Крестовскомъ острову
И «Стрѣлка» съ захожденьемъ солнца...
Скорѣй спѣшите окунуть
Себя въ затишье нивъ безбрежныхъ,
Вслѣдъ бѣглымъ, на сиротскій путь,
Путь утѣсненныхъ и мятежныхъ...
Придите, сирые, подъ тѣнь
Широколиственнаго клёна,
Въ объятья грѣющаго лона
Забытыхъ рѣкъ и деревень...
Я вамъ отдамъ моихъ знакомыхъ,
Отдамъ — надъ водной глубиной —
Плескъ рыбъ и стаи насѣкомыхъ
Въ пахучемъ воздухѣ, зарей;
Луга, усыпанные макомъ,
Отъ вѣтра волны по овсу;
Надъ потемнѣлымъ буеракомъ
Гречихи бѣлой полосу;

Пруды, сверкающіе сталью,
Скирды пшеницы золотой,
И дождь косой надъ синей далью,
И лѣсъ, какъ дымъ, надъ крутизной.
  Молчитъ забытая дорога,
И не летятъ изъ камышей
Ни звукъ серебрянаго рога,
Ни крики пестрыхъ егерей.
Зато весь день, скользя, ныряя,
То крикъ веселый затая,
То воздухъ звонко оглашая,
Кружится ласточекъ семья,—
Рядкомъ усѣлася, щебечетъ...
Вотъ потянуло вѣтеркомъ —
А тополь, какъ фонтанъ, лепечетъ
Зелено-лиственнымъ столбомъ...

* * *

  Но нескончаемо-прекрасенъ
Тотъ мигъ въ селѣ, когда молчатъ
И высь, и даль, и степь, и садъ,
А воздухъ ночи нѣмъ и ясенъ.
На пламя свѣчки, мимо глазъ,
Въ окно влетаютъ непрестанно
То алый яхонтъ, то алмазъ,
То пѣсня мушки златотканной.
Пустыня, глушь и сонъ кругомъ;
Сова колышетъ вѣтвь сирени;
Отъ яворовъ упали тѣни,
И въ нихъ заснулъ, какъ въ люлькѣ, домъ...
А жукъ-рогачъ гудитъ протяжно
И, какъ звенящая струна,
Несется медленно и важно
Вдоль растворённаго окна...
  Какъ мѣрный стукъ часовъ лѣнивыхъ,
Удары сердца вторятъ въ ладъ
Напѣвамъ грёзъ неторопливыхъ,—
И стаи замысловъ ретивыхъ
Заворожённые молчатъ.

1857 г.

Гроза.

(Отрывокъ изъ поэмы.)

Давно дождя, давно намъ бури!
Хлѣбъ чахнетъ, зноемъ обожжёнъ...
Клубятся тучи по лазури,
И меркнетъ день со всѣхъ сторонъ.
Съ набѣга вѣтеръ злобно рвется,
Дверьми и ставнями стучитъ;
Отсталый голубь въ небѣ вьется,
И вихорь по двору летитъ.
Солома, пыль, трава сухая,
Бумажки, перья, все столбомъ
Кружится, въ небо улетая, —
И вотъ громыхнулъ первый громъ...
Сквозь тучи молнія сверкнула
И, какъ огнистый, длинный змѣй,
Мелькнувъ, за рощей утонула...
Вновь тишина и мракъ полей.
По темнымъ облачнымъ волокнамъ
Ползетъ сѣдая полоса;
Забарабанилъ градъ по окнамъ,
Дождь опрокинулся въ лѣса.
Хвосты цыплятъ, какъ вѣеръ бальный,
Раскрылъ звѣздою вихрь нахальный;
Выходитъ пахарь на крыльцо,—
Дождь хлещетъ наискось въ лицо.
Дѣвчонка съ глиняною крынкой
Бѣжитъ, а вѣтеръ вслѣдъ за ней,
Оплелъ ей голову косынкой
И не даетъ прохода ей.
Вдали стремглавъ табунъ несется,
Погонщикъ машетъ и кричитъ,
И гулъ отъ топота копытъ
Въ степи стемнѣвшей раздается...

* *
*

Дождь пересталъ, и громъ затихъ.
Омытый лугъ и садъ такъ блещутъ,
На каждомъ листикѣ трепещутъ
Алмазы капель дождевыхъ.
И каждый стволъ, жучокъ, букашка,

За садомъ мостъ и ближній пень,
Сарай, расшатанный плетень,
Полуистлѣвшая бумажка,
Пѣтухъ, разбитое стекло, —
Все смотритъ бойко и свѣтло...
  Паукъ вчера оплелъ двѣ розы,—
И ожерельемъ золотымъ
По паутинкамъ голубымъ
Нависли дождевыя слёзы.
Душистъ и мягокъ черноземъ;
Звенитъ и рѣетъ все кругомъ...
Съ небесъ, сквозь облаковъ оконце,
Омывшись, выглянуло солнце;
И паръ дымится надъ землей,
И мчатся гуси за рѣкой.

1858 г.

Степь.

Пролетѣла гроза. Межъ высокой травой,
Въ перелѣскѣ, у зеркала водъ,
Я къ березкѣ усталый припалъ головой, —
Надо мной голубой небосводъ.
    Я дремлю — не дремлю,
    Сонным взоромъ ловлю
        Тѣни тучъ,
        Звонкій ключъ
    И по мхамъ пробѣгающій лучъ.

* * *

Въ паутинѣ, какъ въ люлькѣ, качается жукъ;
Стрекоза, пролетая, звенитъ;
Изумрудную мушку опутавъ, паукъ
На чуть видимой нити виситъ;
    А въ лучѣ, межъ травой,
    Все въ пыли золотой —
        Лепестки,
        Мотыльки
    И махроваго мака цвѣтки.

* * *

Дождевыя росинки по вѣтвямъ висятъ,
Степь полна сладкой нѣги и сна;

Дунулъ вѣтеръ, и перлы на землю летятъ,
И березка звучитъ, какъ струна.
Шепчетъ сказочный боръ,
И встаетъ разговоръ
По лугамъ,
По доламъ
И синѣющимъ, дальнимъ холмамъ.

* * *

Я тону въ нѣжномъ шепотѣ липъ и березъ,
Въ гордомъ шумѣ дубовыхъ вѣтвей,
Въ тихомъ шелестѣ травъ, въ звучномъ лепетѣ лозъ,
Въ плескѣ водъ и въ жужжаньи шмелей;
И я жажду обнять
Грудь пустыни, какъ мать,
Межъ деревъ
И цвѣтовъ —
Я заснуть, какъ младенецъ, готовъ!

1852 г.

У колыбели.

Романсъ.

Спи, малютка! Надъ тобою —
И покой, и тишина,
Колыбель твоя фатою
Дорогой осѣнена.
Колыбель твою качаетъ
Няня съ лѣвой стороны. —
Съ правой Ангелъ навѣваетъ
На тебя святые сны...
Чуть твой ликъ улыбкой милой
Озарится подъ фатой,
Припадаетъ шестикрылый
Съ поцѣлуемъ надъ тобой...
Спи жъ, дремли... Такъ въ полдень жаркой,
Опустившись на листокъ,
Подъ жасминной, бѣлой аркой
Дремлетъ крошка-мотылекъ!..

1849 г.

Къ женѣ.

Другъ мой, Ю—ка, ужели
Мы на жизненномъ пути
Всѣ цвѣты сорвать успѣли
И другихъ намъ не найти?
Нѣтъ, мой пролѣсокъ безцѣнный:
Чья душа любви полна,
Для того во всей вселенной
Вѣковѣчная весна!

1874 г.

Къ ***.

Когда моя радость шумитъ и хохочетъ,
Начнетъ щебетать, лепетать, стрекотать,
Она такъ щебечетъ, лепечетъ, стрекочетъ,
Что силъ нѣтъ словечка у ней потерять;
Нѣтъ силъ ей отвѣтить, нѣтъ силъ разговоромъ
Прервать мою птичку, блаженство мое...
Я молча ловлю ее трепетнымъ взоромъ:
Все слушать бы, слушать, да слушать ее!
Но чуть звонкій лепетъ и хохотъ голубки
Лукавые глазки восторгомъ зажгутъ,
Блеснутъ средь кораллов перловые зубки,
Румяною вишенкой щечки блеснутъ,—
Тогда-то смѣлѣй и смѣлѣй я пронзаю
Глазами глаза ей, и силъ нѣтъ внимать,
И жадно уста я съ устами смыкаю,
Хочу цѣловать, цѣловать, цѣловать...

1856 г.

---

* *
*

Ни предъ одной красавицей колѣнъ
Ты не склонялъ съ рыданьемъ и съ мольбою;
Тебѣ еще не вѣдомъ сердца плѣнъ
Съ его грызущими цѣпями.
Твоя душа младенчески-мирна,
Въ ней нѣтъ ни грёзъ, ни холода, ни зноя:
Она, какъ ночь предъ пасхою, полна
Молитвъ и тихаго покоя.

Но часъ придетъ, глаголъ рѣчей иныхъ
Въ ея тиши нежданно отзовется;
Она, какъ къ волѣ рвущійся орёлъ,
Почуявъ крылья, встепенется.
Настанутъ дни борьбы и острыхъ ранъ,
Созрѣетъ страсть съ мучительными снами,
И занесетъ ихъ лютый ураганъ
Тебя палящими песками!

1852 г.

---

* *
*

Средь моря жизненной пустыни
Искалъ я, брошенный въ волнахъ,
Мнѣ заповѣданной твердыни
На Араратскихъ высотахъ.

* *
*

И вотъ, съ зеленою маслиной
Въ ковчегъ осиротѣлый мой
Слетѣлъ твой голосъ голубиный,
Дыша землей, дыша весной.

* *
*

Сойдя на берегъ лучезарный,
Я въ высяхъ той благой страны
Костеръ воздвигнулъ благодарный,
Да вьется къ небу дымъ алтарный
Благовѣстителю весны!

Славянская весна.

Скоро по небу снова направитъ
Бѣгъ Свѣтовидъ,
За моремъ зимнюю шубу оставитъ,
Все оживитъ.
Между фіалокъ, въ рощѣ тѣнистой,
Сядетъ Усладъ;
Въ кубки нацѣдитъ влаги душистой
Всѣмъ виноградъ.
Въ дебряхъ русалки свѣсятъ Купала
Вновь колыбель,

И передъ всѣми, безъ покрывала,
Явится Лель...

1846 г.

Дорогія слезы.

(Во время въѣзда Ея К. В. Принцессы А. Саксенъ-Альтенбургской.)

Что за шумъ, и пальба, и восторгъ неземной,
И богатый кортежъ выступаетъ?
Удальцовъ-усачей экипажъ золотой,
Словно соколовъ строй, провожаетъ...
Свѣтелъ, радостенъ людъ, и кричитъ и валитъ
За Голубкой своей ненаглядной...
Что же ты, старичокъ мой, матросъ-инвалидъ
Слезы льешь на сюртукъ свой парадной?..
«Ничего-съ... такъ себѣ... сердцу трудно стерпѣть,
Сами брызнули слезы-злодѣйки;
Изъ глуши я спѣшилъ и успѣлъ поглядѣть,
Словно съ мачты, вонъ съ этой скамейки,—
На отраду Руси, на младую *Княжну*—
На невѣсту Вождя всего флота...
Мнѣ-ль не плакать отъ счастья, когда я взгляну
На жемчужину царскаго рода?—
Я матросъ... я старикъ—но отраднѣй всего
Видѣть образъ звѣзды ненаглядной...
Разгулялась душа,—плачу я, ничего...
Плачетъ пусть и сюртукъ мой парадной!»

1848 г.

Рашель

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

(Наканунѣ 1854 года).

Въ чертогъ побѣднаго союза
Труда и мысли міровой
Она, плѣнительная муза,
Слетѣла тѣнью неземной.
Гостепріимная чужбина
Ее ввела въ знакомый храмъ,

Привѣтъ родинѣ.

Итакъ, исчезни сонъ блаженный,
Меня лелѣявшій порой, —
Съ твоей младенческой мечтой
Исчезнешь ты въ пучинѣ бренной!..
На крыльяхъ радости любимой
Летѣлъ съ тобой я въ край родной!..
Но съ силой злата нелюдимой
Я не вхожу въ неравный бой.
Я не хочу рукой младою,
Еще не свѣданной съ бѣдою,
Съ судьбы таинственной сорвать
Всей жизни грозную печать.
Но, гдѣ бъ я ни былъ въ жизни дальной,
Хоть въ кельѣ сумрачной, печальной,
Хоть и въ судѣ передъ столомъ,
За вѣчно страждущимъ перомъ, —
. . . . . всегда, всегда душою
Умчусь къ родимой сторонѣ,
Гдѣ я, взлелѣянный мечтою,
Расцвѣлъ, — гдѣ помнятъ обо мнѣ...
Итакъ, исчезни, сонъ блаженный,
Печали мнѣ не навѣвай,
Исчезни лучше въ жизни бренной
И скукой думы не играй!..
Но объ одномъ молю: домчися
Къ моимъ любимѣйшимъ мечтамъ,
И въ мысли . . . . . вселися,
Дай радость жизни ихъ часамъ,
Утѣшь моею ихъ мечтою,

Ты слышишь, ужъ кипитъ и льется
Въ тебѣ зловѣщая молва:
Царь Петръ изъ Вѣны возвратился!
Зовутъ стрѣльцовъ, зовутъ народъ,—
Въ Преображенскомъ эшафотъ
Какъ коршунъ въ небо взвился...
Затихъ мятежъ передъ Судьей;
Но хмуритъ бровь стрѣлецъ бунтливый,
Все суевѣрный и кичливый,
Не никнетъ гордой головой!..
Не знаетъ онъ, какія раны
Въ груди царевой растравилъ,—
Не видитъ онъ, какъ вьются враны
Надъ массой вырытыхъ могилъ...
Но—пробилъ часъ... нѣтъ словъ прощенья,
Отецъ отцовъ махнулъ рукой—
Стрѣльцы погибли! Поколѣнья
Ихъ не вспомянутъ со слезой...
Когда послѣдняго на плаху
Взвели, и Царь вблизи стоялъ:
«Прочь, Государь,—онъ закричалъ,—
Тебя забрызжу»,—и съ размаху
Въ мѣшокъ скатилась голова,
Глотая дерзкія слова...

1847 г.

Къ графинѣ ***

Колымяжскія палаты
Всѣми дивами богаты!
Колымяжскіе сады—
Чудо сельской красоты!
Надъ водой лазурно-яркой
Мостъ повисъ воздушной аркой,
А подъ нимъ, въ струѣ живой,
Опрокинутъ мостъ другой...
Мягкій лугъ, оранжереи,
Вазы, портики, аллеи;
Средь развѣсистыхъ берёзъ,
Мрачныхъ дубовъ, елей, розъ
И душистыхъ декорацій

Изъ цвѣтущихъ липъ, акацій,—
Домъ, увѣнчанный гербомъ
(Казакомъ, вѣнцомъ и львомъ).
Это всё поэмой дышетъ...
Но мое-ль перо опишетъ
Эти дива и красы?
Ахъ, графиня, бьютъ часы,
Надо ѣхать,—нѣтъ отваги
Примириться съ злой судьбой,—
И оставить Колымяги
Съ ихъ хозяйкой молодой.

1850 г.

Къ графинѣ ***

Казачка гордой красотою,
Графиня сердцемъ и умомъ,
Жоржъ-Зандъ возвышенной душою
И своенравностью во всемъ!
О васъ гремитъ не даромъ слава:
Вы муза всѣмъ и Меценатъ...
Я воспѣвать васъ вѣчно радъ,
Моя Аспазія и Сафо!
Вашъ свѣтлый умъ, вашъ милый взглядъ
Встрѣчать въ безмолвномъ восхищеньи,
Воздушный, легкій вашъ нарядъ
Слѣдить въ лѣсномъ уединеньи—
Такой блистательный удѣлъ,
Такое полное блаженство,
Съ тѣхъ поръ, какъ пало совершенство
И рай земной осиротѣлъ!..

1851 г.

КРЫМСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Бахчисарайская ночь.

Сакли и утесы
Мглой осѣнены.
На террасахъ розы
Въ сонъ погружены.
Пѣсня муэззина
Такъ грустна, грустна,
Что тоски-кручины
Вся душа полна.
Ханское кладбищс
Глухо и темно
И, какъ пепелище,
Призраковъ полно...
Вязовъ-великановъ
Сонный рядъ стоитъ...
Тихій плескъ фонтановъ
Отъ дворцовъ летитъ.
И молчатъ утесы,
И сады молчатъ,
И однѣ лишь слезы
На очахъ дрожатъ.

Степи Аккермана.

(Сонетъ ***).

Плыву въ степяхъ сухого океана,
И въ безднѣ травъ качается мой челнъ,

Минуя кустъ пурпурнаго бурьяна
И купы розъ среди зеленыхъ волнъ.
На небѣ мгла. Тропинкой ѣхать трудно.
Въ пространствахъ звѣздъ маякъ мой не горитъ.
Но вотъ, вдали, пожаръ восходитъ чудный —
То пышный Днѣстръ играетъ и блеститъ.
Смолкаетъ степь. Мы стали одиноко.
И слышно мнѣ, какъ чуткій змѣй скользитъ,
Какъ журавли летятъ-звенятъ высоко,
Какъ мотылекъ травою шелеститъ.
Жду голоса съ отчизны... Ухо внемлетъ...
Но тихо все! Впередъ! Пустыня дремлетъ.

Поутру.

Ворвался въ саклю лучъ дневной,
Озолотилъ Фатимы щечки,
На грудь, на шелковыя строчки
Ея узорчатой сорочки
Упалъ волнистой полосой.
Лежитъ и млѣетъ красота!
Разстаться съ грёзами нѣтъ мочи...
Но вотъ она раскрыла очи,
Припомнила видѣнье ночи
И покраснѣла отъ стыда!

Слеза.

Прозябала бѣдная улитка
Въ глубинѣ холодной океана;
Безъ конца потемокъ вѣчныхъ пытка
Жгла ее, какъ пагубная рана.
Зарыдала жертва дна морского,
Изъ слезы жемчужина сложилась
И въ вѣнцѣ властителя земного
Между звѣздъ алтарныхъ засвѣтилась...
Такъ и ты, поэтъ тоски и горя,
Межъ людей проходишь одиноко...
Такъ и ты, какъ перлъ роскошный моря,
Наконецъ возносишься высоко.

Мисхоръ.

Видѣлъ я роскошный сонъ,
День и ночь мнѣ снится онъ.
Видѣлъ я, что ты со мной,
Мы вдвоемъ сидимъ съ тобой.
Любо намъ, не нужно свѣчъ,—
Безъ огня свободнѣй рѣчь.
Знаю я и безъ огня,
Что краса ты у меня,
Что головки отъ твоей
Брызнулъ ключъ живыхъ кудрей!
Воспаленная рука
И стыдлива, и робка.
Скрытъ впотьмахъ румянецъ щекъ,
Скрытъ лукавый башмачекъ...
Но — свѣтла и хороша
Обнаженная душа!

Іосафатова долина.

(Караимское кладбище близъ Чуфутъ-Кале.)

Въ мерцаньи зарницы,
Въ сіяніи звѣздъ перекатныхъ,
Бѣлѣютъ гробницы
Подъ сѣнью кустовъ ароматныхъ.
Лиловой сиренью,
Косами плакучей ракиты
И лунною тѣнью
Одѣты гранитныя плиты,
Ни крику, ни шума...
Спятъ крѣпко въ могилахъ евреи,
Спитъ сердце и дума,
И спятъ, между камнями, змѣи.
Но вотъ улетаетъ
Далеко тревожная память.
Тоска поднимаетъ
На сердцѣ и бурю, и замять.
Изъ свѣта зарницы
Выходитъ востокъ предо мною...
Палаты столицы

Кипятъ беззаботной толпою...
Я вспомнилъ невольно
Любовь, красоту и искусства...
И страшно мнѣ больно
За бѣдныя смертныя чувства!

Посланіе изъ Уэмбаша.

„Monsieur NN lui-même autrefois faisait des vers... mais ses vers étaient d'une mediocrité déplorable".

A. Chenier.

Ты предался съ младенчества искусству,
И, свѣжъ и новъ, твой геній молодой
Доступенъ былъ восторженному чувству.
Ласкалъ тебя родитель добрый твой...
Ты затвердилъ, что грустной жизни муки
Не подсѣкутъ тебя, что не возьмешь
Ты топора въ изнѣженныя руки,
Что за сохой на пашню не пойдешь,
Что для труда тебѣ не распинаться,
Житейскихъ благъ предъ нимъ не покидать,
Не убѣгать отъ свѣта, не терзаться
И горькой хлѣбъ слезой не обливать...
Что всѣ твои исполнятся желанья,
Что жизнь тебѣ все лучшее отдастъ,
Что міръ свои научныя познанья
Тебѣ за золото твое продастъ!
И ты пошелъ на зовъ родного слова.
Но перваго труда тернистый путь
Не закалилъ таланта молодого,
Не развила могучихъ мышцей грудь:
Ты пренебрегъ младенческимъ ученьемъ,
Ты не вскормилъ родимымъ молокомъ
Родныхъ страстей, ты съ дерзкимъ нетерпѣньемъ
Растратилъ ихъ въ разгулѣ молодомъ,
Ты примирился съ мимолетнымъ счастьемъ,
Красы чужого творчества скупилъ...
Пресытилъ умъ незрѣлымъ любострастьемъ
И жгучей нѣгой сердце изсушилъ!
Ты потерялъ зиждительныя силы,

Ты потерялъ сознанье красоты!..
И, какъ убійца бѣглый, до могилы
Терзаться вѣчно будешь ты!
Всѣмъ видно, всѣмъ, какъ чутко ты блуждаешь
Средь юныхъ музъ... Не дремлетъ зоркій духъ...
Ты съ ними дикъ; завистливый евнухъ,
Ты въ ихъ гаремъ за золото впускаешь...

Татарская басня.

(Я. П. Полонскому.)

Надъ лукоморьемъ пышныхъ Оріандъ
Вознесся дубъ, таврическій гигантъ,
И съ трехъ сторонъ уютный палисадникъ
Предъ нимъ заплелъ кудрявый виноградникъ,
И лавръ, и миртъ, и мрачный кипарисъ
Вокругъ него роскошно разрослись...
И дождь, и громъ, и быстрыя метели
Надъ нимъ напрасно бились и гремѣли.
Онъ невредимъ, онъ одинокъ стоялъ
И холодно окрестность созерцалъ.
Съ его листовъ росы жемчужной слезы,
Звеня, спадали на листочки розы.
Въ тиши его безтрепетныхъ вѣтвей
Рыдалъ и пѣлъ залетный соловей.
И много лѣтъ, покоемъ гордымъ полнъ,
Качался онъ надъ бездной синихъ волнъ.
Сквозь щель скалы, цѣпляясь по каменьямъ,
Къ нему подползъ по винограднымъ звеньямъ
Трехгранный плющъ—и лиственную ткань
Сталъ разстилать на мраморную грань.
Покорно, робко къ дубу онъ склонился,
И старецъ имъ лукаво соблазнился,
И принятъ былъ отъ любострастныхъ струй
Томительный и жгучій поцѣлуй!
И прянулъ плющъ... Безъ страха обвиваясь
И тысячами нитей разростаясь,
И тысячами устьицъ и корней
Точа кору, какъ изумрудный змѣй
Надъ бронзовой, вѣтвистою колонной
Онъ заплетаться сталъ тесьмой зеленой,—

И почернѣлъ печальный стражъ садовъ
Подъ язвами невидимыхъ зубовъ!..
Но и врагу пошла не въ прибыль злоба,
И дубъ, и плющъ изсохли разомъ оба...
И такъ погибъ таврическій гигантъ
Надъ лукоморьемъ пышныхъ Оріандъ...
И нынѣ дождь его нагорный мочитъ,
Незримый червь его останки точитъ,
Да, корни помертвѣвшіе поя,
Шумитъ подъ нимъ свободная струя.

Завѣщаніе изъ Евпаторійскихъ равнинъ.

Вѣтеръ по полю шумитъ,
Весь въ крови казакъ лежитъ,—
На курганѣ головой,
Подъ зеленой осокой,
Конь ретивый въ головахъ,
А степной орелъ въ ногахъ.
Ахъ, орелъ, орелъ степной,
Побратаемся со мной!..
Ты начнешь меня терзать
И глаза мои клевать.
Дай же знать про это ей,
Старой матери моей!
Чуть она начнетъ пытать,—
Знай, о чемъ ей отвѣчать.
Ты скажи, что ханъ-султанъ
Взялъ меня служить въ свой станъ,
Что меня онъ отличилъ,
Что могилой наградилъ...
Что съ сынкомъ ужъ ей не жить,
Что волосъ ему не мыть!
Ихъ обмоетъ ливень грозъ,
Выжметъ, вывѣтритъ морозъ,
А расчешетъ ихъ бурьянъ,
А раскудритъ ураганъ...
Ты не жди его домой,
Зачерпни песку рукой,
Да посѣй, да поливай,
Да сыночка поджидай...

И когда цвѣтокъ взойдетъ,
Твой казакъ къ тебѣ придетъ!..

Новый грекъ.

Не для дѣлъ живыхъ художествъ,
Не для строгихъ думъ, —
Для ничтожествъ изъ ничтожествъ
Тратишь ты свой умъ.
Мелкій торгъ и щепетильность
Барышей земныхъ
Извратили меркантильность
Пылкихъ чувствъ твоихъ.
Позабылъ ты славу дѣдовъ,
Пиндъ и Геликонъ,
Платоническихъ обѣдовъ
Смѣлой лиры звонъ.
Позабылъ ты войны спартовъ
И стихи Аѳинъ...
Сталъ играть въ лото и въ карты
Средь родныхъ руинъ.
Пренебрегъ ты дива Рима
И его судьбы,
И отчизны бѣдной дыма
Мрачные столбы!
Ты не хочешь знать Орфея,
Термопильскихъ львовъ
И страдальца Прометея
Средь кавказскихъ льдовъ!..
Вазы, торсы и пилястры
Побросалъ ты вонъ
И отдать готовъ за пьястры
Весь свой Парѳенонъ!..

Въ Карасубазарѣ.

Поздравьте меня съ талисманомъ,
Я веселъ, и важенъ, и сытъ...
Я зажилъ таврическимъ ханомъ
Подъ тѣнью плакучихъ ракитъ.
Мой нравъ былъ до этого зеленъ,

Скорбѣлъ я, надежды тая.
Какъ дерзокъ теперь я и хмеленъ,
Какъ мысль разгорѣлась моя!
Теперь-то мнѣ сердце любое
Открыто, какъ мой кошелекъ,
Теперь-то блаженство земное
Заглянетъ и въ мой уголокъ...
Скорѣе-жъ кувшины съ бузою
Несите къ Фатимѣ моей!
Не долго — отъ васъ я не скрою —
Искать мнѣ отрады у ней.

Гейневскій Фаустъ.

«Я вызвалъ чорта. Чортъ явился,
И много чорту я дивился.
Онъ не уродъ и не калѣка,
Онъ типъ лихого человѣка,
Добрякъ во цвѣтѣ лучшихъ лѣтъ,
Учтивъ, болтливъ и знаетъ свѣтъ.
Онъ очень тонкій дипломатъ
И обо всемъ поспорить радъ,
Немного блѣдностью страдаетъ,
Да это насъ не удивляетъ:
Онъ отъ санскритскаго не спитъ
И вѣкъ свой Гегеля зубритъ!
Хвалилъ мое онъ направленье
И изыскательный мой умъ;
Сказалъ, что самъ онъ, въ цвѣтѣ думъ,
Имѣлъ къ нему поползновенье.
Признался мнѣ, что въ нашей дружбѣ,
Что во взаимной нашей службѣ
Не будетъ проку намъ за свѣтомъ.
Онъ мнѣ раскланялся при этомъ,
Спросилъ:—кажись, еще сходился
Я съ вами гдѣ-то?—Робко я
Взглянулъ на чорта, спохватился,
И тутъ же съ нимъ я согласился,
Что мы — старинные друзья!»

Мертвая коса.

(Въ Керчи.)

Ни мраморные бюсты, ни гробницы,
Ни урны съ пепломъ киммерійскихъ грековъ,
Ни золотыя кольца, ни запястья,
Ни вазы, ни каменья, ни слезницы,
Ни пышные, блестящіе вѣнцы,
Ничто меня въ моей Пантикапеѣ
Такъ не могло плѣнить и поразить,
Какъ длинная коса, коса гречанки,
Коса давно умершей красоты!..
Недвижимый, растерзанный печалью,
Стоялъ я въ темной залѣ передъ ней
И былъ готовъ излюбленное сердце
Опять огнемъ желаній распалить...
Кого коса такая осѣняла,
На чьей она головкѣ распускалась?
Простая-ль дѣвушка въ цвѣты и въ ленты
Ее безмолвно убирала, тщетно
Дружка съ морей далекихъ поджидая,
Не дождалась, измучилась, страдая,
Невидимо угасла въ нищетѣ,
Была, какъ должно, сожжена, какъ должно
Зарыта въ землю, въ погребальной урнѣ,
Тысячелѣтье свѣта не видала—
И вновь себя спасенною косой
Напомнила забывчивому свѣту?..
Иль гордая красавица — кумиръ
Лѣнивой молодежи, стихотворцевъ
И городскихъ румяныхъ объѣдалъ,
И городскихъ, роскошныхъ сибаритовъ —
Ее вѣнцомъ лавровымъ осѣняла,
Готовясь сѣсть за брачную трапезу
Съ богатымъ гражданиномъ пышной Кафы,
Была внезапно быстрою чумой
Поражена, скончалась въ страшныхъ мукахъ,
Легла на столъ веселья блѣднымъ трупомъ,
Была рукой наемниковъ дрожащихъ,
Пугая самый воздухъ, сожжена,
И, наконецъ, тебя намъ завѣщала,

Душистая и черная коса —
Нѣмая и таинственная надпись
Надъ урною погибшей красоты?

Хуторокъ въ ногайской степи.

(Три октавы.)

Я ночевалъ на хуторѣ недавно,
Въ саду, подъ группами черешень вѣковыхъ;
И эту ночь опять я вижу явно...
Вокругъ меня изъ травъ и лозъ сухихъ
И звонъ, и стонъ встаютъ, несутся плавно,
Вдали села протяжный говоръ стихъ...
А тамъ, въ лѣсу, какъ зеркаломъ ручья,
Гремятъ и льются пѣсни соловья...
Чѣмъ-свѣтъ, ужъ я вскочилъ. Черта зари пунцовой
Зажглась, и степь очнулася. Чуть-чуть
Колеблясь, лентой дымъ вездѣ встаетъ лиловый;
И перепелъ кричитъ, и хочется вздремнуть,
И нѣга жжетъ глаза... Межъ тѣмъ несутъ сотовый,
Душистый медъ... Горитъ и млѣетъ грудь...
А тополь, какъ фонтанъ живой, лепечетъ
И въ воздухъ листъ свой изумрудный мечетъ.
Но вотъ, зажглась лазурь небесъ незримо,
И зной пахнулъ... Всѣ ставни на крючокъ...
Тарантулы ползутъ изъ норокъ... Нестерпимо
Томитъ и жалитъ солнце... Вихрится песокъ
Безъ вѣтру... Черноземъ истрескался... Но мимо
Плыветъ гроза... И, какъ шальной, сверчокъ
Ракетой алою надъ рожью пролетаетъ,
Звенитъ и крыльями усталыми сверкаетъ...

1850 г.

Тайна Мохамеда,

открытая другу Зопиру.

(Изъ Вольтера.)

«Когда-бъ ты былъ другой, а не Зопиръ, тогда бы
Съ тобой я говорилъ, какъ божескій пророкъ,
А мечъ да алькоранъ въ рукахъ моихъ кровавыхъ
Заставили-бъ молчать невѣрныхъ наглецовъ.

Мой голосъ роковой, какъ громъ, надъ ними грянетъ,
И я увижу ихъ у гордыхъ ногъ... Но знай:
Я говорю съ тобой, какъ человѣкъ, и много
Силёнъ я для того, чтобъ все тебѣ открыть!
Вотъ Мохамедъ каковъ! Съ тобой одни мы,—слушай!
Я гордъ, какъ человѣкъ, какъ онъ—честолюбивъ,
И никогда жрецы, вожди, владыки міра
Въ душѣ не строили того, что я воздвигъ!
По очереди всѣ народы славны были
Ученостью своей, побѣдами, до насъ;
Теперь пришла пора Аравіи по свѣту
Гремѣть! Народъ ея давно уже замолкъ
И славу позабылъ въ своихъ пустыняхъ. Знай же:
Теперь настали дни—и выростетъ колоссъ!
Давно разрушенъ міръ отъ Запада къ Востоку:
Персидскій славный тронъ вѣками потрясенъ,
Египетъ усмиренъ, вся Индія въ неволѣ,
И свѣтлый Цареградъ въ цѣпяхъ молчитъ, какъ рабъ;
Не видишь ли, какъ Римъ-гордецъ совсѣмъ въ упадкѣ,
Гроза былыхъ временъ, растерзанный скелетъ...
На этихъ-то частяхъ безжизненнаго міра
Возвыситъ новый міръ Аравіи сыновъ!
Слѣпой странѣ нужны и новые законы,
И силы новыя, и даже—новый богъ...
А знаешь ли, успѣхъ—завиднѣйшее дѣло:
Такъ почему и мнѣ не ввѣриться мечтѣ?
Въ Египтѣ Озирисъ, царь Нума въ древнемъ Римѣ,
Въ роскошной Персіи безсмертный Зороастръ—
Вѣдь люди-жъ были все,—а посмотри: народы
Всѣхъ святятъ, какъ боговъ, и чтутъ за вѣру ихъ!
Вотъ, наконецъ, и я, спустя тысячелѣтье,
Иду смѣнить ярмо законовъ грубыхъ ихъ...
Прочь идеалы... Грядетъ пророкъ могучій съ неба:
Онъ царь, онъ свѣтъ для родины святой!»

1847 г.

Пиръ Валтассара.

(Изъ Байрона.)

На тронѣ царь сидитъ, красавецъ-полубогъ;
Онъ сладостно на пиръ глядитъ въ изнеможеньи;

Сатрапы, женщины—все тонетъ въ наслажденьи,
И блещетъ весь въ огняхъ окуренный чертогъ.
Пѣснь изступленная безстыдно раздается;
Вѣнки давно уже свалились съ головы;
Горячія уста прилипли къ кубкамъ,—льется
Язычниковъ вино—въ сосуды Еговы...

*
* *

Но вдругъ, какъ молнія, упавшая съ небесъ,
Кровавая рука простерлась надъ толпою,
Чертя по мрамору огнистой полосою,
Какъ по песку, перстомъ: «мани, факелъ, фаресъ».
Не такъ ужасенъ часъ преступника у плахи,
Лѣнтяя юноши—у старости сѣдой,
Какъ страшны были всѣмъ руки чертящей взмахи,
Сверкнувшіе мечомъ надъ грѣшной головой.

*
* *

Трепещетъ гордый царь, на смолкшій пиръ взирая;
Предчувствіе ножомъ вонзилось въ грудь его.
Онъ, не боявшійся на свѣтѣ ничего,
Впервые поблѣднѣлъ, къ рабамъ своимъ взывая:
«Бѣгите, варвары, къ кудесникамъ моимъ!
Ведите ихъ сюда, мудрѣйшихъ въ цѣломъ мірѣ...
Одни они прочтутъ успѣшно и своимъ
Всезнаніемъ сотрутъ пятно на нашемъ пирѣ».

*
* *

Явились мудрецы-халдейцы, но темно
Осталось и для нихъ пророчества значенье;
Тройною мглой отъ всѣхъ заслонено
Казалось имъ то дивное видѣнье.
Сѣдыя головы, мудрѣйшіе земли,
И первые изъ маговъ Вавилона,
Повергнувшись въ пыли у царственнаго трона,
Взглянули на слова—и словъ тѣхъ не прочли...

*
* *

Но вотъ предсталъ одинъ, далекой Іудеи,
Врагомъ плѣненный сынъ,—пророкъ твой, Егова!
Онъ надпись ту прочелъ... Смутилися халдеи,
И ясны стали всѣмъ безмолвныя слова...
Заутра все сбылось и памятно донынѣ:
Въ могилѣ Валтасcаръ, народъ его въ цѣпяхъ,

И гордый Вавилонъ, какъ лютый змѣй въ пустынѣ,
Издохъ, раздавленный карающей стопой.

Изъ Мицкевича.

Красавица моя! къ чему намъ рѣчь пустая?
Къ чему влюбленныхъ душъ, ихъ пламень раздѣляя,
Не можемъ просто мы другъ въ друга перелить?
Къ чему ихъ на слова летучія дробить,
Слова, что на устахъ вѣтрѣютъ, застываютъ,
Пока родныхъ сердецъ и слуха достигаютъ?

* * *

«Люблю тебя, люблю!»—сто разъ тебѣ твержу я,
Ты-жъ этимъ смущена, ты ропщешь, негодуя,
Что я любви своей не въ силахъ одолѣть,
Не въ силахъ выразить, ни вымолвить, ни спѣть,—
И нѣтъ въ моей душѣ, какъ въ летаргіи, силы
О жизни знакъ подать, сходя во мракъ могилы.

* * *

Я истомилъ уста напрасными мольбами;
Теперь я жажду ихъ съ твоими слить устами
И лишь біеньемъ сердца съ милой говорить,
Лишь поцѣлуями, да вздохами здѣсь жить—
И такъ проговорить часы, и дни, и лѣта,
До окончанія и по скончаньи свѣта.

1858 г.

Наши крылья.

(Изъ Новалиса.)

Ночь придетъ, окошко отворю я,
Отворю его на милый югъ...
Грустный взоръ надеждой оживлю я,
Пробужу мольбы застывшій звукъ.
Намъ доступна всѣмъ небесъ дорога,
Чтобъ летѣть по ней душа могла,
Намъ любовь, намъ умъ даны отъ Бога,—
Два святыхъ, два ангельскихъ крыла.
Разверну же ихъ я на свободѣ,
И душа помчится высоко...

И Творца тогда во всей природѣ
Будетъ мнѣ благословить легко.

1848 г.

Мадонна.

(Изъ Новалиса).

Въ тысячѣ образахъ я созерцалъ Тебя,
Дѣва пречистая, Матерь спасенія;
Но всѣхъ вѣрнѣй—Тебя только душа моя,
Только она начертитъ въ часъ моленія.

Близится-ль часъ этотъ,—въ мирномъ сіяніи
Звѣзды, какъ птички, на небо слетаются...
Вижу-ль Тебя тогда,—въ сладкомъ молчаніи
Мысли, какъ звѣзды, въ душѣ загораются...

1848 г.

Изъ Гейне.

На дальнемъ горизонтѣ,
Сквозь розовую мглу,
Чуть виденъ тихій городъ
И башни на валу.
Лѣнивый вѣтеръ зыблетъ
Верхи лазурныхъ волнъ,
Печальнымъ взмахомъ гонитъ
Гребецъ мой легкій челнъ.
Вотъ вспыхнулъ лучъ послѣдній,
Мелькнулъ и тамъ упалъ,
Гдѣ я любовь, безумецъ,
Гдѣ все я потерялъ.

* * *

Когда разлучаются люди,
Другъ друга они обнимаютъ,
Томятся въ тоскѣ и въ тревогѣ,
Вопятъ и такъ горько рыдаютъ.

Съ тобою же мы не рыдали,
Безъ словъ и безъ воплей простились.
Тѣ слезы, тоска и проклятья
За нашей разлукой явились!

* * *

Смерть—это прохладная ночь,
Жизнь—зноемъ пышущій день.
Смерклось,—мнѣ спится, мнѣ лѣнь,
Я утомился не въ мочь.
Дубъ надъ могилой моей,
Съ дуба поетъ соловей...
Въ пѣсняхъ и радость, и стонъ,
Пѣсни я слышу сквозь сонъ.

* * *

Къ небу взоръ задумчивый лилѐя
Возвела печально изъ воды;
Страстью вспыхнулъ блѣдный мѣсяцъ, глядя
На нее съ лазурной высоты.
Оробѣвъ, стыдливою головкой
Вновь она склонилася къ волнѣ,—
А бѣднякъ нѣмой и блѣдный снова
На нее глядитъ и въ глубинѣ...

* * *

Гдѣ, скажи, тотъ ликъ завѣтный,
Предъ которымъ такъ, бывало,
Сердце жаждой безотвѣтной
И весельемъ трепетало?
Истощенъ ли пламень бурный,
Или нѣтъ у сердца власти,
И всѣ пѣсни эти—урны
Съ пепломъ юности и страсти?

1856 г.

Элизіумъ.

(Изъ Шиллера.)

Стенящіе вопли минули!
Въ пирахъ Елисейскихъ полей
Печали и скорбь утонули!
Дней замогильныхъ теченье,
Вѣчнаго счастья восторгъ и паренье,
Въ свѣтлыхъ лугахъ тихоструйно-журчащій ручей!

*
* *

Юно-лелѣющій
Май, вѣчно вѣющій,
Носится здѣсь по доламъ;
Время во снахъ золотыхъ пролетаетъ,
Духъ въ безконечныхъ пространствахъ витаетъ,
Истина рветъ свой покровъ пополамъ!

* *
*

Восторгъ безъ конца
Здѣсь волнуетъ сердца;
И нѣтъ здѣсь печальному горю прозванья,
И сладкимъ блаженствомъ зовется страданье!
Странникъ усталый, отъ зноя сгорая,
Члены въ тѣни шепотливой склоняя,
Ношу кладетъ здѣсь на вѣкъ наконецъ;
Серпъ изъ руки утомленной роняетъ
И подъ бренчаніе арфъ засыпаетъ,
Грезя о жатвѣ поконченной, жнецъ!

* *
*

Знамя ли чье громы бури вздымали,
Стоны-ль убійства чей слухъ поражали,
Иль у кого подъ громовой пятой
Горы дрожали порой:
Тихо тотъ дремлетъ у звучнаго лона
Ясныхъ ключей, межъ осокой зеленой
Бьющихъ живымъ серебромъ,—
Чуждъ ему воинскій громъ!

* *
*

Съ вѣрнымъ супругомъ обнявшись, супруга
Пьетъ поцѣлуи средь злачнаго луга,
Нѣжитъ ихъ сладкій зефиръ;
Свѣтлый вѣнецъ свой Любовь обрѣтаетъ
И жала смерти навѣкъ избѣгаетъ,
Празднуя вѣчно свой свадебный пиръ!

1858 г.

Résignation.

Изъ Шиллера.

И я, друзья, въ Аркадіи родился;
На утрѣ бытія

И мнѣ мой рокъ въ блаженствѣ поручился;
И я, друзья, въ Аркадіи родился,—
Но вся въ слезахъ прошла весна моя!

* *
*

Не дважды май намъ въ жизни расцвѣтаетъ:
Моя весна прошла.
Молчанья богъ,—о, плачьте!—ужъ взываетъ,
Молчанья богъ мой свѣточъ погашаетъ,
И грёза отцвѣла!

* *
*

Я предъ тобой, о Вѣчности равенство,—
У полныхъ тайны вратъ!..
Возьми свою росписку на блаженство;
Она цѣла—не зналъ я совершенства,
Возьми ее назадъ.

* *
*

Къ тебѣ несу моей души признанье,
Праматерь-судія!
Есть о тебѣ между людей сказанье,
Что ты царишь, съ вѣсами воздаянья,
Вѣнецъ всѣхъ дѣлъ тая.

* *
*

Тамъ, слышно, смерть встрѣчаетъ преступленья,
Добро—восторги ждутъ;
Вскрываются сердечныя стремленья,
Рѣшаются загадки Провидѣнья,
И ты даешь намъ судъ.

* *
*

Тамъ кровъ родной изгнаннымъ возвращаютъ,
Нѣтъ терній въ той странѣ...
Но дочь боговъ, что̀ Правдой называютъ,
Что̀ всѣ бѣгутъ, немногіе лишь знаютъ,
Несетъ оковы мнѣ.

* *
*

«Въ иной странѣ,—отдай свою мнѣ младость,—
«Я расплачусь съ тобой;
«Порукой мнѣ моихъ обѣтовъ сладость!»
Я взялъ обѣтъ и отдалъ жизни радость
Ей до страны иной.

* *
*

«Отдай мнѣ все, что есть въ тебѣ святого,
«Лауру—страсть твою!
«За гробомъ скорбь я уврачую снова...»
И сердце я разсѣкъ и изъ больного
Ей вырвалъ страсть мою.

* *
*

«Ищи жъ уплаты за своей могилой!»
Мнѣ наглый свѣтъ кричалъ:
«Обманщица, подкупленная силой,
«За призракъ, тѣнь,—земной твой Рай купила!—
«Что̀ безъ него ты сталъ?»

* *
*

Людской толпы мнѣ слышалась огласка:
«Твой страхъ—одна мечта!
«И что̀ боговъ твоихъ больная сказка,
«Какъ не вселенной бѣдная развязка,
«Земныхъ умовъ земная острота?

* *
*

«Что̀ будущность, гробовъ предназначенье,
Что̀ Вѣчность гордая сама—
«Почтенная, въ туманномъ сокровеньи,
«Какъ не громадныхъ страховъ отраженье
«На зеркалѣ пугливаго ума?

* *
*

«Превратный ликъ безжизненнаго тѣла,
«Ты, мумія временъ,
«Что̀ въ холодѣ могильнаго предѣла
«Смола надеждъ намъ сохранить умѣла
«И что̀ тобой безсмертьемъ нареченъ!

* *
*

«За лучъ надеждъ—найдемъ ли правду гдѣ мы?
«Ты отдалъ жизнь насущную свою!
«Шесть тысячъ лѣтъ уста могилы нѣмы;
«Возсталъ ли трупъ изъ тлѣнья, чтобы всѣ мы
«Увѣрили въ Праматерь-судію?»

* *
*

Я видѣлъ: вѣкъ къ тебѣ за вѣкомъ мчался,
А міръ земной

Бездушнымъ трупомъ вслѣдъ распростирался;
Никто ко мнѣ изъ гроба не являлся,
Но вѣрилъ я обѣту всей душой!

* *
*

Я все заклалъ передъ твоимъ престоломъ
И вотъ явился наконецъ...
Презрѣвъ толпы лукавой произволомъ,
Я лишь однимъ твоимъ внималъ глаголамъ;
Богиня, гдѣ же мой вѣнецъ?

* *
*

«Я васъ равно люблю, земныя чада!»
Богиня мнѣ въ отвѣтъ:
«Есть два цвѣтка у васъ, средь вертограда,
«Есть два цвѣтка—премудрыхъ душъ отрада:
«Надеждъ и Наслажденій цвѣтъ!

* *
*

«Кто взялъ одинъ, другого не касайся!
«Ученье всѣхъ вѣковъ:
«Не вѣришь ты—живи и наслаждайся;
«Увѣровалъ—страдай и распинайся!..
«Судья мировъ—исторія міровъ!..

* *
*

«Ты взялъ мечты—ты принялъ награжденье,
«Ты вѣру взялъ—она твой кладъ!
«Спроси у мудрыхъ міра разрѣшенья:
«Что взято нами силой у Мгновенья,
«Отдастъ ли Вѣчность намъ назадъ?»

1861 г.

Пѣсня могильщика.

(Изъ Гёльти).

Ну-ка, заступъ, не гуляй,
Полно, старый другъ, ворчать...
Всѣмъ достанетъ мѣста, знай,
Хоть тѣсна въ могилѣ доля,—
Ну,—да мертвымъ чтò за воля?..
Станутъ, что ли, танцовать?!

* *
*

Этотъ черепъ—кàкъ онъ глупъ!
Звалъ же каждаго глупцомъ...

Нынче безъ ушей, безъ губъ,
Не помадится плѣшивецъ,
А какъ вспомнишь—былъ счастливецъ
И ходилъ-то пѣтухомъ!

* *
*

Эта рожа—безъ ноздрей,
Станъ роскошный—поминай!
Сколько въ свѣтѣ щеголей
Поклонялись ей, проворныхъ...
Щели вмѣсто глазокъ черныхъ,
И скелетъ весь—хоть бросай!

* *
*

Ну-ка, заступъ, не гуляй,
Полно, старый другъ, ворчать...
Всѣмъ достанетъ мѣста, знай,
Хоть узка въ могилѣ доля...
Ну,—да мертвымъ что за воля,
Станутъ, что ли, танцовать?!

1846 г.

Фарисъ.

(Мицкевича.)

Арабская пѣснь, въ честь эмира Таджъ-уль-Фехра.

Какъ рѣзвый челнъ, съ прибрежья убѣгая,
Ныряетъ вдоль кристалловъ голубыхъ
И, веслами грудь моря обнимая,
Лебяжью шею клонитъ между нихъ,—
Такъ со скалы арабъ коня свергаетъ
Въ просторъ степей, и вороной летунъ
Въ пескѣ съ глухимъ шуршаньемъ утопаетъ,
Какъ въ брызгахъ водъ расплавленный чугунъ...
Мой конь плыветъ въ сухихъ волнахъ; пучина
Песковъ шумитъ подъ взмахами дельфина...
Все быстрѣе, все быстрѣй,
Хрящъ кремнистый онъ взметаетъ;
Все сильнѣе, все сильнѣй,
И надъ пылью самъ взлетаетъ!
Мой конь, что хмара черная надъ нивой;
Звѣзда чела денницею блеститъ;
По вѣтру вѣетъ страусовою гривой,

И молнія отъ бѣлыхъ ногъ летитъ!
Мчись, летунъ мой бѣлоногій,
Горы, дебри, прочь съ дороги!

* * *

Напрасно пальма молодая
Сулитъ мнѣ тѣнь свою и плодъ;
Я мчусь, ея не замѣчая...
И въ глубь оазиса, подъ сводъ
Деревъ, она, смутясь, бѣжитъ
И гнѣвною листвой шумитъ,

* * *

Съ границъ пустынь утесы дикимъ взоромъ
На бедуина пристально глядятъ
И, звукъ копытъ подхватывая хоромъ,
Такъ грозно мнѣ во слѣдъ гремятъ:
«О, безумецъ, что онъ скачетъ!
Тамъ отъ солнечныхъ лучей,
Какъ отъ жгучихъ стрѣлъ, не спрячетъ
Головы нигдѣ твоей
Куща пальмъ листвой зеленой,
Ни намётовъ бѣлыхъ лоно...
Тамъ одинъ вокругъ наметъ—
Безпредѣльный небосводъ!
Только скалы тамъ ночуютъ,
Только звѣзды тамъ кочуютъ!..»
Напрасныя, напрасныя преграды!
Я мчусь, удвоивъ бѣгъ коня;
Гляжу, а гордыхъ скалъ громады
Уже далеко отъ меня
И, другъ за другомъ, предо мной
Бѣгутъ,—исчезъ ихъ длинный строй...

* * *

Угрозы ихъ услышалъ коршунъ; слѣпо
Плѣнить араба въ полѣ онъ рѣшилъ,
Взмахнулъ крыломъ и трижды мнѣ свирѣпо
Вѣнцомъ онъ чернымъ голову обвилъ.
«Чую,—каркалъ,—будутъ трупы,
Конь и всадникъ—оба глупы;
Всадникъ ищетъ здѣсь дороги,
Ищетъ корма бѣлоногій...
Всадникъ,—силъ пустая трата!—

Нѣтъ изъ тѣхъ краевъ возврата!
Тамъ лишь вѣтръ степной шагаетъ,
Слѣдъ свой тутъ же заметаетъ;
Не коню тѣхъ пашенъ клады:
Тамъ пасутся только гады,
Только трупы тамъ ночуютъ,
Только коршуны кочуютъ!»
Прокаркалъ, мнѣ когтями угрожая,
И трижды мы взглянули око въ око...
Кто-жъ струсилъ? коршунъ! Онъ взвился высоко...
Когда-жъ я лукъ напрягъ, отмстить желая,
И, цѣлясь вверхъ, въ него я взоромъ впился,
Ужъ онъ висѣлъ вверху, какъ сѣрый шарикъ,
Какъ воробей, какъ бабочка, комарикъ,
И наконецъ въ лазури растопился!
Мчись, летунъ мой бѣлоногій...
Скалы, коршунъ, прочь съ дороги!

* * *

Вотъ изъ-подъ солнца тучка заревая
Оторвалася, черезъ куполъ синій
Меня на крыльяхъ бѣлыхъ догоняя;
Со мной, гонцомъ песчаной той пустыни,
Она сравняться въ небѣ захотѣла—
И, надо мной повиснувъ, зашумѣла:
«О, шальной! куда онъ гонитъ?
Тамъ отъ жажды нѣтъ росинки;
Туча съ неба не уронитъ
На лицо твое дождинки!
Звонкій ключъ, въ лугахъ кремнистыхъ,
Не промолвитъ словъ сребристыхъ;
Лечь роса не успѣваетъ,
Вѣтеръ въ летъ ее глотаетъ!»
Я не боюсь угрозъ! Лети, гонецъ!
И стала тучка по небу метаться,
Челомъ усталымъ ниже преклоняться
И оперлась на скалы наконецъ...
Когда-жъ мой взоръ къ ней гордо обратился,—
Уже на цѣлый небосклонъ
Отъ ней впередъ я унесенъ!
И злобный умыселъ открылся:
Румянецъ гнѣвнаго чела

Ей жолчью зависть облила,
И наконецъ, какъ трупъ, черна,
Въ горахъ укрылася она...
Мчись, летунъ мой бѣлоногій...
Тучи, птицы, прочь съ дороги!

*
* *

Смѣло съ краю и до краю
Я вкругъ солнца взоръ бросаю,—
Ни внизу, ни надъ землей
Больше нѣтъ гонца за мной!
Сонмъ стихій заснулъ, не дышитъ,
Онъ шаговъ людскихъ не слышитъ.
Спитъ природа вкругъ нѣмая,
Какъ звѣрковъ незлобныхъ стая,—
Чьи глаза, впервой отъ-вѣка,
Видятъ образъ человѣка!

*
* *

Но, Боже!.. Я не первый здѣсь... Ограда
Песчаная сверкаетъ вкругъ отряда...
То странники-ль, злодѣевъ-ли засада?
Я къ нимъ—они стоятъ; зову—молчатъ бойцы...
То мертвецы!
То древній караванъ, забытый
И вѣтромъ изъ песковъ отрытый...
На костякахъ верблюдовъ и коней—
Скелеты высохшихъ людей;
Сквозь щели глазъ и голыхъ щекъ
Сочится струйкою песокъ...
И слышу я, со всѣхъ сторонъ
Твердитъ мнѣ ихъ зловѣщій стонъ:
«О, бедуинъ! въ какія страны
Летишь? глупецъ, тамъ ураганы!..»
Я несусь—я чуждъ тревоги!
Мчись, летунъ мой бѣлоногій...
Трупы, вихри, прочь съ дороги!

*
* *

Пустынный ураганъ, вождь вихрей африканскихъ,
Властительно гулялъ среди песковъ гигантскихъ;
Завидѣлъ вдругъ меня вдали, остолбенѣлъ
И, закружась юлой, зловѣще заревѣлъ:

«Что тамъ за жалкій вихрь, мой младшій братъ? кого-то
Я вижу?—мелокъ онъ и низкаго полета!
Какъ смѣетъ онъ топтать тотъ край, гдѣ я одинъ
Отъ-вѣка властелинъ?»
Сказалъ и ринулся за мной
Онъ, съ пирамиду высотой;
Но, устрашить бойца не успѣвая,
Ногой отъ злости о-земь билъ,
Дыханьемъ огненнымъ палилъ;
Покой Аравіи смущая,
Какъ грифъ, меня когтями рвалъ,
Крылами прахъ степной взметалъ...
Тискалъ въ горы, билъ въ долины,
Громоздилъ песку стремнины...
Я лечу, сражаюсь смѣло,
Я песчанистое тѣло,
Какъ безумный звѣрь, зубами
Четвертую, рву клоками...
И онъ въ рукахъ моихъ забился,
Столпомъ рванулся къ небесамъ,
Не вырвался и лопнулъ пополамъ,
Дождемъ песку съ высотъ пролился—
И, какъ твердыни длинный валъ,
У ногъ моихъ безжизненъ палъ!..

*
* *

Я отдохнулъ! Взглянулъ на звѣзды ночи,
И всѣ онѣ, всѣ—золотыя очи
Склоняютъ на меня съ вершинъ...
На всей землѣ я былъ одинъ!
Какъ сладко грудью всею отдохнуть!
Широко, полно такъ вздыхаетъ грудь,
И воздуха Аравіи всей мало,
Чтобы на вздохъ одинъ мнѣ стало!

*
* *

Какъ сладко нынѣ смѣлый взоръ
Мнѣ устремлять вокругъ въ просторъ!
И такъ далёко, такъ широко
Ночную мглу пронзаетъ око,
Что вижу далѣ я и шире,
Чѣмъ небосклонъ простерся въ мірѣ...

*
* *

Какъ сладко мнѣ объятья распахнуть,
Ихъ съ лаской къ свѣту протянуть!
И мнится, небо я и землю
Съ востока къ западу объемлю...
Стрѣлою мысль, до грани звѣздной,
Все вверхъ и вверхъ летитъ надъ бездной...
И, какъ пчела въ глубь раны жало гонитъ
И сердце съ нимъ навѣкъ хоронитъ,
Такъ душу въ высь я устремилъ
И въ небѣ съ мыслью схоронилъ!

1858 г.

Титанія.

(изъ Поля Лельѐвра).

I.

Въ вечерній часъ, подъ кровлею моею,
Когда шелъ снѣгъ и гаснулъ небосклонъ,
Я обогрѣлъ Титанію, ту фею,
Что обожалъ зеленый Оберонъ.

*
* *

Она ко мнѣ нежданно постучалась:
«Скорѣй, скорѣй, поэтъ мой, отопри;
«Засыпалъ снѣгъ, безъ свиты я осталась...
«Скорѣй, скорѣй: мнѣ холодно, смотри!»

*
* *

Вошла,—въ углу, у очага, присѣла,—
Вся блѣдная, дрожа отъ вьюги злой;
Блескъ камелькà ея одеждой бѣлой
Игралъ, мерцая тѣнью голубой.

*
* *

Метель, валя сугробы, грохотала
Безъ устали у моего окна...
«А я безъ свиты!»—мнѣ она сказала:
«И въ эту мглу скиталась здѣсь одна!

*
* *

«Ты пріютилъ меня, о, мой спаситель...
«Чтò хочешь взять на память встрѣчи той?
«Кольцо-ль, грядущаго провозвѣститель,
«Иль съ головы вѣнецъ мой золотой?

*
* *

«Клянусь,—и что́-бъ ни стоило мнѣ это,—
«Я въ эту ночь внемлю твоей мольбѣ...
«О, говори, я слушаю поэта:
«Не славы ли желается тебѣ?»

II.

Я отвѣчалъ: «Ни славы мнѣ не надо,
«Ни съ русыхъ косъ короны золотой;
«Чтобъ память о тебѣ была усладой,
«Царица, я любви молю одной!»

*
* *

И голосъ мой звучалъ въ истомѣ нѣжной;
Титанія, съ улыбкой, мнѣ въ отвѣтъ:
«Люби! зоветъ тебя порывъ мятежный,
«Люби, о, мой возлюбленный поэтъ!

*
* *

«Въ цвѣтущій май, подъ вѣковою ивой,
«Ты у тропинки сядь, въ глуши лѣсной;
«Тамъ, съ урнами на плѐчахъ, горделиво
«Красавицы проходятъ въ часъ ночной...

* *
*

«И ты увидишь ту, о, мой мечтатель,
«Которой взглядъ, одинъ лишь взглядъ, въ груди
«Раздуетъ пламя, что вложилъ Создатель
«Въ тебя... Она тамъ будетъ, приходи!»

III.

И я присѣлъ подъ вѣковою ивой,
Чтобъ у дороги видѣть, въ тьмѣ лѣсной,
Какъ, съ урнами на плѐчахъ, горделиво
Красавицы проходятъ въ часъ ночной.

* *
*

Во блескѣ звѣздъ тѣнь ночи золотилась,
Все небо было тихо и свѣтло;
Но сердце смутнымъ ожиданьемъ билось,
И жаждой грудь пылающую жгло.

* *
*

И видѣлъ я, одна вслѣдъ за другою
Онѣ въ лѣсу прошли отъ тихихъ водъ;
Ихъ лица были блѣдны подъ луною,
И въ полный голосъ пѣлъ ихъ хороводъ.

* *
*

Ихъ свѣтлый гимнъ, какъ ихъ душа живая,
Изъ мрака къ небу звѣздному всходилъ;
И этотъ ропотъ женскій, услаждая
Мнѣ сердце, духъ мой алчущій палилъ.

* *
*

Ночь на-пролетъ, пока лишь въ отдаленьи
Мерцалъ послѣдней зорькой небосводъ,
Какъ призраки въ роскошномъ сновидѣньи,
Все шелъ и пѣлъ богинь тѣхъ хороводъ.

* *
*

И, молчаливъ, тоской снѣдаемъ бурной,
Все думалъ я: изъ бѣлокурыхъ фей—
Которая, склонясь завѣтной урной
Къ моимъ устамъ, мнѣ тихо скажетъ: пей!?

IV.

И въ тотъ желанный мигъ, когда въ безбрежной
И блѣдной выси сумракъ утопалъ
Въ мерцаніи разсвѣта, голосъ нѣжный
Раздался вдругъ, и я затрепеталъ.

* *
*

Услышалъ я рѣчь женщины прекрасной;
Казалось, рѣчь та съ высоты неслась.
Я ей внималъ, любовь волною страстной
Въ моей душѣ опять лилась, лилась!

* *
*

Былыхъ скорбей умчалась вереница,
Какъ тяжкій сонъ, и пробудился я...
Со мной была она, моя царица,
Влюбленная красавица моя!

* *
*

О, пойте, пташки,—страсть пылаетъ снова;
О, пойте, пойте! пѣть хочу я самъ...
Вы, ласточки, у зеркала рѣчнòва,
Вы, зяблики, по хлѣбнымъ зеленямъ!

* *
*

Она съ зарей пришла неторопливо,
Съ той стороны, гдѣ такъ Востокъ пылалъ;
Ея прихода я нетерпѣливо,
Всю ночь, всю ночь, такъ страстно ожидалъ...

***

О, пойте, пташки! пламень жизни бурный
Мнѣ жаркимъ солнцемъ залилъ сердце вновь...
О, пойте, пойте! я изъ сладкой урны
Моей богини жадно пью любовь!

1858 г.

Ерунда по отдѣлу весеннихъ радостей.

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ—
Разсказать, что тьма пропала,
Что въ журналахъ, вслѣдъ за Фетомъ,
Жизнь вездѣ затрепетала...
Міръ печати вновь проснулся,
Весь проснулся, книгой каждой,
Каждый славой встрепенулся
И доходовъ полонъ жаждой!
На дубу, соснѣ, на вербѣ ль,
Всюду стонъ весенній бродитъ:
Перевелъ Шевченка Гербель,
Мей евреевъ переводитъ...
Братство—честь родимыхъ краевъ!
Вновь поютъ, о, брегъ невскій,
Про Краевскаго Панаевъ,
Про Панаева Краевскій!
Тѣ *кузѣны* злой судьбою
(Короли такъ встарь звалися!)
Жить подъ кровлею одною
И ругаться поклялися...
Распря ихъ, съ былою страстью,
Обѣщаетъ вспыхнуть снова,
Насолить другъ друга счастью
И подписчикамъ готова!
Вслѣдъ за ними, сонмъ журнальный
Вѣрно также не отстанетъ,
И филиппикой скандальной
Въ Туръ Катковъ съ Кампаньей грянетъ...
Слышу всюду, вижу всюду,
Раздраженья духомъ вѣетъ...

И кого, не знаю, буду
Самъ ругать, а брань ужъ зрѣетъ!

1861 г.

Стансы къ Сорокину.

(По поводу ареста Миреса въ Парижѣ.)

Откуда сіе мнѣ, Сорокинъ-Зевесъ,
Все зрится Миресъ мнѣ, Миресъ и Миресъ,
И дни его бѣдствія злые?..
Засну ли я, Ротшильдъ въ глазахъ предо мной,
Проснуся, Перейра, кредитъ подвижной,
И Римъ, и капутъ Византіи!..

* * *

Сидитъ налегкѣ онъ въ Мазаской тюрьмѣ,
Галеры, и клейма, и цѣпь на умѣ...
Долой ужъ князья Полиньяки!
А ты, о Сорокинъ, тебѣ кто палачъ?
Сотрудникъ ли *Норда*, московскій богачъ,
Иль Ицка, иль самъ Дмитрандаки?

* * *

Уймись! Твои семьдесятъ сгинутъ домовъ,
И самъ, какъ Миресъ, ты падешь отъ враговъ!
Смотри, за тобой ужъ отряженъ—
Отъ «Искры» чиновникъ... Ты взять за грѣхи
И, прямо отъ трапезы, въ эти стихи
На цѣпь «Развлеченья» посаженъ!

* * *

Падешь, адвокаты не придутъ на зовъ,
И будешь вопить ты напрасно: О—бовъ,
О—бовъ, де-Пуле, Чернышевскій!
Всѣ клики и вопли тутъ будутъ вотще...
И развѣ поможетъ—Морни, да еще
Андрей Александрычъ Краевскій.

1861 г.

Еще непроходимая ерундища.

(Изъ книги: «Нѣтъ болѣе нравственнаго геморроя, или разоблаченіе городовъ, мѣстечекъ, селъ, лицъ, понятій и непониманій»).

Посвящается моему высокому патрону, Ивану Александровичу Чернокнижникову, и другу моему Евгенію Колмогорову.

I.

ПЛАЧЪ КОЗИХИ И РАЗГУЛЯЯ.

Ой, кабы тетка Нева да вспять побѣжала!
Кабы можно, братцы, начать жить сначала!
Ой, кабы остроуміе Байбороды измѣрить,
Кабы филантропіи Кокорева вѣрить!
Ой, кабы мы Рафаэля по Шевыреву изучили,
Да въ кафтанахъ вмѣсто кургузыхъ фраковъ ходили!
Ой, кабы Ивану Яковличу пышно поминки-то справить,
Да о немъ бы «Искру» помолчать заставить!—
Ой, кабы квасъ, а не ромъ, подносили мы ко рту,
Кабы всѣ журналы по боку да къ чорту,
Да кабы въ Москву-то патеръ Аскоченскій...
То-то пиръ насталъ бы на Руси вселенскій!

II.

ПИСАТЕЛЬНИЦѢ, МАМЗЕЛЬ ***

Знаю я, въ литературѣ
Ты, какъ въ жизни, не робка:
Я въ журналахъ вижу часто
Слѣдъ знакомый башмачка...
Правда, славу въ наше время
Гонорарій замѣнилъ.
Ты не даромъ, ты не даромъ
Избрала судьбы чернилъ!
Гонорарій отъ Записокъ,
Гонорарій отъ Пчелы,
Отъ милорда отъ Каткова
И газеты Гымалы... *)
Но боюсь я, Анна Львовна,

*) Сіе индійско-монгольское имя почтеннаго сотрудника Андрея Александровича, очевидно взятое изъ книги Зенда-Веста, по настоящему толкованію Н. И. Греча объ иностранныхъ несклоняемыхъ словахъ, не подлежало бы склоненію. Но А. Ѳ. Вельтманъ считаетъ языкъ санскритскій языкомъ, заимствованнымъ изъ Россіи, московской губерніи, коломенскаго уѣзда, что на Окѣ, посему сіе неудобь-произносимое имя Гымале нами и предано склоненію.

Какъ бы гдѣ-нибудь въ углѣ
Да тебя бъ не подкузьмили
Тѣ, что такъ тебя хвалили—
Де-Пуле и Гымале!

III.

*
* *

Чудная картина,
Какъ ты мнѣ родна!
Тотъ же все Случевскій
И мораль одна!
Нѣтъ стиховъ хорошихъ,
Нѣту и плохихъ,
Повѣстей бывалыхъ,
Критикъ молодыхъ;
Холодъ, желчь и цифры,
Пасквиль—что ни листъ,
Да «Свистка» надъ ухомъ,
Точно зубъ со свистомъ—
Добчинскаго свистъ... *).

1861 г.

Къ N. N.

(Изъ письма въ Петербургъ.)

Гдѣ, скажи, средь этихъ свистовъ
И средь сихъ журнальныхъ вѣтровъ,
Критикъ Очкина Басистовъ
И Григорій Благосвѣтловъ?
Стихъ ли гласъ ихъ мольно-дурный,
Иль они по новой части,
И ихъ пѣсни нынче—урны
Съ пепломъ юности и страсти?..

1861 г.

---

*) *Примѣчаніе автора:*

Списокъ субскрибентамъ
Тиснуть ли опять?—
Это оппонентамъ
Хорошо бъ узнать...
Или холодъ свѣта
Съ больной головы—
На вопросъ крестьянскій
Сложите и вы?

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ПОЭМЫ
АДВОКАТСТВО ЖЕНЩИНЫ,

ЕВГЕНІИ САРАФАНОВОЙ.

I.

Я человѣкъ, и потому
Дѣла людскія мнѣ не чужды!
Безцѣнны сердцу моему
Всѣ наши радости и нужды.
Отвергнувъ вѣка своего
Себялюбивыя искусства,
Елеемъ слова моего
Хотѣла бъ я въ дѣла и чувства
Людей, родныхъ и близкихъ намъ,
Пролить цѣлительный бальзамъ!
Мнѣ не страшна борьба со свѣтомъ,
Я жажду на нее вступить,
Я жажду истинѣ служить—
Слезой, печалью и привѣтомъ...
Наука русская свѣжа,
Ростетъ она средь изысканій,
Какъ древле, въ горнѣ испытаній,
Росла славянская душа!
Зачѣмъ же намъ, какъ лживымъ слугамъ,
Таланты въ землю зарывать
И дѣлъ, и словъ могучимъ плугомъ
Роскошныхъ нивъ не освѣжать?
Иль Ольга вывелась межъ нами,
Иль Коростень забыли мы,

Иль старины святой дѣлами
Въ насъ не воскормлены умы?
Не мы-ль кавалеристъ-дѣвицѣ
Вручили славныхъ дѣдовъ штыкъ,
Когда къ Москвѣ, Руси столицѣ,
Пришло двунадесять языкъ?

Mesdames, mesdames! возможно-ль это!
Какая вѣтреная блажь!
Покинуть шумъ большого свѣта,
Покинуть милый ералашъ!..
Покинуть міръ, въ которомъ столько
Имѣетъ силы и бобёръ,
И протанцованная полька,
И изъ избы носимый соръ!
Покинуть Маріо счастливца,
Неисправимаго лѣнивца,
Врага фіоритуръ и гаммъ
И жертву модныхъ эпиграммъ?
Покинуть все, перчатки скинуть,
Взять мечъ, сандаліи обуть,
Забрало на чело надвинуть
И грудь колчугою стянуть!
Нѣтъ, нѣтъ, вы морщитесь, бѣжите,
Меня вы слушать не хотите;
Вамъ страшенъ женщина-трубачъ,
Какъ надъ оврагомъ бородачъ!
Не бойтесь, слушайте спокойно:
Я поведу слова пристойно
И разскажу вамъ обо всемъ,
Да и о многомъ о другомъ.—

Въ чужомъ глазу мы видимъ спицы,
Въ своемъ не видимъ и бревна.
Мы модныхъ пошлостей страницы
Читаемъ жадно издавна.
Разсказовъ сердца сокровенныхъ,
Исторій душъ обыкновенныхъ,
Когда бъ не мода, господа,
Мы не бросали бъ никогда!
«Записки Пикквикскаго Клуба»

И «Торгъ житейской суеты»—
Для насъ безжизненны и грубы,
Не любопытны и просты.
Французскихъ сказокъ и куплетовъ
Мы день и ночь тревожно ждемъ
И старыхъ англійскихъ поэтовъ
За «Мускетеровъ» отдаемъ!..

Станицкій, Юрьева, Крестовскій
Т. Ч. и, съ Сафою московской,
Сатирикъ-Лейла, всѣхъ я васъ
Прошу послушать мой разсказъ.
Грѣшна я, милыя кузины:
Во время оно безъ ума
И я ходила отъ «Полины»
И отъ волшебнаго Дюма!
И я любила погремушки,
И фельетонныя игрушки,
И я поэта «Двухъ-судебъ»
Не поняла, прости мнѣ, Фебъ!..
«Post-scriptum» этого признанья
Въ томъ состоитъ, что вы должны
Мнѣ извинить мои мечтанья,
Кокетство доброй старины,
И не всегда прямую совѣсть,
И злость, подъ мирной простотой,—
Все, чѣмъ богата эта повѣсть
И этой повѣсти герой!

II.

Романъ Романычъ самъ не знаетъ,
Чего ему недостаетъ.
Романъ Романычъ процвѣтаетъ
И припѣваючи живетъ.
Романъ Романычъ — старый хрѣнъ,
Какъ говорятъ у насъ — бывалый;
А впрочемъ, статный джентльменъ
И въ полномъ смыслѣ добрый малый.
Конечно, если бъ въ мірѣ мнѣ
Быть «добрымъ малымъ» приходилось,

Я-бъ безъ оглядки утопилась,
Какъ Кларенсъ, въ дѣдовскомъ винѣ.
Но мой герой смиренье любитъ
И жизни по пусту не губитъ!
Въ немъ все здорово, все живетъ,
Все вѣетъ чуткимъ, бойкимъ духомъ:
Такой характеръ нашъ народъ,
Какъ Гоголь свѣту выдаетъ,
Зоветъ «удачею» и «ухомъ»!..
Блеснуть онъ въ обществѣ не могъ,
Какъ дива намъ родной эпохи,
Импровизаторъ, вантрилогъ
Или танцующія блохи.
Но, чѣмъ пышнѣй цвѣтетъ цвѣтокъ,
Тѣмъ онъ скорѣй и отцвѣтаетъ:
Живетъ донынѣ Поль-де-Кокъ,
А кто «*** — а» читаетъ?..

Романъ Романычъ — человѣкъ,
Которымъ начатъ новый вѣкъ!
Въ сочельникъ, въ восемьсотомъ годѣ,
Родился онъ, какъ всѣ мы, жилъ
Безъ церемоніи, по модѣ,
Слегка шалилъ, слегка хандрилъ
И паразитомъ всюду былъ.
Носилъ онъ цѣпи байронизма,
Балладъ Жуковскаго шишакъ,
Очки и кудри гегелизма,
Браду и шармеровскій фракъ!
И вотъ онъ жаръ свой остудилъ,
Сталъ очень тихъ и очень милъ,
Сталъ заниматься откупами,
Степнымъ хозяйствомъ, векселями,
Какъ новый Крезъ разбогатѣлъ
И препочтенно растолстѣлъ.
Торгуя хлѣбомъ и дровами
И занимаясь откупами,
Онъ никогда при томъ не прочь
И ближнимъ братіямъ помочь.
Онъ на балахъ творца Ночей
Индѣйскихъ, римскихъ и японскихъ

Внимаетъ Гунглю, межъ огней
И межъ деревъ и скалъ чухонскихъ!
Онъ пляшетъ польку за хромыхъ,
Онъ за голодныхъ ѣстъ котлеты
И созерцаетъ, за слѣпыхъ,
Великолѣпныя ракеты!—
Прапращуръ нашего героя,
Когда преданія не лгутъ,
Былъ изъ воинственнаго строя
Опричниковъ, прозваньемъ Пудъ.
Онъ гнулъ рубли, ломалъ подковы,
Пилъ медъ двуштофною стопой
И, засуча рукавъ бобровый,
Крутилъ спѣсиво усъ шелковый,
Гарцуя въ станѣ подъ Москвой.
Его потомокъ отдаленный
Женился на княжнѣ Древской,
И, такъ какъ съ нею родъ княжой
Кончался, титулъ сей почтенный
Ему досталося носить,
Чтобъ имя рода сохранить...
И такъ Пудавовъ князь явился
И въ этомъ мірѣ поселился!
Сказанья древности гласятъ,
Что князь сей Савломъ прозывался,
Былъ простоватъ, вельми богатъ
И жизнью въ городѣ смущался...
Три внука Савла: внукъ Лукьянъ,
Внукъ Ѳараклей и внукъ Демьянъ—
Служили въ войскѣ. Всѣхъ скромнѣе
Быль говоритъ о Ѳараклеѣ:
«Князь Ѳараклей любилъ покой,
Любилъ покушать въ день скоромный
И умеръ тихо, подъ Коломной,
Въ своей деревнѣ родовой!»
Лукьянъ, съ женой его Ѳедорой,
Семьей и честью былъ богатъ.
За Минодорой, Митродорой
И за дородной Нимфодорой
Ему былъ посланъ сынъ Панкратъ.
Но ни Панкратъ, ни княжьи дочки

Вкусить, какъ должно, не могли
Благоутробія земли...
Ихъ жизнь была на волосочкѣ!
Панкратъ былъ оспой измождёнъ
И жизнь окончилъ отъ порухи,
А бичъ повальной золотухи
Убилъ до времени княженъ.
Печально князь Лукьянъ простился
Съ золотоглавою Москвой
И надъ рѣкою, надъ Окой,
Въ селѣ Мездрянкѣ водворился...
Но не таковъ былъ князь Демьянъ!
Младшій братъ въ семействѣ княжемъ,
Онъ былъ стрѣльцомъ лихимъ и ражимъ,
Дороденъ, честенъ и румянъ.
Царь Петръ женилъ его на нѣмкѣ,
На русокудрой иноземкѣ,
Супруговъ милостью сыскалъ
И къ нимъ въ деревню заѣзжалъ.
Въ ихъ родѣ, въ восемьсотомъ годѣ,
Романъ Романычъ былъ рожденъ,
Воспитанъ по тогдашней модѣ
И въ свѣтъ блистательно введенъ.
Замѣтимъ, всѣ его родные—
Мы для примѣра, хоть тайкомъ,
Ихъ имена здѣсь приведемъ—
Все наши славы молодыя!
Кузенъ Онѣгину, землякъ
И сватъ Адуеву, Большову
Онъ кумъ, Печорину своякъ
И братъ троюродный онъ Ноздрёву...
Ужъ не сродни ли съ нимъ и вы,
Орфеи юные Невы,
Пѣвцы, поэты и артисты
И всѣхъ газетъ фельетонисты?..
Горою онъ за васъ стоитъ,
Про ваши онъ кричитъ побѣды
И, задавая вамъ обѣды,
Васъ и поитъ, и веселитъ...
(Мои собратія писаки
Узнали, гдѣ зимуютъ раки,

И любо имъ: мои друзья,
Не басней кормятъ соловья!) —

III.

Итакъ, пожмемъ другъ другу руки,
О мой читатель дорогой!
Романъ въ стихахъ: какіе звуки,
Какъ это вѣетъ стариной!
Твоя плѣнительная младость
Опять живетъ, опять цвѣтетъ,
И къ ней былая рифма *радость*
Опять играючи идетъ!
Опять веселыхъ отступленій,
Мечтаній, доброй простоты,
И романтическихъ стремленій,
И рѣчи сердца ищешь ты...
Среди словесныхъ урагановъ,
Психологическихъ романовъ
И прозаическихъ поэмъ
Тебя измучили совсѣмъ!
Не обмани жъ своихъ стремленій,
Не обмани жъ моихъ надеждъ,
Да не падетъ поэтовъ геній
Средь апатіи и невѣждъ!
И броситъ мелочь аналитикъ,
И броситъ бредъ славянофилъ,
И разольетъ голодный критикъ
Ядъ полемическихъ чернилъ!
Романъ Романычъ... Что̀ за диво,
Что̀ за милѣйшій человѣкъ!
Съ какой прилежностью ревнивой
Его взлелѣялъ шумный вѣкъ!
Какъ я отрадно разбираю
Его любовь ко сну и чаю,
Его плѣнительную лѣнь
Въ тѣни наслѣдныхъ деревень,
И жирныя, какъ смоквы, губы,
И перламутровые зубы,
И безпримѣрный аппетитъ,
И круглый станъ, и здравый видъ!
Какъ милы мнѣ его штиблеты,

Его сапожекъ каблуки,
И шелкомъ шитые жилеты,
И на тесемочкахъ лорнеты,
И раздушенные платки!
Его кошачая походка,
Брюшко и кроткій, нѣжный взоръ,
И два умильныхъ подбородка,
И оживленный разговоръ!
И, наконецъ, его проворство,
Его открытость, непритворство,
И вкуса тонкаго примѣръ—
На среднемъ пальцѣ солитеръ!
Я сѣдовласому герою,
Винюсь, читатель, куры строю.
Что у кого изъ насъ болитъ,
Объ этомъ тотъ и говоритъ!
Герой мой старъ, герой мой блѣденъ,
Герой мой драматизмомъ бѣденъ;
Но страсть, какъ говорится, зла:
Придетъ, полюбишь и козла!

Романъ Романычъ вдовъ. Дворцомъ
Глядитъ его роскошный домъ.
Московскимъ трипомъ, зеркалами,
Сибирскимъ золотомъ, парчей,
Британской жизни простотой,
Кавказско-крымскими цвѣтами
И вкусомъ петербургскимъ онъ
Обогащенъ и наряженъ!
Медали строгія Толстого,
Картины Бруни и другихъ,
Отъ Айвазовскаго, Брюлова,
До Майкова и Соколова,
Сверкаютъ въ рамкахъ золотыхъ
Въ его покояхъ росписныхъ...
Ковры, атласныя гардины,
Отъ Тура мебель, на дверяхъ
Портьеры, въ плющѣ и цвѣтахъ,
И въ каждой комнатѣ камины...
Бильярдъ, съ гимнастикой кругомъ,
Фонтанъ, столовая безъ оконъ,

Какъ шелковичный, теплый коконъ,
Съ лѣпнымъ, пахучимъ потолкомъ
И съ полисандровымъ столомъ...
Ни шума цѣлый день, ни крика
Во всѣхъ этажахъ; въ пять часовъ
Обѣдъ со свѣчами, таковъ·
Плодъ комфортебельнаго шика,
Бытъ современныхъ мудрецовъ!
Люблю портреты я Зарянки,
Высокихъ комнатъ теплоту,
И пухъ ковровъ, и отоманки,
И камелечекъ у лежанки,
И блескъ, и всюду чистоту!
Люблю я кресла кабинета,
Рабочій столъ, рояль въ углу,
И нѣжный трепетъ полусвѣта,
И мѣхъ медвѣжій на полу...
Люблю я милую небрежность
Домашнихъ платій и рѣчей,
Работъ обдуманныхъ прилежность
И грезы пылкія ночей...
Мой идеалъ—мотивъ Шопена,
Семейный міръ мой идеалъ,
Въ часы волшебной грезы плѣна
Съ друзьями выпитый бокалъ,
Библіотека, статуэтки
Львовъ журналистики родной
И лавра славы модной вѣтки
Надъ вдохновенной головой!

IV.

Романъ Романычъ зиму любитъ
Въ столичномъ шумѣ проводить;
Романъ Романычъ деньги губитъ,
Какъ всѣ мы грѣшные! Попить
Въ кружкѣ отборной молодежи
Онъ не откажется вовѣкъ;
Какъ современный человѣкъ,
Абонированныя ложи
Во всѣхъ театрахъ каждый день
Имѣетъ онъ! Какъ духъ, какъ тѣнь,

На рысакѣ перелетаетъ
Отъ одного къ другому онъ,
Огнемъ искусства распаленъ.
Съ Вольнисъ рыдаетъ, вызываетъ
Milà (которая мила,—
Остра, жива и весела);
Віоля съ хохотомъ встрѣчаетъ,
А черезъ мигъ букетъ бросаетъ
То Прихуновой, то Перро...
Хоть слушать Гамлета старò
У насъ инымъ отважнымъ франтамъ,
Романъ Романычъ вѣренъ былъ
Театра нашего талантамъ...
Онъ отъ души превозносилъ
Игру Мартынова, глубоко
Цѣнилъ Тальмà родной Руси
И нашей будущей Плесси
Предсказывалъ удѣлъ высокой...
Дождемся ль, отъ своихъ людей,
Дождемся ль русскаго Шекспира?
Намъ тяжела сатира дѣдовъ,
Ихъ зоркій взглядъ насъ тяготитъ,
И вдохновенный Грибоѣдовъ
Покинутъ нами и забытъ!
Пустѣетъ Шаховского сцена,
Молчатъ филиппики его,
И сходитъ съ трона своего
Родная наша Мельпомена!
А между тѣмъ, что годъ, ростетъ
Водевилистовъ новыхъ счетъ,
И распѣваются куплеты,
И раскупаются билеты,
И авторъ вызванъ каждый разъ
Друзьями—свѣту на показъ!
Оно, конечно, наслажденье
Въ театръ забраться въ воскресенье
И хлопать, хлопать отъ души
На наши кровные гроши!
Но согласитесь сами, право,
Водевилистовъ нашихъ слава—
Урокъ печальный для дѣтей

Живыхъ и трезвыхъ нашихъ дней!
Въ чемъ ихъ успѣхъ? Не въ словѣ зрѣломъ
Суда житейской суетѣ,
А въ каламбурѣ устарѣломъ,
Иль въ переводной остротѣ!..
Есть три-четыре дарованья,
Ихъ цѣнитъ критика и свѣтъ;
А остальное—подражанье
Или печальный пустоцвѣтъ.
Порой невинная бездѣлка
Получитъ и иной успѣхъ...
И что же? Авторъ-скороспѣлка
Ужъ свысока глядитъ на всѣхъ!
Ужъ умъ его—депо сокровищъ,
Онъ смѣло судитъ и рядитъ
И намъ торжественно даритъ
Фалангу маленькихъ чудовищъ...
Романъ Романычъ хоронилъ
Съ другими вмѣстѣ этихъ франтовъ,
И дѣльныхъ ожидалъ талантовъ,
И русской сцены не бранилъ.
И былъ къ ея онъ пляскамъ падокъ,
Зломъ цвѣтобѣсія томимъ,
И дорогъ былъ ему, и сладокъ
Ея кофейни сѣрый дымъ.
Романъ Романычъ даже тѣни
Не признавалъ постыдной лѣни...
Онъ каждый день пѣшкомъ гулялъ
По Невскому, франтилъ, лукаво
Въ кругу красавицъ выступалъ,
Глядѣлъ налѣво и направо
И шляпу по сто разъ снималъ
Отъ Милліонной до Садовой,
И «шуттингкотъ» его бобровый,
И съ головой кабаньей трость—
Все возбуждало толки, злость
И зависть въ нашихъ денди! Грѣшенъ
Былъ старый левъ: носилъ усы
Неподражаемой красы!
Онъ, какъ ребенокъ, былъ утѣшенъ,
Какъ вслухъ роптал безусый фэшенъ.

Любилъ въ бильярдъ онъ поиграть,
Полюбоваться на мостъ новый
И въ часъ, по мостовой торцовой,
Въ коляскѣ вѣнской проскакать...
«Листокъ художественный» Тимма
Онъ не выписывалъ, затѣмъ,
Что всякій разъ, гуляя мимо
Тѣхъ оконъ, гдѣ на диво всѣмъ
Открыты русскія гравюры
И русскія каррикатуры,
Онъ могъ, копейки не платя,
Налюбоваться всѣмъ, шутя.
Болонокъ крохотныхъ, на лентахъ
Красавицъ, въ острой болтовнѣ,
По «просвѣщенной» сторонѣ
Проспекта, въ тонкихъ комплиментахъ
Онъ, жмуря глазки, восхвалялъ
И очень ловко ихъ ласкалъ...
Онъ бенефисы въ пользу Лизы
Въ цыганскихъ операхъ слѣдилъ.
Зато онъ гналъ, зато громилъ
Леве, онеры и ремизы...
И пестрый карточный мѣлокъ
(Съ лихой козы хоть шерсти клокъ)
Употреблялъ лишь въ мирныхъ счетахъ,
Въ своихъ коммерческихъ работахъ.
Романъ Романычъ забѣгалъ
Въ Пассажъ, къ Пазетти, ѣлъ тартинки,
И макароны, и сардинки,
Газеты новыя читалъ,
Курилъ душистую сигару
И, полный споровъ, полный жару,
Онъ отъ Debâts спѣшилъ домой
И утѣшалъ себя Пчелой...
Въ журналахъ толстыхъ онъ охотно
Отдѣлы смѣси пробѣгалъ,
Романы скромно опускалъ,
Спалъ надъ стихами беззаботно,
Спалъ надъ науками порой
И только съ критикой иной,
Въ журналѣ палеваго цвѣта,

Онъ фантазировать любилъ,
Да въ «Современникѣ» слѣдилъ
Творенья Новаго Поэта...

У насъ семь пятницъ на недѣлѣ!
Давно ль хвалили романтизмъ?
И что жъ? Къ нему мы охладѣли,
И романтизмъ—анахронизмъ!
Давно ль у насъ въ великой модѣ
Былъ эстетическій туманъ,
Географическій романъ
И подражанія природѣ?
И вотъ, уже невдалекѣ
Филологическая школа:
Спасаютъ насъ отъ произвола
Въ литературномъ языкѣ!
И содрогнутся наши дѣды,
И внуки насъ благословятъ,
Когда въ Россіи буквоѣды
Идеалистовъ побѣдятъ!

V.

Все зналъ Романъ Романычъ. Шашни
Литературы для него
Не укрывали ничего.
Онъ не пахалъ родимой пашни,—
Въ печальной праздности старѣлъ
И сочинять самъ не хотѣлъ.
А въ годы юные стремился
Вослѣдъ за временемъ своимъ,
Въ изданьяхъ Дельвига трудился,
И былъ цѣнимъ, и былъ любимъ.
Не вѣритъ онъ теперь надеждѣ—
Зажечь огнемъ искусства грудь,
Мечтать, страдать, любить, какъ прежде,
И славнымъ быть когда-нибудь.
И въ золотомъ своемъ пріютѣ
Онъ, улыбаясь, говоритъ:
Минута намъ принадлежитъ,
Какъ мы принадлежимъ минутѣ!..
Онъ залилъ мертвою водой

Свою придирчивую совѣсть,
Онъ окропилъ водой живой
Обычныхъ наслажденій повѣсть,
И самолетъ-коверъ сложилъ,
И отвернулся отъ искусства,
И невидимкой-шапкой чувства
Навѣкъ для творчества закрылъ!
Наука строгая когда-то
Своею областью богатой
Его на время увлекла:
Онъ бросилъ свѣтскія дѣла,
Засѣлъ за Нестора, трудился,
Въ дѣлахъ, давно минувшихъ, рылся...
Но скоро онъ созналъ отсталость
Неспеціальности своей,
И безнадежная усталость
Легла на міръ его идей.
Онъ съ горькимъ вздохомъ убѣдился,
Что ни Гизо, ни Робертъ Пиль
Съ его дендизмомъ не мирился;
Что нашихъ лѣтописей пыль
И жизнь халатная въ отставкѣ,
Шекспиръ и Сю, Ньютонъ и Гриммъ —
Мѣшались грустно передъ нимъ;
Что онъ еще на школьной лавкѣ
Энциклопедіей идей
Подрѣзалъ жизнь души своей!
Ума и мысли безграничность
Его наполнила тоской,
И погрузилася въ покой
Его порывистая личность...

Бываютъ дни, когда безъ цѣли
Мы уносились бы, какъ тѣнь;
Когда, какъ раненный олень,
Бѣжать бы вѣчно мы хотѣли!
Надежды свѣтлыя губя,
Мы ищемъ боли и страданья:
Трепещетъ въ насъ одно желанье —
Укрыться отъ самихъ себя!
Пространенъ міръ, могучи крылья...

Но нѣтъ! душа дрожитъ, какъ тать;—
Напрасны жаркія усилья:
Намъ отъ себя не убѣжать!
Не убѣжать суда преступной
И уличенной суетѣ;
Не спитъ каратель неподкупный,
Въ своей безстрашной правотѣ!
Онъ, совѣсть грозная, жестоко
Бичуетъ насъ, и мы идемъ
Не безъ друзей, не одиноко,
Своимъ обыденнымъ путемъ.
И нашъ герой—и онъ терзался
Своей недремлющей судьбой,
И онъ съ убитою душой
По міру шумному скитался,—
И онъ страдалъ, и онъ бѣжалъ,
Бѣжалъ изъ пышныхъ, свѣтскихъ залъ...
Бѣжалъ въ края родимой степи,
На океанъ зеленыхъ волнъ,
Гдѣ острова—кургановъ цѣпи,
Гдѣ утлый возъ казачій—челнъ;
Туда, туда, къ пустынной сѣни,
Въ пріютъ молитвъ и вдохновеній,
Въ забытый, тихій уголокъ—
Въ мелкопомѣстный хуторокъ!

VI.

Въ глуши степей лежитъ Ольшанка,
Подъ косогоромъ, надъ Днѣпромъ,
Въ селѣ военная стоянка,
Въ садахъ черемухъ старыхъ домъ.
Ольшанка—теплое мѣстечко
Для лицъ, ушедшихъ на покой.
Межъ камышей зеленыхъ рѣчка
Струится лентой голубой.
Подъ облаками вьется кречетъ,
И рѣютъ ласточки кругомъ,
И тополь, какъ фонтанъ, лепечетъ
Зелено-лиственнымъ столбомъ.
Прекрасенъ, чуденъ край пустыни,
Огни и пѣсни косарей,

И горизонта воздухъ синій,
И въ небѣ крики журавлей.
Сладка роскошная душистость
И нѣга лѣтнихъ вечеровъ,
Темнозеленая цвѣтистость
Въ туманѣ тонущихъ холмовъ.
Прекрасенъ бѣдный видъ деревни:
Кругомъ бурьянъ, да осокòръ,
Безъ темныхъ дебрей, башни древней
И голубыхъ наметовъ горъ...
Не поразитъ въ степи туриста
Блестящій раутъ на водахъ,
Съ игрой плѣнительнаго Листа
И съ фейерверкомъ на скалахъ,—
Руины мрачнаго аббатства,
Съ мостомъ, повисшимъ надъ рѣкой,
Съ фронтономъ рыцарскаго братства
И съ кастеляншей молодой...
Молчитъ забытая дорога,
И не летятъ изъ камышей
Ни звукъ серебрянаго рога,
Ни крики пестрыхъ егерей.
Зато въ селѣ уединенномъ,
Отъ бурь и свѣта заслоненномъ
Стѣной черешень и ракитъ,
Живѣе сердце говоритъ.
Зато подъ крышею убогой
Свѣжѣй и пламеннѣе трудъ,
И надъ пустынною дорогой
Цвѣты несмятые ростутъ..
Зато роскошной жатвы нива
Мила, какъ вѣрная жена,
И разстилается красиво
Холмовъ и пашень перспектива
У растворреннаго окна...
Сады, усыпанные макомъ,
Поля зеленаго овса,
Надъ обнаженнымъ буеракомъ
Гречихи бѣлой полоса...
Рѣка, синѣющая сталью,
Скирды пшеницы золотой,

И дождь надъ розовою далью,
И храмъ подъ бѣлою горой,
И крикъ тоскующей овсянки,
И ржанье конскихъ табуновъ,
Подъ тѣнью дремлющихъ дубовъ
Живая пѣсня поселянки...
О вы, которымъ суждено
Въ «Пальмирѣ сѣверной» судьбою
Имѣть единое окно
Передъ фабричною стѣною!
Которымъ Невскій—степь и Крымъ,
А Институтъ Лѣсной — Алупка
И за стаканомъ чаю трубка—
Благоуханій южныхъ дымъ!
Которымъ милъ языкъ чухонца,
Пловучій мостъ черезъ Неву
И на Крестовскомъ острову
Въ іюлѣ захожденье солнца!..
Скорѣй бросайте преферансъ,
Въ вагонъ, а послѣ въ дилижансъ,
Садитесь, мчитесь пышнымъ садомъ,
Степями, вольнымъ вихремъ съ градомъ,
И пріѣзжайте, сбросивъ лѣнь,
На хуторъ маленькій, подъ сѣнь
Широколиственнаго клёна,
На берегъ рѣчки голубой,
У воскрешающаго лона
Природы чистой и живой!
Я вамъ отдамъ моихъ знакомыхъ,
Отдамъ на дремлющихъ прудахъ
Свирѣль овсянки въ камышахъ
И тучи пестрыхъ насѣкомыхъ
Въ дрожащихъ воздуха струяхъ.
Я научу васъ наслаждаться,
Я научу васъ удаляться
Туда, въ безмолвный, темный садъ,
Въ ряды древесныхъ колоннадъ,
Туда, гдѣ хмель оплелъ шиповникъ,
По вѣтвямъ липъ перебѣжалъ,
Сѣдыми блондами browsingзаткалъ
Сухой, игольчатый терновникъ,

На пень сосны перескочилъ
И пень гирляндами увилъ;
Туда, гдѣ ясеней плакучихъ
Развѣсилась живая прядь,
Гдѣ между липъ и розъ пахучихъ,
Дитя, любила я гулять...
Тамъ, по запутаннымъ дорожкамъ,
Такъ любо мчаться легкимъ ножкамъ,
Срывать листочки на лету,
Глотать прохладный воздухъ жадно,
И, утомившися, отрадно
Склониться къ темному кусту!..
А эхо, звукъ поймавъ, несется
Съ холма на холмъ, лепечетъ, вьется,
И каждый надо мною листъ
И свѣжъ, и зеленъ, и душистъ.
Вездѣ весельемъ, нѣгой вѣетъ,
Звенятъ малиновки въ кустахъ,
И на землѣ, и въ небесахъ
Душа привольной птицей рѣетъ.
И вижу я родникъ въ травѣ,
Къ нему протоптана дорожка,
Какъ шелкомъ вышитая стежка
На пышномъ, пестромъ рукавѣ.
Я упадаю на колѣни,
Я пью кристальную струю,
И перепархиваютъ тѣни
Въ ней черезъ голову мою.
Но больше всѣхъ красотъ люблю я
Тотъ часъ въ селѣ, когда молчатъ
И степь, и даль, и домъ, и садъ,
И на крыльцѣ одна сижу я.
На пламя свѣчки, мимо глазъ,
Въ окно влетаютъ непрестанно
То алый яхонтъ, то алмазъ,
То пѣсня мушки златотканной...
Пустыня, глушь и сонъ кругомъ;
Сова колышетъ вѣтвь сирени;
Рѣшеткой лиственныя тѣни,
Качаясь, устилаютъ домъ...
И дремлетъ черный стволъ каштана,

И темя дальняго кургана,
Какъ будто бѣлой простыней,
Покрыто лунной полосой...
И тихо, тихо сердце бьется,
И свѣтлы помыслы души...
Читатель мой! въ степной глуши
Легко и сладостно живется!

VII.

Романъ Романычъ хладнокровно
Покинулъ свой столичный домъ;
Размежевался полюбовно
Съ сосѣдомъ, скучнымъ старикомъ.
Сперва онъ свелъ и свѣрилъ книги,
Объѣздилъ пашни и лѣса
И, отпустивши волоса,
Сложилъ тяжелыя вериги
Заботъ, ольшанскій домъ убралъ,
Завелъ коней, собачьи своры,
Театръ домашній, пѣвчихъ хоры,
И сталъ давать за баломъ балъ...
Въ азартѣ онъ съ большой дороги
Набѣгомъ бралъ степныя дроги,
Проѣзжихъ въ домъ свой залучалъ
И ихъ на славу угощалъ...
Тогда гремѣли музыканты,
Стрѣляли пушки, аксельбанты
Кружились, домъ какъ жаръ горѣлъ,
И пѣвчихъ хоръ въ саду гремѣлъ!
И онъ трубилъ, что въ мірѣ нуженъ
Для счастья: маленькій умокъ,
Свободный грошикъ, вкусный ужинъ
И приднѣпровскій хуторокъ...
Но ранъ душевныхъ не укроешь,
Упрековъ сердца не зароешь
Въ наружномъ счастьи, и близка
Неукротимая тоска!
И, опустивъ въ безсильи руки,
Не разъ бродилъ онъ межъ полей,
Глухой и острой полонъ муки,
Съ печалью тяжкою своей...

Любилъ онъ степи вольной бури!
Бывало, выйдетъ на балконъ,
А тучи мчатся по лазури,
И меркнетъ день со всѣхъ сторонъ...
Холодный вѣтеръ злобно рвется,
Дверьми и ставнями стучитъ,
И вотъ гроза шумитъ и вьется,
И вихорь по двору летитъ...
Солома, пыль, трава сухая,
Бумажки, перья, все столбомъ
Кружится, въ небо улетая.
И вотъ ударилъ первый громъ.
Сквозь тучи молнія блеснула,
И, какъ пунцовая змѣя,
На темномъ небѣ промелькнула
И въ дальней рощѣ утонула
Ея звѣздистая струя...
По сизымъ, облачнымъ волокнамъ
Ползетъ сѣдая полоса;
Забарабанилъ градъ по окнамъ,
Одѣлись дымкою лѣса...
Хвосты цыплятъ, какъ вѣеръ бальный,
Раскрылъ звѣздою вихрь нахальный.
Мужикъ выходитъ на крыльцо,
И ливень бьетъ ему въ лицо.
Дѣвчонка, съ глиняною крынкой,
Бѣжитъ, а вѣтеръ вслѣдъ за ней
Оплелъ ей голову косынкой
И не даетъ проходу ей.
А тамъ, вдали, табунъ несется,
Погонщикъ машетъ и кричитъ,
И гулъ отъ топота копытъ
У дальнихъ мельницъ отдается...
И снова дождь, и снова градъ,
И снова бури шумный адъ.
Гроза прошла. Природа блещетъ
Невыразимою красой,
На каждомъ листикѣ трепещетъ
Алмазъ росинки золотой.
Шалфей, піоны, макъ, крапива,
Рѣка, село, подъ лѣсомъ жнива,

Колодецъ, сѣренькій плетень,
И каждый кустикъ и кремень,
И каждый гвоздикъ, банка, пряжка,
Полуистлѣвшая бумажка,
Пѣтухъ, разбитое стекло—
Все смотритъ бойко и свѣтло.
Паукъ вчера оплелъ двѣ розы,
И ожерельемъ золотымъ
По паутинкамъ голубымъ
Нависли дождевыя слезы...
Душистъ и мягокъ черноземъ,
Звенитъ и рѣетъ все кругомъ...
Съ небесъ, сквозь узкое оконце,
Глядитъ заплаканное солнце,
И паръ дымится надъ землей,
И мчатся гуси за рѣкой.
Романъ Романычъ, возрождаясь
И новой жизнью наполняясь,
Глядѣлъ на будущность сквозь слезъ
У гроба падшихъ сновъ и грезъ...
Но, вспоминая скромныхъ дѣдовъ,
Дѣла ихъ мирныхъ, тихихъ дней,
Оригинальность ихъ затѣй
И колоссальность ихъ обѣдовъ.
Гостепріимство ихъ домовъ,
Домовъ въ тѣни живыхъ садовъ,
И оцѣнивъ свою ничтожность,
Ничтожность при избыткѣ силъ,—
Себѣ помочь онъ находилъ
Еще отрадную возможность...
Романъ Романычъ былъ отецъ—
Я вамъ открою наконецъ.

1853 г.

ГВАЯ-ЛЛИРЪ

или

МЕХИКАНСКІЯ НОЧИ.

Е. И. Ам—ой.

I.

Не былъ я межъ вами, Аллегани,
Чудный міръ природы и людей!
Не занесъ задумчивыхъ сказаній
Я на Русь отъ вашихъ дикарей!
Подъ шатромъ полночи темносиней,
Мѣдноцвѣтный, съ кольцами въ кудряхъ,
Мнѣ не пѣлъ печальный сынъ пустыни
О своихъ таинственныхъ отцахъ...
Но—я жду; свершится путь завѣтный!
Жадно я гляжу впередъ, впередъ...
И въ душѣ—смущенной—незамѣтно
Свѣтлый образъ Мехики встаетъ!

II.

Такъ и вы... Ни жизнь, ни сонъ ошибкой
Васъ со мной на свѣтѣ не свели;
Ни слезой, ни словомъ, ни улыбкой
Породнить они насъ не могли.
Чуждъ я вамъ,—торжественно высоко
Вашъ удѣлъ по жизни васъ ведетъ...
Но... я жду—незримо, одиноко...
Я терплю—пора моя пріидетъ!

1849 г.

Ночь первая.

«Sweet is a legacy!..»
Lord Byron. «D. Juan», IV.

I.

Затворникъ хронику кончалъ.
Въ ней авторъ такъ повѣствовалъ:
Великій богъ—Тескатлепокъ *)
Въ удѣлъ азтекскому народу
Далъ все—роскошную природу,
Богатство, славу, миръ, свободу,—
Безсмертья только дать не могъ.
Не могъ затѣмъ, что въ міръ изъ рая
Тогда бъ и дýхи всѣ сошли,
И ни о чемъ мольба святая
Не вознеслась бы отъ земли...

—

Какъ чаша счастія, полна
Красами Мехики долина **)
Порфиромъ Андъ окаймлена
Ея картинная равнина,
И купы селъ равнины той
Тѣснятся пестрою толпой.
И, какъ индійская царица,

---

*) *Тескатлепокъ* — душа и творецъ вселенной азтековъ. Безъ него человѣкъ ничто, и подъ его кровомъ весь міръ находитъ защиту и покой. Его описываютъ вѣчно-юнымъ красавцемъ. Праздникъ въ честь его былъ ежегодно 9 мая, въ день полугодія, послѣ начала новаго солнца.

**) *Столица Мехико* находилась на островѣ, посреди большого озера, которое въ свой чередъ было центромъ овальной долины Мехико (отъ богини—Мехитлы) или *Теночтитлана.*

Подъ сѣнью исполиновъ горъ,
Великолѣпная столица
Задумчивый склоняетъ взоръ
Надъ синимъ зеркаломъ озеръ...
Лучемъ вечернимъ блещутъ горы.
Давно лиловый небосклонъ
Одѣлся въ тонкіе узоры
Лучистыхъ, легкихъ волоконъ.
Чуть-чуть рисуясь, островами
Несутся тучки надъ водой,
И мчится голубь молодой,
Свистя пурпурными крылами,
Надъ тихо дремлющей землей.
На городъ палъ ночной туманъ,
Одѣлись мглой ковры саваннъ *),
Пирамидальными горами
Гнѣздятся капища боговъ,—
И ходитъ дымъ подъ облаками
Съ неугасаемыхъ костровъ...
Но вотъ надъ озеромъ, у храма,
Толпится радостный народъ:
Тамъ пѣснь звучитъ подъ громъ тамъ-тама
И вьется страстный хороводъ.

II.

Во мглѣ банановыхъ садовъ
Воздвигъ палаты Монтецума **);
Онъ жизнь ведетъ въ кругу жрецовъ,
Вдали отъ городского шума.
Кацикъ теперь не тотъ, что былъ
Когда-то прежде. Жаръ моленья
Въ немъ духъ воинственный смѣнилъ.
Умножилъ онъ жрецовъ имѣнья
И храму санъ свой посвятилъ...

Вдали молитвъ онъ—прежній. Стѣны

---

*) *Саванна*—высокая, лугообразная долина, покрытая холмами и растеніями ползучихъ *ліанъ*.

**) *Монтецума*, или, правильнѣе, *Монтеузома*—послѣдній кацикъ царь азтековъ, видѣвшій въ свое правленіе появленіе испанцевъ. Онъ значитъ по-мехикански—печальный человѣкъ. Гербъ его—орелъ, несущій въ когтяхъ дикую кошку.

Его дворцовъ въ коврахъ, цвѣтахъ;
Какъ прежде, въ тайныхъ теремахъ
Живутъ, не вѣдая измѣны,
Его подруги; также съ каждой
Онъ сердце дѣлитъ,—хоть оно
Теперь другой, сильнѣйшей жаждой,
Другою думой зажжено.

III.

Въ плащѣ, въ коралловыхъ серьгахъ,
Въ вѣнцѣ, въ запястьяхъ на ногахъ,
Покинувъ ванну золотую,
Идетъ за трапезу святую
Кацикъ. И молча, босикомъ,
Потупя взоръ, вожди сѣдые,
Держа сосуды дорогіе,
За нимъ становятся кругомъ.

И выдыхая, и глотая
Дымъ упоительной травы,
Царь задремалъ; но головы
Ко сну не клонитъ. Догорая,
И быстро пала ночи тѣнь...
Давно погасъ палящій день,
И быстро царь встаетъ, идетъ
И вѣрныхъ слугъ своихъ зоветъ.
Въ глухую полночь, въ отдаленьи,
Чертогъ пустынный засіялъ.
Туда къ жрецамъ, въ нѣмомъ волненьи,
Владыка Мехики предсталъ...

IV.

И вотъ надъ озеромъ, у храма,
Въ садахъ горятъ костры огней.
Межъ тѣмъ какъ купы дикарей,
Подъ звуки громкаго тамъ-тама,
Танцуютъ, вьются между нихъ,—
Толпы красавицъ молодыхъ
Проходятъ робкими рядами
Передъ кацикомъ и жрецами... *).

*) *Весталки ацтекскихъ храмовъ*,—изъ которыхъ избирали подругъ жертвамъ Тескатлепока,—посвящались въ этотъ санъ съ четырнадцати лѣтъ.

И въ паланкинѣ золотомъ,
Даровъ завѣтныхъ ожидая,
Сидитъ, уборами сіяя,
Роскошный юноша. Кругомъ
Его съ знаменами святыми
Вельможи гордые стоятъ,
И молча факелы предъ ними
Рабы косматые дымятъ...
Оконченъ выборъ. Раздѣляютъ
Жрецы съ царемъ ряды рабынь
И четырехъ земныхъ богинь
Красавцу-юношѣ вручаютъ.

V.

И пиръ гремитъ. Между толпой,
При звукахъ трубъ, жрецы сѣдые
Разносятъ явства дорогія.
И самъ счастливецъ молодой
Беретъ тамъ-тамъ. Онъ громко въ танецъ
Подругъ восторженный зоветъ,—
И въ ладъ играетъ и поетъ
Женоподобный мехиканецъ.
Его открытые глаза
Полны ума. До плечъ прямою
Космой спадаютъ волоса.
Смолистой, рѣдкой бородою
Обрамленъ мѣдноцвѣтный ликъ...
И нѣжный, сладостный языкъ,
И съ медленно-печальнымъ взглядомъ
Огонь души, и гордый видъ,
И станъ, не тронутый развратомъ—
Все въ немъ о жизни говоритъ,
О жизни первенцовъ земныхъ
Во цвѣтѣ силъ ихъ молодыхъ.

И льются звуки чередой...
Вотъ въ танецъ бросилась дикарка,
И свѣтъ костра окрасилъ ярко
Лицо малинче *) молодой.

---

*) *Малинче* — имя молодой дѣвицы вообще. Иногда оно употреблялось даже, какъ имя собственное. Такъ Кортеса, черезъ его туземную

Она летитъ. Вѣнокъ кассавы
Надъ ней и сохнетъ, и горитъ...
И какъ хрустятъ ея суставы,
Какъ вся трепещетъ и кипитъ!
За ней—другія. Изгибаясь
Вокругъ пѣвца, онѣ скользятъ,
И на ногахъ ихъ, ударяясь,
Запястья звонкія гремятъ...

Въ роскошной нѣгѣ, на свободѣ,
Тѣла ихъ гибки и стройны.
Вѣкъ недоступныя заботѣ,
Онѣ упруги и нѣжны.
Вся ткань ихъ кожи золотой
Сквозитъ отливомъ крови пылкой
И налилась надъ каждой жилкой,
Какъ кожа лани молодой...

VI.

Смолкаетъ пиръ. Жрецы уходятъ,
И всѣ торжественно пѣвца
Въ покои брачнаго дворца
Съ его подругами уводятъ.
Огни погасли. Тишина
Весь городъ миромъ наполняетъ,
И мягкимъ свѣтомъ обливаетъ
Изгибы озера луна...

Чуть-чуть дрожитъ въ лазури водъ
Тѣнь опрокинутая зданій,
И океанъ благоуханій
По соннымъ улицамъ встаетъ.
Ни звука жизни, все молчитъ.
Весь воздухъ нѣгою палитъ.
Во мглѣ, безмолвными тѣнями,
Чернѣютъ капища боговъ...
И только дымъ надъ ихъ главами
Шумитъ багровыми столпами
Съ неугасаемыхъ костровъ.

любимицу, прекрасную *малинче*, — всѣ звали *малинчинъ*, желая оказать ему особое уваженіе.

VII.

Но кто же онъ, пѣвецъ, въ угрюмый
Чертогъ жрецовъ вошедшій? Онъ
Не изъ семейства-ль Монтецумы
Служенью Солнца обреченъ?
Не для того-ль и роскошь эта,
Чтобъ съ нею грусть онъ загасилъ
И, въ удаленіи отъ свѣта,
Спокойно тронъ свой позабылъ?

Иль желтый моръ съ лагунъ востока
Грозить бѣдой народу сталъ,
И перстъ правдиваго пророка
Въ немъ избавленье указалъ?..

Кто онъ, что честь и поклоненье
Ему такое? Самъ кацикъ
Предъ нимъ съ вѣнцомъ своимъ поникъ
И, будто близкое паденье
Завидѣвъ царства своего,
Роднымъ богамъ черезъ него
Творитъ послѣднее моленье...

VIII.

На лонѣ дѣвственной природы
Вскормленный жизнью кочевой,
Пастухъ нагорный, сынъ свободы,
Похищенъ онъ въ семьѣ родной.
Похищенъ онъ на жертву богу
Гонцами тайными жрецовъ.
И онъ падетъ, и понемногу
Готовятъ страшную дорогу
Ему служители боговъ.

Но не въ темницѣ, подъ цѣпями,
Содержатъ плѣнника жрецы...
Во власть ему даны дворцы
Съ непроходимыми садами.
Тамъ новоизбранный кумиръ
Въ разгулѣ оргій утопаетъ...

И слѣпо смерть свою встрѣчаетъ
Красавецъ-плѣнникъ Гвая-Ллиръ *).

IX.

Блаженны падшіе для бога,—
Жрецы народу говорятъ,
И предъ лицомъ Тескатлепока
Дары кровавые дымятъ...
Въ одеждахъ розъ, въ дыму куреній,
По свѣтозарному пути
За Солнцемъ, въ звукахъ райскихъ пѣній,
Имъ предназначено идти.
Но пусть жрецы къ богамъ нѣмымъ
Народъ трепещущій сзываютъ
И рай за гибель обѣщаютъ
У плахи плѣнникамъ своимъ.
Пусть на позорищахъ кровавыхъ
Въ кичливыхъ Мехики сыновъ
Они вселяютъ съ жаждой славы
Слѣпую злобу на враговъ,—
И Монтецума одаряетъ
Ихъ за побѣды... Рай земной
Едва ль охотно покидаетъ
Для нихъ избранникъ молодой...

X.

Стрѣлой летитъ обычный годъ.
Обычной жертвы ждетъ народъ.
И вотъ она—не за горами.
И черезъ мѣсяцъ Божій міръ,
Съ его волшебными ночами,
Покинуть долженъ Гвая-Ллиръ.

До этихъ поръ въ служеньи храма,
Въ молитвахъ дни онъ проводилъ.
Но—часъ желанный наступилъ,
Широко развернулась рама
Его усладъ, и жизни богъ
Въ нѣмомъ кругу жрецовъ явился...

---

*) *Гвая-Ллиръ* — по-мехикански *слеза-ныи*, или вѣрнѣе — сладострастія.

На зовъ страстей онъ устремился
И, какъ спаленный мотылекъ,
Въ ихъ жгучей нѣгѣ закружился.

Такъ метеоръ порой летитъ
Во мглѣ, минутная комета,
И чуть примѣтной нитью свѣта
Шатеръ небесный бороздитъ.
Но вспыхнетъ снопъ его огнями,—
Вдали, внизу яснѣютъ вдругъ
Озеръ нежданный полукругъ,
Селенье, лѣсъ,—и звѣзды сами
Встрѣчаютъ робкими лучами
Каскады яркіе подругъ.

XI.

Конецъ печальный ближе сталъ;
Но плѣнникъ въ счастьи утопалъ.
Жрецы за нимъ слѣдили строже.
Чуть загорался небосводъ,
Онъ оставлялъ ночное ложе,
Кидался въ холодъ ясныхъ водъ.

Тогда не могъ онъ отогнать
Съ лица восторженной улыбки;
Его, какъ дѣвы, цѣловать
Бросалися ручныя рыбки,
И солнца лучъ, дробясь на немъ,
Не смѣлъ срывать своимъ огнемъ
Жемчужныхъ брызогъ страстной влаги
Съ его кудрей, съ груди нагой,
Со складокъ ватовой бумаги
Его тильматли *) вырѣзной...

Въ вѣнкѣ изъ перьевъ голубыхъ,
Въ серьгахъ, въ сандальяхъ золотыхъ,
Подъ тканью легкой, нѣжно-бѣлой,
Скрывалъ онъ бронзовое тѣло.
Въ тѣни тропическихъ садовъ,
Въ упругой дремля колыбели,

*) *Тильматли*—особенно изысканный и вычурный плащъ.

Подъ говоръ трепетныхъ листовъ
Онъ отдыхалъ. Вдали чернѣли
Въ бананахъ мертвые пруды.
И часто сладкія мечты
Его внезапно покидали,
Когда предъ нимъ по зыбкой стали
Зеленой лентою скользилъ
Въ кусты пугливый крокодилъ...

Порой на главной теокалли *)
Онъ шелъ въ процессіи жрецовъ,
И груды тлѣвшихъ череповъ **)
Его по лѣстницамъ встрѣчали.
Невольно плѣнникъ трепеталъ...
Но смѣло шелъ. Въ чаду моленій
Онъ въ небесахъ святыхъ внималъ
Словамъ пророческихъ видѣній...

Пожары звѣздъ, снопы кометъ,
Крестами плывшихъ надъ востокомъ,
И гулъ зловѣщихъ тучъ, и свѣтъ,
Летѣвшій палевымъ потокомъ
Надъ Оризабой снѣговымъ,
Столицѣ вдругъ заговорили
О чемъ-то страшномъ. По нѣмымъ
Дворцамъ таинственно ходили
Отъ береговъ морскихъ гонцы,
И съ дикимъ ужасомъ жрецы
Въ мольбахъ къ востоку обращались...
Но вѣчнымъ шумомъ оглашались
Чертоги плѣнника, и онъ
Былъ прежнимъ счастьемъ окруженъ.

XII.

Когда въ покоѣ окуренномъ
Съ друзьями свѣтлый Гвая-Ллиръ
Садился за вечерній пиръ,

---

*) *Теокалли*—храмъ.

**) Одни сподвижники Кортеса насчитали до ста тысячъ съ половиною жертвенныхъ череповъ въ одномъ изъ зданій главнаго храма Мехико.

Богатствомъ, вкусомъ утонченнымъ
Роскошный столъ его сіялъ.
Гостей хозяинъ одарялъ
Одеждой, золотомъ, цвѣтами,
И ароматными плодами
Столъ начинался. Между тѣмъ,
Какъ блюда рыбъ и птицъ мѣняли
Пажи гостямъ, рабыни всѣмъ
Табакко пьяный зажигали,
И жирный, пѣнный шоколадъ
Съ духами всякъ себѣ готовилъ,—
Хозяинъ въ пѣсняхъ славословилъ
Своихъ гостей, и старъ и младъ
Кружился въ пляскѣ изступленной...
Когда же пульке *) благовонный
Ихъ молвь гортанную смыкалъ,
И гость за чашей засыпалъ;
Когда, желанья распаляя,
Чернѣла полночь голубая,
И въ тучи, нѣгою полна,
Стыдливо пряталась луна:

Тогда, тогда счастливца Гвая
Громада зданій вѣковая
Скрывала въ знойной тишинѣ,
И до зари, въ тревожномъ снѣ,
Его плѣнительныхъ желаній
Искали, жаждая лобзаній,
Четыре дива красоты,
Четыре свѣтлыя звѣзды...
Тогда и смерть, и страхъ видѣній,
И цѣлый міръ онъ забывалъ
И слѣпо чашу наслажденій
Съ улыбкой дѣтской допивалъ
Въ кругу несмѣтныхъ искушеній,
Въ кругу палатъ своихъ, садовъ,
Подъ стражей зоркою жрецовъ...

---

*) *Пульке*—алойное вино, любимый напитокъ у древнихъ и новѣйшихъ обитателей Мехики.

Ночь вторая.

«Какъ не любить тебя, таинственная
ночь?»
Е. Растопчина. «Ноттурно».
«Qual maraviglia!!»
Dante. «Divina comedia».

I.

И годъ промчался... Въ полумракѣ,
Согнувши изнуренный станъ,
Сидѣлъ на трепетномъ гамакѣ,
Весь блѣдный, Гвая. Кустъ ліанъ
Надъ нимъ каскадомъ разсыпался,
И жадно, страстно онъ вдыхалъ
Ихъ пряный запахъ, улыбался,
Глаза болѣзненно смыкалъ...
Его подруга молодая,
Чуть-чуть дыша, полунагая,
Виднѣлась робко въ темнотѣ,
И на маньоковомъ листѣ
Округлый ликъ прелестной груди
Дрожалъ туманною чертой...
Такъ капля матовая ртути
Блеститъ, дрожитъ сама собой.

Дика, страстна малинче Чалла *)...
Она послѣдняя пѣвца
Съ змѣиной тонкостью жреца
Своей красой очаровала.
Небесъ любимецъ Гвая-Ллиръ
Въ рукахъ ея покинетъ міръ,
Въ рукахъ одной... И вся полна
Вакханка дикимъ упоеньемъ,—
И завтра срокъ,—и съ нетерпѣньемъ
Прощальной ночи ждетъ она.

Закинувъ на спину головку,
Ломая руки, жаркій пухъ

*) *Чалла* — имя собственное, еще означаетъ понятіе хитрости или, скорѣе, жадности падкихъ до сластолюбія, меланхолическихъ дикарокъ Мехики.

Одеждъ отбросивъ на цыновку,
Она чуть переводитъ духъ.
И вдругъ встаетъ, хватаетъ кубокъ.
Скользнувъ, разсыпалась коса...
Горятъ и сохнутъ розы губокъ...
Какъ звѣзды, вспыхнули глаза,—
И, станъ свой тонкій нагибая
Къ груди счастливца, вся пылая,
Она садится передъ нимъ
Съ своимъ сосудомъ золотымъ.

II.

«Какъ бога, Чалла любитъ брата,—
Малинче Лліру говоритъ:—
Съ тобой покинуть жизнь я рада,—
Судьба меня не устрашитъ!..
Ты проклялъ все, ты проклялъ мать.
Не содрогнувшись, ты отдать
Рѣшился годы жизни цѣлой
За нашихъ дѣвъ. И скоро три
Съ тобой завяли. Жертвѣ смѣло
Свое измученное тѣло
Теперь отдашь ты. Но—смотри:
Вотъ кубокъ; кровь змѣи гремучей
Въ его винѣ... Пріими его,
И закипитъ твой духъ могучій,
И часъ мученья твоего
Подыметъ Мехику грозою,
И грянетъ вновь войной былою
Кацикъ съ тѣснинъ уснувшихъ горъ...
Но ты молчишь?.. Боязнь, укоръ,
Тоска твой омрачили взоръ...
Ужель меня покинешь ты?
Ужель пора?»—она взываетъ.
И эхо съ темной высоты
«Пора!» печально отвѣчаетъ...

III.

Очнулся Ллиръ на эти звуки.
Откинувъ влажный шелкъ кудрей,
Съ гамака бросился онъ къ ней...
Сплелися трепетныя руки,

Снизались жадныя уста,
И вѣтви гибкаго куста
Надъ упоенною четой
Склонились нѣжной головой.

«На завтра—смерть! Но слушай, Чалла...
Разсказамъ дѣдовъ ты внимала.
Была пора, къ намъ бѣлый геній
Съ морей востока приходилъ.
Законамъ вѣры, учрежденій
Жрецовъ онъ нашихъ научилъ;
Онъ, какъ дитя, былъ тихъ, незлобенъ;
Покрытый черной пеленой,
Весь бѣлый, съ бѣлой бородой,
Межъ нашихъ горъ, богамъ подобенъ,
Ходилъ онъ, правя всей землей *).
Онъ въ нашихъ жертвахъ не нуждался:
Его законъ была любовь.
Но, говорятъ, онъ стосковался
По дальнимъ братьямъ и разстался
Съ пустынной Мехикою вновь...
Да, онъ ушелъ въ края чужіе;
Но, удаляясь, указалъ
Отцамъ востокъ и завѣщалъ,
Что скоро, вслѣдъ ему, другіе
Къ намъ духи бѣлые прійдутъ
И всѣмъ безсмертіе дадутъ
На этомъ свѣтѣ... Жизнь земную,
Какъ нашу хижину родную,
Бросать намъ, Чалла, тяжело...»

— «Но, братъ мой, солнце такъ свѣтло,
Такъ пышны звѣздныя дубравы **)
Саванны неба голубой!
Не тамъ ли, въ вѣчности святой,
Мы будемъ жить, подъ сѣнью славы,
Съ тобой, орелъ мой молодой?..

---

*) Азтекское преданіе о бѣломъ духѣ—*Кветсалькогюатлъ*.

**) *Звѣздныя дубравы, сады*—chortos ouranon, выраженіе поэта Гезихія. Его приводитъ Гумбольдтъ въ «Kosmos».

Властитель! близокъ срокъ прощанья,—
Душа моя полна огня!!...
Ты помнишь мигъ того свиданья,
И полночь ту, когда меня
Впервые жадными руками
Встрѣчалъ ты въ этой тишинѣ?..
Смотри же, снова передъ нами
Та жъ ночь, тѣ жъ звѣзды въ вышинѣ,
И будто тѣми же огнями,
Какъ мы, проникнуты онѣ...»

IV.

Нѣтъ, прочь твои объятья, прочь!
Не исцѣлить имъ сердца, Чалла...
Безумной страстью вся ты стала,—
А эта дѣвственная ночь
Такъ безмятежна, такъ высоко
Чиста и безгранична... Глубоко
Объяты сномъ гиганты горъ,
И Оризаба, храмъ двуглавый,
Дымитъ свой пламень величавый,
Свой вѣчно-тлѣющій костеръ.
Нѣмой восторгъ мечты объемлетъ,
И гимны слышатся съ небесъ,
И цѣлый міръ какъ будто дремлетъ
Подъ сѣнью дѣвственныхъ завѣсъ...

Бѣги, страдалецъ: ночь одна
Еще во власть тебѣ дана!
Скорѣй покинь свой гротъ кристальный,
Сокройся въ мракъ нѣмыхъ деревъ,
И встрѣтитъ день тебя прощальный
Въ покоѣ силъ, подъ грёзой сновъ,
На лонѣ дремлющихъ садовъ...

И быстро плѣнникъ молодой
Изъ свода темнаго выходитъ.
Онъ робкій взоръ кругомъ обводитъ
И вдругъ дрожитъ, и самъ не свой
Идетъ пустынною тропой.

Въ концѣ тропы той есть одинъ
Утесъ,—о немъ припомнилъ Гвая...
Съ него виднѣе голубая
Гряда родныхъ его долинъ.

V.

На черно-синемъ небѣ, пылью
Алмазныхъ звѣздъ окружена
Сребристо-бѣлая луна...
Въ прозрачномъ воздухѣ ванилью
И ананасомъ пахнетъ. Садъ
Въ каймѣ бамбуковыхъ оградъ
Чуть движетъ тѣнь листовъ. Фонтаны
Журчатъ въ аллеяхъ. Здѣсь и тамъ
Взвились на воздухъ по скаламъ
Широколистые бананы,
И съ тонкихъ пальмовыхъ стволовъ,
Одѣтый въ брызги свѣтляковъ,
Струится плющъ. А далѣ—мгла
Чернѣй вороньяго крыла...
Въ прохладѣ сонной тигръ свободный
Не шелохнетъ сухимъ кустомъ.
Косматый пень тройнымъ кольцомъ
Обнялъ и спитъ удавъ голодный,
И подъ серебряной росой
Сверкаетъ желтой чешуей.

Мерцанье ночи, тихій лепетъ
Фонтановъ, видъ родимыхъ горъ—
Все обаяло слухъ и взоръ
Страдальца. Жизни сладкій трепетъ
Проникъ въ больную грудь. Слеза
Въ улыбкѣ радостной блеснула,
И грёза легкая сомкнула
Его усталые глаза.
Онъ спитъ, а дымчатой волной
Надъ нимъ кружится мошекъ рой.
Со звонкихъ лозъ сальсапарелли,
Въ нѣмой тиши, со всѣхъ сторонъ
Встаютъ задумчивыя трели...
И Гвая-Ллиру снится сонъ.

VI.

Не лоно моря-океана
Колышетъ знойный ураганъ:
Предъ нимъ волнуется саванна
Коврами яркими ліанъ.
Не челноки скользятъ рядами,
Не по валамъ ихъ весла мчатъ:
То тучки вольными орлами
Надъ Кордильерами кружатъ.

Волканы; горы снѣговыя,
Онъ васъ узналъ, былой дикарь;
Онъ васъ узналъ, лѣса родные,—
Природы сынъ, природы царь.
Здѣсь съ томагаукомъ онъ скитался,
Кормилъ убогую семью;
Въ ладьѣ истерзанной пускался
На ловъ по бурному ручью...
Случалось, здѣсь, у водопада,
Склонясь въ колѣни головой,
Сидитъ онъ. Быстрая громада
Предъ нимъ жемчужной пеленой
Несется. Волны по обломамъ
Дробятся, прыгаютъ, кипятъ,
Клубами змѣй скользятъ, шипятъ,
И съ дикимъ ропотомъ и громомъ
Слетаетъ въ бездну водопадъ...
А Гвая-Ллиръ тревожной думой
Стремится вдаль, къ инымъ краямъ,—
Къ высокимъ храмамъ и дворцамъ,
Къ столицѣ пышной Монтецумы...

VII.

И видитъ онъ вигвамъ *) родной.
Но отъ дождей зимы сырой
Размытъ онъ весь. Его костеръ
Потухъ, и съ визгомъ вѣтеръ горъ
Въ немъ ходитъ ходуномъ, одинъ—
Владыка дремлющихъ долинъ.

*) *Вигвамъ*—шалашъ.

Не смята вкругъ него трава
Слѣдами легкихъ мокассинъ **).
Одна нагая голова
Торчитъ у входа на шестѣ...
И вдругъ—въ безмолвной пустотѣ
Окровавленными устами
Она замолвила: «Межъ нами
Свирѣпый голодъ пировалъ.
Кочевье мерло. Изнывалъ
И я. Но разъ, въ минуту злую,
Я матерь Гваеву больную
Отъ всѣхъ украдкой задавилъ...
И сытъ три дня, три ночи былъ!

Мои мнѣ братья отомстили:
Съ живого сняли волоса
И на̀ колъ черепъ посадили...
И воронъ вырвалъ мнѣ глаза...
Но знаю я,—враги мои
Всѣ перемерли. Разнесли
Ихъ трупы мутные ручьи.
Они засыпаны песками,
И раки синими клещами
Впились въ ихъ мертвыя уста».

И голова вокругъ шеста
Кружилась звонко... Сердце Гвая
Все изнывало. Замирая,
Въ бреду, въ слезахъ очнулся онъ...
Но мирный блескъ исхода ночи
Смежилъ испуганныя очи,—
И Ллиръ другой увидѣлъ сонъ.

VIII.

На небѣ—вечеръ. Зной пустыни
Облилъ огнями куполъ синій.
Ликуетъ городъ. Не видать
Въ немъ болѣ грѣшныхъ покаяній,
Терзаній плоти; не слыхать

**) *Мокассины*—сандаліи изъ древесины.

На перекресткахъ призываній
На гибель бури, и громовъ.
Народъ кипитъ. Толпы рабовъ
Несутъ кумиръ Тескатлепока.
Роскошный бюстъ красавца-бога,
Съ колчаномъ стрѣлъ въ рукѣ одной,
Съ зеркальнымъ вѣеромъ въ другой,
На голубомъ шару, на тронѣ,
Сіяетъ въ радужной коронѣ.

Его уносятъ въ главный храмъ,
Въ дыму кадилъ, и ставятъ тамъ
На вышинѣ, подъ сводъ пурпурный
Бумажныхъ тканей и щитовъ,
И льютъ душистый сокъ плодовъ
Предъ нимъ въ серебряныя урны.

IX.

Обрядъ открытъ. На площадь храма
Стремится радостный народъ.
Свирѣли, бубны, гулъ тамъ-тама
Повсюду слышатся. И вотъ—
Въ плащахъ изъ легкихъ перьевъ птицъ
Подходятъ воины рядами,
Сверкая мрачными цвѣтами
Отатуированныхъ лицъ.
Луки, щиты, узоръ колчана
Оплетены въ гирлянды розъ,
И развѣваются у стана
Пучки съ враговъ Тенохтитлана *)
Оскальпированныхъ волосъ.
Подъ звукъ коралловыхъ роговъ,
За ними, въ мантіяхъ богатыхъ,
Пять тысячъ избранныхъ жрецовъ
Идутъ. Въ клочкахъ сѣдинъ косматыхъ
Ихъ черный, жертвенный покровъ...

И вереницею печальной
Все выше, выше мрачный храмъ

*) *Тенохтитланъ*—другое названіе Мехики.

Они, какъ лентою спиральной,
Объемлютъ, вьются къ небесамъ.

X.

Гонцы кричатъ. Народъ толпится
Съ дарами раковинъ, плодовъ,
Металловъ, амбры и цвѣтовъ.
И вдругъ все вздрогнуло, стремится...
Вотъ онъ, вотъ плѣнникъ молодой,—
Плыветъ въ пирогѣ расписной.

Угрюмъ и дикъ, какъ жрецъ печальный,
Глядитъ на встрѣчу жертвы храмъ...
Съ его главы пирамидальной
Костры дымятся по краямъ.
Межъ нихъ овальной яшмы камень
Сверкнулъ... И вотъ сильнѣе пламень
Рванулся въ небо, затрещалъ,—
Кумиръ на тронѣ просіялъ.
Блѣднѣетъ, гаснетъ солнца кругъ.
Прощаясь съ міромъ наслажденій,
Въ послѣдній разъ среди подругъ
Идетъ пѣвецъ, въ дыму куреній,
На роковой, призывный звукъ.
Онъ рветъ съ себя цвѣты и платья,
Тамъ-тамъ онъ свой о камень бьетъ
И молча въ страшныя объятья
Холодной гибели идетъ...

XI.

Надѣты звонкія оковы.
Тѣснѣй становятся жрецы.
Всѣ ждутъ. Кациковы гонцы
Принять священный трупъ готовы.
Въ ту жъ ночь, на блюдѣ золотомъ,
Роскошно убранный цвѣтами,
Облитый саго и виномъ,
Сіять онъ будетъ за столомъ
Царя. Кровавый прахъ съ мольбами
Пожрутъ. Семь сутокъ пировать
И Бога славить будутъ гости.
А тамъ сожгутъ нагія кости,

Счастливца новаго искать
Начнуть, и новый будеть пиръ,—
И такъ исчезнеть Гвая-Ллиръ!..

Встаеть ли вихорь надъ землей,—
Летитъ онъ, все ниспровергаеть,
Несется бѣшеной рѣкой,
Утесы, долы затопляеть;
Иль теплой, страстною волной
Пахнеть и плечи дѣвъ ласкаеть...
И вдругъ исчезъ,—и лишь одинъ
Листокъ ліаны, имъ измятой,
Трепеща въ воздухѣ долинъ,
Его напомнитъ въ часъ отрады,
Средь мира новаго картинъ!

XII.

Угасъ пѣвца послѣдній день...
Средь страшныхъ кликовъ увлекають
Его на смертную ступень,
И пять жрецовъ его хватають.
Уже на камень роковой
Онъ положенъ. Уже сѣкира
Взвилась надъ грудью Гвая-Ллира.
И брызжеть кровь. И жрецъ шестой
Сквозь рану быстро запускаеть
Нагую руку, чуть дыша,
И, въ злобной радости дрожа,
Живое сердце вырываеть...
Оно трепещеть у него...
Безмолвно жрецъ его подъемлеть
Къ зарѣ угасшей,—вотъ его
Бросаетъ къ идолу... И внемлеть
Страдалецъ смутный гулъ кругомъ.
И видитъ тамъ, внизу, въ волненьи —
Толпа, въ восторгѣ неземномъ,
Повергласъ ницъ въ благоговѣньи!..

. . . .

Очнулся скорбный Гвая-Ллиръ.
Глядитъ — въ саду онъ. Небо утра

Сіяетъ сводомъ перламутра.
И тихъ, и дивенъ Божій міръ.
Облитый яркими лучами,
Боится онъ поднять глаза.
Родимой матери слезами
Чело его кропитъ роса...

Вдругъ слышитъ онъ, изъ-за кустовъ
Его зовутъ... И, замирая,
Вскочилъ, глядитъ безмолвный Гвая
Навстрѣчу жертвенныхъ гонцовъ...

Но что же это,—рой видѣній
Къ нему вернулся?—Вкругъ него
Рядъ *бѣлыхъ* воиновъ... Его
Влечетъ съ улыбкой свѣтлый геній
И вдаль указуетъ, — а тамъ
Уже не вьются къ небесамъ
Огни костровъ. Могучій храмъ
Стоитъ, молчитъ, какъ-будто внемлетъ
Сказаньямъ тайны роковой,
И тихо, тихо крестъ подъемлетъ
Надъ очарованной землей.

Ночь третья.

«An Indian girl was sitting where
«Her lover, slain in battle, slept;
«Her maiden veil, her own black hair,
«Came down o'er eyes that wept;
«And wildly, in her woodland tongne,
«This sad and simple lay che sung...»
W. C. Bryant.

— «Живя согласно съ строгою моралью,
Я никому не сдѣлалъ въ мірѣ зла!»
Н. Некрасовъ.

I.

. . . .

Промчались дни... Въ борьбѣ кровавой
Палъ исполинъ Тенохтитланъ...
И Новый-Свѣтъ покрылся славой

Хоругви гордой христіанъ.
Миръ возвращенъ. Трофеи боя
У ногъ Кортеса сложены.
И вотъ, сподвижники войны
Американскаго героя
Корабль спускаютъ въ океанъ,
Корабль, Кастильѣ посвященный,
Дарами Андовъ нагруженный,
Дарами пышныхъ поморянъ.
И часъ ударилъ. Капитанъ
Трубитъ въ Кастилію походъ...
Походъ желанный настаетъ.

—

Вечерній сумракъ. Тѣнью алой
Огней зари, сквозь свѣтъ луны,
Хребты валовъ окроплены.
Свѣжѣетъ вѣтеръ. Заплескало
Въ снастяхъ упругихъ. Налился
Широкій парусъ. Грудью твердой
Скользнулъ по вѣтру куттеръ гордой.
Надъ мачтой гибкой флагъ взвился
Фатой пурпурной. Улетѣли
Назадъ вершины береговъ,
И купы пышныхъ острововъ
По горизонту засинѣли
Предъ нимъ. Сильнѣй пошла волна.
Свѣтлѣе блѣдная луна
Зажглась. Раздвинулись широко
Саванны моря. Одиноко
Понесся куттеръ... И скалы
За нимъ кремнистыя сокрылись.
И звѣзды ярко отразились,
И серебромъ зачешуились
Зелено-сизые валы...

II.

Корабль летитъ. Толпой веселой
Испанцы праздные сидятъ
На палубѣ, и ковшъ тяжелый
Обходитъ ратниковъ. Звучатъ
Межъ ними кости роковыя...

Пылаютъ взоры игрока.
Дрожитъ коварная рука,
Теряя пёзо золотые,
Мечомъ и кровью нажитые... *)
И брань, и шумъ, и пьяный смѣхъ,—
И страсть тревожитъ алчно всѣхъ.

Вдали огней, у пушки мѣдной,
Склонясь на бортъ, въ тѣни, монахъ
Стоитъ задумчивый и блѣдный.
Въ его ввалившихся глазахъ—
Восторгъ... Онъ мысленно летитъ
Въ громадно-мертвенный Мадридъ—
Туда, за дальнія моря,
Подъ острый сводъ монастыря.
Вотъ дома онъ... Межъ братій слышно,
Что самъ король его приметъ!..
И передъ дворъ сурово-пышный
Его ведутъ. Холодный потъ
Бѣжитъ со лба его. Покорно
Азтеки робкіе за нимъ,
За грознымъ пастыремъ своимъ,
Идутъ. И робко штатъ придворный
Тѣснится вкругъ него... И онъ—
У трона гордо вознесенъ.
Обсѣчены интригамъ лапы.
Король во власть его даетъ
Весь дальній міръ... И съ буллой папы,
Подъ сѣнью кардинальской шляпы,
Владыка за море идетъ!..

III.

Игра шумнѣй... На бочкѣ винной,
Въ кругу азартномъ, капитанъ
Сидитъ—взбѣшенный... Поваръ длинный
Очистилъ рыцаря карманъ...
Ни звонкой цѣпи, ни браслета
На толстомъ нѣтъ... Едва

*) Извѣстно, что сподвижники Кортеса возвращались въ Испанію, потерявъ въ игрѣ все свое состояніе.

Позоръ стерпѣла голова,
Когда на дряблаго поэта
Литой шишакъ засѣлъ съ нея,
Съ гигантской лысины ея.
Языкъ проклятьями стрѣляетъ,
Носъ жирно-красный побѣлѣлъ,
И Донъ-Осмала присмирѣлъ...
Тоскливо мутный взоръ сверкаетъ.
Къ землѣ оплывшая рука
Скользитъ. Качнулся онъ слегка—
И рухнулся, и носомъ звонко
Запѣлъ,—и сталъ хитрить онъ тонко
Во снѣ, какъ лучше бъ осѣтить
Ему азтекскую красотку,
Что̀ тамъ внизу, свою находку
Въ тиши, до времени, сокрыть
И отъ супруги затаить.

Межъ-тѣмъ фонарь лучомъ багровымъ
Плащи и лица игроковъ
Зажегъ . . . . . Подъ покровомъ
Небесъ, надъ всплесками валовъ,
Ихъ буйный кругъ картиной чудной
Глядитъ изъ мрака... Непробудно
Храпитъ подъ пѣсни капитанъ...
Монахъ—ужъ папой. Римъ лобзаетъ
Его стопы... Припоминаетъ
Онъ о Кортесѣ... Другу санъ
Касика Мехики вручаетъ...
И улыбается себѣ,
Своей блистательной судьбѣ.

IV.

Въ подводной клѣти, въ трюмѣ знойномъ,
Межъ кладей золота, сыны
Вѣнчанныхъ Андъ загвождены...
Ярмо оковъ желѣзомъ гнойнымъ
Тѣла ихъ слабыя гнететъ
И жалитъ. Звучно-мѣрно бьетъ
Ихъ другъ о друга качкой... Слезы
Изъ глазъ изъязвленныхъ бѣгутъ...

И, съ воплемъ бѣшеной угрозы,
Они катаются, ревутъ
И кандалы свои грызутъ.

Но молчаливъ ихъ стражъ. Одинъ
Онъ образъ тихій мехиканца
Хранитъ. Космы его сѣдинъ
На бѣлый плащъ доминиканца
Спадаютъ, раннею грозой
Опепеленныя... Съ тоской
Крестомъ къ груди прижаты руки.
Немолчно-плачущіе звуки
Страдальцевъ духъ его язвятъ...
Но мысль покорна, кротокъ взглядъ;
Слегка дрожащія уста
Полны молитвъ, и весь любовью
Проникнутъ новый сынъ Христа!
Но вотъ онъ вздрогнулъ. Сердце кровью
Въ немъ залилось... Знакомый міръ
Встаетъ въ душѣ его... Тоскливо
Мятется грудь... И торопливо
На дверь онъ смотритъ, и пугливо
Чему-то внемлетъ *Гвая-Ллиръ*...

V.

Пышна каюта Донъ-Осмала.
Но передъ ней малинче Чалла,—
Въ гранадской тюникѣ своей,
Въ серьгахъ, въ азтекскихъ фермуарахъ
И въ алыхъ шелковыхъ шальварахъ,—
Великолѣпнѣй и пышнѣй!..
Побѣдъ не мало Донъ-Осмала
Въ кругу красавицъ одержалъ.
Побѣдамъ счетъ онъ потерялъ...
Но непреклонной волей Чалла
Предъ властелиномъ вознеслась
И отчимъ прахомъ поклялась—
Богамъ родимымъ вѣрной быть,
Врагамъ за вѣру отомстить...

Въ раздумьи горестномъ чуть дышитъ

Малинче. Вдругъ изъ трюма слышитъ
Стонъ раздирающій она...
И, какъ ножомъ пробуждена,
Раздувши ноздри, вся дрожа,—
И ужасаясь, и спѣша,—
Она къ тюрьмѣ подводной сходитъ
И дверь тяжелую отводитъ.

ГВАЯ-ЛЛИРЪ.

Ты здѣсь, сестра!.. Ты ль это?!

ЧАЛЛА.

Я—

Раба, защитница твоя!
Долой оковы землякамъ—
И месть желанная врагамъ
Свершится...

ГВАЯ-ЛЛИРЪ.

Небо защищаетъ
Моихъ спасителей!. Боговъ
Не тронетъ мечъ... А жизнь враговъ
Хранитъ Творецъ повелѣваетъ...

ЧАЛЛА.

Боговъ?! Нѣтъ, нѣтъ... Пришельцы злые,
Какъ всѣ мы—смертные, больные,
Не боги... Духъ коварный ихъ
Постыденъ... Звѣри вмѣстѣ съ ними
Воюютъ... Молніи за нихъ...
Они собаками своими
Азтекскихъ воиновъ травятъ,—
Они съ рабынями ихъ спятъ...
У нихъ ни маиса, ни злата
Земля не знаетъ... Ихъ страна—
Однимъ оружіемъ богата,
Одною алчностью полна.
Иди за ними!! Бѣлый демонъ
Покорство, преданность почтетъ...
Но полководствуетъ не всѣмъ онъ...
Отмщенье хищника найдетъ!

—

Сидитъ опять въ раздумьи Чалла...
Полночь. Каюту Донъ-Осмала
Наполнилъ сладострастный паръ
Индійскихъ урнъ... Мятежный жаръ
Колеблетъ Чаллы грудь... Душа
Къ былому рвется... И, дрожа,
Малинче снова къ трюму сходитъ
И роковую дверь отводитъ.

ЧАЛЛА.

Ты плачешь, братъ мой? Будь спокоенъ,
Теперь твой духъ отцовъ достоинъ...
Очнись... Смотри, съ тобою я—
Раба, любимица твоя...
Раба желаній...

ГВАЯ-ЛЛИРЪ.

Слаще муки
Всей жизни—мертвыхъ благъ твоихъ!..
Уйди!! Ужель забыть для нихъ
Мнѣ Спаса проткнутыя руки,
Его страдальческую кровь,
Его всемірную любовь
И духъ незлобивый?.. Ужели
Мнѣ чистый крестъ мой поругать
Съ тобой,—и пасть мнѣ, въ самомъ дѣлѣ?..
Скажи,—ужель твоей постели
Себя мнѣ, грѣшница, отдать?

—

Мракъ. Въ тучи прячется луна...
Грознѣй грозы вскочила Чалла.
Нѣмымъ отчаяньемъ полна,
Съ зажженнымъ факеломъ, она
Опять предъ дверью трюма стала...
И вновь идетъ, и вся кипитъ,
И, задыхаясь, говоритъ:

ЧАЛЛА.

Ты хочешь, братъ, спасаться?

ГВАЯ-ЛЛИРЪ.

Нѣтъ!

ЧАЛЛА.

Сломить врага и пиръ кровавый
Свершить надъ хищниками славы?..

ГВАЯ-ЛЛИРЪ.

Да будетъ славенъ сынъ побѣдъ!
Да месть забудутъ дѣти плѣна...
Постыдна черная измѣна,
Постыденъ рушенный завѣтъ!

ЧАЛЛА.

А, трусъ! Свершились опасенья...
Рабъ жизни—рабъ своихъ враговъ!
Но проклялъ крикъ его презрѣнья,
Проклятья родины, отцовъ!..
Бѣгутъ года... Пескомъ заноситъ
Долину Андъ... Летитъ, кричитъ
Косматый воронъ—пищи проситъ...
А кондоръ брату говоритъ:
«Гдѣ жъ мехиканцы?.. Ни въ Чолулѣ,
Ни въ битвахъ грозныхъ, ни въ горахъ,
Ни въ Тласкаланѣ, ни въ лѣсахъ
Не видно ихъ? Они заснули?
Они укрылись?»—Замолчитъ
Крылатый царь и улетитъ,
Роняя слезы, за предѣлы
Азтекскіе.—И вотъ, лежатъ
Нагія кости. Прахомъ стрѣлы
Заноситъ. Тлѣютъ и хрустятъ
Останки жизни... Зной пустыни
Заразой гонитъ воздухъ синій...
А воронъ вьется и глядитъ
На кости,—славныхъ дней потомокъ,—
И плачетъ тихо и летитъ
Съ обломка кости на обломокъ...
Прости жъ, о, родина!..»

Сказала—
И факелъ быстро полетѣлъ
На клади съ порохомъ. И Чалла
Съ свирѣпой радостью внимала,

Какъ онъ, воткнувшись, зашипѣлъ
Надъ страшной массой—и на мигъ
Потухъ... Толпа полунагихъ
Азтековъ смолкла въ ожиданьи
Удара, въ тихомъ упованьи
Творя мольбы... И скоро крикъ
Ужасный раздался изъ трюма:
— Великъ, могучъ Тескатлепокъ!
Великъ и славенъ Монтецума...
Спустилъ стрѣлу воитель-богъ!..
Спустилъ стрѣлу, стрѣла летитъ,
Огнемъ небесъ она разитъ!—
И все очнулось! Донъ-Осмала
Вскочилъ, весь блѣдный и нѣмой.
Матросы шумною толпой,
Поднявшись, замерли... Упала
На всѣхъ карательной грозой
О смерти мысль... И стихли всѣ!..
И въ ужасающей красѣ
Картиной взрыва озарились
Саванны дѣвственныхъ валовъ
И даль прозрачныхъ облаковъ,—
И грани двухъ земныхъ міровъ
Борьбою смерти огласились.

ПИРЪ У ПОЭТА КАТУЛЛА.

ПИРЪ У ПОЭТА КАТУЛЛА *).

СЦЕНЫ ИЗЪ РИМСКОЙ ЖИЗНИ ВЪ СТИХАХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Кай Валерій Катуллъ, любимый римскій поэтъ временъ Юлія Цезаря.
Лезбія, сирота, гречанка съ острова Лезбоса, воспитанная Катулломъ.
Агенобарбъ-Ромулъ-Пандора, казначей диктатора, влюбленный въ Лезбію.
Лизиппъ. грекъ, продавецъ фигъ.
Скавръ, римскій купецъ.
Главный экономъ, начальникъ рабовъ и кухни Катулла.
Симфонія, пѣвица.
Начальникъ ликторской стражи.
Первый и второй рабъ Катулла.

Хоръ пѣвицъ, ликторы и слуги.

Дѣйствіе происходитъ на загородной виллѣ, въ виду Рима, за 60 лѣтъ до Р. Хр.

Театръ представляетъ садъ, въ глубинѣ котораго, между виноградныхъ листьевъ и навѣса изъ плюща, лавровъ и акацій — декорація Рима, освѣщеннаго лучами вечерней зари. Вправо — уголъ мраморнаго портика, на террасѣ котораго стоятъ вазы съ кактусомъ, плющемъ и тысячелиственникомъ. Влѣво, у подножія остроконечной скалы, подъ вѣтвями деревъ—скамьи для возлежанія и столъ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Два раба и главный экономъ. Рабы накрываютъ столъ.

Экономъ.

Готовы ль фрукты, устрицы и вина?

---

*) Поставлена на сцену въ ноябрѣ 1852 г. въ С.-Петербургѣ на Александринскомъ театрѣ, въ бенефисъ знаменитаго Мартынова I въ роли Агенобарба - Пандоры, при участіи Каратыгина I въ роли Катулла и извѣстной пѣвицы Леоновой въ роли Симфоніи.

1-й рабъ.

Готовы.

Экономъ.

Не спѣшите за работой,
Еще свѣтло! Катуллъ пошелъ ловить
Муренъ къ Агриппѣ, да увидѣлъ въ полѣ
Албанскихъ жницъ,—забылся, легъ къ пригорку
И все глядитъ на загорѣлыхъ жницъ!
Пока ослы притащутъ по утесамъ
Гостей изъ Рима, мы накроемъ столъ
И приведемъ пѣвицъ транстеверинскихъ.

2-й рабъ.

А слышалъ ты, сосѣди говорятъ,
Что этотъ пиръ едва ли повторится?

Экономъ.

Не разсуждай! Приказано—работай,
А то, какъ разъ, вороны унесутъ
Изъ рукъ тарелки!

1-й рабъ.

Кто же званъ на ужинъ?

Экономъ.

Богатые купцы.

2-й рабъ.

А небогатымъ
Катуллъ забылъ отправить приглашенья?

Экономъ.

Эй, замолчи! По римской поговоркѣ,
Скорѣй въ гробу чихнетъ мертвецъ,
Чѣмъ скажетъ умное глупецъ.

2-й рабъ.

Ну, а каковъ сегодня будетъ ужинъ?
Насъ не пускаютъ въ кухню повара—
Останется ль и намъ перекусить
Съ тобой сегодня?

Экономъ.

Рано на зарѣ
Катуллъ свои мнѣ отдалъ приказанья:
Ступай на кухню, говоритъ, скорѣй,
Вверхъ дномъ поставь и домъ, и погреба,
Печь раскали, замучай поваренковъ
И приготовь мнѣ ужинъ повкуснѣй,
Да не простой,—диктаторскій, волшебный.
Возьми, сказалъ, завѣтный мой мѣшокъ,—
Въ немъ пауки еще не завелись
И мышь съ своимъ гнѣздомъ не поселилась,—
Все золото его снеси на торгъ,
Скупи припасовъ и найми пѣвицъ!
На ужинъ сдѣлай бѣлую похлебку
Изъ языковъ павлиньихъ и яицъ,
Въ винѣ свари тарентскую мурену,
Живую брось въ кристальный кипятокъ,
Чтобъ долѣе плескалася въ кастрюлѣ
И вмѣсто ложки свой отваръ мѣшала!
Чтобъ устрицы къ закускѣ подавались
Не наши римскія—полуживыя,
А устрицы пиценскія, такія,
Чтобъ двигались, урчали и пищали,
Какъ станемъ мы глотать ихъ, запивая
Изъ раковинъ лимонною водой!
Въ саду нарѣзать гроздій винограда,
Прозрачнаго, какъ золотой янтарь,
И нѣжнаго, какъ грезы лѣтней ночи...

1-й рабъ.

Шутникъ!

Экономъ.

Не смѣйся,—это рѣчь Катулла!
Подай, сказалъ онъ, наконецъ, всѣхъ винъ,
Безъ примѣси, какъ Римъ безсмертный, старыхъ,
Какъ горный медъ густыхъ и благовонныхъ!
Да тутъ же помѣсти застольный черепъ,
Какъ слѣдуетъ, какъ завѣщали предки,—
Чтобъ жизни пиръ не слишкомъ заносился
И вѣчно помнилъ близкій свой конецъ,

Приходъ расправы неподкупной смерти!
Готовъ ли черепъ?

2-й разъ.

Вотъ, стоитъ, на мѣстѣ...

1-й рабъ.

А много ли гостей къ Катуллу будетъ?

Экономъ.

Э, въ томъ-то, другъ, и дѣло: самъ я съ этимъ
Вопросомъ поутру къ нему подъѣхалъ,
А онъ нахмурилъ брови и замѣтилъ:
Когда-то въ часъ веселія Лукуллъ,
Гоняя повара, сказалъ съ досадой:
«Ты думаешь, что если я одинъ
Обѣдаю, такъ въ роскоши нѣтъ нужды?—
Не умничай, готовь обѣдъ на сотню;
Сегодня пиръ роскошнѣй всѣхъ пировъ.—
Лукуллъ обѣдать будетъ у Лукулла».
Тебѣ скажу я, другъ мой, то же: нынче
Катуллъ на ужинъ явится къ Катуллу,
И потому въ разсчеты не пускайся.
Да вотъ и онъ! Ступайте за цвѣтами! *(Рабы уходятъ).*

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Катуллъ и вскорѣ Лезбія.

Катуллъ (*эконому*).

Ну, что, счастливо-ль удался нашъ ужинъ?

Экономъ.

Отлично!

Катуллъ.

Позаботься жъ на досугѣ
Убрать получше блюда и вино! *(Экономъ, кланяясь, уходитъ).*

Катуллъ (*смотритъ на Римъ и на поля, тонущія въ туманѣ*).

Привѣтствую тебя въ послѣдній разъ,

Катуллова блистательная слава!
Отпировала ты свой праздникъ шумный,
Отпировала пышно и безумно!
Какъ молодость, какъ сонъ ты пронеслась...
И дней блаженства чаша золотая
Не падаетъ изъ рукъ недопитая!
Угасшій мигъ, разбитыя мечты—
Веселая, плѣнительная прихоть!
Я посвятилъ собраніе стиховъ
Богатому и пылкому ребенку,
Безусому Агриппѣ, запѣвалѣ
Всѣхъ шалуновъ, гулякъ и скомороховъ...
Агриппа мнѣ прислалъ мѣшокъ червонцевъ,
Пустилъ меня въ свой виноградный садъ,
И бросилъ я столицы шумный адъ;
Мѣшокъ на плечи и съ Лезбіей пустился
Пѣшкомъ въ дорогу пыльную, пришелъ
Въ волшебный край, въ душистый, темный садикъ
Съ фонтанами, утесами, съ толпой
Рабовъ, рабынь; подъ тѣнью плющевой
Нашелъ цвѣты и мраморную ванну!
Я высыпалъ завѣтный свой мѣшокъ,
Я сталъ искать въ душѣ своей желаній.—
Восьмнадцать дней промчалося въ довольствѣ,
Восьмнадцать упоительныхъ вѣковъ
Роскошною мечтою пролетѣли!
Въ послѣдній разъ я горсть червонцевъ бросилъ. —
Какъ стая птицъ, въ послѣдній разъ желанья
На эту горсть, порхая, опустились
И по зерну клюютъ минуты счастья...
Угаснетъ день, промчится свѣтлый пиръ,
И снова насъ суровый встрѣтитъ міръ!
Опять пойдемъ мы съ Лезбіей отсюда,
Одѣнемся въ тряпье, возьмемъ по палкѣ
И станемъ вновь блуждать по перекресткамъ,
Блуждать, мечтать, мечтать и голодать!
Темнѣй же, день, вставай, волшебный сумракъ,
И спорь съ весельемъ дорогая дружба,
Пока не пустъ заманчивый мѣшокъ!
Вчера подъ вечеръ, между темныхъ лавровъ,
Въ задумчивой прогулкѣ по скаламъ,

Склонивъ на грудь роскошную головку
И уронивъ сверкающіе локти
Вдоль туники, въ душевной лихорадкѣ,
О женихѣ далекомъ помышляя,
Моя сиротка лепетала вслухъ,
Меня въ тѣни деревъ не замѣчая:
«Нѣтъ, нѣтъ, Катуллъ, тебя я не покину,
Ты Лезбіи въ замужство не отдашь!
Клянусь душой любить тебя, какъ солнце
Въ твоихъ стихахъ душистыхъ любитъ розы,
И, если бъ самъ Юпитеръ предложилъ
Мнѣ золото Данаи за мгновенье
Моей любви, за пару поцѣлуевъ—
Я отказала бъ смѣло громовержцу!..»
Быть можетъ такъ, быть можетъ и не лгали
Невинныя уста... Какъ знать и какъ судить,
Я не могу, не смѣю вѣрить сердцу:
Мое добро я дѣлалъ безкорыстно
И не отдамся въ сладостный обманъ!
То, въ чемъ клянется женщина мужчинѣ,
Написано ребенкомъ на пескѣ
И на волнѣ написано воздушной!
Подуетъ вѣтеръ—улетитъ песокъ,
Волна волною смѣнится, и клятвы
Умчатъ съ собой роскошныя мечты,
Недолгое блаженство красоты!

(*Лезбія выходитъ изъ-за колоннъ портика*).

Лезбія.

Ты звалъ меня?

Катуллъ.

Нѣтъ, я тебя не звалъ.

Лезбія.

Такъ я уйду... (*останавливается*) Ты обо мнѣ не думалъ?

Катуллъ.

Не думалъ...

Лезбія.

Такъ о комъ же думалъ ты?

Катуллъ.

Какъ ты мила сегодня! Нарядилась
Въ отборныя и дорогія платья...

Лезбія.

Послушай! Мнѣ сосѣдка говорила,
Что въ Римѣ, возлѣ югуртинскихъ бань,
Заѣзжій галлъ или еврей, не знаю,
Составъ одинъ безцѣнный продаетъ:
Отъ этого состава голубыми
Становятся глаза у черноокихъ.

Катуллъ.

Не вѣрь сосѣдкѣ!

Лезбія.

Отчего не вѣрить?
Такая скука, право!.. Цѣлый день
Гуляешь все, да примѣряешь платья,
И въ воздухѣ такъ тихо и тепло,
Кругомъ цвѣты, фонтаны и утесы—
Одно и то же,—зеркало возьмешь—
И въ зеркалѣ все старое, какъ прежде,—
Одни и тѣ же черные глаза!
Такая скука!

Катуллъ.

Мнѣ жъ совсѣмъ не скучно!

Лезбія.

Еще бы, цѣлый день писать стихи!
И что нашелъ ты въ этихъ скучныхъ строчкахъ?

Катуллъ.

А, ты хитришь!—Не ты-ль вчера твердила
Весь день мои послѣдніе стихи?

Лезбія.

Да! да! Я буду вѣчно ихъ твердить!
На зло тебѣ ихъ продиктую вѣтру,
А тотъ разскажетъ ихъ торговкамъ римскимъ!

На зло тебѣ сороку научу
Твердить твои стихи ежеминутно...
Сорока и посланье, вотъ забавно!..
(*Катуллъ ее не слушаетъ*).
Катуллъ, поѣдешь въ Римъ... Ты измѣнишься,
Ты отъ богатства сталъ совсѣмъ иной!
Брось эту виллу, — здѣсь всего такъ много,
Такая роскошь, скука, — въ Римѣ лучше!

Катуллъ.

Эхъ, Лезбія! Не осуждай богатства,
И не тебѣ богатство осуждать!

Лезбія (*въ сторону*).

Онъ о моемъ далекомъ женихѣ
Припомнилъ, онъ меня любить не можетъ
И никогда меня любить не станетъ!
Я подросла, а между тѣмъ плѣнила
Его иная въ мірѣ красота!
Я слышала сквозь вѣтви, за стѣной,
Какъ повара съ рабами толковали
Объ ужинѣ... Онъ ждетъ къ себѣ кого-то,
Онъ ждетъ, лукавецъ, ждетъ—и я не знаю!

Катуллъ.

Ну, что же ты нахохлилась, мой милый
Воробушекъ? Садись ко мнѣ поближе
И повтори вчерашнія слова:
«Когда бы самъ Юпитеръ предложилъ
Мнѣ золото Данаи за мгновенье
Моей любви, за пару поцѣлуевъ—
Я отказала бъ смѣло громовержцу!»
Я слышалъ все, меня ты не обманешь,—
Агенобарбъ-Пандора — громовержецъ?..

Лезбія (*вспыхнувъ*).

Пандора?

Катуллъ (*въ сторону*).

Милое созданье неба!
Какъ въ ней невинность пылко негодуетъ!

Лезбія.

Пандора!.. Этотъ лысый... этотъ страшный
Толстякъ... багровый... съ рыбьими глазами...
И съ грушей вмѣсто носа... Объѣдало...
Хорошъ!.. Красавецъ!..

Катуллъ.

И, прибавь, вдовецъ,
Питающій надежды вновь жениться!

Лезбія.

А, ты смѣешься! Погоди жъ, Катуллъ!
Скажи мнѣ лучше, скоро-ль я увижу
Твою любовь, твою, Катуллъ, невѣсту?
Ты ждешь ее, вчера ты толковалъ
О ней въ саду съ пріятелемъ! Я помню,
Корнелій Непотъ весь дрожалъ, внимая,
Какъ ты ее стихомъ живописалъ!

Катуллъ *(въ сторону)*.

Ревнивица, вотъ прямо въ цѣль попала!
Я говорилъ о беотійской Сафо!

Лезбія.

Такъ ты молчишь, смѣшался; ты не даромъ
Готовилъ ужинъ нынче?.. Ну, женись,
Бери ее, красавицу-невѣсту:
Она желта, какъ старый померанецъ
Желта, навѣрно и въ гвоздичномъ маслѣ
Купается... Влюбиться въ померанецъ —
Завидный вкусъ! Торговка!

Катуллъ.

Успокойся!

Лезбія.

У Лезбіи отыщется поклонникъ!

Катуллъ.

Ужъ не Пандора-ль?

Лезбія.

Да, Катуллъ, Пандора!
Я отъ тебя скрывалась, но теперь
Ты долженъ знать: я влюблена въ Пандору!

Катуллъ.

Ты влюблена въ Пандору?

Лезбія.

Влюблена!

Катуллъ.

О, времена! о, жалкій вѣкъ! о, нравы!—
Какъ говоритъ великій Цицеронъ...

Лезбія.

Я нынче не приду къ тебѣ на ужинъ!

Катуллъ.

И кстати! ужинъ нынче холостой,
А на пирушкѣ вольной не годится
Дѣвицѣ быть: какъ разъ сорвется слово
Такое, отъ котораго завянутъ
И не твои дѣвическія уши!

Лезбія (*про себя*).

Онъ удалить меня отсюда хочетъ...
Постой же: притворюсь, что ѣду въ Римъ,
И посмотрю, кто сядетъ съ нимъ за ужинъ!
О, боги, боги!—Сердце замираетъ! (*Вслухъ*)
Я ѣду въ Римъ, Катуллъ!

Катуллъ (*не слушая ее*).

Однако, странно:
Гостей моихъ все нѣтъ, какъ нѣтъ!

Лезбія.

Катуллъ!
Я ѣду въ Римъ! Ты слышишь?

Катуллъ.

Поѣзжай!

Лезбія.

Къ Агенобарбу-Ромулу-Пандорѣ...

Катуллъ.

Къ Агенобарбу-Ромулу-Пандорѣ!

Лезбія.

Прощай, Катуллъ!

Катуллъ.

Прощай, прощай, мой другъ!
Не позабудь одѣться понаряднѣй!

Лезбія.

Не смѣйся, я съ тобою не шучу:
Я навсегда съ тобою разстаюся!

Катуллъ.

Да... навсегда!

Лезбія (*возвращаясь, сквозь слезы*).

Смотри жъ, потомъ не плачь,
Катуллъ.

Катуллъ.

Не буду плакать!

Лезбія (*въ сторону*).

Погоди же,
Влюбиться въ померанецъ! Сумасшедшій! (*Уходитъ*).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Катуллъ и вскорѣ Агенобарбъ-Пандора, Лизиппъ и Скавръ.

Катуллъ.

Прелестная, капризная шалунья!
Отправится къ какой-нибудь подругѣ,

Въ уютный домикъ, подъ живымъ ручьемъ,
Межъ кипарисовъ, розъ и гіацинтовъ,
Потолковать о грезахъ, о любви...
А дуетъ губки! Всѣ вы таковы,
Наслѣдницы лукавыя Венеры!
Капризы ваши — пропасть безъ конца,
Прикрытая душистыми цвѣтами!
И не всегда мы счастливо обходимъ
На жизненной дорогѣ эту пропасть! (*Всходитъ на скалу*).
Однако, гости наши запоздали,—
Совсѣмъ ужъ вечеръ, падаетъ роса!
(*Между деревьевъ показывается Пандора*).
Да вотъ и гость... Нѣтъ, это не изъ нашей
Семьи!.. Кто бъ это былъ? — Пандора! боги!

Пандора (*не видя его*).

Лазутчики мнѣ донесли, что здѣсь
Скрывается питомица Катулла.

Катуллъ.

Пронюхалъ волкъ, куда загнали стадо!

Пандора.

Лѣсная незабудка и репейникъ—
Какой противный красотѣ союзъ!

Катуллъ.

А самъ—красавецъ, нечего сказать!

Пандора.

Онъ, говорятъ, недурно пишетъ! Впрочемъ,
Кто нынче занятъ этой болтовней...
Я, напримѣръ, по-гречески читаю,
Но я читаю съ цѣлью, для того,
Чтобъ не забыть по-гречески,—а нашихъ
Всегда я плохо какъ-то разбираю:
Начнешь читать—все острые намеки
На злыхъ людей, — совсѣмъ рябитъ въ глазахъ.
(*Встрѣчается съ Катулломъ*).
Катуллъ!

Катуллъ.

Пандора!

Пандора.

Вотъ некстати встрѣча!

Катуллъ.

Что привело тебя въ мое жилище?

Пандора.

Я—мнѣ хотѣлось—ты не думай, впрочемъ...

Рабъ *(съ двумя другими рабами несетъ цвѣты и вина).*

Несутъ цвѣты!

Пандора *(спохватившись).*

Я... слышалъ запахъ рыбы
И захотѣлъ—рѣшился попросить
Любезнаго поэта познакомить
Меня съ его бесѣдой и столомъ. *(Про себя)*
Не дурно сказано! Нашелся славно!

Катуллъ.

Что жъ, просимъ милости!

Пандора.

Но ты, Катуллъ,
Не разсердись за эту откровенность!

Катуллъ.

О, ничего! Вѣдь нынче въ модѣ!
Нѣтъ недостатка въ дорогихъ гостяхъ:
Зовешь двоихъ, а шестерыхъ встрѣчаешь;
Всякъ за собой ведетъ на званый пиръ
Еще друзей своихъ; друзья спокойно
Ведутъ своихъ знакомыхъ и родныхъ...
Не все ль равно, ты прошенъ иль не прошенъ?

Пандора.

Благодарю достойнаго поэта! *(Про себя)*

Вотъ и успѣхъ! Я Лезбію увижу
И вдоволь съ ней теперь наговорюсь!

Катуллъ *(про себя).*

Сегодня я кормлю его охотно,
А завтра онъ накормитъ ли Катулла?
Э, будь что будетъ!

Рабъ *(стоя на скалѣ).*

Гости на дорогѣ.

Катуллъ.

И Скавръ, и тотъ пріѣхавшій купецъ?

Рабъ.

Они.

Катуллъ.

Добро пожаловать, друзья!
(Входятъ Лизиппъ и Скавръ).
Привѣтъ вамъ, гости добрые! Пандора,
Позволь тебѣ представить двухъ достойныхъ
Поклонниковъ добра и красоты!
Лизиппъ—купецъ изъ дальней Арголиды,
На кораблѣ приплывшій въ гости къ намъ,
Чтобъ сбыть у насъ непроданный товаръ
И увидать—

Лизиппъ *(перебивая его).*

И поклониться славѣ
Того, чей даръ—второе наше солнце,
Того, кого Катулломъ мы зовемъ!

Катуллъ.

Ты слишкомъ добръ!—Второй, его ты знаешь:
Тиберій Скавръ—почтенный торговецъ
Изъ Рима.

Пандора.

Да, тебя я точно знаю:
Мнѣ каждый день приносятъ отъ тебя
Баранину, индѣекъ и колбасы!

Скавръ.

Здоровье твоему желудку, добрый
Старикъ!

Пандора.

Старикъ?—Какая злая шутка!

Катуллъ.

Садитесь, гости, и да льются шумно
Веселые за пиромъ разговоры,
Какъ будемъ лить мы сладкое вино!
(Садятся за столъ.—Рабы прислуживаютъ).
Вотъ устрицы—вотъ рыба—вотъ похлебка
Изъ языковъ павлиньихъ и яицъ!
Берите, не скупитесь!—Ты же, мальчикъ,
Намъ наливай фалернскаго,—сто лѣтъ
Прошло съ тѣхъ поръ, какъ дѣды нашихъ дѣдовъ
Его въ садахъ по бочкамъ разливали!

Лизиппъ.

Похлебка—прелесть, устрицы—какъ мысли
Твоихъ созданій, такъ и льются въ душу.

Пандора *(про себя).*

Каплунъ недуренъ, видно повара
Стащили у меня!

Скавръ.

Ты—всюду геній,
Катуллъ, въ стихахъ и въ кухонномъ искусствѣ!

Катуллъ.

Берите, пейте, смѣйтесь, веселитесь,
Отъ счастья готовъ я опьянѣть.
Эй, рабъ!—Обрызгать насъ отваромъ листьевъ
Фіалокъ, мяты и душистыхъ лавровъ,
Чтобъ возбудить въ насъ аппетитъ и бодрость;
Сандаліи съ усталыхъ снять и руки
Подать умыть намъ розовой водой!
(Рабы исполняютъ его приказанія).

Скавръ.

Итакъ, Лизиппъ, чѣмъ Грецiя красивѣй
И лучше Рима?—Ты не досказалъ.

Лизиппъ.

У Грецiи плѣнительное небо,
Вся Грецiя—сады и острова!

Скавръ.

У Рима также небо голубое,
Роскошное, и вся страна—что садъ,
Въ которомъ нѣтъ безплоднаго кусточка!

Лизиппъ.

У Грецiи, какъ у вакханки чудной,
Нѣтъ грустныхъ дней, нѣтъ слезъ: она въ цвѣтахъ,
Въ сверкающемъ вѣнкѣ изъ винограда,
Поетъ, кружится, словно рѣзвый мальчикъ,
За новостью гоняется, и новость
Становится у вѣтренной закономъ;
Что на умѣ у ней, то и на дѣлѣ:
Болтливая, въ наряды влюблена,
И, скрытность презирая, щеголяетъ
Своей живой, порхающею рѣчью!

Скавръ.

Да, ваша рѣчь въ пословицу вошла!

Катуллъ *(задумчиво)*.

Хорошъ и нашъ гигантъ, суровый Римъ!
Мечъ при бедрѣ, въ рукѣ копье и знамя,
Побѣднымъ осѣненное орломъ,
Орломъ того, кто царства и народы,
Какъ свѣтлые, роскошные ручьи,
Въ родимомъ морѣ слилъ на диво свѣта!
Онъ гордо имъ надъ мiромъ потрясаетъ,
Врагамъ и злу открыто смотритъ въ очи;
У ногъ его дробятся съ воплемъ волны
Народныхъ смутъ,—онъ крѣпко держитъ руль:
Весь изъ желѣза, весь—законъ и правда,

Вознесся онъ въ суровой красотѣ
И полные любви къ отчизнѣ очи
Возводитъ смѣло къ вѣчнымъ небесамъ,
Гдѣ видитъ міръ высокаго искусства!
Не хуже васъ, идя на бой съ врагами,
Исторію побѣдъ народныхъ пишетъ
Подъ тучей стрѣлъ, а чистой красотѣ
И вдохновеннымъ геніямъ внимая,
Получше васъ еще достойный трудъ
Своихъ родныхъ талантовъ награждаетъ!

Лизиппъ.

Но красота гречанокъ... наши дѣвы...

Катуллъ.

Пустое... Римлянки—не вамъ чета:
Гречанки страстны, пылки, легковѣрны,
У грековъ есть продажныя Елены...
У римлянъ—римляне, сосѣдъ, не греки!
Въ обдуманной, холодной красотѣ,
Разумныя и гордыя, какъ слава
Оружія безстрашныхъ ихъ сыновъ,
Онѣ своей любви огонь и ласки
Однимъ мужьямъ на радость берегутъ!
И дикая аѳинская плясунья
Подъ кровлею священнаго угла
Супруги римской недостойна ленты
Сандаліи покорно развязать
На той, кто намъ кормилица и мать!

Лизиппъ.

Ну, это, другъ, ужъ много!

Катуллъ.

Нѣтъ, немного!

Лизиппъ.

Исторія...

Катуллъ.

Исторія не хуже
Красавицъ вашихъ, не краснѣя, лжетъ!

Скавръ.

Чѣмъ спорить намъ, не лучше ли, друзья...

Пандора *(утирая ротъ)*.

По-моему, ни Грецiя, ни Римъ
Не лучше: лучше ихъ обоихъ этотъ
Зажаренный съ орѣхами каплунъ!

Скавръ.

Вотъ, славно сказано! Здоровье гостя!

Лизиппъ.

Да здравствуетъ находчивый Пандора!

Пандора.

Благодарю, я правъ, я это знаю.

Катуллъ.

Въ исходѣ пиръ, а хмель еще далеко
Цвѣтами нашихъ мыслей не убралъ.
Какъ строй спартанцевъ трезвыхъ, наши чаши
Фалангою незыблемой стоятъ
И со стола веселья не скатились!
Эй, рабъ, вели къ столу моихъ пѣвицъ! (*Рабъ уходитъ*).
Я не хочу васъ плясками дарить,—
Мессинская вакханка не предстанетъ,
Танцуя изступленную осу...
Мы будемъ слушать пѣсни Ювенала
И старика Гомера сладкiй гимнъ! (*Входятъ пѣвицы*).
Ну, стройте лиры и скорѣй за пѣсни!
Да что-нибудь попроще, понѣжнѣе:
Гармонiя не терпитъ дикихъ звуковъ! (*Пѣвицы берутся за лиры*).
Нѣтъ, погодите! Я вамъ заплатилъ,
Такъ ужъ вполнѣ хозяинъ буду съ вами.
Я васъ поставлю въ группы—у террасы
И по скаламъ—вотъ такъ, чтобъ зрѣнье слуху
Завидовать не стало у гостей.
(*Устанавливаетъ ихъ группами*).
Кто между вами запѣвало?

Одна изъ пѣвицъ.

Я.

Катуллъ.

Ну, для тебя не мѣсто между хора:
Здѣсь становись и начинай смѣлѣй!

Пѣвица (*поетъ*).

Какъ рыбка надъ сонной рѣкой,
Серебристой сверкнувъ чешуей,
Пропадаетъ,
И тихо, подъ сѣнью вѣтвей.
Волна, встрепенувшись надъ ней,
Пробѣгаетъ,—
Въ моихъ омраченныхъ мечтахъ
Тѣнь подруги въ лучахъ и цвѣтахъ
Выступаетъ,
И долго, любовью дыша,
Моя молодая душа
Замираетъ!

Скавръ (*въ восторгѣ*).

Прекрасно!

Катуллъ.

Имя какъ твое, пѣвица?

Пѣвица.

Симфонія!

Катуллъ.

Всѣ кубки отъ стола
Дарю тебѣ, Симфонія, за пѣсню!

Пандора (*про себя*).

А Лезбіи все нѣтъ, какъ нѣтъ межъ нами!

Катуллъ.

Еще одну, еще такую жъ пѣсню...
Въ груди щемитъ, какъ будто жало змѣя

Вползло туда съ предчувствіемъ печальнымъ!
О счастіи влюбленныхъ намъ пропой!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Тѣ же и Лезбія.

Лезбія (*пробираясь между пѣвицъ подъ покрываломъ*).

Я пропою тебѣ такую пѣсню!

Катуллъ.

Кто ты? Зачѣмъ лицо твое закрыто?

Лезбія.

Я—бѣдная пѣвица изъ Тарента,
Прошу на хлѣбъ для бѣднаго отца
И не хочу, чтобъ люди находили
Мой голосъ хуже моего лица.

Катуллъ.

Какъ странно... голосъ будто мнѣ знакомый...
Изволь, пропой намъ,—я тебѣ плачу!

Пандора (*про себя*).

А Лезбіи все нѣтъ!

Лезбія.

Стихи Катулла!
Хоръ, повторяй за мною... Я пою!

Пѣвица (*поетъ*).

Не срывай цвѣтовъ весны:
На цвѣтахъ роятся осы;
Не влюбляйся отъ жены:
Злѣе осъ у женъ вопросы!
Ты въ цвѣты зимы вглядись,
Ихъ дыханьемъ упивайся—
И, влюбляясь, не женись,
И... женившись, не влюбляйся!

Скавръ (*съ кубкомъ*).

Да здравствуетъ прелестная пѣвица!

Катуллъ.

О, пѣсни, пѣсни, какъ вы тяжки сердцу!

Пандора (*разсѣянно*).

Скажи, Катуллъ, гдѣ Лезбія твоя?

Катуллъ (*не слушая его*).

Бываетъ время, пѣсня льется въ душу,
Какъ вѣянье весны благоуханной;
А иногда не знаешь, какъ убить
Тоски, въ душѣ напѣвомъ пробужденной!

Пандора (*перебивая его*).

Да гдѣ жъ твоя питомица, Катуллъ?

Катуллъ (*вспыхнувъ*).

Питомица?.. Тебѣ какое дѣло?

Пандора (*въ сторону*).

Ай, ай! попался!

Катуллъ.

Ты затѣялъ шашни!
Ты не ко мнѣ, ты къ Лезбіи пришелъ?

Лезбія (*въ сторону*).

Уйти скорѣй, пока огонь остынетъ,
А то еще сорветъ онъ покрывало!
(*Уходитъ; за нею удаляются пѣвицы*).

Пандора.

Я пошутилъ!

Катуллъ.

Ты пошутилъ? Слѣпой же
Ты кротъ, когда со мною споръ затѣялъ!

Пандора.

Катуллъ!..

Катуллъ.

Пять тысячъ безпощадныхъ словъ,
Пять тысячъ сатирическихъ стиховъ
Готовься встрѣтить, иль во всемъ сознайся!

Пандора.

Потише! (*Въ сторону*). Боги! онъ меня погубитъ!
На ближней виллѣ... (*Вслухъ*). Берегись, Катуллъ,
На ближней виллѣ, съ римскими друзьями,
Пируетъ въ виноградникѣ диктаторъ!

Катуллъ.

Мнѣ жаль тебя! Нѣтъ у тебя ни вѣрныхъ
Рабовъ, ни любящей подруги; войлокъ
У входа въ дверь Катулла чистоплотнѣй
Твоей кровати; мухи и сверчки
Во снѣ танцуютъ по твоимъ губамъ;
Твои пріятели отъ злости сохнутъ
И отъ боговъ надѣлены такими
Зубами, что булыжникъ римскихъ стѣнъ
Имъ ни по чемъ и мягче старой груши!

Пандора.

Катуллъ... чужіе!..

Катуллъ.

Ничего, Пандора!
Скажи мнѣ лучше, какъ твой аппетитъ
Такъ надъ тобой беретъ порою силу,
Что, запершись въ своемъ дому, на волѣ,
Для всѣхъ незримой яствой объѣдаясь,
Ты ставишь сзади вѣрнаго раба,
Чтобъ онъ тебя удерживалъ отъ лишней
Охоты—черезъ мѣру закусить
И лопнуть надъ неконченной похлебкой!
(*Пандора хочетъ говорить*).
Скажи мнѣ лучше, какъ ты воровалъ
Въ былые дни, скитаяся въ лохмотьяхъ,

У Ювенала на пиру салфетки
И золотыя ложки клалъ въ карманъ!

Лизиппъ.

Не можетъ быть!

Скавръ.

Катуллъ, навѣрно, шутитъ!

Пандора.

Конечно шутитъ, этакой проказникъ!

Катуллъ.

Такъ ежели пошло уже на то... (*Останавливается*).
Во имя шутки, наполняйте ваши
Забытыя, покинутыя чаши!

Скавръ (*съ чашею*).

Да здравствуетъ достойный нашъ хозяинъ!

Лизиппъ (*поднимая чашу*).

Здоровье музъ, во славу красоты!
Да здравствуютъ Анакреонъ и Пиндаръ,
Да здравствуютъ Вергилій и Гомеръ!

Скавръ.

Да здравствуетъ священный, мирный трудъ
Подъ маслиной, за сладкою амфорой!

Пандора (*про себя*).

Давай-ка, предложу я выпить въ честь
Диктатора,—онъ за стѣной сосѣдней
И рѣчь мою услышитъ... пригодится! (*Вслухъ*).
Вы знаете, я—главный казначей,
Храню казну диктатора...

Скавръ (*въ сторону*).

Хранишь ли?
Не то я слышалъ о тебѣ въ народѣ!

Пандора.

Меня диктаторъ другомъ называетъ,
Меня диктаторъ любитъ, награждаетъ! (*Поднимаетъ чашу*).
Да здравствуетъ властительный диктаторъ! (*Никто не отвѣчаетъ*).

Катуллъ.

Ты промахнулся... Не ходи, козелъ,
Въ чужіе огороды—ошибешься!
Катуллъ тебя къ себѣ не приглашалъ,
Ты самъ къ нему безъ совѣсти назвался:
Такъ не пеняй же, если мы тебѣ
За мирною бесѣдой не внимаемъ
И за тобой не поднимаемъ кубка
Во славу славы римскаго народа!
Не изъ твоихъ нечистыхъ устъ подобнымъ
Рѣчамъ на пирѣ нашемъ раздаваться!

Пандора (*вспыхнувъ*).

Ты—дерзкій злоязычникъ! (*Про себя.*) Погоди же,
Я отплачу за Лезбію тебѣ!

Катуллъ.

Вѣнки, друзья, на голову, вѣнки!
Шумѣть давайте, спорить, веселиться!
Я у себя вамъ не позволю пить
Исподтишка цикуты ядовитой,
Чтобъ смерти страхъ васъ больше заставлялъ
Въ послѣдній разъ на свѣтѣ напиваться!
Нѣтъ, нѣтъ, у насъ не мѣсто этой модѣ:
Мы будемъ пить на славу музъ и грацій
И нашихъ чашъ пустыми не уронимъ!
Сюда, мои прелестныя пѣвицы,
Опять за пѣсни, пѣсни и любовь!
(*Лезбія и пѣвицы.*)

Пандора (*вставая*).

Такъ ты не хочешь слушаться Пандоры,
Ты за диктатора не хочешь пить?

Терпи же самъ, а мнѣ позволь отъ сердца
Благодарить тебя за вкусный ужинъ,
За кушанья твои, вино и соль,
Которой ты свои усыпалъ блюда!
Ты накормилъ меня, Катуллъ, отлично;
Я сытъ по горло, сытъ и принесу
Тебѣ за все отъ сердца благодарность:
Я не замедлю съ дорогимъ отвѣтомъ!
Расправятся съ тобою, сорванецъ...
Къ диктатору, къ диктатору съ доносомъ,
И посмотрю я, какъ запляшешь ты
Передъ его карающимъ декретомъ!

Катуллъ.

Пандора!

Пандора (*съ улыбкой*).

И потому одинъ за всѣхъ отвѣтишь!
Законъ гласитъ: кто оскорбитъ хоть мыслью
Диктатора—повиненъ грозной казни!
Прощай, Катуллъ, благодарю за ужинъ! (*Уходитъ*).

Лизиппъ и Скавръ.

Катуллъ, что̀ сдѣлалъ ты?

Лезбія (*въ сторону*).

О, боги, боги!
Его казнитъ диктаторъ безпощадный!

Катуллъ (*беретъ чашу*).

Да здравствуетъ гармонія вселенной,
Гармонія природы и людей,
Гармонія богатства и талантовъ!
Чтобъ гордый Римъ, чтобъ всепобѣдный Римъ,
Подъ маніемъ волшебнаго жезла,
Какъ музыка торжественнаго гимна,
Какъ за душу хватающая пѣснь,
Явился въ блескѣ силъ и дивной славы,
Въ святыхъ лучахъ зиждительной державы,
Явился намъ въ могучей красотѣ...

Да здравствуетъ гармонія вселенной,
Да здравствуетъ вселенной красота!

Лизиппъ и Скавръ (*поднимая чаши*).

Да здравствуетъ гармонія и слава!

Катуллъ.

Красавицы—за лиры! Дайте мнѣ
Безумною душою позабыться!
Забыть весь міръ, забыть враговъ и слезы,
Готовыя изъ груди полной хлынуть!

Лезбія (*опуская покрывало*).

И Лезбію ты хочешь позабыть?

Катуллъ.

Какъ? Это ты—ты мнѣ такъ нѣжно пѣла?
Ты, мой цвѣтокъ, моя живая радость,
Ты пѣла мнѣ...

Лезбія.

Да, это пѣла я!

Катуллъ.

Притворщица! Да развѣ могъ тебя я
Въ безумствѣ непростительномъ забыть
Отдать твою привязанность и дружбу
За чью-нибудь мнѣ чуждую любовь?

Лезбія.

За померанецъ,—помнишь померанецъ?...

Катуллъ.

Вотъ кубокъ, пей за славу нашей славы!
(*Всѣ наливаютъ чаши.—Слышны рога*).

Лезбія.

Катуллъ! о, боги! Это часъ послѣдній
Тебѣ трубятъ!

Катуллъ (*роняетъ чашу*).

Ужели? Быть не можетъ!
(*Входитъ Пандора; за нимъ толпа ликторовъ*).

Пандора (*со свиткомъ въ рукѣ*).

Декретъ Катуллу!

Скавръ (*кидаясь къ нему*).

Негодяй!

Пандора (*торжественно*).

Диктаторъ
Изволитъ въ немъ съ Катулломъ говорить!
(*Всѣ преклоняютъ головы*).

Катуллъ (*принимая свитокъ*).

Что жъ въ немъ Катуллу диктаторъ говоритъ?

Пандора (*насмѣшливо*).

А какъ тебѣ сказать,—не знаю право:
Должно быть, въ немъ о смерти говорится!

Катуллъ.

О смерти?

Лезбія.

Боги!

Скавръ (*съ угрозою*).

Лжешь ты, негодяй!

Пандора.

Не горячитесь! Онъ выслушалъ меня
И говоритъ: садись, вотъ тутъ, Пандора,
Садись!—Онъ такъ всегда мнѣ говоритъ.
Велѣлъ подать пергаменту и спицу,
Махнулъ рукой, склонился головой,
Потомъ взглянулъ, сурово сдвинулъ брови
И сталъ писать: онъ, сколько мнѣ извѣстно,
Всегда такъ пишетъ грозныя посланья!

Катуллъ.

За что же смерть? Ужель святая правда
Оставила тебя, безсмертный Римъ?
Прощайте, гости! Пиръ еще не конченъ,
Такъ допивайте чаши безъ меня!
А я пойду—пойду туда, повыше!
Ты, Лезбія...

Лезбія.

О, боги! боги!

Катуллъ (*сквозь слезы*).

Слезы,
Мои мечты, мои надежды, грезы-
Всѣ до одной тебѣ я завѣщаю!
Не раздавай моихъ произведеній,
Пускай они со мною отлетятъ...
Какъ Индіи печальная вдовица,
Сложи ихъ всѣ въ костеръ и надо мной
Сожги его безцѣнною рукой!

Пандора (*съ досадой*).

Катуллъ!

Лезбія.

Прощай!

Катуллъ.

Прощай, моя сиротка!
Ты никогда меня не позабудешь?..

Пандора (*выходя изъ себя*).

Какая дерзость! Слышишь ли, Катуллъ,
Диктаторъ ждетъ...

Катуллъ.

Умилосердись, небо!..
Друзья, прощайте! Оба вы—поэты,
Я это знаю: вамъ передаю
Поэзіи чарующей арену!

Любите жизнь, отчизну и людей,
Не продавайте дѣвственной работы
За золото, художеству служите,
Какъ честный рабъ, какъ вдохновенный жрецъ,
И для минуты счастья не бросайте
На смѣхъ толпы поруганнаго сердца!

Пандора (*обнажая мечъ*).

Катуллъ!

Катуллъ.

Иду, готовь свою сѣкиру!

Лезбія (*падая на руки пѣвицъ*).

Прощай, мое единственное счастье!

Катуллъ (*обращаясь къ Риму, который тонетъ въ сумракѣ наступающей ночи*).

Прощай и ты, безсмертный, вѣчный городъ!
Тебѣ, какъ сынъ, я праведно служилъ!
Какъ пахарь, я прошелся съ тяжкимъ плугомъ,
Ораломъ добродѣтели священной
Избороздилъ покинутыя нивы
Твоей души и бросилъ въ эту землю
Великихъ дѣлъ святыя сѣмена!
Произрастай же, молодое племя
Гражданскихъ доблестей! Да придетъ время,
Когда въ твою плѣнительную сѣнь
Слетитъ моя тоскующая тѣнь
И, никому незримая, заплачетъ!
Высоко поднимай свои столпы
Среди слѣпой и вѣтренной толпы,
Бичуй порокъ, терзай безъ сожалѣнья
Противниковъ народной славы гидру;
На пеплѣ смутъ, волненій и тревогъ
Да возрастетъ роскошный виноградникъ—
Всѣхъ доблестей и счастія разсадникъ;
Да укрѣпится гордо правота,
Одѣнется на праздникъ красота,
И пѣснь любви и мира смѣнитъ слезы!..

Пандора (*въ бѣшенствѣ*).

Катуллъ! Я ликторамъ велю связать
Тебя,—читай!

Катуллъ.

О, добрый другъ, читаю,
Ты видишь: я гонителей прощаю! (*Читаетъ декретъ*).
Что же это? (*Протираетъ глаза*). Ха, ха, ха. Вотъ
это мило!

Пандора.

Ты шутишь? Наглость эта не у мѣста!

Катуллъ.

Да какъ же мнѣ, Пандора, не смѣяться?

Лезбія (*рыдая*).

Безжалостный, не рви такъ больно сердца!

Катуллъ.

Послушайте!

Пандора.

Читай!

Катуллъ.

Поближе станьте,
Вотъ такъ, въ кружокъ! «Посланіе Катуллу» (*Читаетъ*).

«Привѣтъ тебѣ, Катуллъ!
Въ моемъ пиру веселомъ
Тебя лишь одного
Недоставало нынче!
Ты отказался пить
Въ своемъ дому за друга:
Надѣюсь, у меня
Ты будешь пить охотно!
Пандору я тебѣ
Во власть предоставляю...
Такихъ, какъ онъ, не мало,
Катуллъ у насъ одинъ.» (*Пандора блѣднѣетъ*).

— «Не взыщи за бѣдную импровизацію. Бери всѣхъ своихъ друзей и приходи ко мнѣ, подъ сводъ душистыхъ лавровъ, окончить сладкій вечеръ съ твоимъ защитникомъ и поклонникомъ. Диктаторъ Юлій».

Пандора (*въ страшномъ ужасѣ трепещетъ и роняетъ мечъ*).

Что-жъ это значитъ?

Катуллъ.

Я глазамъ не вѣрю!

Начальникъ ликторовъ (*отдѣляясь отъ стражи*).

А это значитъ то, что ты немного
Съ своимъ доносомъ опоздалъ! Пока
Ты съ нимъ спѣшилъ, другой доносъ—почище,
Диктаторъ о тебѣ изъ Рима принялъ!
Ты, говорятъ, съ его казной дѣлился...

Пандора (*падая на колѣни*).

Катуллъ, прости, не погуби меня!

Катуллъ.

Не погубить? Теперь ты спохватился?
(*Обращается къ окружающимъ*).
Друзья, пойдемъ, диктаторъ насъ изволитъ
Къ себѣ на пиръ высокій приглашать!

Пандора (*на колѣняхъ, униженно*).

Не позабудь меня, Катуллъ, на пирѣ,—
Ты съ этихъ поръ—великій человѣкъ!
Припомни обо мнѣ въ твоемъ величьи,—
Ты по пути блистательномъ идешь!

Катуллъ.

Да, я иду не такъ, какъ ты, Пандора,
Не трепеща, не потупляя взора,
И клевета за мною не ползетъ!

Пандора (*простирая руки*).

Катуллъ, я знаю, ты врагамъ прощаешь,
Ты отъ рожденья милосердъ и добръ:
Кормилица твоя мнѣ это говорила!

Катуллъ (*съ улыбкой*).

Кормилица? Пусть такъ! Тебя диктаторъ
Во власть мнѣ отдалъ—онъ тебя проститъ!
Но ты за это у меня попляшешь...
Эй, слуги вѣрные, сюда, скорѣе!
(Рабы и повара окружаютъ его).
Клянусь вотъ этой лысиной (*опускаетъ руку на голову Пандоры):*
За службу
Я отдаю вамъ этого проныру!
Онъ угоститъ васъ долженъ всѣмъ на свѣтѣ—
Всѣмъ, чѣмъ богатъ его роскошный домъ!
Пять сутокъ отъ него не уходите, *(Пандора въ большомъ удивленіи)*
Очистите карманъ и погреба
И на привольѣ пышномъ поживите!

Лезбія (*проходя мимо Пандоры, насмѣшливо*).

Прощай, Пандора!

Пандора *(качая головою).*

Лезбія...

Катуллъ.

Подумай
О предстоящемъ пирѣ и расходахъ:
Не дешево тебѣ онъ обойдется! (*Окружающимъ*).
А мы, друзья, пойдемъ по приглашенью!
Теперь свою приподниму я лиру,
Теперь коснусь я струнъ живыхъ и миру
Въ священномъ вдохновеньи пропою
Открыто пѣснь завѣтную свою!
Друзья! Отъ сердца мы воскликнемъ:
Да здравствуетъ нашъ Цезарь — слава Рима!

(Удаляется. Пандора на колѣняхъ съ поникшей головою. Слуги и повара Катулла его окружаютъ.)

КОНЕЦЪ.

1852 г.

Оглавленіе.

XXII ТОМА.

Стихотворенія.

Крымскія стихотворенія.

